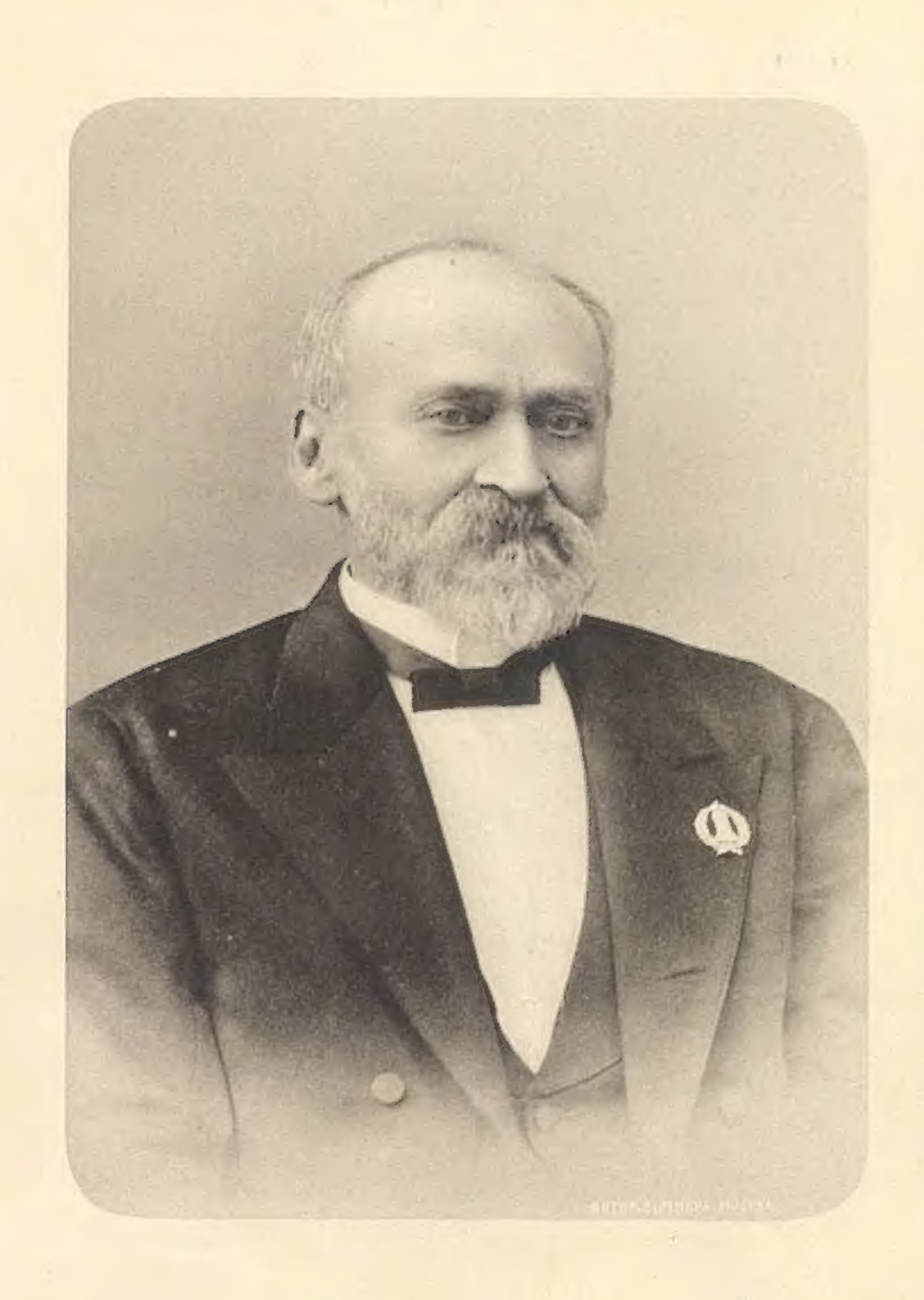
А. М. УНКОВСКІЙ.

1892 г.

Съ благотворительной цѣлью.

А. М. УНКОВСКІЙ

и

ОСВОБОЖДЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ

ИСТОРИКО-БІОГРАФИЧЕСКІЯ СПРАВКИ

Его примѣромъ укрѣпись,
Сломившійся подъ игомъ горя!

Гр. Джаншіева.

Съ двумя портретами А. М. Унковскаго, fac-simile страницы первой записки его объ освобожденіи крестьянъ и библіотечною карточкою.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ЖУРНАЛЬНЫХЪ СТАТЕЙ А. М. УНКОВСКАГО.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕРЕУЛОКЪ, Д. МАМОНТОВА.
1894

2007231485

Предисловіе.

Встрѣчаются, хотя и не часто, личности, которыя обладаютъ рѣдкимъ даромъ сразу внушать къ себѣ живую симпатію. Къ такимъ счастливымъ исключеніямъ принадлежалъ и А. М. Унковскій. Болѣе близкое знакомство съ нимъ еще болѣе увеличивало первую, такъ сказать, инстинктивную симпатію и служило, по вѣрному замѣчанію тверскаго гласнаго Ѳ. И. Родичева, источникомъ радости и счастья для знакомыхъ А. М. — Мнѣ рѣдко приходилось встрѣчать людей, общество которыхъ было-бы такъ назидательно и неотразимо привлекательно, личность которыхъ была-бы такъ обаятельна. Она васъ одновременно радовала и приподнимала, ободряла и успокоивала, утѣшала и улучшала.

Вы хорошо сознавали, что находитесь съ глазу на глазъ съ очень крупною нравственною личностью, съ однимъ изъ лучшихъ представителей породы homo sapiens, съ одною изъ крупнѣйшихъ историческихъ фигуръ минувшей великой преобразовательной эпохи, но А. М. умѣлъ держать себя такъ человѣчески просто, что вы совсѣмъ забывали и объ его историческомъ пьедесталѣ и объ окружающемъ его нравственномъ ореолѣ. Впрочемъ, слово „держать" тутъ неумѣстно. Оно какъ будто предполагаетъ нѣкоторую преднамѣренность и разсчетъ, о чемъ менѣе всего думалъ А. М. Нѣтъ, эта свѣтлая, благородная личность своимъ высокимъ умомъ, рѣдкою нравственною чистотою и чрезвычайною добротою дѣйствовала съ такою стихійною простотою и захватывающею цѣльностью, что поддаваясь ея очарованію,

трудно было въ точности анализировать элементы, производящіе столь сильное и чарующее впечатлѣніе.

Нужно-ли говорить, какъ поучительна и интересна была бесѣда съ этимъ заслуженнымъ ветераномъ былой славной богатырской эпопеи? Не легко было однако навести его на разсказы объ этой столь яркой полосѣ какъ его личной, такъ и русской общественной жизни. Частью по врожденной необыкновенной скромности, дѣлавшей для него ненавистною всякую рисовку, а тѣмъ болѣе самохвальство, частью благодаря далеко не всегда веселымъ воспоминаніямъ, которыя будила эта полная вдохновенія и отваги, но полная также и непримиримыхъ противорѣчій и чудовищныхъ нелѣпостей, эпоха пробужденія Россіи, А. М. не охотно обновлялъ въ душѣ своей навѣваемый ею infandum dolorem:

Сколько въ высь и въ ширь стремленій!
И задержекъ сколько вмѣстѣ?!...

Но когда, увлеченный роемъ живыхъ и въ общемъ все-таки радостныхъ воспоминаній объ этомъ столь богатомъ людьми и событіями бурномъ и свѣтломъ времени, А. М. оживлялся, повѣствованіе его получало удивительную прелесть и яркость. Въ необыкновенно простомъ, но полномъ жизни, юмора и мѣткихъ сближеній былаго и настоящаго, разсказѣ, сопровождаемомъ его раскатистымъ, дѣтски - чистымъ, заразительнымъ смѣхомъ и игрою живыхъ, добрыхъ, сѣрыхъ глазъ,—вставали, какъ живые, дѣла и дѣятели незабвенной героической эпохи шестидесятыхъ годовъ. Нельзя было не удивляться, слушая эти правдивые разсказы, той изумительной проницательности, той почти пророческой дальновидности, съ которою Унковскій и его единомышленники еще въ

половинѣ 50-хъ годовъ ясно угадывали ходъ и исходъ великихъ реформъ, разъ онѣ будутъ задуманы и исполнены безъ ясной программы, безъ строгой послѣдовательности, съ провозглашеніемъ великихъ принциповъ на бумагѣ и съ одновременнымъ сохраненіемъ старыхъ „свычаевъ и обычаевъ“ на дѣлѣ...

Несмотря на столько испытанныхъ лично невзгодъ, несмотря на столько разочарованій и въ лицахъ, и въ общественныхъ группахъ, А. М. сохранилъ до старости душевную бодрость, нравственную свѣжесть и чуткую отзывчивость ко всему свѣжему и доброму *).

Твердая вѣра въ идеалы, несокрушимая вѣра въ животворящую силу свободы и просвѣщенія, беззавѣтная вѣра въ воспитательное дѣйствіе свободныхъ учрежденій и въ нравственныя силы и культурныя способности русскаго народа—струилась до конца дней ея отъ этой чистой, свѣтлой, благородной личности—неизсякаемо и обильно, подобно широкой, прозрачной, многоводной рѣкѣ:

Liquidus puroque simillimus amni...

Со временемъ, когда настанутъ лучшіе дни для нашей печати, когда сдѣлаются извѣстными всѣ матеріалы исторіи

*) Не будучи избалованъ избыткомъ радостныхъ впечатлѣній отъ современности, А. М. былъ пріятно пораженъ симптомомъ нравственнаго подъема, который началъ - было сказываться въ университетской молодежи. Въ письмѣ ко мнѣ отъ 21-го февраля 1892 г. А. М. съ горячимъ сочувствіемъ описывалъ большой „вечерній чай“, устроенный 8-го февраля, въ день университетскаго праздника, петербургскими студентами, пригласившими, кромѣ Унковскаго, еще нѣсколько уважаемыхъ профессоровъ и литераторовъ.

освободительной эпохи, явится возможность обрисовать вполнѣ и образъ одного изъ главныхъ дѣятелей ея, А. М. Унковскаго. Настоящее же изданіе, представляющее лишь слабые штрихи, отрывочные наброски и собраніе историко-біографическаго матеріала, отнюдь не имѣетъ претензіи выдавать себя за такой историческій памятникъ, достойный имени Унковскаго... Въ ожиданіи сооруженія постояннаго памятника, на могилѣ усопшаго водружается обыкновенно временный простой деревянный крестъ; таковъ смыслъ и значеніе и настоящаго скромнаго труда, внушеннаго глубочайшимъ уваженіемъ къ памяти честнаго, заслуженнаго общественнаго дѣятеля и исполненнаго

благоговѣйнымъ усердіемъ

автора.

Петровскіе выс. (Звениг. у.)
7-го августа 1894.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Ты кончилъ жизни путь, герой!
Теперь твоя начнется слава—
И въ пѣсняхъ родины святой
Жить будетъ образъ величавый,
Жить будетъ мужество твое,
Освободившее ее.

Байронъ (Плещеевъ).

Только доведенная до героизма мысль можетъ породить героизмъ въ дѣйствіяхъ. Только непреклонности логики дана роковая тайна совершать чудеса.

М. Е. Салтыковъ.

Подъ сумрачнымъ небомъ закоченѣвшаго Петербурга, въ половинѣ прошлаго декабря, на Литейномъ проспектѣ, въ домѣ № 30, вблизи дома, гдѣ скончался въ 1889 г. М. Е. Салтыковъ, тихо угасалъ его единомышленникъ и старый закадычный другъ Алексѣй Михайловичъ Унковскій,—одинъ изъ славныхъ богатырей великой либеральной эпохи 60-хъ годовъ, освободившихъ Россію отъ позорнаго ига рабства.

Здоровье А. М. давно уже было надломлено; особенно сердце было слабо, что причиняло сильную одышку; нервныя потрясенія вызывали отекъ въ ногахъ. Такое потрясеніе пришлось испытать Унковскому 6-го декабря, когда онъ узналъ объ одной крупной непріятности, постигшей семью Салтыкова, и 7-го уже слегъ онъ въ постель, жалуясь на боль въ ногахъ. Присоединилась еще инфлуенца, и силы больнаго стали сильно падать, сознаніе ослабѣвать. 14-го декабря разсѣялся, въ послѣдній разъ, туманъ, застилавшій сознаніе безболѣзненно угасавшаго благороднаго ве-

терана, благодаря посѣщенію его друга и сподвижника юныхъ лѣтъ, нашего маститаго публициста А. А. Головачева. Столь не милостивая къ Унковскому вообще, судьба дала ему на сей разъ рѣдкое утѣшеніе провести послѣднія минуты сознательной жизни въ бесѣдѣ съ человѣкомъ, присутствіе котораго живо будило воспоминаніе о лучшихъ моментахъ жизни, о «прекрасныхъ дняхъ Аранхуеца», пережитыхъ съ нимъ вмѣстѣ въ концѣ 50-хъ годовъ, въ періодъ кипучей освободительной дѣятельности.

Въ ночь на 20-е декабря, въ 12 ч. 10 мин., безъ агоніи, безъ стона и вздоха тихо опочилъ Унковскій на рукахъ сына своего Владиміра, студента Военно-медицинской академіи, который не безъ труда могъ отмѣтить точный моментъ, когда перестало биться это изстрадавшееся, но чуткое къ страданіямъ ближняго любвеобильное сердце стойкаго идеалиста-гражданина, и отлетѣлъ чистый и мощный духъ его, оставивъ бездыханные останки. Тѣло было отправлено для погребенія въ родовое имѣніе Унковскихъ въ, с. Дмитрюково, Тверскаго уѣзда. Похороны отличались скромностью; присутствовали главнымъ образомъ товарищи А. М. по профессіи, петербургскіе присяжные повѣренные, принявшіе на себя издержки похоронъ.

Въ обществѣ [1]) смерть знаменитаго общественнаго дѣятеля, отважнаго бойца преобразовательной эпохи, имя котораго гре-

[1]) Единственною крупною манифестаціею было учрежденіе Тверскимъ земствомъ стипендіи имени А. М. Унковскаго, послѣ теплыхъ словъ, сказанныхъ въ засѣданіи Тверскаго губернскаго земскаго собранія 10-го Января гласнымъ Ѳ. И. Родичевымъ: «Дѣятельность А. М. Унковскаго сказалъ г. Родичевъ, имѣетъ для Тверской губ. гораздо большее значеніе, чѣмъ дѣятельность гласнаго только. Его имя для Тверской губерніи да и для всей Россіи неразрывно связано съ свѣтлою памятью освобожденія; мы гордимся этою памятью. А. М. Унковскій былъ одною изъ свѣтлыхъ личностей благородной группы работниковъ освобожденія. Многіе изъ насъ лично знали его и всѣ, конечно, будутъ хранить память этого обаятельнаго человѣка, какъ воспоминаніе о личномъ счастьѣ. — Вся жизнь его рѣдкій примѣръ цѣльности; въ ней нѣтъ ни одной тѣни, ни одного диссонанса,—она вся посвящена была служенію правдѣ и справедливости. Я думаю, что мы исполнимъ нашъ долгъ передъ населеніемъ, если увѣковѣчимъ память А. М. Унковскаго какимъ нибудь добрымъ дѣломъ. Земство въ лицѣ его будетъ чествовать лучшія воспоминанія населенія и благороднѣйшія надежды» (*Русс. Вѣд.* 1894 г. № 14). — По-

мѣло одно время на всю Россію и даже за ея предѣлами, не произвела особеннаго впечатлѣнія. Но неужели въ наше «трезвенное» и равнодушное время, время «легковѣсныхъ» [2]) людей никому, въ самомъ дѣлѣ, не интересны и не нужны дѣла и заслуги доблестныхъ людей, подобныхъ Унковскому?

Или въ наше время
Люди и забыли,
Чѣмъ въ былое время
Доблестны мы были?

Унковскій былъ и остался до послѣдняго вздоха авторитетнымъ, неподкупнымъ и убѣжденнымъ представителемъ и храни-

становленіе собранія объ учрежденіи стипендіи имени А. М. Унковскаго опротестовано тверскимъ губернаторомъ г. Ахлестышевымъ, какъ *явно нарушающее* (?) интересы мѣстнаго населенія.

[2]) Легковѣсные люди — писалъ ясновидящій пророкъ-мыслитель Щедринъ-Салтыковъ, вотъ дѣйствительные, несомнѣнные герои современнаго общества. Чѣмъ легковѣснѣе человѣкъ, тѣмъ болѣе онъ можетъ претендовать на успѣхъ, тѣмъ болѣе можетъ дерзать. Законы физики торжествуютъ: легкія тѣла поднимаются вверхъ; тѣла плотныя и вѣскія остаются въ низменностяхъ. Золотники стоятъ тріумфаторами по всей линіи и во всѣхъ профессіяхъ; они цѣпляются другъ за друга, подталкиваютъ и выводятъ другъ друга и въ концѣ концовъ образуютъ толстую, плотную массу, сквозь которую нельзя пробиться даже при помощи осадныхъ орудій.—Еще очень недавно вы видѣли этихъ безконечно малыхъ, еще недавно вы думали, что они не больше, какъ жужжащіе комары, которые потому только и обращали на себя ваше вниманіе, что отъ нихъ нужно было отмахиваться. Увы! теперь это не просто комары, а цѣлая масса комаровъ, претендующая затмить собою солнечный свѣтъ. Ихъ жужжаніе—не просто жужжаніе, а совокупность милліоновъ жужжаній, имѣющая всѣ признаки трубнаго гласа... Все проходитъ, все измѣняется. Были идеи—онѣ переродились въ слова; были слова—они смѣнились безсвязнымъ, любострастнымъ стенаніемъ. Увы! намъ ужъ не до идей! Теперь мы съ сожалѣніемъ вспоминаемъ даже *о словахъ, обрывкахъ идей...* Увы! драгоцѣнные обрывки мысли исчезаютъ безслѣдно, исчезаютъ въ виду всѣхъ. Безсвязный гулъ, который издаетъ столько „легковѣсныхъ", не только не имѣетъ ничего общаго съ мыслью, но даже находится въ явно враждебныхъ къ ней отношеніяхъ. Коли хотите, анализируя этотъ гулъ пристальнѣе, вы, конечно, рискуете отыскать въ немъ нѣчто похожее на внутреннее содержаніе, которое тѣмъ только и отличается отъ наглой безсмыслицы, что въ основѣ его лежитъ дохо-

телемъ гуманныхъ передовыхъ идей 60-хъ годовъ, которыя дали стимулъ и содержаніе какъ его кратковременной, но блестящей общественной дѣятельности въ 50-хъ годахъ, такъ и послѣдующей продолжительной, безукоризненной адвокатской карьерѣ и чистѣйшей частной жизни, которыя даже сами по себѣ заслуживали бы общественнаго вниманія и признательности.

Позвольте, какъ водится, начать съ начала, съ дѣтства. Унковскій родился 24 декабря 1828 г. въ небогатой, но зажиточной, довольно старой дворянской семьѣ, въ родовой вотчинѣ, с. Дмитрюковѣ, пожалованномъ предку его, Богдану Гавріиловичу Боушъ-Унковскому, царемъ Василіемъ Шуйскимъ.

дящая до остервенѣнія *ненависть* къ мысли.—И тутъ уже нечего ждать ни суда, ни разбирательства: всякая мысль, каково-бы ни было ея содержаніе, одинаково противна золотнику, уже по тому одному, что она мысль, а не похоть, не вожделѣніе... Убѣжденія самыя разнообразныя, самыя противорѣчивыя уравниваются предъ безграничною злобою и похотливой легковѣсностью; всѣ они подлежатъ преслѣдованію и казни потому только, что напоминаютъ о существованіи ненавистной мысли! (Сочиненія М. Е. Салтыкова, II, 230, 231).—И, подумаешь, все это писалъ Салтыковъ, болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ. пророчески добавляя: „эти неизмѣримо-малые великаны въ сравненіи съ тѣми неизмѣримо—малѣйшими, которые *придутъ* на ихъ мѣсто“.—Поневолѣ согласишься, что покойный Островскій не преувеличивалъ, когда называлъ геніальнаго Салтыкова vates'омъ, великимъ пророкомъ земли Русской. Проницателенъ, дальнозорокъ былъ Салтыковъ, но и онъ, кажется, не могъ предвидѣть, что русская печать дойдетъ до такого дикаго невѣжества, чтобы, подобно *Гражданину,* предлагать, напр., какъ новость разрѣшеніе принимать въ мировомъ судѣ словесныя просьбы 30 лѣтъ спустя послѣ его введенія; до такого одичанія, чтобы признавать, подобно той же газетѣ, для мужиковъ обязательнымъ неукоснительное исполненіе даже *незаконныхъ* требованій земскихъ начальниковъ; чтобы защищать «взятки» (№ 139);—до такой византійско-іезуитской эксплоатаціи легковѣрья простаго народа, чтобы, подобно „ходкимъ“ *Петерб. Газетѣ* и *Листку* спекулировать на чудесахъ оо. Антонія и Іоанна Кронштадскаго, растягивая въ нѣсколькихъ номерахъ сенсаціонный разсказъ о томъ, какъ стала чахнуть одна невѣрующая московская купеческая дѣвица послѣ того, какъ о. Іоаннъ „случайно дотронулся перстомъ (sic) до живота ея“ и какъ она чудесно потомъ была исцѣлена пр. (см. *Новое Время* отъ 19 апрѣля 1894 г.).

По семейному преданію, родоначальникъ тверскихъ Унковскихъ былъ выходецъ изъ Польши, но есть и другое предположеніе, что вѣтвь эта отдѣлилась отъ общаго, донынѣ существующаго, рода калужскихъ Унковскихъ, который татарскаго происхожденія. По матери Унковскій принадлежалъ къ аристократическому роду Морковыхъ и черезъ него онъ примыкалъ, по его собственному указанію къ той средѣ, которая выведена въ «Горѣ отъ ума».

Предки А. М. издревле были истыми помѣщиками, хозяевами-домосѣдами и оставались равнодушны къ столь обольстительному для многихъ мишурному блеску военной и придворной службы. Прапрадѣдъ А. М. дѣлалъ Азовскій походъ, дослужился при царевнѣ Софіи до званія стольника, остальные же не шли дальше чина прапорщиковъ. Послуживъ немного сперва, т. е. до отмѣны дворянской служебной повинности, по принужденію, а потомъ по традиціи и рутинѣ, Унковскіе поселялись безвыѣздно у себя въ своемъ родномъ Дмитрюковѣ, неказистомъ, но покойномъ уютномъ дворянскомъ гнѣздѣ, среди своихъ преданныхъ за страхъ и совѣсть подданныхъ-крѣпостныхъ, которымъ жилось, подъ личнымъ благодушнымъ управленіемъ своихъ благодушныхъ господъ, очень недурно.

Отецъ Унковскаго, человѣкъ для своего времени довольно образованный, былъ предводителемъ дворянства, «совѣстнымъ судьей» и даже исправникомъ, а послѣ службы долго жилъ въ деревнѣ и занимался хозяйствомъ. Матери А. М. лишился рано, оставшись на рукахъ четырехъ тетокъ, сестеръ отца, которыя души въ немъ не чаяли и страшно его баловали.

Все дѣтство и отрочество А. М. прошло среди патріархальныхъ картинъ безмятежнаго рабства съ его частью лицемѣрнымъ, частью искреннимъ почитаніемъ «отцовъ родныхъ», словомъ среди рѣдкихъ, наилучшихъ образцовъ того безобразнаго строя, которое именовалось крѣпостнымъ правомъ. Не только семья Унковскихъ, но и сосѣди ихъ: И. И. Лажечниковъ, извѣстный писатель, семья Львовыхъ (Львова была воспитанница Державина), В. И. Назимовъ принадлежали къ числу самыхъ гуманныхъ помѣщиковъ, представляя въ этомъ отношеніи прямую противоположность той отвратительной, скаредной, озлобленной помѣщичьей средѣ Калязинскаго уѣзда, гдѣ люди изъ экономіи морили себя голодомъ, гдѣ помѣщица не только «дѣ-

вокъ» истязала безчеловѣчно [3]), но и собственнаго мужа, *оффиціально умершаго*, гоняла на кордѣ [4]) и въ которой родился въ 1826 г. будущій геніальный сатирикъ, изобразившій эту среду въ «Пошехонской Старинѣ».

Несмотря на мягкія, на идеальныя, можно сказать, формы крѣпостнаго права, благодаря которымъ, люди нерѣшительные, недальновидные благодушные рутинеры, какъ напр. отецъ Унковскаго, мирились съ нимъ какъ съ неизбѣжнымъ зломъ, какъ съ

---

[3]) Въ *Пошехонской Старинѣ* описывая безчисленное множество картинъ помѣщичьихъ безобразій, Салтыковъ между прочимъ, передаетъ слѣдующіе два случая. Анфиса Порфирьевна „защипала" до смерти свою горничную. Становясь на молитву, она ставила горничную рядомъ съ собою и за каждымъ словомъ щипала ее или приказывала щекотать ее до пѣны у рта или гонять на кордѣ, подстегивая сзади арапникомъ.—Въ дѣтствѣ Салтыковъ видѣлъ такую картину „исправленія" хамовъ въ доброе старое время: „У конюшни, на кучѣ навоза, привязанная локтями къ столбу, стояла дѣвочка лѣтъ 12-ти и рвалась во всѣ стороны. Былъ уже второй часъ дня; солнце такъ и обливало несчастную своими лучами. Рои мухъ поднимались изъ навозной жижи, вились надъ ея головою и облѣпляли ея воспаленное, улитое и слезами и слюною лицо. По мѣстамъ обрѣзовались уже небольшія раны, изъ которыхъ сочилась сукровица"... И уничтоженіе либералами такого-то безчеловѣчнаго общественнаго строя, при которомъ возможно было безнаказанно совершать такія безчеловѣчныя истязанія, оплакиваютъ какъ паденіе „святаго, великаго, невозвратнаго (увы, да!) Иліона" современные гомеры-крѣпостники, выдающіе себя за ортодоксальныхъ хранителей христіанской морали (должно быть изъ тѣхъ христіанъ, про которыхъ народъ говоритъ: въ день по двѣ обѣдни слушаютъ, да по три души кушаютъ).

[4]) Помѣщикъ Савельцевъ *Пошех. Старина* былъ осужденъ за засѣченіе до смерти. Жена его Анфиса Порфирьевна предложила ему (фактъ!) передать ей имѣнья, самому же объявиться умершимъ. Сдѣлка состоялась. Умершій дворовый былъ похороненъ какъ бояринъ Савельцевъ, а послѣдній, волею судьбы, вошелъ въ „шкуру" перваго. Ну, и потѣшилась же тетушка Анфиса Порфирьевна! Бывшій баринъ не только ходилъ на барщину, ѣлъ прокислое молоко, мякинный хлѣбъ и пусты щи, но и долженъ былъ бѣжать по прихоти господской... (вотъ ужъ гдѣ справедливая Немезида хоть разъ дала почувствовать носителямъ принципа: sic volo, sic jubeo, каково подчиняться неограниченному произволу!)—*на кордѣ*. Не понравилось Савельцеву. За него заступился предводитель, и А. П. рѣшила превратить бывшаго своего благовѣрнаго въ *шута*.— Поневолѣ скажешь съ Плиніемъ, что можетъ быть и гаже, и прекраснѣе человѣка!

необходимымъ для благополучія Россіи «порядкомъ вещей», А. М. уже съ юныхъ лѣтъ возненавидѣлъ крѣпостное право, вслѣдствіе благотворнаго вліянія своего гувернера. Соединяя доброе сердце съ вдумчивымъ характеромъ, съ наблюдательнымъ тонкимъ умомъ, рано привыкшимъ анализировать смыслъ и содержаніе окружающихъ явленій, молодой Унковскій рано понялъ своимъ чистымъ юношескимъ инстинктомъ и навсегда запечатлѣлъ въ своемъ сердцѣ, что не можетъ быть права въ безправьи, что̀ бы ни говорили папа̀ и вообще старшіе о необходимости его для государства, что не можетъ быть правды въ установленіи, съ самаго рожденія и до гробовой доски, произвольной власти человѣка надъ человѣкомъ.

Болѣе всего, какъ сказано, способствовалъ юному Унковскому въ усвоеніи этой основы либеральнаго гуманизма, этой азбуки элементарной справедливости, его воспитатель, саксонецъ Иванъ Ивановичъ Энгельгардтъ, бывшій офицеръ саксонской службы въ наполеоновской арміи 12-го года, которая, пронесшись мимолетною грозою надъ Россіею, какъ извѣстно разбросала тамъ и сямъ остатки великой арміи, словно случайно занесенныя бурею сѣмена европейской культуры. Энгельгардтъ, будучи восторженнымъ поклонникомъ свободы и либеральныхъ принциповъ конца прошлаго столѣтія, ненавидѣлъ крѣпостное право во всѣхъ его видахъ и проявленіяхъ и ненависть свою къ нему внѣдрилъ такъ глубоко въ своемъ Телемакѣ Тверскаго уѣзда, что тотъ, покидая родовое Дмитрюковское гнѣздо, чтобы поступить въ московскій дворянскій институтъ, уже уносилъ въ сердцѣ своемъ «Ганнибалову клятву», способствовать во что-бы то ни стало и всѣми силами разрушенію Бастиліи крѣпостнаго права.

Изъ порядочно поставленнаго дворянскаго института Унковскій, кончивши первымъ ученикомъ, былъ переведенъ въ 1843 году въ Царскосельскій лицей, гдѣ онъ познакомился съ М. Е. Салтыковымъ [5]). Въ лицеѣ А. М. учился посредственно и о

---

[5]) Впослѣдствіи Унковскій сошелся очень близко съ М. Е. Салтыковымъ. Кромѣ личной дружбы, ихъ сближало политическое единомысліе. До послѣднихъ дней Салтыкова Унковскій былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ ему людей. Въ посмертныхъ воспоминаніяхъ Унковскаго о Салтыковѣ (или точнѣе конспектѣ лекціи, предположенной А. М. вскорѣ послѣ

немъ онъ сохранилъ далеко не благодарное воспоминаніе, какъ и его сверстникъ Салтыковъ. При грубыхъ бурсацкихъ нравахъ (воспитанники лицея колотили учителей, инспектора Оболенскаго, и «покидая въ 1843 г. Царское Село, поломали всѣ деревья»), ученіе носило и тогда характеръ того же чуднаго экзотическаго разноязычнаго поверхностнаго энциклопедизма, который отмѣченъ бывшимъ ученикомъ лицея въ Евгеніи Онѣгинѣ:

Всѣ мы учились по-немногу
Чему-нибудь и какъ-нибудь.

смерти Салтыкова, но не разрѣшенной полиціею) онъ такъ передаетъ свою исторію своего знакомства и отношеній къ Салтыкову:

„М. Е. Салтыкова я зналъ болѣе сорока шести лѣтъ. Въ началѣ 1843 г., когда я поступалъ въ первый (младшій) классъ Царскосельскаго лицея, онъ переходилъ уже въ четвертый (старшій) классъ. Въ то время курсъ лицея былъ шестилѣтній, раздѣлялся на четыре класса, по полтора года въ каждомъ. Поэтому мы были съ Салтыковымъ въ лицеѣ одновременно полтора года. Въ теченіе этого времени лицей былъ переведенъ въ Петербургъ, и Салтыковъ кончилъ курсъ уже въ Петербургѣ, въ половинѣ 1844 года. Тогда отношенія наши были весьма далекія. Мы знали другъ друга почти только въ лицо. Помню хорошо лишь то, что Салтыковъ пользовался общимъ расположеніемъ. Между младшими и старшими классами бывало сближеніе въ то время, когда старшіе дежурили въ младшихъ для надзора за порядкомъ. Хорошо помню я его лишь въ тотъ моментъ, когда онъ, по выходѣ, пріѣзжалъ въ лицей въ мундирѣ военнаго министерства, кажется, для полученія аттестата. Послѣ этого прошло 12 лѣтъ. Въ 1856 г. я жилъ уже въ Твери. Къ концу этого года появились „Губернскіе очерки“ Щедрина. Объ авторѣ ихъ я зналъ лишь то, что онъ вернулся изъ Вятки. Затѣмъ, въ началѣ 1857 г., я пріѣхалъ по дѣламъ въ Петербургъ и остановился въ гостинницѣ Клея. На другой или третій день утромъ неожиданно ко мнѣ при-шелъ Салтыковъ, котораго я узналъ съ перваго взгляда—до такой степени его лицо мало измѣнилось. Одѣтъ онъ былъ тогда положительно щеголемъ: въ лаковыхъ штиблетахъ и шелковыхъ чулкахъ. Въ то время мы съ нимъ видѣлись много разъ и скоро сошлись весьма близко. Затѣмъ онъ бывалъ у меня въ Твери каждый разъ, когда выѣзжалъ изъ Петербурга. Мои сношенія съ нимъ не прекращались и тогда, когда онъ былъ вице-губернаторомъ сначала въ Рязани, а потомъ въ Твери, и управляющимъ казенной палатой въ Тулѣ и Пензѣ. Въ теченіе этого времени онъ былъ слишкомъ годъ въ отставкѣ (кажется съ 1862 по 1864 г.). Тогда онъ проводилъ лѣто въ имѣніи своемъ подъ Москвою, а остальное время въ Петербургѣ, гдѣ участвовалъ въ *Современникѣ*. Я же прово-дилъ большую часть времени

Такъ русская исторія преподавалась въ младшихъ классахъ на англійскомъ языкѣ англичаниномъ Брауномъ, исторія греческой литературы на французскомъ языкѣ французомъ Досси, нѣмецъ Байеръ читалъ зоологію на нѣмецкомъ языкѣ:

Сокровища роднаго слова
Для лепетанія чужаго
Пренебрегли безумно мы;
Мы любимъ музъ чужихъ игрушки,
Чужихъ нарѣчій погремушки.

въ Москвѣ, и мы часто видались съ нимъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ его деревнѣ. Въ концѣ 1862 г. было у насъ съ нимъ намѣреніе издавать вмѣстѣ ежемѣсячный журналъ подъ названіемъ *Русская Правда*. Мы подавали объ этомъ прошеніе, но разрѣшенія не получили. Бывалъ онъ не разъ и у меня, въ моемъ имѣніи Дмитрюковѣ. Затѣмъ съ 1868 г. жили мы оба въ Петербургѣ и разлучались лишь на лѣтнее время и при поѣздкахъ за границу. Смолоду былъ онъ человѣкъ очень веселый. Юморъ его былъ заразителенъ. Работалъ же онъ изумительно скоро. Я самъ видѣлъ своими глазами, какъ великъ былъ его трудъ при участіи въ *Современникѣ* и *Отечественныхъ Запискахъ*. Кромѣ того, что онъ писалъ самъ, онъ перечитывалъ громадную массу рукописей и успѣвалъ передѣлывать цѣлыя повѣсти и романы; не оставлялъ безъ вниманія и другихъ отдѣловъ журнала. Между тѣмъ онъ успѣвалъ бывать и въ обществѣ, интересуясь всѣми явленіями общественной жизни, безъ всякаго исключенія. Хотя онъ и не участвовалъ лично въ крестьянской реформѣ, но его интересовала даже всякая мелочь по этому вопросу. Интересовался онъ и судебной реформой, и экономическими вопросами. Въ 1863 году я, по его требованію, писалъ для *Современника* статьи о началахъ судебной и финансовой реформъ".

О послѣднихъ годахъ жизни Салтыкова Унковскій говоритъ слѣдующее:

„Въ послѣдніе три—четыре года нервное состояніе его было невыносимо. Шумъ обыденной жизни его раздражалъ. Одиночество его томило. Между тѣмъ приходъ каждаго лица приводилъ его въ волненіе. Разговоровъ въ сосѣдней комнатѣ онъ не могъ слышать. Даже присутствіе близкихъ людей очень часто его стѣсняло, такъ что, бывая у него, я самъ часто не зналъ, оставаться ли мнѣ, или уйти.

Но все это не мѣшало нравственной его жизни и литературному труду. Все время его посвящено было умственной работѣ. Когда онъ не писалъ для печати, то всѣ мысли его были заняты положеніемъ его семьи, которую онъ горячо любилъ. Сидя постоянно у письменнаго стола, Салтыковъ оставилъ массу записокъ, изъ которыхъ видно, что онъ обдумывалъ всѣ мелочи той жизни, которую придется вести его семьѣ послѣ его смерти, а въ послѣднее время принялъ всѣ мѣры даже къ тому, чтобы его смерть не надѣлала никакихъ временныхъ хлопотъ его женѣ и дѣтямъ.

Это безподобное «научное» образованіе, даваемое въ «закрытомъ» учебномъ заведеніи, завершалось, по воспоминаніямъ Салтыкова, усвоеніемъ «прекраснѣйшихъ манеръ и обольстительнаго comme il faut», которыя требовали отъ образованнаго юноши знанія полнаго цикла «свѣтскихъ наукъ», а именно: знанія, кто первый портной и сапожникъ въ Петербургѣ, какіе лучшіе рестораны, и, наконецъ, довершалось знакомствомъ «съ Луизою бѣлолон-

---

Привычка писать для публики у Салтыкова дошла до того, что, по его словамъ, представлявшіеся ему въ воображеніи образы не давали ему покоя до тѣхъ поръ, пока онъ не изображалъ ихъ въ очеркѣ. „Какъ только напишу,—говоритъ,—такъ и успокоюсь". Въ особенности жаловался онъ на такое состояніе въ теченіе послѣдняго времени, именно тогда, когда онъ писалъ „Пошехонскую Старину". Я и многія лица, посѣщавшія его въ это время, часто слышали отъ него, что вызываемые его воображеніемъ образы изъ давно прошедшаго не даютъ ему покоя даже и ночью. Мнѣ кажется, что это объясняется его болѣзненнымъ состояніемъ, въ которомъ письменная работа сдѣлалась для него труднѣе. Въ этомъ состояніи онъ сдѣлался впечатлительнѣе. Всякое непріятное извѣстіе безпокоило его болѣе прежняго. Часто причина его безпокойства была до того мелочна, что здоровому человѣку и понять ее было невозможно. Въ особенности онъ сдѣлался мнителенъ. То-и-дѣло ему казалось, что всѣ ненавидятъ его или забыли. Однимъ словомъ, состояніе его было таково, что со стороны нельзя было ни помочь, ни утѣшить".

Свои воспоминанія заканчиваетъ Унковскій краткою характеристикою.

«Между тѣмъ, будучи въ такомъ ужасномъ положеніи, Салтыковъ, какъ писатель, нисколько не измѣнился. Я не думаю, чтобы въ его сочиненіяхъ, даже послѣдняго времени, могла найтись строка, которая противорѣчила бы его убѣжденіямъ и тѣмъ идеаламъ, которымъ онъ служилъ съ самаго начала литературнаго поприща. Отрицать существованіе такихъ идеаловъ у Салтыкова могутъ лишь люди, по понятіямъ которыхъ опредѣленные общественные идеалы заключаются лишь въ готовыхъ проектахъ уѣзднаго или волостнаго управленій. Нельзя не согласиться, что такими проектами Салтыковъ не занимался и даже едва ли былъ способенъ заниматься. Онъ не былъ человѣкомъ *компромиссовъ*. Выше всего онъ ставилъ человѣческую личность и терпѣть не могъ лжи,—не могъ терпѣть до такой степени, что даже по натурѣ своей не умѣлъ говорить комплиментовъ. Онъ всегда говорилъ только то, что думалъ, и даже не умѣлъ скрывать того, что приходило ему въ голову. Хотя онъ не принадлежалъ ни къ какой партіи, но всегда былъ на сторонѣ тѣхъ лицъ, которыя искренно трудились на общую пользу народа и его просвѣщенія.

Все, написанное М. Е. Салтыковымъ въ теченіе сорока лѣтъ, ясно доказываетъ, что онъ вѣрилъ въ духовную силу русскаго народа и что

ною, Бертою чернобровой, Миною свѣтлокудрой, этихъ истинныхъ, дѣйствительныхъ наставницъ юности» [6]), по отзыву Салтыкова.

Единственно за что поминаетъ Унковскій добромъ разсадникъ «провиденціальныхъ юношей», такъ это за господствовавшій въ немъ вкусъ къ литературѣ, который поддерживался традиціей, шедшей отъ временъ Пушкина. Въ лицеѣ не только получалось все, что важнаго появлялось въ Россіи, не только лучшіе русскіе журналы, гдѣ раздавалось въ то время вдохновенное, хватавшее за сердце слово великаго Бѣлинскаго, но даже и книги запрещенныя, изданныя за границею...

Трудно сказать, какова была бы дальнѣйшая судьба А. М., если бы не случайное обстоятельство, повлекшее за собою удаленіе его изъ лицея. Конечно, изъ него никогда не могъ-бъ выйти Сеня Бирюковъ, Бернгардъ Форбрихеръ и др. представители золотой молодежи, которая, заплативъ въ стѣнахъ училища дань либеральнымъ убѣжденіямъ, въ зрѣлые годы почитаетъ несовмѣстнымъ съ достоинствомъ благовоспитаннаго человѣка имѣть вообще какія-бы то ни было *убѣжденія* [7]). Весьма вѣроятно, что А. М., подобно

взглядъ его, въ сущности, нельзя признать пессимистическимъ уже потому, что нѣтъ возможности предположить, чтобы человѣкъ, потратившій такую массу перемсленнаго труда въ пользу литературы, не вѣрилъ въ благотворность его результатовъ. Поэтому смѣшивать его съ тѣми пессимистами, которые ни во что не ставятъ отдѣльнаго человѣка, презираютъ русскую интеллигенцію и вѣрятъ въ возможность водворенія такого законнаго порядка, при которомъ человѣческая личность не имѣла бы никакого значенія, по меньшей мѣрѣ смѣшно. (*Русск. Вѣдом.* 1894, № 115).

[6]) См. сочиненія Салтыкова. СПб. 1889. II, 22. „Сатиры въ прозѣ".

[7]) М. Е. Салтыковъ, описывая встрѣчу съ бывшимъ товарищемъ по лицею, ударившимся «въ брюшной матеріализмъ», такъ описываетъ бесѣду свою съ нимъ.

— Какія же, однако, твои цѣли, мой другъ, спросилъ я его.

— А ближайшая моя цѣль—съѣсть вотъ этотъ кусокъ ростбифа (дѣло было въ ресторанѣ),—сказалъ онъ мнѣ и отъ предположенія тотчасъ же перешелъ къ исполненію.

— Но потомъ?

Онъ взглянулъ на меня, какъ будто изумился моему любопытству, однакожъ отвѣтилъ:

— А потомъ—мы выпьемъ, если хочешь, по стакану добраго лафита!

— Да... но не вся же жизнь тутъ.... Вѣроятно, есть цѣли, есть убѣжденія...

своему лицейскому товарищу Кашкину, погибъ-бы за знакомство и сношенія съ Буташевичемъ-Петрашевскимъ, котораго онъ посѣщалъ и который былъ сосланъ въ 1848 г. въ Сибирь по извѣстному дѣлу «петрашевцевъ». Увольненіе Унковскаго было вызвано его первыми литературными упражненіями. Подъ вліяніемъ распространенныхъ въ лицеѣ либеральныхъ вѣяній, 16-тилѣтній юноша Унковскій, уже тогда отличавшійся остроуміемъ, добродушнымъ юморомъ и мастерскимъ умѣніемъ мѣткимъ словомъ характеризовать слабости людей, написалъ либретто къ оперѣ-буффъ, или, какъ теперь бы назвали, къ опереткѣ, подъ заглавіемъ «Походъ въ Хиву». Въ опереткѣ онъ осмѣивалъ лицъ, бывшихъ въ то время у власти. Подлинникъ пропалъ, но списокъ былъ найденъ у одного библіофила-лицеиста во время обыска, произведеннаго въ лицеѣ въ 1844 г. А. М. сознался, что онъ былъ авторъ либретто, и былъ исключенъ изъ лицея, къ своему удивленію и радости, такъ какъ за такія дѣла, по тогдашнимъ временамъ, можно было ждать ссылки въ Сибирь или отдачи въ солдаты.

Унковскій послѣ лицея поступилъ въ московскій университетъ, гдѣ окончилъ курсъ по юридическому факультету дѣйствительнымъ студентомъ въ 1850 г. Немного пользы принесъ ему университетъ, сдавленный тогда до послѣдней степени реакціоннымъ

Онъ опять взглянулъ на меня, но на этотъ разъ не съ изумленіемъ, а строгостью.

— Убѣжденія, любезный другъ?—сказалъ онъ мнѣ: ты говоришь объ убѣжденіяхъ? Такъ я отвѣчу тебѣ на это, что убѣжденія могутъ имѣть только люди *безпокойные*. Мы,—люди спокойные и довольные, мы не страдаемъ такъ называемыми убѣжденіями, а видимъ и признаемъ только долгъ... Ты понимаешь! Мы стремимся и достигаемъ.

— Другой товарищъ Салтыкова, Швахкопфъ, «искусный въ ремеслѣ подтягиванья, подбиранія вожжей и изготовленія ежовыхъ рукавицъ», формулировалъ свое міросозерцаніе такъ: «мой мысль — нѣтъ мысль»... Безстыдство, какъ замѣна руководящей мысли; сноровка и ловкость, какъ замѣна убѣжденія; успѣхъ, какъ оправданіе пошлости и ничтожества стремленій—вотъ тайна вѣка сего, вотъ девизъ современнаго тріумфатора!... «Прочь мысль! прочь убѣжденія!» на всѣ лады вопіетъ комариное воинство, и горе тому профану, который врѣжется въ этотъ сплошной рой съ своими такъ называемыми idées de l'autre monde. (Салтыковъ, II, 232, 233).

режимомъ 48 г. напр. который обязывалъ профессоровъ буквально повторять постановленія Свода Законовъ, даже безъ перифразъ. Чтобы дать понятіе о научномъ уровнѣ преподаванія въ юридическомъ факультетѣ, достаточно сказать, что одинъ изъ извѣстныхъ двухъ «братьевъ-криминалистовъ» С. И. Баршевъ, ставшій съ 60-хъ годовъ ярымъ защитникомъ гласнаго суда и даже суда присяжныхъ, въ это время не стѣсняясь проповѣдывалъ, что тайное и письменное судопроизводство—идеалъ правосудія, такъ какъ обезпечиваетъ зрѣлое, «обсудливое» рѣшеніе дѣлъ, чуждое вліянія со стороны публики, что плеть и шпицрутены наилучшее орудіе мздовоздаянія, о которомъ алчетъ душа самого преступника и т. п. благонамѣренную галиматью [8]). Единственнымъ утѣшительнымъ оазисомъ среди господствовавшей кругомъ пустыни мрачнаго безмолвія, единственнымъ свѣтлымъ лучемъ среди окружающей тьмы—и свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ, и тьма его не объятъ,—была каѳедра проф. Грановскаго, съ которой правдивое, честное слово этого великаго дѣятеля русскаго просвѣщенія [9]) и его обаятельная личность будили во всемъ тогдашнемъ студенчествѣ, безъ различія факультетовъ, и въ русскомъ обществѣ чувство человѣчности («человѣчность прежде всего» было его девизомъ) и интересъ къ общественному благу.—Слушалъ Унковскій также Кудрявцева, Кавелина, съ кото-

---

[8]) Этотъ типъ «серьезнаго», но смышленаго гнущагося, по дуновенію господствующихъ вѣяній, ученаго, воспѣвающаго провиденціальное назначеніе кнута, пока онъ не замѣнятся начальствомъ трехъ-хвостною плетью, на которую «свѣточъ науки» переноситъ потомъ свои «научныя» симпатіи, прекрасно очерченъ Салтыковымъ въ очеркѣ «За рубежомъ». (Сочин. VI, 41).

[9]) «Грановскій, пишетъ о немъ другой равновеликій дѣятель русскаго просвѣщенія Н. Г. Чернышевскій, если бы цѣлью дѣятельности его была личная слава, могъ бы стать на-ряду съ такими людьми, какъ Нибуръ, Гизо, Шлоссеръ, но у него была другая цѣль, болѣе близкая къ потребностямъ его родины: служеніе отечественному просвѣщенію, и благословенна память его, какъ одного изъ могущественнѣйшихъ и благороднѣйшихъ дѣятелей на этомъ священномъ поприщѣ» (см. «Замѣтки о современной литературѣ». Спб. 1894, стр. 348).—Чтобы такъ глубоко понять и достойно возвеличить Грановскаго, нужно было самому имѣть много общаго, духовно-родственнаго съ нимъ.

рымъ онъ потомъ близко сошелся.—Благодаря знанію языковъ и самостоятельнымъ занятіямъ, а также частымъ поѣздкамъ заграницу, Унковскій впослѣдствіи успѣлъ пополнить пробѣлы университетскаго образованія, ознакомившись съ юридическою и экономическою литературою нѣмецкою, англійскою и французскою. Главнымъ же властителемъ думъ его, какъ и всего поколѣнія 40-хъ годовъ, какъ старшаго, такъ и младшаго, былъ конечно Бѣлинскій, а въ 50-хъ—60-хъ годахъ Герценъ, Добролюбовъ и Чернышевскій.

—

ГЛАВА ВТОРАЯ.

По окончаніи университетскаго курса Унковскій поступилъ на службу въ Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ директоромъ въ то время былъ родственникъ его по матери, кн. М. А. Оболенскій. Молодой юристъ, интересовавшійся русскою исторіею, имѣлъ въ виду участвовать въ предположенномъ тогда изданіи дипломатической переписки. Но разсчеты его оказались ошибочными. Кн. Оболенскій, любезный и раболѣпный съ высшими, надменный съ низшими, главнымъ образомъ занимался тѣмъ, что разыскивалъ разные документы, при помощи коихъ могъ подольститься къ тому или другому вліятельному человѣку. Служебный бытъ того времени пришелся не по вкусу вольно-любивому молодому человѣку, который не умѣлъ и не хотѣлъ, подобно Чацкому, прислуживаться.

Въ 1852 г., послѣ смерти отца, Унковскій бросилъ службу въ названномъ Архивѣ и, переѣхавъ въ Тверь, вступилъ, какъ единственный сынъ, въ управленіе унаслѣдованною родовою вотчиною. Положеніе его было не изъ легкихъ. Приходилось безъ опыта, безъ знанія приниматься за хозяйство.

Но это была только матеріальная сторона дѣла. Важнѣе была другая — нравственная, принципіальная. Унковскій въ 24 года дѣлался, въ качествѣ одного изъ тѣхъ 100.000 полицеймейстеровъ, коимъ подчинено было 23.000.000 «крещеной собственности», *душевладѣльцемъ*. Какъ отнесется новый помѣщикъ, ненавидѣвшій съ юныхъ лѣтъ крѣпостное право теоретически, при первомъ соприкосновеніи съ нимъ на практикѣ? Унковскій вы-

шелъ съ честью изъ первой пробы. Въ отличіе отъ иныхъ «либераловъ-соловьевъ», громившихъ крѣпостное право на словахъ и даже послѣ освобожденія крестьянъ довольно сильно прижимавшихъ ихъ, Унковскій немедленно разорвалъ тѣ путы крѣпостнаго права, которыя представлялись наиболѣе простыми, хотя едва ли не были наиболѣе ненавистными, наиболѣе принижая человѣческое достоинство крѣпостныхъ и подвергая ихъ всѣмъ случайностямъ ничѣмъ не обузданнаго барскаго произвола, самодурства и потѣхи, или, какъ выразился Салтыковъ, «фарсамъ кроваваго добродушія и ехидной веселости» [1]). Унковскій предложилъ вольную всѣмъ дворовымъ. Любопытно, что нѣкоторые рѣшительно отказались взять волю, до такой степени продолжительное рабство, при хорошемъ обращеніи и обезпеченномъ кускѣ хлѣба, атрофировало у нихъ сознаніе личнаго достоинства и дѣлало для этихъ обез-

---

[1]) Кто читалъ потрясающій разсказъ Салтыкова изъ крѣпостнаго быта «Миша и Ваня» (а кто его не читалъ?), тотъ никогда не забудетъ эти поразительныя по своей простотѣ, яркости и потрясающему драматизму картины добраго стараго времени, равнымъ которыхъ едвали много найдется во всей всемірной литературѣ. Напомнимъ нѣкоторые изъ «фарсовъ» пользовавшейся общимъ уваженіемъ Катерины Аѳанасьевны, которой ревизовавшій исправникъ далъ наилучшую аттестацію...

— Сегодня у Катерины Аѳанасьевны за обѣдомъ въ супѣ таракана подали,—говорили про нее въ городѣ.—Что же бы вы думали? Она преспокойно позвала повара и приказала ему таракана съѣсть!

— Лихая баба!

— Бѣдовая!

Нѣкоторые, конечно, дѣлали изрѣдка предположеніе, «какъ бы дескать не попасться за эти фарсы», но очевидно, въ этомъ случаѣ сомнѣніе заползало не по поводу самыхъ фарсовъ, а по поводу глагола попасться. Самые же фарсы служили какъ бы оселкомъ для обнаруженія своего рода остроумія, котораго кровавости никто не замѣчалъ, своего рода изобрѣтательности, которой ехидства никто не подозрѣвалъ.

— Сенька! поди, лизни печку!—говорили Сенькѣ.

Сенька лизалъ печку и обжигалъ языкъ; онъ возвращался весь красный, лицо его какъ-то неестественно искаживалось; изъ глазъ выжимались слезы.

— Ну, дуракъ, еще ревѣть вздумалъ!—говорили одни.

— Рожа-то, рожа-то какая!—восклицали другіе.

И затѣмъ слѣдовалъ взрывъ общаго веселаго хохота.

Хохотъ—и больше ничего...

личившихся людей, этихъ «рабовъ по убѣжденію», незаманчивою неизвѣстность свободнаго состоянія. Другіе, принявъ съ благодарностью волю, продолжали однако по-прежнему жить на содержаніи своего господина.

По отношенію къ крестьянамъ Унковскій, придерживаясь наслѣдственной благодушной политики своихъ предковъ, предоставлялъ имъ наивозможно бóльшую свободу во внутреннихъ ихъ дѣлахъ, напр. при раздѣлахъ, вступленіи въ бракъ, отбываніи рекрутской повинности и пр. [2]) Затѣмъ, спустя нѣсколько времени, онъ ввелъ у себя вольный трудъ, завелъ усовершенствованное хозяйство съ травосѣяніемъ, а крестьянъ всѣхъ перевелъ на легкій оброкъ. Имя Унковскаго, какъ «хорошаго барина», пользовалось большою популярностью среди сосѣднихъ

Не ясно-ли, что все это безъ злорадства дѣлалось, что при этомъ главный разсчетъ совсѣмъ не въ томъ состоялъ, чтобы причинять Сенькѣ мучительную боль, а въ томъ, чтобы посмотрѣть, какую Сенька рожу уморительную скорчитъ, какъ онъ напыжится... Самые кроткіе люди молчали, когда Сеньку посылали лизать пылающую печь; самые кроткіе люди не могли слегка не фыркнуть, когда Сенька возвращался, по совершеніи своего подвига, весь красный и пыхтящій... Они молчали и фыркали не потому, чтобы одобряли подобнаго рода увеселенія, но просто потому, что такое ужъ время *юмористическое* было". (Сочин., II, 424).—Какъ послѣ этого бардамъ крѣпостнаго права не оплачивать, этого развеселаго юмористическаго времени, когда „живали дѣды веселѣе своихъ внучатъ!"

[2]) Чадолюбивые помѣщики умѣли изъ рекрутской повинности сдѣлать приличный источникъ доходовъ.—Что касается семейныхъ правъ крѣпостныхъ, то человѣчной постановкѣ ихъ мѣшали либо гаремныя интересы сластолюбиваго помѣщика, либо соображенія экономическія. Въ той же знаменитой эпопеѣ „Пошехонская Старина", заключающей въ себѣ всю энциклопедію крѣпостнаго быта, читаемъ: „У большинства помѣщиковъ принято за правило не допускать браковъ между дворовыми людьми. Говорилось прямо: разъ вышла замужъ дѣвка, она ужъ не слуга, ей впору дѣтей родить, а не господамъ служить. А иные къ этому цинично прибавляли: на нихъ, кобылъ, и жеребцовъ не напасешься... Съ дѣвки всегда спрашивалось больше, нежели съ замужней женщины: и лишняя талька пряжи, и лишній вершокъ кружева и т. д. Поэтому былъ прямой разсчетъ, чтобы дѣвичье цѣломудріе не нарушалось. Отсюда циничное выслѣживанье дѣвокъ. Процедура выслѣживанья была омерзительна до послѣдней степени. Когда улики были налицо, начинался цѣлый адъ: насильственная отдача замужъ за „гаденка" и пр... И все это изъ-за лишней тальки пряжи, изъ-за вершка кружева..."

крестьянъ, которые часто обращались къ нему за совѣтами и въ своихъ собственныхъ личныхъ и домашнихъ дѣлахъ.

Не меньшую популярность пріобрѣлъ А. М. своею изъ ряда вонъ выходящею общественною службою съ 52 по 56 г. по выборамъ дворянства. Кому не извѣстно, что̀ это было за гнилое болото провинціальная жизнь добраго стараго времени, такъ художественно изображенная въ удивительныхъ, по своей пластичности, «Губернскихъ очеркахъ»! Водка, перебираніе «дружескаго хлама» и зеленые столы—эти тихія пристанища, по выраженію Салтыкова, всѣхъ россіянъ, не знающихъ, что̀ дѣлать съ даннымъ имъ отъ Бога временемъ» [3]), — и изрѣдка любительскіе спектакли и живыя картины, въ которыхъ губернаторши появлялись въ обольстительныхъ позахъ одалисокъ—этимъ исчерпывалось содержаніе жизни интеллигентныхъ губернскихъ правящихъ сферъ, которая скоро засасывала и людей съ талантомъ и съ образованіемъ. Нравственный уровень губернской аристократіи хорошо извѣстенъ. Табели о рангахъ, какъ извѣстно, соотвѣтствовала не менѣе строго хранимая «табель о взяткахъ». Эта табель, записанная еще Гоголемъ, была систематически проведена и свято соблюдаема даже... въ зоологическомъ отношеніи, какъ передаетъ Щедринъ. Одинъ изъ Щедринскихъ героевъ Гегемоніевъ, (мелкій взяточникъ) на старости лѣтъ вспоминаетъ: «въ ту пору его превосходительство, хлопнувши меня по животу, сказалъ: что, молъ, тутъ все курочки, да гусочки хапаные сидятъ, а вѣдь какъ по совѣсти-то сказать, какія это курочки? Наши, братъ, курочки русскія: худенькія, маленькія, жиденькія — въ силу ими насытиться. Вотъ тѣхъ-бы индюшекъ попробовать, которыя къ его превосходительству на столъ отъ откупщика подаются, ну, тогда точно: вышли-бы мы и тѣломъ побѣлѣе и ростомъ поавантажнѣе» [4]).

Нравы тверской губернской аристократіи, само собою разумѣется, были тѣ же, что и въ Крутогорской, если не болѣе еще циничны въ Твери, гдѣ въ клубѣ, въ лучшемъ аристократическомъ обществѣ,

---

[3]) См. *Внутрен. Обозрѣніе* въ № 3 *Современника* за 1861 г., приписываемое перу Салтыкова.

[4]) Сочин. Салтыкова I, 361.

не считалось shoking публично хвастать изобрѣтательностью въ вымогательствѣ взятокъ. Въ любопытныхъ Запискахъ, оставшихся послѣ Унковскаго,—который, замѣтимъ кстати, былъ прекраснымъ разсказчикомъ и не мало матеріала давалъ Салтыкову для его произведеній до самаго послѣдняго времени,—онъ разсказываетъ одинъ такой случай.

«Въ Твери, пишетъ онъ, имѣли обыкновеніе всѣ, положительно всѣ пріѣзжающіе въ клубъ къ концу вечера собираться компаніею ужинать; садятся за длинный столъ и такъ какъ денегъ тогда было у каждаго въ ходу болѣе, чѣмъ теперь, то шампанское лилось разливаннымъ моремъ: каждый требуетъ бутылку, подчуетъ другихъ; въ отвѣтъ тотчасъ и его не оставляютъ безъ вниманія и посылается бокалъ за бокаломъ. Съ этой чертой связана маленькая исторія, рисующая то время со стороны колоссальнаго взяточничества. Въ Твери былъ нѣкто Малышевъ—окружной начальникъ, чиновникъ Министерства государственныхъ имуществъ, добродушно сознававшійся во взяточничествѣ, въ Старицѣ же, къ которой принадлежало мое имѣніе, былъ нѣкто Иваненко—разбойникъ, хищникъ помѣщикъ. Оба они были большіе пріятели. Иваненко въ одинъ изъ пріѣздовъ въ Тверь является въ клубъ и ужинаетъ съ Малышевымъ, но такъ, что пріятели сидятъ въ противоположныхъ концахъ стола. Они уже подвыпили. Малышевъ посылаетъ пріятелю бокалъ шампанскаго. Иваненко при всѣхъ—масса народу было — кричитъ: «не тебѣ меня угощать сегодня, а мнѣ тебя слѣдуетъ; я заплачу за шампанское, потому что я въ твоемъ уѣздѣ доходъ получилъ за тебя, болванъ!» Тотъ удивился:—«что такое, какой доходъ?» И всѣ насторожили уши.—«А вотъ, говоритъ Иваненко, какая штука: ты, говоритъ, болванъ, спишь до 11 ч. утра; тебя въ уѣздѣ никто изъ мужиковъ не знаетъ въ глаза, а я, когда пріѣзжаю къ тебѣ, встаю рано утромъ—часовъ въ 7. Вотъ я всталъ, хожу по комнатѣ, а ты все дрыхнешь. У тебя порядокъ такой, по которому дверь не запирается, прислуга спитъ. Вдругъ является мужикъ въ синемъ кафтанѣ, увидѣлъ меня и въ ноги: — «батюшка, помоги!» Я говорю: чѣмъ же могу помочь?—«Да ослобони моего сына отъ *рекрутства*, неправильно назначили его въ волостномъ правленіи». Я спрашиваю, какой волости? Онъ гово-

ритъ.—Я раньше замѣтилъ у тебя въ кабинетѣ на столѣ рекрутскія вѣдомости. Я говорю ему: братецъ, объ этомъ надо подумать. Позвалъ его въ кабинетъ и смотрю—по этой волости списки возвращены. Что тутъ дѣлать? Сталъ читать, перечитывать—вдругъ, представь, оказывается, что палата вычеркнула сына его. Я подхожу къ нему и говорю—помочь могу, но только не такъ легко, какъ ты думаешь. Онъ сталъ упрашивать и сто руб. всунулъ. Я говорю: будь покоенъ, не будетъ взятъ, выхлопочу!» И это съ цинизмомъ разсказывалось громогласно въ 52—53 г., заключаетъ свой разсказъ Унковскій.

Даже въ исключительныхъ случаяхъ напряженія силъ государства взятки процвѣтали по-прежнему и чуть не увеличивался аппетитъ. Припоминая въ Запискахъ своихъ время образованія ополченія въ послѣднюю крымскую войну, Унковскій пишетъ: «Ну, конечно, какъ водится у насъ, при сильномъ приливѣ патріотизма мѣстное дворянство стало сильно воровать. Вѣдь извѣстно, что и Кузьма Мининъ охулки на руку не положилъ въ 1612 г. Князь Ша—ской, начальникъ тверской дружины, былъ сущій лакей, тянулъ съ мужиковъ деньги на починку якобы тулуповъ, сапогъ ополченцевъ, а на самомъ дѣлѣ все это шло ему въ карманъ»...

Много нужно было образованному, честному человѣку, какъ Унковскій, не гражданскаго мужества, нѣтъ! а насилія надъ чувствомъ нравственной брезгливости, много молодой энергіи и жажды дѣятельности, чтобы рѣшиться идти въ такое время на общественную службу и, стало быть, быть вынужденнымъ безпрестанно соприкасаться и вступать въ неизбѣжныя оффиціальныя и неоффиціальныя отношенія съ подобными личностями. Такую жертву принесъ Унковскій, которая тѣмъ болѣе была цѣнна, что онъ, какъ человѣкъ образованный и дальновидный, хорошо зналъ, что усилія отдѣльныхъ лицъ будутъ почти безплодны и не въ состояніи искоренить зло, когда кругомъ царитъ взяточничество и необузданный произволъ администраціи [5]).

Уже въ первый годъ своего переѣзда въ провинцію въ 1852

[5]) См. ниже въ главѣ VII Соображенія Унковскаго по докладамъ Редакціонной Коммиссіи.

году выступаетъ Унковскій на дворянской общественной службѣ, въ качествѣ депутата, и съ перваго же дебюта своего проявляетъ тѣ же столь рѣдкія и драгоцѣнныя черты независимости характера, стойкости убѣжденій и гражданскаго мужества, которыя во всемъ блескѣ проявившись въ послѣдующей его дѣятельности. «Мы, люди глуповскаго міра, писалъ въ 1860 г. Салтыковъ, слишкомъ повадливы, слишкомъ покладисты; мы во всякой средѣ легко уживаемся, со всякимъ явленіемъ миримся почти безъ сопротивленія. И потому изъ насъ можно лѣпить всякую фигуру и даже безъ большихъ издержекъ: стоитъ только по головкѣ погладить, и мы чувствуемъ себя столь же счастливыми, сколько счастливыми чувствовали себя наши достославные предки, когда ихъ трепали по плечу ихъ добрые начальники» [6]).

Унковскій съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности показалъ, что онъ общественный интересъ ставитъ выше благосклонной и пріятной улыбки хозяина губерніи, съ которымъ на первыхъ же порахъ пришлось ему столкнуться по очень щекотливому поводу. Какъ извѣстно, въ сложной паутинѣ дореформеннаго строя была, конечно на бумагѣ, масса разныхъ контролей, смыслъ и значеніе которыхъ такъ живописно очерченъ знатокомъ провинціальной жизни Салтыковымъ. «Главное дѣло, говоритъ «очищенный масонъ», т. е. жандармскій офицеръ, Булановскій, чтобъ контроль былъ безобидный и шелъ, такъ сказать, въ видѣ непрерывнаго перекрестнаго огня. Объяснимъ это примѣромъ. Если меня будетъ контролировать мужикъ, что может изъ этого выйти? Разумѣется, ничего путнаго, потому что и онъ меня не понимаетъ, и я его не понимаю, и станемъ мы цѣлый день разговаривать, я по-русски, онъ по-татарски. Совсѣмъ другое дѣло, когда сойдутся люди просвѣщенные и скажутъ другъ другу: ты надзирай за мной, а я буду надзирать за тобой. Ясно, что здѣсь не можетъ случиться ни раздоровъ, ни недоумѣній; ясно, что просвѣщенные люди поймутъ другъ друга и будутъ объясняться единственно по-русски. Такимъ образомъ, подозрѣніе о произволѣ устраняется; обыватели на каждомъ шагу встрѣчаютъ лицо, которому могутъ принести жалобу; приличія соблю-

---

[6]) Соч. Салтыкова, II, 17—18.

дены, всѣ довольны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и раздоровъ никакихъ.... Возьмемъ другой примѣръ, болѣе осязательный. Нашъ почтенный начальникъ края постоянно находится подъ контролемъ весьма не легкимъ; за нимъ надзираетъ и губернскій штабъ-офицеръ, и губернскій прокуроръ,—а между тѣмъ спросите его по совѣсти, *чувствуетъ* ли онъ это? Нѣтъ, онъ не чувствуетъ, ибо, съ другой стороны, штабъ-офицеръ и прокуроръ находятся и подъ его контролемъ. Слѣдовательно, сойдутся вмѣстѣ, переговорятъ между собой ладкомъ, анъ, смотришь, и прекратятся разомъ всѣ недоумѣнія, смотришь—и пошли опять козырять, какъ ни въ чемъ не бывало [7])».

Вся описанная идиллія взаимнаго довѣрія и благосклоннаго взаимнаго контроля губернскихъ властей à la lettre происходила въ Тверской губерніи, до избранія депутатомъ Унковскаго, при губернаторѣ Бакунинѣ, потворствовавшемъ взяточникамъ. Роль вышесказаннаго нескладнаго «мужика», грубо нарушающаго буколическую гармонію безпечально контролирующихъ другъ друга органовъ администраціи пришлось впервые съиграть Унковскому вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ А. А. Головачевымъ.

Они оба были избраны дворянствомъ въ составъ ревизіонной Коммиссіи, которая провѣряла правильность отчета по земскимъ сборамъ. До того времени провѣрка производилась вышеуказаннымъ «патріархальнымъ» способомъ, т. е. собственно провѣрки по документамъ не производилось никакой и къ заранѣе составленному протоколу о правильности состоянія счетовъ, какъ бараны, прикладывали руку или печать дворянскіе и городскіе депутаты, или, какъ нѣкоторые изъ нихъ подписывались—«епутаты». На сей разъ Унковскій и Головачевъ потребовали у администраціи оправдательные документы, на что страшно разсердился тогдашній тверской губернаторъ А. П. Бакунинъ, смотрѣвшій сквозь пальцы на царившее кругомъ казнокрадство. Даже дворянское собраніе не сразу поддержало столь элементарное требованіе своихъ депутатовъ, такъ какъ оно и не подозрѣвало за собою право производить не формальную только, а дѣйствительную провѣрку земскихъ сборовъ. Но когда депутаты указали прямую статью

[7]) Сочин. I, 497.

закона, собраніе согласилось съ мнѣніемъ своихъ избранниковъ, и администрація, скрѣпя сердце, должна была подчиниться законному требованію дворянскаго собранія, хотя и въ крайне оригинальной формѣ. Представлены были какіе-то клочки бумагъ, по которымъ невозможно было не только произвести точную провѣрку цыфръ, но и добраться до какого-нибудь смысла.

Бакунинъ обозлился на Унковскаго и Головачева [8]), которымъ онъ старался впослѣдствіи мстить всѣми средствами за эту попытку оградить общественныя средства отъ безконтрольнаго хозяйничества администраціи.

Столкновеніе Унковскаго съ губернаторомъ, вызванное столь почтенными мотивами, побудило Тверское дворянство просить его принять должность уѣзднаго судьи. Хотя онъ очень хорошо понималъ, что при тогдашнемъ судебномъ устройствѣ немного могъ сдѣлать наилучшій уѣздный судъ, важнѣйшія рѣшенія котораго доходили въ концѣ концовъ до Палаты и Сената, гдѣ дѣла рѣшались подъ вліяніемъ взятокъ или связей, однако отвращеніе его къ петербургскому департаментскому бумагомаранію было такъ сильно, что онъ рѣшился взять должность уѣзднаго судьи, какъ болѣе живое дѣло.

Дѣла въ Тверскомъ уѣздномъ судѣ онъ засталъ въ сильномъ запущеніи. Не рѣшенныхъ дѣлъ оказалось до 1000, хотя по отчету судъ и былъ вполнѣ исправенъ. Этотъ фокусъ-покусъ, который былъ всѣмъ извѣстенъ, кромѣ замуравленнаго въ своемъ кабинетѣ и неприступномъ величіи далай ламы, недоступнаго ни кому вельможи, министра юстиціи В. Н. Панина, достигался очень просто. Къ концу года большинство дѣлъ суды старались разсылать другъ другу подъ разными предлогами, напр. допроса свидѣтелей, такъ что къ 1-му января большинство судебныхъ дѣлъ странствовало по разнымъ почтовымъ трактамъ и затѣмъ обратно возвращалось въ суды. За однимъ такимъ блуждающимъ дѣломъ,

[8]) Впослѣдствіи губернаторъ Бакунинъ отказалъ въ утвержденіи А. А. Головачева въ должности корчевскаго уѣзднаго предводителя дворянства. Дворянство просило у него разъясненія мотивовъ отказа, но тотъ счелъ за лучшее укрыться за какія-то невѣдомыя административныя соображенія, подъ которыми скрывалась просто личная вражда. Мин. внутр. дѣлъ Ланской внесъ дѣло въ Комитетъ Министровъ, и Бакунинъ былъ удаленъ.

состоявшимъ изъ нѣсколькихъ томовъ, Унковскій просидѣлъ нѣсколько дней и только прочитавъ все дѣло, могъ узнать, для чего оно прислано,—а именно: для какой-то ничтожной справки.

Первымъ дѣломъ Унковскаго было разогнать всю канцелярію, занимавшуюся съ секретаремъ во главѣ открытымъ грабежомъ, о которомъ можетъ дать понятіе слѣдующій случай. Унковскій наткнулся на одно дѣло, носившее странное заглавіе: «о противозаконныхъ поступкахъ» крестьянина такого-то. Дѣло заключалось въ томъ, что сынъ уличилъ отца въ снохачествѣ. Разыгралась семейная драма, кончившаяся убійствомъ. Но что же оказалось? Судъ въ теченіе 10 лѣтъ не ударилъ пальца о палецъ, потому что секретарь въ теченіе всего этого времени получалъ съ крестьянъ установленный оброкъ.

Унковскій пригласилъ на службу въ канцелярію молодыхъ семинаристовъ, которыхъ содержалъ у себя, и самъ платилъ имъ жалованье, такъ какъ казенное жалованье не превышало 15 руб. При ихъ помощи Унковскій, работая какъ волъ, къ концу своего трехлѣтія, къ 1857 г., успѣлъ очистить авгіевы конюшни Тверскаго уѣзднаго суда.

Въ теченіе этого времени добрая извѣстность Унковскаго, какъ честнаго судьи и какъ человѣка способнаго, знающаго, трудолюбиваго и убѣжденнаго общественнаго дѣятеля съ либеральными взглядами, не скрывавшаго своего отвращенія къ произволу и къ крѣпостному праву, все болѣе и болѣе росла въ тверскомъ дворянствѣ. Имя праведнаго судьи хорошо знали и крестьяне ближайшихъ къ Дмитрюкову околотковъ, и они частенько обращались къ Унковскому, какъ третейскому судьѣ, для миролюбиваго рѣшенія семейныхъ несогласій. Унковскій, уже тогда мечтавшій о судѣ присяжныхъ, сталъ практиковать въ подобныхъ дѣлахъ эту форму судопроизводства въ ея зачаточной формѣ. Предлагая сторонамъ выбрать понятыхъ, онъ при помощи ихъ съ идеальнымъ безпристрастіемъ разбиралъ самыя запутанныя дѣла о семейныхъ раздѣлахъ. Разъ ему пришлось открыть слѣдующее любопытное правовое народное воззрѣніе. Когда подѣлили весь домашній скарбъ, была вытащена новенькая расписная дуга, на которую заявилъ право старый дѣдъ, сказавъ, что лѣтъ сорокъ тому назадъ онъ укралъ ее у пьянаго

мужика. Всѣ захохотали и сказали: «если укралъ, можешь оставить себѣ и ѣздить къ обѣднѣ». По народному воззрѣнію получалось такое любопытное юридическое начало à la Прудонъ: что̀ выработалъ, при совмѣстной жизни, это принадлежитъ всей семьѣ, а если что укралъ—образуется личная собственность.

Слѣдуетъ еще упомянуть, что и въ ополченскомъ дѣлѣ 54 г. въ которомъ замарали себя многіе представители дворянства, Унковскій заслужилъ общую признательность своимъ добросовѣстнымъ, безукоризненно-честнымъ отношеніемъ къ дѣлу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Съ окончаніемъ Крымской войны все грознѣе и настойчивѣе надвигался страшный крестьянскій вопросъ, съ самаго возстанія декабристовъ, въ теченіе тридцати лѣтъ, не сходившій съ безсмѣнной очереди и давившій кошмаромъ все царствованіе Николая I. Несмотря на учрежденіе въ это царствованіе шести крестьянскихъ комитетовъ, изъ коихъ первый былъ учрежденъ въ 1826 г., вскорѣ послѣ суда надъ декабристами—этотъ всеобъемлющій, неотвязный вопросъ, этотъ роковой узелъ, къ которому, какъ къ центральному стволу, сходились и тяготѣли всѣ нити государственной жизни старой Россіи, не могъ быть развязанъ Николаемъ I, вслѣдствіе происковъ высшихъ придворныхъ и бюрократическихъ сферъ, пропитанныхъ насквозь крѣпостничествомъ [1]). Горько скорбя на смертномъ одрѣ объ этомъ упущеніи

---

[1]) Бѣлинскій, какъ-бы предвкушая возможность сказать въ скоромъ времени: «нынѣ отпущаеши» съ энтузіазмомъ превозносилъ въ 1847 г. иниціативу Николая I въ приступѣ къ освобожденію крестьянъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ горечью высказывалъ опасеніе, что приближенные Императора, «друзья своихъ интересовъ и враги общаго блага», съумѣютъ своими происками, въ виду его принципіальнаго недовѣрія къ европейскимъ освободительнымъ началамъ, отвлечь его вниманіе отъ крестьянскаго дѣла. Такъ и случилось. Революціонное движеніе 48-го года въ европейскихъ государствахъ дало крѣпостникамъ незамѣнимое орудіе для парализованія освободительныхъ попытокъ Николая I. См. Письмо Бѣлинскаго въ прим. 5, главы I, книги моей: «Изъ эпохи великихъ реформъ» М. 1894 г. (5 изд.).

— О настроеніи правящихъ сферъ въ 1848 г. можетъ дать понятіе дневникъ лифляндскаго губернатора (съ 1862 г. мин. внутр. дѣлъ) П. А. Валуева. Подъ 16 марта онъ пишетъ: „Третьяго дня, въ 7 ч. утра,

по «командѣ», т. е. по управленію Россіей, Николай I вмѣстѣ съ послѣднимъ лобзаніемъ, передалъ это тяжкое наслѣдіе своему преемнику, настойчиво рекомендуя ему необходимость освобожденія крестьянъ [2]).

Сознаніе, что дольше «такъ жить нельзя» безъ ущерба для самыхъ насущныхъ интересовъ этой страны, что необходимо покончить такъ или иначе съ крѣпостнымъ правомъ и построенною на немъ системою государственнаго управленія, надъ которою героическія, но безплодныя перипетіи Крымской войны произнесли безпощадный, безошибочный, очевидный для всѣхъ понимающихъ людей приговоръ, сознаніе это все болѣе и болѣе проникало не только въ общество и правительство [3]), но даже и въ народныя массы [4]).

Віельгорскій привезъ извѣстіе о Берлинской катастрофѣ. Вверху всѣ въ крайнемъ смущеніи. Наши псевдогосударственные мужи не знаютъ за что взяться. Другіе придумываютъ сумасбродныя распоряженія. Д. П. Бутурлинъ напр. совѣтуетъ закрыть всѣ университеты и гимназіи. Въ городѣ разносятъ уже безчисленныя нелѣпости о дальнихъ областяхъ самой имперіи. Вчера утверждали, что Тифлисъ (sic) и Варшава вспыхнули и что въ Ригѣ въ какомъ-то клубѣ изъ мебели состроили баррикады. Между сановниками и политиками одни въ безмолвномъ страхѣ, — говорю «безмолвномъ», потому что они ничего не сказываютъ толковитаго, хотя и говорятъ много; другіе въ озлобленіи думаютъ лишь о способахъ давить все, что смѣетъ думать о нихъ и не льстить имъ". — Въ частности относительно крестьянскаго вопроса есть у Валуева, въ декабрѣ, слѣдующее любопытное замѣчаніе будущей знаменитой ревнительницы крестьянской реформы, великой княгинѣ Елены Павловны: „il n'y a rien d'aussi peu monarchique que le despotisme; l'Empereur est démocrate sans s'en douter". (*Русская Старина* 1891 г., апрѣль, 173).

[2]) Матеріалы къ исторіи упраздн. крѣп. права, I, 97.

[3]) Одинъ изъ умѣреннѣйшихъ критиковъ николаевскаго режима, названный губернаторъ Валуевъ вскорѣ послѣ паденія Севастополя писалъ въ своей *Думѣ Русскаго*: «Давно-ли мы покоились въ самодовольномъ сознаніи нашей славы и нашего могущества? Давно-ли наши поэты внимали хвалѣ, которую намъ

Семь морей немолчно плещутъ?

Давно-ли пророчествовали, что намъ

Богъ отдастъ судьбу вселенной,
Громъ земли и гласъ небесъ?

Что стало съ нашими морями? Наши корабли потоплены, сожжены или заперты въ нашихъ гаваняхъ. Непріятельскія арміи безнаказанно попи-

Новое царствованіе, встрѣченное съ самыми радостными упованіями, не сразу откликнулось на прогрессивныя чаянія общества, и, имѣя на рукахъ тяжелую войну, какъ будто колебалось, не рѣшалось сразу выступить противъ краеугольнаго камня стараго общественнаго строя, противъ рабовладѣнія. Извѣстно было также, что Александръ II, будучи наслѣдникомъ престола, былъ не противъ крѣпостнаго права [5]). Назначенный въ августѣ 1855 г. на мѣсто свирѣпаго министра внутреннихъ дѣлъ Д. Г. Бибикова С. С. Ланской съ своей стороны дебютировалъ циркуляромъ, который привелъ въ восторгъ консерваторовъ. Ланской писалъ губернскимъ предводителямъ дворянства, что Государемъ повелѣно ему: «ненарушимо охранять права, вѣнценосными его предками дарованныя дворянству». Затѣмъ Ланской добавлялъ, что «считаетъ себя счастливымъ передать о столь высокой милости и съ особенно утѣшительнымъ для себя чувствомъ удостовѣрить, что и по собственному, глубоко въ сердцѣ своемъ вкоренившемуся убѣжденію, онъ всегда почиталъ дворянское сословіе вѣрнымъ сподвижникомъ державной власти и твердою опорою отечества» [6]). Отлегло отъ сердца у благородныхъ крѣпостниковъ, разсѣялись опасенія на счетъ возможности отмѣны священнаго права на владѣніе живыми и мертвыми душами. Циркуляръ Ланского привелъ въ такой неописуемый восторгъ плантаторовъ Англійскаго клуба въ Петербургѣ, что они, не читавшіе, какъ и всѣ истинно

———

раютъ нашу землю. Гдѣ превосходство войскъ нашихъ, столь стройно грозныхъ подъ Краснымъ? Останавливаясь на причинѣ, вызвавшей пораженіе Россіи, Валуевъ видитъ ее въ полномъ униженіи личности и во всемогуществѣ бюрократіи: «Вездѣ преобладаетъ у насъ, пишетъ онъ, стремленіе сѣять добро силою. Вездѣ пренебреженіе и нелюбовь къ мысли, движущейся безъ особаго на то приказанія. Вездѣ опека надъ малолѣтними. Вездѣ противоположеніе правительства народу, казеннаго частному, вмѣсто ознаменованія ихъ неразрывныхъ связей. Пренебреженіе къ каждому изъ насъ въ особенности и къ человѣческой личности вообще вѣками водворилось съ законахъ. Постановленіями о заграничныхъ паспортахъ наложенъ домашній арестъ на свыше 60 милліоновъ вѣрноподданныхъ» и пр. (*Русская Старина* 1891 г., май, 357).

[4]) См. назв. Матеріалы, I, 114.

[5]) См. Записки Левшина въ *Русск. Арх.* 1885, № 10, стр. 480.

[6]) См. н. Матерілы, I, 103

благонамѣренные люди, ничего кромѣ патріотической литературы и романовъ Поль де Кока [7]), зачитывались этимъ циркуляромъ Ланского, въ которомъ видѣли новое всеторжественное освященіе на всѣ будущія времена священной уже своею древностью святыни крѣпостнаго права. Литературный успѣхъ краснорѣчиваго циркуляра Ланского былъ такъ великъ, что пришлось — вещь неслыханная! — выпустить второе изданіе его.

Но радость себялюбивыхъ, близорукихъ душевладельцевъ была непродолжительна. Уже въ манифестѣ 19-го марта 1856 года о заключеніи Парижскаго мира проскользнула фраза, при чтеніи которой вытянулись физіономіи крѣпостниковъ и съ надеждой засіяли лица у молодого поколѣнія и вообще у враговъ крѣпостнаго права. Фраза эта гласила слѣдующее: «каждый подъ сѣнью законовъ, для всѣхъ *равно* справедливыхъ, всѣмъ *равно* покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ *плодомъ* трудовъ невинныхъ».

Когда истомится душа долгимъ ожиданіемъ, то и слабый намекъ, и мимолетное указаніе на возможность осуществленія пламеннаго желанія получаетъ значеніе реальнаго обѣщанія. Такъ и въ данномъ случаѣ! Эта неопредѣленная фраза манифеста съ буколическимъ пошибомъ, эта, быть можетъ, случайно сорвавшаяся у краснорѣчиваго составителя манифеста графа Д. Н. Блудова, риторическая фигура,—сверкнувъ, какъ первый, послѣ безконечной зимы, теплый весенній лучъ, украдкою пробившійся сквозь тучи,—заставила трепетать друзей народа радостною надеждою на близость паденія крѣпостнаго права. Такъ поняли эту, въ сущности невинную, буколическую фразу и озадаченные крѣпостники, совсѣмъ-было успокоившіеся послѣ недавняго пышнаго циркуляра Ланского.

Озадаченъ былъ и завзятый крѣпостникъ графъ Закревскій, московскій генералъ-губернаторъ, патріархально правившій, съ правами сатрапа, Москвою и ненавидѣвшій всякія новшества. Онъ воспользовался кратковременнымъ пріѣздомъ [8]) Государя въ

[7]) Салтыковъ, I, 500.

[8]) Государь пріѣхалъ 29 марта и послѣ молебна въ Успенскомъ соборѣ выѣхалъ 1 апрѣля обратно въ Петербургъ. См. *Москов. Вѣдом.* 1856 г., № 39, 40.

Москву 29-го марта послѣ заключенія мира и просилъ его «успокоить» дворянъ относительно «неблагонамѣренныхъ» слуховъ объ упраздненіи крѣпостнаго права, вызванныхъ манифестомъ. Государь исполнилъ просьбу графа Закревскаго, но результаты вышли обратные его ожиданіямъ. Предводителямъ московскаго дворянства Александръ II сказалъ знаменитую историческую импровизацію, составляющую поворотный пунктъ въ исторіи крестьянскаго вопроса и нанесшую первый ударъ крѣпостному праву». Слухи носятся, — сказалъ Государь,—что я хочу объявить *освобожденіе крѣпостнаго состоянія*. Это несправедливо, а отъ этого было нѣсколько случаевъ неповиновенія крестьянъ помѣщикамъ. Вы можете сказать это всѣмъ направо и налѣво. Я *не скажу* вамъ, чтобы я былъ совершенно противъ этого; мы живемъ въ *такомъ вѣкѣ*, что современемъ это должно случиться. Я думаю, что и вы одного мнѣнія со мною; слѣдовательно, *гораздо лучше*, чтобы *это произошло свыше*, *нежели снизу* [9]).

Можно представить, какъ мало успокоили эти неожиданныя для всѣхъ (не исключая и министровъ) [10]) вѣщія слова, окрылявшія надеждами все передовое общество и образованную часть средняго дворянства, прошедшую университетскую школу и сочувствовавшую освобожденію, и какъ ошеломили невѣжественныхъ московскихъ баръ, чадолюбивыхъ сѣдовласыхъ столбовыхъ дворянъ, диву давшихся, пришедшихъ въ ужасъ, просто остол-

[9]) Само собою разумѣется, что въ тогдашнихъ газетахъ объ этой исторической рѣчи нѣтъ ни полслова. Она была напечатана за-границею въ н. Матеріалахъ (изд. Хрущева) I, 114, 115, но мы приводимъ ее въ томъ видѣ, какъ она была записана въ Москвѣ тотчасъ по произнесеніи (см. записки Левшина въ *Русск. Арх.* 1885, № 8, стр. 476).

[10]) Что побудило Государя сказать эту рѣчь—остается неизвѣстнымъ. См. н. Матеріалы I, 115. Рѣчь Александра II была сюрпризомъ даже и для м. вн. дѣлъ Ланского, который замѣтилъ въ разговорѣ съ товарищемъ своимъ Левшинымъ: «весьма сожалѣю, что рѣчь эта была сказана». Когда Ланской спросилъ государя, дѣйствительно ли онъ произнесъ рѣчь, которая ходитъ по рукамъ, государь съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ (объясняемымъ тѣмъ, что къ нему уже не разъ обращались съ тѣмъ же вопросомъ) отвѣчалъ: „да, говорилъ точно то и не сожалѣю о томъ“ (см. н. записку Левшина, 477).

бенѣвшихъ отъ неожиданной ссылки на требованіе какого-то «вѣка» и на возможность насильственнаго упраздненія крѣпостнаго права, въ нерушимость коего они такъ горячо и наивно вѣрили:

> Стучится идея о чемъ-то, бишь, новомъ,
> Задвинемъ-ка двери засовомъ!...

Сдѣлали попытку крѣпостники преградить дорогу чуть занявшейся зарѣ свободы, внезапному появленію которой Ланской былъ удивленъ не менѣе московскихъ баръ. Для успокоенія дворянъ министръ Ланской разослалъ 10-го августа 1856 г., еще болѣе краснорѣчивый, чѣмъ прежній, циркуляръ объ охраненіи крѣпостнаго права, но увы! сладкая увѣренность въ нерушимости твердыни рабства была разрушена навсегда и встрѣвоженныя госпожи Падейковы стали впадать, послѣ припадковъ яростнаго своеволія, въ тонъ вынужденной меланхолической резиньяціи, стали видѣть... первые «странные сны» [11]). Да и какая въ самомъ дѣлѣ могла быть вѣра въ успокоительныя метафоры циркуляра Ланского, когда онъ и товарищъ его Левшинъ, въ концѣ августа 1856 г., во время коронаціонныхъ празднествъ то и дѣло заводили рѣчь съ пріѣхавшими въ Москву предводителями дворянства, хоть и обиняками, о «проклятомъ» вопросѣ, а 1-го января 1857 г. уже учрежденъ былъ крестьянскій секретный комитетъ?!

Какъ разъ около этого времени, т. е. въ концѣ 1856 и въ началѣ 1857 г., происходили въ Твери дворянскіе выборы. Толки

[11]) «Всегда видишь, разсказывала Падейкова, что-нибудь пріятное: или по ковру ходишь, или по рѣкѣ плывешь, или вообще что-нибудь на пользу дѣлаешь, а нынче просто-на-просто привидѣлось какое - то большущее черное пятно: такъ будто и колышется передъ глазами—то налѣво повернетъ, то направо попятится, то будто подъ сердце подступить хочетъ... Видно ужъ мы неугодны стали, толкуетъ свой сонъ Падейкова, а угодны холопки. Ну, чтожъ? и пускай онѣ будутъ дворянками! Вотъ завтра позову всѣхъ, и Ѳеклушу позову... ну, и скажу имъ: теперь, дѣвки, ужъ не мнѣ вами командовать, а вы командуйте мною, вы теперь барыни, а я ваша холопка! Только прелюбопытно это будетъ, Гаврила Семенычъ, какъ это онѣ за команду примутся? Вѣдь онѣ это дѣло какъ понимаютъ? По ихнему, сидѣть-бы сложа руки, чтобы все это имъ даромъ да шаромъ... а того и не подумаютъ, мерзавки, что даромъ-то и прыщъ на носу не вскочитъ: все сначала почешется». (Салтыковъ—Сочиненія, II, 35, 36).

о крѣпостномъ правѣ, особенно послѣ вышеупомянутой рѣчи Государя, само собою разумѣется, были въ полномъ ходу, хотя они не выходили на публичную арену и ограничивались частными бесѣдами. Дворянская молодежь, особенно университетская, была за освобожденіе, пожилые и особенно тѣ, которые были познатнѣе и побогаче,—и

Чье сердце не смущалъ гонимыхъ братьевъ стонъ,
Кому закономъ былъ отцовъ его законъ,

находились въ ужасѣ и, ничего не слушая, стояли горою за свои безчеловѣчныя привилегіи.—А. М. Унковскій съ обычнымъ своимъ жаромъ и остроуміемъ ратовалъ противъ крѣпостниковъ, которые, прикрываясь священными текстами и интересами государства, отстаивали, по рутинѣ и жадности, позорное право, какъ твердо установившійся «порядокъ вещей», считая его, благодаря своему невѣжеству, conditio sine qua non могущества Россіи, единственнымъ средствомъ для обузданія «хамовъ» и единственнымъ способомъ своего имущественнаго обезпеченія. Съ пѣною у рта защищали это драгоцѣнное самобытное историческое наслѣдіе умудренные опытомъ столпы отечества отъ молодыхъ вольнодумцевъ и теоретиковъ, это ужасающее зло, ужасающее, потому что, какъ писалъ другой ненавистникъ крѣпостнаго строя, Салтыковъ, «зло никогда не бываетъ такъ сильно, какъ въ то время, когда оно не чувствуется, когда оно, такъ сказать, разлито въ воздухѣ, когда оно именуется т. н. всесторонними изслѣдователями не зломъ, *а порядкомъ вещей*» [12]).

Спорамъ и пререканіямъ какъ въ Твери, такъ и въ другихъ мѣстахъ не было конца. Нѣкоторое представленіе объ этихъ диспутахъ можетъ дать слѣдующая сцена, записанная съ натуры Аѳанасьевымъ-Чужбинскимъ.

Споръ происходилъ между либераломъ, молодымъ человѣкомъ, побывавшимъ за-границею и кое-что тамъ нахватавшимъ, и ротмистромъ — ярымъ защитникомъ крѣпостнаго права и отражающимъ настроеніе огромнаго большинства русскаго дворянства. Ротмистръ настаивалъ на необходимости абсолютнаго рабства и приводилъ довольно кстати тексты изъ Ветхаго Завѣта о рабствѣ,

12) Сочиненія I, 124.

которые и доселѣ еще служатъ обильнымъ источникомъ для поборниковъ отжившаго права. На самыя же убѣдительныя доказательства молодаго человѣка, ротмистръ, стуча кулакомъ по столу, восклицалъ:

— А я вамъ скажу, что у насъ нужны двѣ вещи: *палка и ежевыя рукавицы.*

— Да отчего же?—спросилъ наконецъ ораторъ.

— Оттого, что дворянинъ и помѣщикъ обязанъ держать въ повиновеніи...

Многіе апплодировали. Встрѣчая сочувствіе слушателей, ротмистръ гордо поднялъ голову.

— А историческій ходъ событій?—спросилъ молодой человѣкъ.

— Скажите лучше истерическій,—замѣтилъ ротмистръ.

— Ха, ха, ха! славно!—раздалось вокругъ.

— Вы, значитъ, не изучали человѣка.

— Кто? я? Ну, ужъ извините, я такъ изучилъ человѣка, что вамъ и не снилось. Эй, Сенька!

Опрометью сквозь толпу протѣснился Сенька, держа въ одной рукѣ трубку, въ другой—бумажку для зажиганія.

— Сенька! кто былъ умнѣе всѣхъ людей на свѣтѣ?

— Ной.

— Почему?

— Онъ первый придумалъ давить гроздья винограда для потѣхи сердца человѣческаго.

— Ха, ха, ха!—послышалось отовсюду,—вотъ бестія!

— Сенька!

— Чего изволите?

— Что сильнѣе всего на свѣтѣ?

— Палка.

— А что вреднѣе всего на свѣтѣ?

— *Книжники и писаки.*

Раздался хохотъ [13])...

Основываясь на недавнихъ попыткахъ правительства, кончавшихся полнымъ фіаско, крѣпостники все еще не придавали большаго значенія поднимавшися постепенно противъ крѣпост-

---

[13]) *Морской Сборникъ*, 1861, № 1.

наго строя общественнымъ толкамъ и, какъ всѣ трусы, находили для себя подходящее успокоеніе. Успокоивались они преимущественно на томъ, что если желѣзная воля Николая не могла справиться съ этимъ колоссальнымъ вопросомъ, то еще труднѣе будетъ молодому Государю, котораго считали добрымъ и слабохарактернымъ. Но они забывали при этомъ одно: неодолимую силу того всесильнаго фактора, который называется *духомъ времени, требованіемъ вѣка*, общественнымъ мнѣніемъ, фактора, который сильнѣе самыхъ могущественныхъ владыкъ земныхъ и всеобъемлющее значенье коего призналъ, какъ указано выше, одинъ изъ нихъ въ извѣстной московской рѣчи [14]). А новый духъ человѣчности, демократическій духъ вѣка, духъ равенства и справедливости возставалъ противъ привилегій для немногихъ, современный либеральный духъ повелительно требовалъ, какъ писалъ еще въ 1845 г. наставникъ будущаго Царя-Освободителя, «не дѣлъ славы, озаряющихъ немногихъ избранныхъ, а дѣлъ *правды*, правды Божіей, благодѣтельныхъ *для всѣхъ и каждаго* [15])».

Среди тверской дворянской молодежи, воспитанной на либеральной внутренней литературѣ и на произведеніяхъ Герцена, которыми зачитывались всѣ, не исключая кадетъ, гимназистовъ [16]) и жандармовъ, было не мало либераловъ, особенно въ Новоторжскомъ уѣздѣ, гдѣ имѣла сильное вліяніе передовая семья Бакуниныхъ. Но значительное большинство тверскаго дворянства было на сторонѣ крѣпостниковъ. Объ отношеніи же къ злоупот-

---

[14]) Вотъ что внушалъ объ этомъ наставникъ Жуковскій будущему Царю-Освободителю: «Исторія говоритъ властителямъ, —писалъ онъ:— будьте согласны съ вашимъ *вѣкомъ*; идите съ нимъ вмѣстѣ, но ровнымъ шагомъ; отстанете—онъ васъ покинетъ; осмѣлитесь преградить ему дорогу— онъ васъ раздавитъ. Работайте безпрестанно, неутомимо, на ряду со временемъ, отдѣляя отъ живаго то, что уже оно умертвило, питая то, въ чемъ таится зародышъ жизни, и храня то, что зрѣло и полно жизни. Ваша сила не въ вашей верховной власти и великихъ правахъ ея, — она въ *достоинствѣ вашего народа*: униженъ онъ — унижены и вы; онъ страждетъ—вы ненавистны; тогда могущество ваше построено на пескѣ,— первый вѣтеръ его опрокинетъ. См. *Годы ученія Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича*. 7—I ч. 1881 г.

[15]) *Русск. Арх.* 1867 г., стр. 1412.

[16]) См. Еленева—Первые шаги освобожденія крестьянъ, 62.

ребленіямъ крѣпостнаго права можно судить по тому, что собраніе депутатовъ, подъ предсѣдательствомъ Тверскаго губернскаго предводителя Озерова, отказало еще въ 1855 г. губернатору взять въ опеку крестьянъ Шишмарева, который, между прочими жестокостями, сѣкъ розгами по грудямъ женщинъ.

Этотъ самый Озеровъ былъ снова выбранъ губернскимъ предводителемъ въ Твери на выборахъ декабря 1856 г., главнымъ образомъ, въ виду того, что онъ былъ нѣкогда преподавателемъ математики у в. к. Константина Николаевича и имѣлъ связи при дворѣ. Желая выслужиться, Озеровъ предложилъ правительству, безъ вѣдома дворянъ, принадлежащій тверскому дворянству домъ подъ Аракчеевскій кадетскій корпусъ. На губернскомъ собраніи Унковскій въ блистательной рѣчи выступилъ рѣшительнымъ противникомъ передачи дома подъ корпусъ. Ссылаясь, между прочимъ, на только-что появившіяся извѣстныя статьи Н. И. Пирогова «Вопросы жизни», [17]) онъ доказывалъ, что дворянству нужны не профессіональныя военныя школы, съ дѣтства приготовляющія

[17]) Эта знаменитая статья, появившаяся въ 1856 г. въ іюньской книгѣ *Морскаго Сборника* (ставшаго съ 1856 г., благодаря в. к. Константину Николаевичу, органомъ прогрессивныхъ идей), произвела въ свое время фуроръ, открывъ впервые глаза обществу на уродливыя послѣдствія преждевременной спеціализаціи, господствовавшей въ дореформенной школѣ. «Не спѣшите, писалъ Пироговъ съ вашей прикладной реальностью. Дайте созрѣть и окрѣпнуть внутреннему человѣку: наружный успѣетъ еще дѣйствовать; онъ выходитъ позже, но, управляемый внутреннимъ, будетъ, можетъ быть, не такъ ловокъ, не такъ сговорчивъ и уклончивъ, какъ *воспитанникъ* реальныхъ школъ, но зато на него можно будетъ *вѣрнѣе положиться:* онъ уже не за свое не возьмется. Дайте выработаться и развиться внутреннему человѣку, дайте ему время и средства подчинить себѣ наружнаго, и у васъ будутъ *люди и граждане*».—Кто бы повѣрилъ, что это просвѣщенное движенье противъ старой ремесленной и спеціальной муштровки, начавшееся въ 1856 г. во имя человѣчности и правъ человѣка, приведетъ черезъ десять лѣтъ къ худшей изъ спеціализаціи, къ созданію классическихъ корпусовъ грамматической схоластики, которые, въ отличіе отъ старыхъ спеціальныхъ школъ, не давая никакихъ практическихъ знаній, засорятъ головы своихъ дряблыхъ, отупѣвшихъ отъ зубренія питомцевъ, по ироніи судьбы именуемыхъ «зрѣлыми»—хитросплетеніями и греко-латинскаго синтаксиса, вмѣсто ознакомленія съ духовнымъ міромъ и гражданственностью классической древности?! Если при созданіи этихъ мастерскихъ схоластическаго псевдо-

къ техническимъ и цеховымъ назначеніямъ, а учебныя заведенія, дающія общечеловѣческое образованіе, развивающія равномѣрно умственныя способности и нравственное чувство, безъ ломки его въ угоду той или другой профессіи, словомъ, приготовляющія не техниковъ, а «хорошихъ гражданъ». Увлекательное, убѣдительное слово А. М. подѣйствовало сильно и огромнымъ большинствомъ было отклонено предложеніе Озерова, котораго, послѣ этого инцидента, правительство не сочло возможнымъ утвердить въ должности предводителя.

Слѣдовало произвести новые выборы. Вся предшествующая дѣятельность Унковскаго, его блестящія способности и солидное образованіе такъ рельефно выдвинули его недюжинную личность, что несмотря на его молодость (ему только-что минуло 28 лѣтъ), на неимѣніе великосвѣтскихъ связей и большихъ средствъ (у Унковскаго было около 400 десятинъ) онъ, оказался, вопреки установившимся традиціямъ, самымъ виднымъ кандидатомъ. Любопытно, что за Унковскаго, который долго отказывался отъ баллотировки, агитировалъ сильно, кромѣ Головачева и другихъ либераловъ, завзятый крѣпостникъ Веревкинъ, съ которымъ впослѣдствіи въ Тверскомъ крестьянскомъ комитетѣ Унковскому не разъ приходилось сталкиваться. Конкуррентомъ Унковскаго былъ кн. Голицынъ.—Первыя двѣ баллотировки не дали рѣшительныхъ результатовъ, но, наконецъ, по третьей Унковскій былъ избранъ 8-го февраля 1857 г. По поводу этой троекратной баллотировки Унковскій, въ своей благодарственной рѣчи, смѣясь, сказалъ въ собраніи, пародируя слова Расплюева,—роль котораго, скажемъ кстати, онъ только-что исполнялъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ въ одномъ благотворительномъ спектаклѣ — «ну, баллотировали разъ, ну два, а то до безчувствія»!

Утвержденіе заставило себя ждать довольно долго. Губернаторъ Бакунинъ, не могшій простить Унковскому его вышеуказанныхъ (глава II) честныхъ и смѣлыхъ дѣйствій по повѣркѣ отчета о земскихъ сборахъ, пустилъ въ ходъ все, чтобы воспре-

---

классицизма именно стремились избѣгнуть въ школѣ всего, что ведетъ къ приготовленію «людей и гражданъ», то трудно было придумать болѣе цѣлесоотвѣтственное орудіе.

пятствовать утвержденію его. Бакунинъ напоминалъ и объ исключеніи А М. изъ лицея за литературный либерализмъ, и объ знакомствѣ его съ Петрашевскимъ, и даже сообщалъ о неудобствѣ видѣть въ высокопоставленной должности губернскаго предводителя лицо, только-что скомпрометировавшее себя исполненіемъ роли Расплюева. Но Ланской не обратилъ вниманія на возраженія Бакунина, который вскорѣ самъ бы смѣщенъ, и Унковскій былъ Высочайше утвержденъ въ должности 15 марта 1857.

Въ новой должности своей на первыхъ же порахъ Унковскій показалъ себя такъ, какъ можно было ожидать отъ представителя высшаго, благороднаго не по имени только сословія, т. е. человѣкомъ справедливымъ и дѣйствующимъ по убѣжденію, а не по личнымъ или сословно-корыстнымъ соображеніямъ. Первое лицо, которое явилось къ нему послѣ вступленія въ должность, былъ вышеупомянутый истязатель женщинъ, вышневолоцкій помѣщикъ Шишмаревъ, котораго отстояли Озеровъ и другіе крѣпостники, и даже Сенатъ, отъ справедливаго преслѣдованія губернатора Бакунина. Зная о дурныхъ личныхъ отношеніяхъ Унковскаго къ губернатору, Шишмаревъ разсчитывалъ выѣхать на нихъ. И каково же было его удивленіе, когда Унковскій вполнѣ одобрилъ дѣйствія Бакунина, удалившаго Шишмарева и послѣ сенатскаго рѣшенія изъ имѣнія за новыя жестокости! Легко понять, какъ ощетинились за это крѣпостники на Унковскаго. Тутъ же вскорѣ былъ другой случай, еще болѣе ихъ раздражившій. Надъ помѣщикомъ Семеновымъ, осужденнымъ за кражу хомута (отцомъ пресловутой «психопатки Семеновой»), производилось слѣдствіе за жестокое обращеніе, которое подтвердилось вполнѣ. Обнаружилось, между прочимъ, что Семеновъ, подобно многимъ другимъ «благодѣтелямъ», крестьянъ просто-на-просто превратилъ въ дворовыхъ рабочихъ [18]). Онъ заставлялъ крестьянъ своихъ работать чуть не всѣ шесть дней у себя, а ѣсть не давалъ, а посылалъ въ деревню. Унковскій, не предупредившій членовъ слѣдственной коммиссіи, вызвалъ крестьянъ въ коммиссію.

---

[18]) Кажется, этотъ именно случай имѣетъ въ виду Салтыковъ, когда онъ разсказываетъ въ *Пошехонской Старинѣ* о мелкопомѣстномъ дворянинѣ, томившемъ на барщинѣ шесть дней и разрѣшавшемъ приготовленіе горячей пищи только по воскресеньямъ.

— Желаете-ли оставаться у помѣщика?—спросилъ онъ.

— Не желаемъ.

— Берите шапки и уходите отъ него!

Жандармскій офицеръ, входившій въ составъ коммиссіи, остолбенѣлъ, но Унковскій настоялъ на своемъ, заявивъ, что по закону помѣщикъ не имѣетъ права дѣлать дворовыми числящихся крестьянами. Семеновъ не остался въ долгу у Унковскаго за это частичное «освобожденіе крестьянъ» и отплатилъ потомъ... доносами.

Но Унковскаго гораздо больше борьбы съ отдѣльными злоупотребленіями крѣпостнаго права волновалъ законодательный вопросъ о полномъ упраздненіи его. Въ концѣ апрѣля онъ поѣхалъ въ Петербургъ. Согласно тогдашнему этикету, губернскій предводитель тотчасъ по пріѣздѣ представлялся Государю.

Аудіенцію, имѣвшую мѣсто въ апрѣлѣ 1858 г., Унковскій въ своихъ Запискахъ описываетъ такъ: «Узнавъ о моемъ пріѣздѣ, изъ министерства спросили меня, когда я намѣренъ представиться Царю. Назначенъ былъ день. Я ѣду во дворецъ. Помню, меня впустили въ кабинетъ. Вхожу. Государь стоитъ посреди комнаты. Я представляюсь тверскимъ предводителемъ дворянства. Государь подошелъ къ дверямъ, щелкнулъ замокъ; затѣмъ онъ началъ чрезвычайно тихо говорить, какъ человѣкъ, который боится, чтобы его не подслушали.

— Теперь патріархальныя отношенія между помѣщиками и крестьянами должны уничтожиться, говорилъ онъ; надо подумать объ измѣненіи этихъ отношеній. Надо надѣяться, что дворянство будетъ впереди въ этомъ дѣлѣ. Какъ вы думаете, чего можно ожидать?

— Я отвѣчаю: Положительно увѣренъ, что большинство дворянства будетъ только сочувствовать, ибо хорошо понимаетъ, что нельзя оставаться съ крѣпостнымъ правомъ.

— На это Государь сказалъ, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ лицъ, неудобно вводить реформу за-разъ во всемъ государствѣ, что лучше вводить ее постепенно, по мѣстностямъ, дабы избѣжать безпорядковъ.

— Я, признаюсь, осмѣлился замѣтить, что скорѣе слѣдуетъ принимать мѣры въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ *не* будутъ вводить реформу и что едва ли можно ожидать бунта отъ человѣка, котораго только что освободили.

Отвѣтъ мой не обошелся безъ смѣха. Помню, въ увлеченіи я назвалъ Государя «ваше превосходительство». Государь разсмѣялся, ни слова не замѣтилъ, напротивъ, наговорилъ любезностей.

На прощаніи Государь подчеркнулъ, что надѣется на содѣйствіе дворянъ, намекнувъ, что необходимо освободить крестьянъ съ почвою. Откланиваясь, я сказалъ: «Стоитъ только Вашему Величеству указать основанія реформы, дворянство съ горячею готовностью приметъ ихъ къ сердцу».

Восхищенный вышелъ Унковскій послѣ этой исторической аудіенціи, которая сулила ему, несмотря на апатичное и даже враждебное отношеніе къ мысли Царя придворныхъ сферъ и большинства высшихъ властей, осуществленіе мечты его юности, ставшей горячимъ убѣжденіемъ зрѣлаго человѣка. Унковскій летитъ обратно на родину, въ Тверь, везя великую радость друзьямъ народа и твердую рѣшимость въ сердцѣ своемъ отдать себя всецѣло, всѣ свои силы и способности на беззавѣтное, мужественное служеніе этой великой исторической миссіи, которую въ нетерпѣніи почти сто лѣтъ ждали передовые русскіе люди—Новиковъ и Радищевъ, декабристы и петрашевцы, Бѣлинскій и Грановскій. Минута была знаменательная, торжественная, долженствовавшая опредѣлить всю дальнѣйшую судьбу Унковскаго и рѣшить, насколько онъ остался вѣренъ мечтамъ юности, навѣяннымъ наставникомъ Энгельгардтомъ подъ шумъ липовой аллеи скромнаго Дмитрюковскаго парка и взлелѣяннымъ пламенной проповѣдью Бѣлинскаго и гуманною каѳедрою Грановскаго...

Все ли вѣренъ призыву святому
Правды съ тѣхъ поръ, какъ изъ отчаго дома
Вышелъ ты съ жаждой добра и свободы?—
Такъ журчали родимыя воды.
Все-ли, какъ прежде, любовью богато
Сердце, и въ ближнемъ видишь-ли брата?—
Молвилъ вѣтеръ родимаго края,
Въ полѣ колосья къ землѣ нагибая.
Съ дѣтскимъ-ли сердцемъ и чистъ-ли душой
Ты воротился къ намъ? Такъ...
Лѣса роднаго березы и ели
Ясной вечерней порою шумѣли....

Унковскій могъ не краснѣя смѣло слушать эти напѣвы родныхъ полей и лѣсовъ. Онъ не измѣнилъ, какъ многіе, «мечтамъ юности златой». Опытъ жизни, наука не разрушили ихъ, а укрѣпили, возвели въ систему твердыхъ убѣжденій, «какъ внутренняго смысла всей жизни», по выраженію Салтыкова.

Правъ былъ Дж. Ст. Милль, сказавъ, что одинъ умный гражданинъ съ убѣжденіемъ стоитъ десяти безъ убѣжденій или дѣйствующихъ во имя узкихъ, корыстныхъ интересовъ. Послѣдующая непродолжительная, но поистинѣ богатырская дѣятельность Унковскаго и немногихъ его сотрудниковъ, сумѣвшихъ силою убѣжденія и примѣра сдѣлать изъ инертнаго или явно крѣпостническаго невѣжественнаго большинства [19]) тверскаго дворянства поборника народной свободы, представляется до такой степени невѣроятною грандіозно - миѳическою эпопеею, что поневолѣ скажешь вмѣстѣ съ любимымъ поэтомъ и другомъ Унковскаго:

Попробуй, усумнись
Въ своихъ ты богатыряхъ
До-историческаго вѣка,
Когда и въ наши дни
Выносятъ на плечахъ
Все поколѣнье,
Два-три человѣка...

Въ этомъ отношеніи, а именно: какъ провѣрка значенія убѣжденнаго человѣка, обозрѣніе дѣятельности Унковскаго имѣетъ не только историческій, но и практическій интересъ, особенно въ наше дряблое время, живущее изо дня въ день безцѣльно и безстра-

---

[19]) Мин. внутр. дѣлъ Ланской въ запискѣ своей 1859 г. указываетъ, что изъ 1377 членовъ дворянскихъ Комитетовъ едва $^1/_{10}$ занимались предложеннымъ вопросомъ, остальные безсознательно покорялись вліянію нѣсколькихъ людей, успѣвшихъ овладѣть дѣломъ (см. Н. П. Семеновъ — Освобожденіе крестьянъ, I, 827). Бросая ретроспективный взглядъ на борьбу партій въ крестьянскомъ вопросѣ *Сѣверная Пчела* писала въ 1860 г.: «какъ въ дворянскихъ комитетахъ такъ и внѣ ихъ рѣшительный перевѣсъ одержало мнѣніе озареннаго свѣтомъ общечеловѣческаго образованія *молодаго* поколѣнія; предъ полнымъ свѣжести и разумной силы, строемъ мыслей этихъ людей поникла въ сознаніи безсилія отжившая рутина, не безъ огорченія видѣвшая паденіе своего авторитета». (1860 г. № 1).

стно. Въ чемъ же заключался секретъ успѣха дѣятельности Унковскаго?

А вотъ въ чемъ. Унковскій и его сотрудники принадлежали къ «тому безвѣстному, но прочно сплоченному духовными узами меньшинству людей, на которомъ, какъ пишетъ Салтыковъ, съ любовью отдыхаетъ взоръ изслѣдователя нашей общественной жизни, къ тѣмъ немногочисленнымъ кружкамъ, которые въ самыя безотрадныя эпохи исторіи, несмотря на существующую окрестъ слякоть и темень, все-таки прорываются тамъ и сямъ, какъ зеленѣющіе оазисы будущаго на песчаномъ фонѣ картины настоящаго, къ тѣмъ кружкамъ, гдѣ необходимость *нравственнаго убѣжденія* признается за безспорную истину, гдѣ члены относятся другъ къ другу съ крайнею строгостью и взыскательностью»[20]).

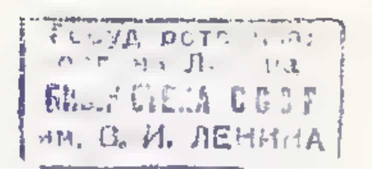
Однимъ изъ такихъ оазисовъ былъ кружокъ тверскихъ либераловъ, предводимый Унковскимъ.

Вернувшись въ Тверь, Унковскій передалъ дворянамъ, конечно, конфиденціально, т. е. шепотомъ, о намѣреніи правительства приступить къ отмѣнѣ крѣпостнаго права, не сообщая точнаго плана, котораго, впрочемъ, еще и не было у самого правительства. Вмѣстѣ съ тѣмъ А. М. сталъ самъ сообща съ Головачевымъ разработывать основные элементы крестьянскаго вопроса. Между ними въ теченіе лѣта 1857 г. происходилъ неоднократный обмѣнъ мыслей по этому вопросу, при чемъ оба считали краеугольнымъ камнемъ раціональной программы крестьянскаго вопроса надѣленіе крестьянъ землею съ правомъ выкупа ея въ собственность.

Выжидая удобнаго времени для приведенія въ исполненіе этого плана, Унковскій, какъ бы зондируя почву, сдѣлалъ попытку склонить тверское дворянство къ добровольному отказу отъ нѣкоторыхъ элементовъ крѣпостнаго права, часто ведшихъ къ злоупотребленіямъ, какъ-то: право ссылки въ Сибирь, отдачи въ рекруты[21]), воспрещенія вступать въ бракъ и пр. Въ этомъ смыслѣ сдѣланы были имъ предложенія происходившимъ лѣтомъ въ

[20]) Сочин., II, 2.

[21]) Право выкупа крестьянами рекрутской повинности, составлявшее изрядную доходную статью для помѣщиковъ, было злоупотребленіе помѣщичьей власти, не допускаемое закономъ (см. статьи князя А. В. Оболенскаго въ *Днѣ* 1862 г., № 37).

1857 г. уѣзднымъ собраніямъ, но Унковскій потерпѣлъ рѣшительное фіаско. Впрочемъ, и самъ Унковскій, желая примѣнить у себя эту программу, могъ исполнить ее только отчасти, такъ какъ оказалось, что одинъ пунктъ, а именно: отдача въ рекруты, слишкомъ тѣсно связанъ былъ со всѣмъ строемъ крѣпостнымъ и могъ быть уничтоженъ только съ отмѣною его. А она ужъ была не за горами.

Въ приснопамятный день 20 ноября 1857 г. [22]) былъ подписанъ въ Царскомъ Селѣ Высочайшій рескриптъ на имя Виленскаго генералъ-губернатора Назимова объ открытіи перваго комитета для составленія проекта освобожденія или, какъ тогда выражались, улучшенія быта крестьянъ. Съ опубликованіемъ этого знаменитаго акта начинается открытое оффиціальное движеніе крестьянскаго вопроса. Этотъ славный день открылъ эпоху великихъ реформъ, которая завершилась ровно черезъ семь лѣтъ въ столь же славный день подписанія въ томъ же Царскомъ Селѣ Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г.

Въ этотъ краткій, но незабвенный періодъ времени, составляющій, несмотря на многочисленные отдѣльные печальные эпизоды, самую свѣтлую полосу русской исторіи, Россія переживала первыя сладостныя минуты пробужденія послѣ тяжелаго тридцатилѣтняго кошмара. Это было время неудержимой потребности наговориться послѣ продолжительнаго молчанія; время кипучей дѣятельности, страстной работы мысли по всѣмъ направленіямъ, послѣ долгаго умственнаго застоя; время молодой героической общественной отваги, стремившейся по выраженію офиціоза, *Сѣверной Пчелы*, разомъ исправить то, что «накипало, наростало, что запутывалось въ теченіе столѣтій, что составляло наконецъ, амальгаму, образовавшуюся и изъ преданій, доставшихся Русской землѣ отъ темнаго Сарая, и изъ обносковъ давно

[22]) Объ этомъ „ужасномъ" днѣ Падейкова освѣдомилась такъ: „Двадцатаго ноября, въ самый день преподобнаго Григорія Декаполита, собственная приданная дѣвка Ѳеклушка торжественно въ общемъ собраніи всей дѣвичьей объявила, что скоро она, Ѳеклуша, съ барынею за однимъ столомъ будетъ сидѣть и что неизвѣстно еще, кто кому на сонъ грядущій пятки чесать будетъ, она ли Прасковьѣ Павловнѣ, или Прасковья Павловна ей". (Салтыковъ—Сочин. II, 31).

въ мирѣ и невѣжествѣ почившей Византіи и изъ порядковъ московскихъ, обычаевъ нѣмецкихъ, голландскихъ» [23]) и пр. Это было время высшаго нравственнаго подъема общества, когда образованная молодежь, держа въ рукѣ знамя свободы и возрожденія, своею пламенною вѣрою въ разумъ и нетлѣнные идеалы умѣла наэлектризовать и увлечь, если не заживо погребенныхъ закоснѣлыхъ крѣпостниковъ, то тѣхъ, среднихъ людей, въ которыхъ не потухла искра жизни и вѣра въ идеалы, въ мечты, въ «бредъ»:

Мечтамъ довѣрившись прекраснымъ,
Чуждаясь мелочныхъ заботъ,
На жизнь смотрѣлъ я взоромъ яснымъ
И бодро смѣло шелъ впередъ.
Хотѣлъ я полный духомъ новымъ,
Весь міръ въ груди моей вмѣстить,
Дѣяньемъ, мыслью, звукомъ, словомъ
Его желая оживить.

Развѣ не буквально почти исполнилась эта программа Шиловскихъ «Идеаловъ». Послушайте, что говорятъ свидѣтели. Вотъ что говоритъ одинъ изъ благороднѣйшихъ дѣятелей этой грандіозной эпопеи, могучій богатырь слова: «Мысль, сдѣлавшаяся страстною, говоритъ Салтыковъ, мысль, доведенная до энтузіазма—вотъ та вулканическая сила, которая изъ сокровенныхъ нѣдръ толпы выбрасывала историческихъ дѣятелей; вотъ танеистощимая струя, которая капля по каплѣ долбила камни невѣжества и предубѣжденія» [24]).

Мы долго лежали, повергнуты въ прахъ,
Не мысля, не видя, не слыша;
Казалось, мы заживо тлѣемъ въ гробахъ,
Забита тяжелая крыша...
Но вспыхнувшій свѣточъ вдругъ вышелъ изъ тьмы;
Нежданная рѣчь прозвучала—
И всѣ, встрепенувшись, воспрянули мы,
Почуявъ благое начало.
Въ насъ сердце забилось, духъ жизни воскресъ,
И гимномъ хвалы и привѣта
Мы встрѣтили даръ просіявшихъ небесъ
Въ рожденіе славы и свѣта.

---

[23]) *Сѣверная Пчела* 1860, № 1.
[24]) Сочин. II, 14.

Такъ говоритъ о преобразовательной эпохѣ другой выдающійся свидѣтель и дѣятель ея А. М. Жемчужниковъ. Да что Салтыковъ? что Жемчужниковъ?—это народъ отпѣтый—послушайте, что говорилъ про это время нынѣшній «властитель думъ» самъ

Газетный Аракчеевъ,
Литературный временщикъ—

самъ патентованный представитель вновь воскресшаго обскурантизма, нечестивыя уста котораго чуть не ежедневно изверга-ютъ кощунственную хулу [25]) на великое 19-ое февраля и другіе великіе животворящіе дни шестидесятыхъ годовъ. Вотъ что писалъ издатель *Гражданина* кн. Мещерскій: «Тогда (въ 60-хъ годахъ) все кипѣло жаждою духовною, *тогда лучшіе люди* шли на общественную службу, тогда въ каждомъ русскомъ чело-

---

[25]) Емели, изобильно мелющіе невѣроятный вздоръ въ *Гражданинѣ*— по пословицѣ: мели, Емеля, твоя недѣля,—въ своемъ бѣснованіи противъ освободительно-преобразовательной эпохи доболтались до апологіи взяточничества продажнаго стараго суда, лишь бы обѣлить эти старыя дворянскія учрежденія. «Тѣ, которые въ 60-хъ годахъ кричали о безобразіяхъ и взяткахъ старыхъ судовъ, писалъ *Гражданинъ* въ № отъ 22 мая 1894 года, *лгали и клеветали* на нихъ сознательно, ибо фактъ дворянъ судей-взяточниковъ былъ рѣдокъ, и молва о взяточничествѣ этого времени происходила отъ тѣхъ скромныхъ подачекъ и взятокъ, которыя брали за ускореніе дѣла и разныя канцелярскія услуги разные канцелярскіе чиновники». Итакъ, старый продажный судъ, завѣдомо для всѣхъ рѣшавшій дѣла либо за взятки, (о дворянахъ-взяточникахъ см. выше главу III) либо въ угоду людей со связями,—тщету которыхъ горькимъ опытомъ могъ узнать кн. Мещерскій по своимъ многочисленнымъ дѣламъ въ новомъ судѣ—этотъ восхваляемый «*Гражданиномъ*» дворянскій старый судъ, который оправдывалъ, по удостовѣренію знатока дѣла И. С. Аксакова, уличенныхъ титулованныхъ негодяевъ, рекомендовавшихся въ прошеніи Сенату словами: «по милости царской, я сынъ барскій» (см. сочиненія, IV, 656); судъ, при воспоминаніи о которомъ, по словамъ того же, чуждаго всякихъ либеральныхъ увлеченій, И. С. Аксакова, „волосъ становится дыбомъ, морозъ деретъ по кожѣ", оклеветанъ либералами 60-хъ годовъ!.. Ну, какъ послѣ этого не сказать этимъ нахальнымъ саврасамъ безъ узды, потерявшимъ всякій стыдъ и въ „гражданин"ской скорби своей объ уничтоженіи „дворянскаго" суда договорившимся до диѳирамба въ честь взяточничества:

Послушай, ври, да знай же мѣру!..

вѣкѣ билось сильно сердце, тогда либералы создали цѣлую Ніагару мыслей, стремленій въ руслѣ русской умственной жизни, и этимъ самымъ вызвали къ жизни и противниковъ этого громаднаго урагана;—словомъ тогда проснулось все, что дремало, и на борьбу выступили всѣ силы добра и зла, на борьбу живую и, можно безъ преувеличенія сказать, народную, въ смыслѣ животрепещущихъ вопросовъ, судьбы эпохи создававшихъ».

Да, это было рѣдкое время проявленія историческаго стыда, когда, хоть не надолго, говоря словами геніальнаго сатирика: «конфузъ прошелъ всюду, въ сердца помѣщиковъ, въ соображенія купечества, въ литературу и журналистику и сугубо въ умы администраторовъ, которые конфузились и за себя, и за другихъ».

Недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ подробно остановиться на этой дивной эпохѣ, о которой, сколько ни говорить, никогда не наговоришься достаточно и къ которой примѣнимы слова Демосѳена: «бываютъ славныя эпохи, точное изображеніе коихъ недоступно человѣческому слову».

Но говоря объ этомъ славномъ времени возрожденія русской мысли и слова, нельзя не упомянуть объ одномъ знаменательномъ и характерномъ фактѣ изъ хроники московской общественной жизни. 28-го декабря 1857 г. въ купеческомъ собраніи состоялся въ Первопрестольной едва-ли не *первый*, со времени основанія Москвы Иваномъ Калитою, литературно-политическій банкетъ, на которомъ представители русской литературы и вообще интеллигенціи съ искреннимъ энтузіазмомъ привѣтствовали Александра II, поднявшаго знамя освобожденія. Первый тостъ въ честь его былъ провозглашенъ, въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ, главаремъ либеральной московской журналистики М. Н. Катковымъ. Затѣмъ говорили М. П. Погодинъ, К. Д. Кавелинъ, Н. Ф. Павловъ, начавшій рѣчь словами: «новымъ духомъ вѣетъ, новое время настало» и др. Профессоръ И. К. Бабстъ имѣлъ счастье первый публично назвать Александра II «Освободителемъ» и заклеймить крѣпостное право [26]). Откупщикъ В. А. Кокоревъ между прочимъ говорилъ въ своей застольной рѣчи: «свѣтъ и

[26]) См. назв. Матеріалы, I, 148.

тьма въ вѣчной борьбѣ. Одолѣваетъ свѣтъ,—настаютъ красные дни, выпрямляется человѣчество, добрѣетъ, умнѣетъ, растетъ. Одолѣваетъ тьма — настаютъ горькіе дни, изсыхаетъ человѣчество, вянетъ тѣло, ноетъ духъ, умаляется сила народная. Тьмы всегда и вездѣ болѣе, чѣмъ свѣта; но за то сила свѣта такова, что лучъ его *сразу* освѣщаетъ огромное пространство, и тьмы какъ будто не бывало. Присутствіе такого живительнаго свѣта мы чувствуемъ теперь на самихъ себѣ, и его лучъ исходитъ прямо изъ сердца Александра II. Свѣтъ выразился въ желаніи вывести нашихъ братьевъ крестьянъ изъ того положенія, которое томило ихъ и вмѣстѣ съ ними *насъ* почти три вѣка; этимъ свѣтомъ озарена теперь и согрѣта Русская земля» [27]).

Предполагалось повторить банкетъ въ большихъ размѣрахъ въ Большомъ театрѣ, при чемъ проектировалось, для запечатлѣнія въ сердцѣ юношества знаменательнаго событія наступленія новой освободительной эры въ Россіи, пригласить кадетъ и учащуюся молодежь въ ложи, послать телеграммы въ европейскіе центры, словомъ отпраздновать такъ, какъ это дѣлается у людей, возможно торжественнѣе—великое общенародное радостное событіе.

Но распорядители празднества считали «безъ хозяина», они забыли, что Москвой правитъ архи-крѣпостникъ, засидѣвшійся, «забытый» градоначальникъ стараго типа, самъ крутой графъ Закревскій,—не постѣснившійся во время купеческаго обѣда въ манежѣ, (въ коронацію 1856 г.) выгнать изъ манежа депутатовъ купечества, заявивъ, что ихъ мѣсто на кухнѣ. Графъ пришелъ въ сильную ярость, узнавъ, что въ двухъ шагахъ отъ него, представителя «мрака», на Большой Дмитровкѣ, въ «его» Москвѣ осмѣливались пить за «свѣтъ и свободу». Это была просто *личная* обида, это было, что называется не въ бровь, а въ глазъ [28]).

---

27) См. назв. Матеріалы, I, 192—193.

28) Н. Ф. Павловъ написалъ эпиграмму (см. *Русск. Стар.* 1891, апрѣль, 136) на этого „россійскаго пашу“, пытавшагося задушить новое движеніе, „волны котораго откатывались отъ него все далѣе и далѣе“.— „Истинно говорю вамъ, обращался къ такимъ представителямъ мрака Салтыковъ, что я отлично хорошо понимаю тотъ холодъ, который объемлетъ сердца ваши“. II. 15.

Негодованіе стараго обскуранта было понятно, понятно также, что онъ немедленно снесся съ своими единомышленниками-крѣпостниками, засѣдавшими въ Главномъ Комитетѣ (начальникомъ III отдѣленія кн. Долгоруковымъ, кн. Орловымъ, гр. Панинымъ и др.) о необходимости остановить «возмутительныя» выходки либеральныхъ профессоровъ и фельетонистовъ. Опять заголосилъ хоръ крѣпостниковъ:

Стучится идея о чемъ-то, вишь, новомъ—
Задвинемъ-ка двери засовомъ...

Это было въ порядкѣ вещй, но чего нельзя понять такъ это того,—какъ, при помощи какихъ темныхъ подвоховъ и хитрыхъ азпугиванiй удалось внушить новому правительству,—къ сожалѣнію, далеко еще не освободившемуся отъ старыхъ предразсудковъ и застарѣлаго недовѣрія къ печати и обществу,—какимъ образомъ, говоримъ мы, удалось этимъ виртуозамъ въ дѣлѣ тайныхъ нашептываній и беззастѣнчиваго превращенія бѣлаго въ черное такъ извратить дѣло, чтобы этотъ первый, непринужденный, восторженный привѣтъ представителей общества, едва начинавшаго говорить человѣческимъ языкомъ, Царю-Освободителю былъ представленъ въ видѣ бунта и враждебной правительству демонстраціи? Это непостижимо и можно объяснить только тѣми безпрестанными противорѣчивыми колебаніями, кои встрѣчались безпрестанно въ дѣйствіяхъ высшаго правительства новаго царствованія [29]).

Обѣдъ въ большомъ театрѣ былъ запрещенъ, а нѣкоторые изъ ораторовъ обѣда 28 декабря получили пахлобучку отъ начальства за вольныя рѣчи...

Но несмотря на «задвинутые засовы», время и литература дѣлали свое дѣло, и наступившая съ конца 1857 г. все оживляющая, все возбуждающая весна общественнй жизни вызвала

---

[29]) Никитенко и Валуевъ въ своихъ Дневникахъ, съ самаго начала царствованія Александра II, рядомъ съ либеральными мѣрами отмѣчаютъ реакціонныя и репрессивныя мѣры въ духѣ предшествовавшаго царствованія. Точно такая же двойственность продолжалась и впослѣдствіи и не мало повредила ходу реформъ.

наружу всѣ благородныя силы, таившіяся въ скованномъ русскомъ организмѣ, необычайный, не повторявшійся болѣе нравственный подъемъ, неудержимое, неистовое, по выраженію Унковскаго [30]), увлеченіе грядущею свободою. Пусть въ эту оттепель весенняго русскаго возрожденія рядомъ съ хорошими инстинктами, выступили, какъ и вообще бываетъ въ оттепель весною [31]) и затаенныя алчныя вожделѣнія, рядомъ съ искреннимъ порывомъ къ свободѣ, равенству и братству и окрашеное въ модный либеральный цвѣтъ юркое, напускное и либеральное недомысліе [32]), все-таки да будетъ благословенно это свѣтлое время пробужденія)!

Развѣ не правъ былъ Катковъ, когда онъ поздравлялъ въ вышеупомянутой застольной рѣчи свое поколѣніе съ тѣмъ, что оно жило въ такое счастливое время. «Бываютъ эпохи, говорилъ онъ, когда силы *мгновенно обновляются* и созрѣваютъ, когда люди съ усиленнымъ біеніемъ собственнаго сердца сливаются въ общемъ дѣлѣ и въ общемъ чувствѣ; *благо* поколѣніямъ, которымъ суждено жить въ такія эпохи! Благодареніе Богу: *намъ* суждено жить въ такую эпоху» [33]).

Вотъ какое это было удивительное время, вотъ чему учили руководители тогдашняго ли беральнаго общественнаго мнѣнія.

Какъ не смотрѣть съ завистью на эту все болѣе и болѣе дѣлающуюся лучезарною эпоху людямъ нашего поколѣнія, на-

---

[30]) См. ниже Приложенія I, 2.

[31]) „Оттепель—время возрожденія природы; оттепель-же время обнаженія всѣхъ навозныхъ кучъ! Оттепель — съ горъ ручьи бѣгутъ, бѣгутъ, по народному выраженію, чисто, непорочно; оттепель же—стекаются съ заднихъ дворовъ всѣ нечистоты, всѣ гнусности, которыя скрывала зима. Оттепель — полное томительной нѣги пѣніе соловья, задумчивый свистъ иволги, пробужденіе всѣхъ звуковъ, которыми наполняется Божій міръ, какъ будто ищетъ и рвется природа вся въ звукахъ излиться послѣ долгаго насильственнаго молчанія; оттепель же—карканье вороны, наравнѣ съ соловьемъ радующейся теплу“. (Салтыковъ—Сочиненія, II, 224).

[32]) Между либеральнымъ дѣломъ и либеральнымъ враньемъ, писалъ Салтыковъ, цѣлая пропасть, и искреннія либеральныя убѣжденія нужно отличать отъ убѣжденій, вызванныхъ большимъ или меньшимъ желудочнымъ засореніемъ. (Сочин., II, 12).

[33]) См. н. Матеріалы, I, 183.

шего времени, когда одинъ публицистъ стремится въ своемъ обскурантскомъ усердіи

Ко днямъ Кошихина Россію возвратить,

другой гибкій оппортюнистъ только и знаетъ

...Интересъ одинъ
Кармана да желудка,

третій... но довольно!..

Все можно понять, можетъ быть, даже и все простить нынѣшнимъ глашатаямъ новѣйшей крѣпостнической публицистики и ея безсознательнымъ союзникамъ, но не ея беззубое, человѣконенавистническое глумленіе надъ этою лучшею порою общественнаго пробужденія, къ которой проф. Таганцевъ такъ удачно примѣняетъ слова народной пѣсни:

Нѣтъ поры
Краше утренней зари,

надъ этою свѣтозарною эпохою 60 годовъ, когда, говоря словами того же ученаго: «державная воля царя только-что разбила ледяную кору крѣпостничества и подъ горячимъ солнцемъ свободы заискрились и засверкали омертвѣлыя дотолѣ волны народной жизни» [34]) живительный отголосокъ долетѣлъ даже до рабовъ у гробницы «недвижнаго Китая» [35]).

Вотъ надъ чѣмъ, надъ какою святынею жизни, надъ самою свѣжею животворящею *молодостью общественною* глумятся эти старцы, слуги черстваго, озлобленнаго, брюзжащаго обскурантизма, для которыхъ всякій намекъ на молодость, на свѣтлую пору весны жизни когда

Силушка по жилушкамъ переливается—

есть ножъ острый; эти бѣснующіеся кликуши, уста которыхъ никогда не способны сложиться въ улыбку, голосъ которыхъ не въ состояніи воспроизвести звука жизнерадостной пѣсни, потому что

Böse Menschen haben keine Lieder.

Но какъ хватаетъ духа издѣваться надъ этою красною весною русской жизни и разцвѣта истиннаго идеализма у «молодыхъ», но не

---

[34]) См. Н. С. Таганцева—Послѣднее 25-ти-лѣтіе въ исторіи уголовнаго права. С.-Пб. 1892 г., 5, 6.

[35]) Киргизы, кочующіе между Аральскимъ оз и Балхатъ-Норомъ освободили въ 1859 г. своихъ рабовъ.—См. *Сѣвер. Пчела.* 1860 г. № 1.

въ мѣру надутыхъ и мрачныхъ публицистовъ-метафизиковъ, которымъ не даютъ лавры гигантовъ публицистики 60-хъ годовъ?!..

Что ждетъ подъ старость эту дряхлую, хмурую преждевременно состарѣвшуюся молодость, которая будетъ лишена даже простаго, но дорогаго утѣшенія воскликнуть, какъ Гоголь въ *Мертвыхъ Душахъ:* «о, моя юность, о моя свѣжесть»!.. Страшно и подумать за нее, когда вспомнишь грозное предостереженіе Гоголя, огненными красками нарисовавшаго портретъ безсодержательной, безъидейной старости! «Забирайте же съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее мужество,— забирайте съ собою, напрасно предостерегалъ Гоголь, *всѣ человѣческія движенія*, не оставляйте ихъ на дорогѣ—не подымете потомъ. Грозна, страшна грядущая впереди старость и ничего не отдастъ назадъ обратно. Могила милосердиѣе ея, на могилѣ напишется: *здѣсь погребенъ человѣкъ;* но ничего не прочитаешь въ мѣдныхъ, безчувственныхъ чертахъ *безчеловѣчной* старости»...

Пусть вспомнятъ эти строки старые и молодые кликуши, и можетъ быть, просвѣтлится хоть немного ихъ сознаніе, и уразумѣютъ они, наконецъ, почему напр. поэтъ Жемчужниковъ, въ «этотъ жестокій вѣкъ» сквозь слезы радостно восклицаетъ:

... Я сравнительно счастливый человѣкъ:
Нѣтъ сына у меня: онъ умеръ, слава Богу!
Ребенкомъ умеръ онъ,
Сняла съ меня судьба, въ жестокій этотъ вѣкъ,
Такой великій страхъ и жгучую тревогу...

быть можетъ, поймутъ эти завѣдомые и безсознательные клеветники минувшей гуманно-освободительной эпохи, почему старцы, ее пережившіе, не иначе какъ со слезами ее вспоминаютъ, почему современное поколѣніе должно то-и дѣло бросать жадные взоры на эту свѣтлѣйшую полосу русской исторіи и съ грустью повторять:

Какъ часто, съ болью жгучей въ сердцѣ,
Я близкимъ очи закрывалъ;
Какъ часто цвѣтъ, лишенный солнца,
При мнѣ печально увядалъ!
Я видѣлъ сломленные дубы
И счастье, смятое грозой...
О! дайте жъ мнѣ хоть разъ увидѣть,
Какъ тьму смѣняетъ лучъ дневной!

———

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Хаосъ, царствовавшій осенью 1857 г. въ Главномъ Комитетѣ, гдѣ дѣльцы крѣпостничества изощрялись въ придумываніи благовидныхъ канцелярскихъ формулъ для почетнаго погребенія заявленія Литовскаго дворянства объ освобожденіи крестьянъ, внезапно разрѣшился появленіемъ въ славный день 20-го ноября 1857 г. знаменитаго освободительнаго рескрипта на имя Виленскаго генералъ-губернатора Назимова. Рескриптъ, подобно московской рѣчи Александра II 1856 г., поразилъ, какъ громъ изъ яснаго неба изувѣровъ крѣпостничества, совсѣмъ уже успокоившихся было послѣ помянутой рѣчи, а также оффиціальныхъ руководителей [1]) крестьянскаго вопроса, разсчитывавшихъ растянуть освобожденіе крестьянъ, — Господи, благослови!,—лѣтъ на 10 а то и 15, двигаясь въ направленіи, обратномъ движенію солнца т. е. отъ запада къ востоку, а всего болѣе, поразилъ, кажется, само Литовское дворянство, которое выразивъ, столь желательное [2]) Государю, намѣреніе освободить крестьянъ, разсчитывало кстати освободить ихъ... и отъ земли. Рескриптъ 20-го ноября, состоявшійся при дѣятельномъ участіи в. кн. Константина Николае-

[1]) Одинъ изъ мнительныхъ сторонниковъ освобожденія тов. мин. внутр. Левшинъ смотрѣлъ на изданіе рескрипта 20-го ноября, какъ на „такое salto mortale, отъ котораго все государственное управленіе могло пойти верхъ дномъ". (См. Записку Левшина въ *Русскомъ Архивѣ*, 1885, № 8, стр. 524).

[2]) Левшинъ, зондировавшій во время коронаціонныхъ празднествъ почву среди дворянъ пишетъ: подъ звуки бальной музыки и кликовъ: *ура*, Государю словесно доложено было, и имъ одобрено, что дворянство трехъ западныхъ губерній, которое, находясь въ сосѣдствѣ съ остзей

вича и Я. И. Ростовцева имѣлъ, какъ извѣстно, большіе недостатки, но сравнительно съ тѣмъ полнымъ обезземеленіемъ, о которомъ мечтало Литовское дворянство, — сдѣлавшее, подобно Валааму, провозвѣстникомъ, malgré lui, освобожденія крестьянъ съ землею, — казался грандіознымъ и необычайно смѣлымъ шагомъ.

скими свободными землѣдѣльцами, не питало паническаго страха къ слову освобожденіе, какъ другіе, *первое* произнесетъ слово освобожденіе. (н. Записки, стр. 484). — Но въ какомъ актѣ собственно впервые произнесено было святое слово „освобожденіе“? Литовское дворянство, стремясь къ освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и... земли, говорило лишь въ общихъ выраженіяхъ, что пришло время положить *конецъ* крѣпостному состоянію и замѣнить его добровольными соглашеніями съ крестьянами (см. н. з. Левшина). Рескриптъ 20 ноября говоритъ лишь объ улучшеніи быта крестьянъ и только въ дополнительномъ циркулярѣ Ланскаго отъ 21 ноября говорится о желаніи литовскаго дворянства и „въ видахъ улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ *освободить* ихъ отъ крѣпостной зависимости“. — Левшинъ находитъ, что тутъ была сказана Ланскимъ *неправда*, но едва-ли въ данномъ случаѣ не говоритъ въ немъ чувство затаенной зависти или горькаго сѣтованія на свою близорукость и мнительность, благодаря которымъ онъ былъ, по собственной винѣ, удаленъ отъ крестьянскаго дѣла, которое онъ зналъ и которому сочувствовалъ, хотя и съ тою аккуратною умѣренностью (ни холоденъ, ни тепелъ), которая вызываетъ негодованіе автора Апокалипсиса. Замѣчательна вслѣдствіе такой нерѣшительности нелогичность поведенія Левшина. Ланской предлагаетъ 18 октября 1857 г. Левшину составить проэктъ рескрипта на имя ген.-губ. Назимова, который служилъ приступомъ къ общему освобожденію по всей Россіи (а Левшинъ вмѣстѣ съ Главнымъ Комитетомъ былъ противъ одновременнаго освобожденія). Назначается восми-дневный срокъ, согласно повелѣнію Государя. Такой короткій срокъ назначилъ Государь, будучи выведенъ изъ терпѣнія безконечными проволочками Главнаго Комитета. Левшинъ такую поспѣшность, *по мнительности своей*, въ которой впослѣдствіи самъ сознавался и *каялся*, счелъ непозволительною и, къ чести своей отказался, несмотря на требованіе своего начальника, отъ шага, въ которомъ видѣлъ вѣтренность (стр. 525 Записки). Но впослѣдствіи спохватившись и сообразивъ, какъ лестно какъ-нибудь косвенно, хоть сбоку, въ видѣ „поддужнаго“ пристегнуться къ начинающемуся великому дѣлу, скрѣпилъ уже безъ всякой надобности вышеупомянутый циркуляръ Ланскаго, въ которомъ онъ отмѣчалъ вышеуказанную *неправду* (Записки его стр. 533—534). Непостижимая логика!.. Не безъ горечи уступилъ Левшинъ мѣсто Н. А. Милютину и, отнесенный новымъ теченіемъ въ лагерь „отсталыхъ“, сталъ именовать новыхъ болѣе отважныхъ пловцовъ „красными“ и „нивеллерами“.

Дальнѣйшій шагъ былъ не менѣе серьезенъ и поразителенъ. По мысли в. кн. Константина Николаевича,—хорошо понимавшаго огромное значеніе гласности и общественнаго мнѣнія, какъ точки опоры, въ предстоящейборьбѣ правительства съ высокопоставленными крѣпостниками [3]),—рѣшено было на другой же день 21 ноября не только разослать циркулярно всѣмъ губернаторамъ извѣщеніе о приступѣ къ освобожденію крестьянъ и

(стр. 551 Записки), и утѣшаться въ своихъ Запискахъ «гордостью, самодовольствіемъ и убѣжденіемъ», что ему удалось подписать актъ, составляющій краеугольный (?) камень законодательства о крестьянахъ. Тщетное самообольщеніе! Едва-ли претензія Левшина на признательность потомства основательна. Если онъ до 20 ноября и работалъ какъ усердный чиновникъ, аккуратно компилируя, самъ не зная хорошенько для чего, бумаги своихъ предшественниковъ, то за это и получалъ соотвѣтственные чины и знаки отличія (предъ отставкою ему былъ данъ Александръ Невскій), а если онъ добивается славы государственнаго человѣка, то тутъ, кажется должна быть мѣрка иная: отвага, дальновидность, глубина взгляда и сила убѣжденій. Если бы не мнительность Левшина, заставившая его спасовать въ рѣшительную, критическую минуту (при составленіи рескриптовъ 20 ноября) и пойти *вправо* съ крѣпостниками, которые хотѣли оттянуть дѣло чуть не на сто лѣтъ и которымъ онъ вовсе не сочувствовалъ, вмѣсто того, чтобы имѣть благородное дерзновеніе и вѣру въ народъ и въ свободу, онъ, какъ знатокъ крестьянскаго быта, вѣроятно, игралъ-бы видную и завидную роль, доставшуюся послѣ него Милютину. А коли струсилъ, вслѣдствіе чрезмѣрной осторожности, какъ евангельскій заскорузлый рабъ, зарывшій свой талантъ, тоже изъ чрезмѣрной осторожности въ землю, нечего пенять и напрасно протягивать руки къ наградѣ и чести, уготованной только для храбрыхъ, предпріимчивыхъ, отважныхъ пловцовъ, которые не довольствуются рутиннымъ каботажнымъ плаваніемъ и которыхъ рутинеры обзываютъ „безумцами“ „радикалами“, „нивеллерами“. Эти послѣдніе, пускаясь въ смѣлые опыты „радикальнаго лѣченія общественныхъ недуговъ, своею раціональною дѣятельностью приготовляютъ себѣ, по вѣрному замѣчанію проф. Рѣдкина, въ будущемъ вѣчную память“. Suum cuique.

[3]) Важность рескриптовъ, пишетъ г. Еленевъ, заключалась не въ ихъ содержаніи, а въ томъ, что они придавали рѣшенію Государя всенародную гласность, (печатались въ *Губернскихъ Вѣдомостяхъ)*, а слѣдовательно и *безповоротное* дѣйствіе) (См. его Первые шаги освобожденія крестьянъ. Спб. 1886, стр. 52. Герценъ по поводу рескриптовъ писалъ: „Имя Александра II отнынѣ принадлежитъ исторіи; еслибъ его царствованіе завтрага окончилось—все равно начало освобожденія крестьянъ сдѣлано *имъ*, грядущія поколѣнія этого не забудутъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ

приглашеніе къ участію дворянства, но и огласить циркуляръ въ печати, т. е. сдѣлать извѣстнымъ самимъ крѣпостнымъ скорый конецъ ихъ вѣковой неволи...

Встрепенулись черезъ нѣсколько дней (24-го ноября), столпы отечества и изувѣры крѣпостничества, засѣдавшіе въ Главномъ Комитетѣ, встрепенулись и пришли въ ужасъ, уразумѣвъ, что въ темную келейную игру бюрократическихъ элементовъ, отъ которыхъ дотолѣ всецѣло зависѣлъ ходъ и, пожалуй, даже исходъ великаго вопроса, привлекается новая неукротимая, зиждительная и живительная сила—гласность,—которая однимъ чистымъ дуновеніемъ своимъ, однимъ яркимъ лучемъ своего свѣта, отъ котораго все дряблое разрушается, таетъ, яко воскъ отъ лица огня — можетъ въ мигъ уничтожить всѣ карточные домики, построенные въ потемкахъ канцелярской тайны и покоющіеся на бюрократическихъ хитросплетеніяхъ. Думалось этимъ геморроидальнымъ петербургскимъ сановнымъ аристократамъ,—которые никогда не заглядывали въ свои имѣнія и знакомство коихъ съ «землею» ограничивалось дачною жизнью на финскихъ болотахъ, и то что чуть народъ, этотъ «хамъ и звѣрь», заслышитъ о волѣ, начнется рѣзня [4]). Впрочемъ тутъ удивляться нечему, если такъ думали почти всѣ «благодѣтели и отцы родные», сидѣвшіе на землѣ и считавшіе себя знатоками не души (душа въ хамѣ не предполагалась!) на права народнаго и тоже увѣренные, какъ указано выше, что только ежевыми рукавицами и можно ладить съ мужикомъ. Вспомнивъ все это крѣпостники съ предсѣдателемъ Главнаго Комитета кн. Орловымъ [5]) во главѣ

могъ безнаказано остановиться. Нѣтъ, нѣтъ пусть онъ довершаетъ начатое—пусть полный вѣнокъ закроетъ его корону... Гнилое своекорыстное, дикое, алчное противодѣйствіе закоснѣлыхъ помѣщиковъ, ихъ волчій вой — не опасенъ. Что они могутъ противопоставить, когда противъ нихъ *власть* и *свобода*, образованное меньшинство и весь народъ, царская воля и общественное мнѣніе". *Колок.* 15 февраля 1858 г.

[4]) Левшинъ, полу-либералъ, считалъ также «опрометчивымъ» опубликованіе рескриптовъ. Чистосердечно сознаваясь, что онъ „не надѣялся, что народъ русскій такъ благоразумно и терпѣливо будетъ ожидать разрѣшенія своей участи, Левшинъ симпатично добавляетъ: слава Богу, что меня не послушали". (см. н. з. Записку, 535).

[5]) См. *Матеріалы* упр. крѣп. права. I, 156, 134. и н. Записку Левшина, 534.

сдѣлали послѣднюю попытку заградить еще разъ путь генію свободы. Но, къ счастью, было уже поздно!..

«Таинственныя судьбы», «великій русскій Богъ», «сила вещей», «незримая рука», и другіе сверхъестественные факторы и метофизическія метафоры,—къ помощи которыхъ какъ къ Deus ex machina, по неволѣ должны [6]) безпрестанно обращаться лѣтописцы крестьянскаго вопроса для уясненія порывистаго, полнаго капризныхъ и иногда ни съ чѣмъ не сообразныхъ скачковъ хода этой великой реформы,—сослужили провиденціальную службу и въ данномъ случаѣ. На этотъ разъ полусознательнымъ орудіемъ [7]) таинственныхъ силъ, направлявшихъ крестьянскую реформу, въ которой, по выраженію г. Еленева, «все шло на выворотъ» [8]) былъ Ланской, распорядившійся, по совѣту Н. А. Милютина, въ одну ночь (21 ноября) отпечатать свой циркуляръ и 22-го разослать по почтѣ. Такъ что, когда хватились крѣпостники Главнаго Комитета, спущенная стрѣла уже летѣла въ разныя стороны Россіи, неся на своихъ трепещущихъ крылахъ радостную вѣсть о грядущей волѣ.

Начало было сдѣлано. Но эмбріону свободы предстоялъ длинный и тяжкій процессъ формированія, при чемъ шансы благополучнаго его появленія на свѣтъ казались часто крайне шаткими, иногда просто отчаянными при взглядѣ на сочетаніе тѣхъ явныхъ

---

6) Тамъ же. I, 154; II, 358; III. 472, а также: н. Записку Левшина, 536, брошюру н. Еленева, 46.

7) Либералъ при Александрѣ I, крѣпостникъ при Николаѣ I, и въ началѣ царствованія Александра II, съ этихъ поръ Ланской, подъ вліяніемъ Н. А. Милютина и Я. Соловьева, дѣлается либераломъ, не порывая, однако, связей и съ самовластными замашками и традаціями, административнымъ Николаевскимъ взглядомъ (см. н. з. Левшина, 477, 492, 548). О разсылкѣ циркуляра г. Н. Б. передаетъ слѣдующія подробности. По случаю праздника 21 ноября (Введенія во Храмъ) рабочіе были заняты, но Ланской приказалъ П. М. Мельникову, во что бы то ни стало, къ вечеру доставить извѣстное число. Работа была изготовлена и немедленно послана на Николаевскую желѣзную дорогу для отсылки хотя бы съ товарнымъ поѣздомъ. На другой день Ланской сказалъ Мельникову: „вы, вѣроятно, удивились моей вчерашней торопливости; а вѣдь нынче мнѣ было приказаніе помедлить, но я отвѣчалъ, что уже поздно“. См. н. Записку Левшина, 533 прим.

8) См. н. брош., 63.

и тайныхъ силъ, тѣхъ борющихся факторовъ и пружинъ, на основаніи коихъ можно было сдѣлать прогностику.

Въ высшихъ сферахъ кромѣ великаго иниціатора вопроса и двухъ союзниковъ его в. кн. Константина Николаевича и вел. кн. Елены Павловны, вся высшая придворно-чиновная знать почти сплошь была противъ свободы. Главный Комитетъ, державшій въ своихъ рукахъ судьбу дѣла, былъ почти въ полномъ составѣ [9]) также противникъ освобожденія раціональнаго, т. е. съ землею. Все помѣстное дворянство и бюрократія по невѣжеству и своекорыстію [10]) такъ же стояли за сохраненіе крѣпостнаго права. На сторонѣ свободы стояло меньшинство средняго, образованнаго дворянства, вся литература какъ одинъ человѣкъ, но вѣдь литература зависѣла отъ произвола цензуры!... [11]). Какъ было тутъ не придти въ отчаяніе при такихъ данныхъ и не взывать къ содѣйствію таинственныхъ стихійныхъ силъ, искони управляющихъ судьбами Россіи,—въ особенности въ виду того пассивнаго инертнаго сопротивленія, кото-

[9]) Левшинъ, останавливаясь въ недоумѣніи предъ такимъ страннымъ фактомъ, что въ освободительномъ Комитетѣ засѣдали въ большинствѣ враги свободы, замѣчаетъ, что такой фактъ возможенъ былъ только въ Россіи, и вотъ почему. Зная хорошо высшій бюрократическій міръ, Левшинъ пишетъ: если такіе архимилліонеры, какъ гр. Орловъ, гр. Панинъ и др., вмѣсто отказа отъ несимпатичнаго дѣла, въ Комитетѣ какъ рабы лукавые не двигали, а тормозили порученное дѣло, то только потому, что „въ Россіи никто и не отчего не отказывается, никто своимъ мнѣніемъ не дорожитъ и думаетъ только, какъ угодить царю и получить за то какую либо награду“ (н. Записка, 543).

[10]) Дворянство долго вѣрило, что крѣпостное право основа порядка, въ Россіи и силы ея, какъ европейской державы, см. н. Матеріалы III, 338.

[11]) Литература, пишетъ Левшинъ, оказала Россіи великую услугу, разносторонне разъяснивъ съ 1858 г. крестьянскій вопросъ, который еще за годъ составлялъ terra incognita. — Крѣпостники жаловались Левшину на то, что литература не заставляетъ писать въ пользу ихъ (стр. 542 его замѣтокъ). Они вздумали завести свой органъ, имъ долго не удавалось найти редактора (см. н. Матеріалы, I, 233), но наконецъ остановились, за неимѣніемъ болѣе подходящаго (кн. В. Мещерскій еще не выступалъ на литературное поприще) редактора для *Журнала Землевладѣльцевъ* на помѣщикѣ Желтухинѣ который однако не рѣшался открыто стать за крѣпостное право (стр. 227, тамъ-же), а только защищалъ интересы дворянъ.

рое оказывало дворянство [12]) по примѣру московскихъ крѣпостниковъ, руководимыхъ генералъ-губернаторомъ гр. Загревскимъ и довольно долго остававшихся глухими къ призыву Царя-Освободителя, къ его крайнему огорченію [13]).

Не такъ дѣйствовалъ убѣжденный витязь свободы Тверской губернскій предводитель дворянства А. М. Унковскій. Какъ истый и преданный сподвижникъ великаго дѣла, — который ждетъ не дождется желаннаго часа работать въ пользу дорогаго дѣла, Унковскій не дожидался вторичнаго напоминанія и понуканія, подобно «рабамъ лѣнивымъ», и немедленно послѣ оглашенія рескрипта 20 ноября, т. е. уже къ концу ноября приступаемъ къ работамъ по крестьянскому дѣлу. Не откладывая работы до того времени, когда выскажется тверское дворянство, онъ самъ отъ себя предпринимаетъ впервые важный шагъ, которымъ сразу открыто и оффиціально выступаетъ горячимъ поборникомъ радикальнаго или раціональнаго рѣшенія крестьянскаго вопроса, т. е. освобожденія крестьянъ *съ землею* одновременнаго и повсемѣстнаго и съ упраздненіемъ вотчино-полицейской власти помѣщиковъ. Имѣя, благодаря прежнему, совмѣстному съ А. А. Головачевымъ, изученію крестьянскаго вопроса, готовый, хорошо обдуманный планъ его рѣшенія, Унковскій уже въ началѣ декабря успѣлъ вмѣстѣ съ нимъ обработать проэктъ, и въ видѣ особой записки представилъ его въ половинѣ декабря 1857 г. черезъ тверскаго губернатора графа Ѳ. Т. Баранова Государю.

Въ этой замѣчательной запискѣ, въ которой А. М. подвергалъ всесторонней критикѣ рескриптъ 20 ноября 1857 года и разосланную Ланскимъ оффиціальную программу крестьянской реформы, онъ доказывалъ ея несостоятельность, въ виду ея палліативнаго характера. Въ запискѣ своей Унковскій дѣлалъ такой же шагъ впередъ, сравнительно съ правительственной программою, какой эта

[12]) Чистосердечнаго, на убѣжденіи основаннаго вызова освободить крестьянъ, говоритъ Левшинъ, не было ни въ одной (Тверская?) губерніи (см. Записку его, 537).

[13]) См. Неудовольствіе свое Александръ II выразилъ въ рѣчи своей 31-го августа 1858 г. московскому дворянству, которое болѣе или менѣе вынужденный голосъ свой объ освобожденіи крестьянъ подало четвертымъ, (см. н. Матеріалы I, 375).

послѣдняя сдѣлала сравнительно съ предположеніями перваго формальнаго инціатора крестьянскаго вопроса, Литовскаго дворянства. Правительство, вопреки мнѣнію этого дворянства, стремившагося дать крестьянамъ волю безъ земли, полагало дать крестьянамъ въ собственность «усадьбу», а землю только въ «пользованіе». Унковскій настойчиво доказывалъ положительную необходимость, по тому времени не обыкновенно смѣлой, почти революціонной мѣры, а именно: предоставленія крестьянамъ въ собственность ихъ наличныхъ полевыхъ *надѣловъ и выкупа ихъ*

Такъ какъ эта замѣчательная записка, имѣющая крупное историческое значеніе, въ Россіи никогда не была напечатана, то приводимъ ее по возможности цѣликомъ [14]), а также факсимиле одной страницы этого документа, написаннаго рукою А. М. Унковскаго.

Записка А. М. Унковскаго по крестьянскому дѣлу, поданная Александру II въ декабрѣ 1857 г.

Освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ, основанное на началахъ, изложенныхъ въ Высочайшихъ рескриптахъ и отношеніяхъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ къ генералъ-губернаторамъ Виленскому и С.-Петербургскому должно будетъ имѣть слѣдующія послѣдствія:

1) Свобода будетъ дарована крестьянамъ на однихъ словахъ, а не въ дѣйствительности.

———

14) Говорю „по возможности" цѣликомъ, потому что мнѣ не пришлось видѣть вполнѣ эту записку. У меня имѣется черновикъ, написанный рукою Унковскаго и испещренный поправками и добавленіями. Онъ начинается словами: „Изъ всего предъидущаго ясно видно, что" и т. д. Очевидно, стало быть, тутъ предшествовало что-то, но что именно неизвѣстно, быть можетъ изложеніе сущности оффиціальной программы. Подлинникъ записки, поданной Государю, вѣроятно, находится въ объемистомъ дѣлѣ „объ улучшеніи быта крестьянъ", находящемся въ архивѣ Государственнаго Совѣта, и когда пользованіе бумагами архива будетъ болѣе доступно, чѣмъ теперь, сдѣлается возможнымъ найти начало записки. Нужно впрочемъ думать, что начало это существеннаго значенія не имѣетъ, такъ какъ и безъ него, какъ читатели сами убѣдятся, мысль и аргументація Унковскаго вполнѣ ясны и убѣдительны.

Къ сказанному добавлю, что въ имѣющемся у меня черновикѣ не доставало конца и небольшаго мѣста въ серединѣ, которыя я вставилъ

2) Права собственника земли помѣщика, будучи лишены всякаго обезпеченія, отнимутся безъ вознагражденія и будутъ состоять въ одномъ правѣ заводить съ обществами вѣчныя тяжбы, для разбора которыхъ не представится никакой возможности.

3) Между землевладѣльцами и освобожденными крестьянами породится повсемѣстно антагонизмъ и вслѣдствіе того личная ненависть которыхъ не могла быть и въ поминѣ въ Великороссійскихъ губерніяхъ, гдѣ крестьянинъ подчинялся помѣщику на основаніи началъ чисто родового патріархальнаго быта и гдѣ феодольнаго права никогда не было, антагонизмъ, не существовавшій даже во времена самой тяжкой крѣпостной зависимости, которая неминуемо породитъ борьбу.

4) Такъ какъ административная государственная власть при отсутствіи феодальныхъ понятій въ народѣ никакъ не можетъ быть соединена съ правомъ частнаго землевладѣльца, то по уничтоженіи послѣднихъ патріархальныхъ связей помѣщика съ крестьяниномъ, землевладѣлецъ, лишенный своей прежней власти и облеченный въ званіе вотчиннаго полицеймейстера на основаніи одного своего права собственника на землю, не будетъ имѣть никакого нравственнаго авторитета и никакихъ физическихъ силъ заставить уважать свою власть. Такое разрушеніе прежней власти безъ учрежденія новой дѣйствительной приведетъ неминуемо къ всеобщей и повсемѣстной анархіи.

5) Такъ какъ между свободой и неволей въ частно-владѣльческомъ отношеніи нѣтъ средины, то постепенное дарованіе свободы на однихъ словахъ будетъ только поддержи-

изъ „*Колокола*" 7-го апрѣля 1859 г., № 39, гдѣ записка была впервые напечатана.—Печатая эту записку, А. И. Герценъ сопровождалъ ее такимъ примѣчаніемъ: „мы печатаемъ проектъ не потому, чтобы были съ нимъ во всемъ согласны, а потому, что въ современныхъ русскихъ изданіяхъ нигдѣ его не встрѣчали и полагаемъ, что обнародованіе его полезнымъ. Мы также съ радостью обращаемъ вниманіе публики на то, что проэктъ Унковскаго, котораго мы лично совершенно не знаемъ, говоритъ въ его пользу, показывая огромную разницу между мнѣніемъ предводителя и *безконечно грязнымъ* проектомъ тверскаго комитета объ улучшеніи быта крестьянъ" (№ 39 *Колокола* отъ 7-го апрѣля 1859 г.).—Очевидно Герценъ былъ не вѣрно освѣдомленъ. Тверской комитетъ большинствомъ голосовъ одобрилъ 7-го февраля 1859 г. проектъ Унковскаго и рѣзкій, но вполнѣ заслуженный эпитетъ „безконечно грязный" по справедливости долженъ быть отнесенъ не къ проекту большинства комитета, а къ проекту меньшинства и въ особенности къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ мнѣніямъ (см. ниже).

вать постоянное раздраженіе народа, а минутныя ожиданія перемѣны будутъ препятствовать установленію какого-нибудь порядка въ хозяйственномъ ихъ быту.

6) Если барщинная работа крестьянъ при крѣпостной ихъ зависимости была вдвое хуже наемной, то обязательная работа свободныхъ поселянъ въ помѣщичьихъ усадьбахъ не можетъ быть допущена, ибо она будетъ только одною безполезною тратою времени для крестьянъ и не вознаградитъ помѣщика за пользованіе его землею, а такъ какъ большинство помѣщиковъ не имѣетъ наличныхъ капиталовъ, то при отсутствіи денежнаго капитальнаго вознагражденія за освобожденныхъ крестьянъ и землю, отводимую имъ въ пользованіе, приспособленіе помѣщичьихъ хозяйствъ къ обработкѣ земли наемными руками окажется вовсе невозможнымъ, ибо для этого потребуются особенныя капитальныя пожертвованія для обзаведенія машинами, рабочимъ скотомъ, помѣщеніями для рабочихъ и пр.

7) Такъ какъ поземельная рента не можетъ быть неизмѣняема, то крестьянинъ, освобожденный съ одною усадебною землею не будетъ обезпеченъ въ выгодномъ пользованіи полевою землей, необходимой для его хозяйственнаго быта, и потому не можетъ быть въ полномъ смыслѣ осѣдлымъ землевладѣльцемъ.

8) Административная и полицейская власть въ селеніяхъ, раздѣленная между помѣщиками по настоящему составу ихъ вотчинъ, не представитъ никакой возможности централизаціи сельскаго управленія, безъ которой невозможенъ разумный порядокъ вещей. Имѣнія отъ одной души до нѣсколькихъ тысячъ душъ, весьма часто разбросанныя по нѣсколькимъ уѣздамъ и даже губерніямъ, неимѣющимъ между собою ничего общаго. будутъ имѣть въ помѣщикѣ одного полицеймейстера и находясь случайно между сосѣдними селеніями прочихъ вѣдомствъ, имѣющихъ съ ними одни и тѣ же интересы и совсѣмъ иное управленіе представитъ хаотическій безпорядокъ, при которомъ не можетъ существовать никакой власти и никакого порядка.

9) Исправное поступленіе податей при отсутствіи собственной земли у крестьянина и правъ свободнаго распоряженія собственностію у помѣщика не можетъ быть ничѣмъ обезпечено.

Вотъ исчисленіе всѣхъ неудобствъ такого способа освобожденія крестьянъ. Неминуемыми послѣдствіями его будутъ совершенное разстройство помѣщичьихъ хозяйствъ, уничтоженіе осѣдлости и хозяйственнаго быта земледѣльческаго сословія, прямой антагонизмъ и вслѣдствіе того можетъ быть

кровавая борьба двухъ сословій, которыхъ доброе согласіе представляетъ единственный залогъ для благосостоянія Россіи и ея разумнаго управленія, бродяжество сельскаго населенія и, наконецъ, совершенный безпорядокъ въ юридическихъ отношеніяхъ всѣхъ и каждаго изъ сельскихъ жителей, дающій только обильную пищу грабежу чиновниковъ и сильныхъ. Помѣщичья власть не уничтожится, а лишится только патріархальной стороны, составляющей единственное ея оправданіе, и раздѣлятся между землевладѣльцемъ, не попечительнымъ уже хозяиномъ своего имѣнія, а вѣчнымъ и равнодушнымъ кредиторомъ крестьянъ, поселенныхъ среди его земли, и чиновниками, наѣзжающими почти ежедневно для разбирательства запутанныхъ отношеній владѣльцевъ и крестьянъ и продающихъ правосудіе въ пользу богатыхъ.

Отъ такой жизни откажется всякій помѣщичій крестьянинъ и мы даже думаемъ, что дарованіе подобной свободы весьма опасно. Объявить народъ свободнымъ, оставивъ его почти въ той же неволѣ и не улучшая его быта, по нашему мнѣнію, хуже, нежели оставить его въ крѣпостной зависимости. Это объявленіе свободы безъ дарованія ея въ дѣйствительности уничтожитъ въ народѣ довѣріе къ правительству, отниметъ у него послѣднюю надежду на улучшеніе его быта и вслѣдствіе этого отчаянія можетъ вызвать всѣ дикія явленія Пугачевщины. Примѣръ остзейскихъ губерній къ намъ неприложимъ.

При существованіи феодальнаго права и отсутствіи общиннаго непосредственнаго владѣнія землею, остзейскій рабъ (Knecht) могъ подчиниться своему положенію. Можетъ быть даже настоящее ему казалось лучше прошедшаго. Но если и предположить, что его подчинили этому положенію противъ воли и онъ спокойно перенесъ насиліе, то можетъ ли служить примѣромъ для цѣлой Россіи, что этой горсти людей, принадлежащей къ огромному и иноплеменному для нея государству, не пришла мысль явнаго возстанія.

Нашъ великорусскій крестьянинъ не испыталъ никогда феодальной зависимости и безпріютнаго рабства. Онъ издавна привыкъ жить своимъ домомъ, среди родимой его деревенской общины и непосредственно владѣть землею. Онъ глубоко убѣжденъ въ своемъ правѣ на землю. Достаточно бросить бѣглый взглядъ на историческое происхожденіе крѣпостнаго права и настоящее положеніе помѣщичьихъ имѣній въ Великой Россіи, чтобы понять, на сколько законы и обычаи помогали развиться этому убѣжденію. Всегда и повсемѣстно община русскихъ крестьянъ была „крѣпка землѣ“, и имѣла въ дѣйствительности неотъемлемое право и полную

возможность пользоваться землею въ томъ размѣрѣ, въ какомъ она была необходима для ея жизни. Хотя помѣщикъ и имѣлъ по закону право брать крестьянъ во дворъ и пользоваться гораздо выгоднѣе его трудами, но сознаніе права крестьянъ на землю было до того сильно, что почти нигдѣ не было примѣра, чтобы помѣщики лишали земли цѣлыя общества, и вездѣ, гдѣ задумывали что-нибудь подобное этому, случались возмущенія. Такимъ образомъ община крестьянъ, продовольствіе и повинности которой лежали на отвѣтственности ея владѣльца, была вѣчнымъ и единственнымъ фактическимъ владѣльцемъ занимаемой ими земли. Даже всѣ случайныя бѣдствія, какъ-то: неурожай, пожары и т. п., не имѣли вліянія на это право и падали на одного помѣщика, который по случаю этихъ убытковъ дѣлалъ долги и часто лишался имѣнія, крестьянская же община оставалась на томъ же мѣстѣ и переходила къ новому владѣльцу, сохраняя прежнія права на землю. Весьма естественно, что подобная крѣпость земли въ продолженіе двухъ сотъ лѣтъ привело крестьянъ къ *полному сознанію своего права владѣнія и никакія внушенія правительства* и постановленія губернскихъ комитетовъ не въ состояніи поколебать этого вѣрованія. По этому великороссійскій крестьянинъ, сознавая вполнѣ, что его права на землю существуютъ не иначе, какъ съ условіемъ отбыванія повинностей въ пользу помѣщика и личной отъ него зависимости, охотно согласится за свое освобожденіе съ землею внести опредѣленную сумму, но никогда не пожелаетъ получить свободу въ общинномъ составѣ, безъ отдѣленія ему земли въ размѣрѣ, необходимо нужномъ для хозяйственнаго быта.

По нашему мнѣнію, освобожденіе русскаго крестьянина не иначе можетъ быть согласно съ обезпеченіемъ поступленія государственныхъ прямыхъ налоговъ и собственности помѣщика, какъ только двумя способами: личнымъ освобожденіемъ безъ всякаго надѣла землею, съ правомъ свободнаго переселенія; или совершеннымъ отдѣленіемъ крестьянъ отъ ихъ владѣльцевъ, *при надѣлѣ* ихъ необходимо нужнымъ количествомъ усадебной, пахотной, луговой и выгонной земли и съ вознагражденіемъ за это помѣщиковъ.

Въ первомъ случаѣ свобода крестьянина неоспорима и право владѣльца на землю совершенно обезпечено, ибо послѣдній имѣетъ ничѣмъ не стѣснимое право распоряженія своею собственностью, которая и служитъ обезпеченіемъ государственныхъ прямыхъ налоговъ. Мы не защищаемъ

[+] съ отмѣненіемъ при [illegible] отъ помѣщика и уничтоженіемъ всякихъ взаимныхъ [illegible] обязательныхъ отношеній

[большей или меньшей

Во второмъ случаѣ при освобожденіи крестьянъ съ землею [+] свобода крестьянъ даже при крѣпости (или) земли, неоспорима, помѣщикъ, получа[illegible] за крестьянъ съ землею [illegible] вознагражденіе деньгами или обязательствами, по возможности вознагражденъ, а исполненіе крестьянами обязанностей предъ правительствомъ обусловлено землею, отдаваемою имъ въ собственность. Вотъ единственное и вѣрное средство освободить крестьянъ не на словахъ, а на дѣлѣ [+] не нарушая ничьихъ правъ, не порождая ни съ какой стороны неудовольствія и не рискуя будущимъ Россіи

[+] не постепенно, а разомъ, единовременно и повсемѣстно

этотъ способъ освобожденія, а потому и не распространяемся объ немъ, но указываемъ только на одну его возможность.

Во второмъ случаѣ, при освобожденіи крестьянъ съ землею съ отдѣленіемъ ихъ совсѣмъ отъ помѣщика, т. е. и уничтоженіемъ всякихъ взаимныхъ ихъ обязательныхъ отношеній свобода крестьянъ даже при большей или меньшей крѣпости ихъ землѣ не оспорима; помѣщикъ, получивъ за крестьянъ съ землею капитальный выкупъ деньгами или облигаціями, по возможности вознагражденъ, а исполненіе крестьянами обязанностей предъ правительствомъ обезпечивается землею, отдаваемою имъ въ собственность. Вотъ единственное и вѣрное средство *освободить крестьянъ не словомъ, а дѣломъ, не постепенно, а разомъ*, единовременно и повсемѣстно, не нарушить ни чьихъ правъ, не пораждая ни съ какой стороны неудовольствій и не рискуя будущимъ Россіи.

Справедливость требуетъ, что бы при такомъ освобожденіи крестьянъ помѣщики были вознаграждены какъ за землю, отходящую изъ ихъ владѣнія, такъ *и за самыхъ освобождаемыхъ крестьянъ.*

Считая неумѣстнымъ въ настоящей запискѣ разбирать всѣ подробности этого дѣла, мы находимъ нужнымъ изложить общій взглядъ на этотъ предметъ и доказать одну только возможность этого способа упраздненія крѣпостнаго права.

Разсмотримъ сначала, въ какой мѣрѣ должны быть вознаграждены помѣщики за освобождаемыхъ крестьянъ съ землею и на кого должны подать убытки этого вознагражденія. Мы видимъ, что законъ объ укрѣпленіи крестьянъ къ землѣ произвелъ такія естественныя послѣдствія, которыя отняли у крѣпостныхъ людей личную свободу и сдѣлали ихъ товаромъ.

Мы видимъ, что помѣщики покупали крестьянъ съ землею и безъ земли и принимали въ расчетъ при этой покупкѣ не одну ихъ численность, но даже и личныя ихъ достоинства.

До сего времени въ Россіи безпрепятственно продавались и покупались люди на своз, какъ имущество. Лица, имѣющія по закону право владѣть людьми, надѣясь на силу законовъ, до сего времени не опасались употреблять капиталы на покупку людей какъ имущества, котораго обладаніе дозволено и ограждено законами. Признать это имущество незаконнымъ и изъять безъ всякаго вознагражденія несправедливо потому, что лица, владѣющія крѣпостными людьми въ данную минуту, не могутъ отвѣчать за прочность государственныхъ, вѣковыхъ учрежденій и потому, что законы не могутъ имѣть обратной силы. Мы не имѣемъ средствъ убѣдиться, насколько древнія правительства Россіи имѣли права распоряжаться землями

при раздачѣ ихъ въ помѣстья и частныя вотчины, ибо для этого мы должны восходить до права первоначальнаго занятія земли отдѣльно по каждому помѣщичьему имѣнію (что явно невозможно), но видимъ, что неминуемымъ послѣдствіемъ этой раздачи земель явилась необходимость прикрѣпленія человѣка къ землѣ и вслѣдствіе того отнятіе у него личной свободы. Сверхъ того, прежнія правительства лишали свободы цѣлыя массы людей, отдавая ихъ въ собственность помѣщикамъ и дозволяя ихъ покупать, продавать и закладывать, какъ вещи.

Изъ этого явно, что цѣнность всякаго населеннаго имѣнія, состоящаго на крѣпостномъ правѣ, заключается не въ одной землѣ, но и въ людяхъ, за которыхъ помѣщикъ долженъ быть также вознагражденъ, какъ и за землю, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ земля безъ людей не имѣетъ никакой цѣнности. Конечно, освобождаемые крестьяне должны сами купить отходящую къ нимъ землю; но кто же вознаградитъ помѣщиковъ за личную свободу крестьянъ и дворовыхъ людей? Неужели можно допустить, чтобы въ этомъ случаѣ цѣнность людей была присоединена къ цѣнности земли и тѣ же самые люди, у которыхъ была отнята свобода во имя государственной необходимости, были принуждены выкупать свою неволю! Они сами менѣе всѣхъ виновны въ существованіи крѣпостнаго права и были принесены въ жертву для общей государственной пользы. Законы общечеловѣческой справедливости не допускаютъ брать съ обиженнаго вознагражденія за нанесенную ему обиду.

Если это правило будетъ отвергнуто, то все дѣло дарованія свободы не будетъ справедливымъ возстановленіемъ правъ человѣчества и сами освобождаемые люди поймутъ, что имъ *продаютъ, а не дарують свободы*.

На основаніи непреложныхъ началъ справедливости возстановленіе нарушенныхъ правъ должно лежать на обязанности ихъ нарушителей. Мы видимъ, что русскій крѣпостной человѣкъ лишенъ личной свободы и сдѣланъ вещью вслѣдствіе распоряженій правительства Русской земли, которымъ подчинился и сочувствовалъ весь народъ. Мы видимъ, что учредило крѣпостное право само правительство, за дѣйствія котораго должны отвѣтствовать *всѣ сословія* государства равномѣрно, тѣмъ болѣе, что распоряженія правительства по этому предмету были совершенно согласны съ нуждами, понятіями и правами всего народа и что освобожденіе крѣпостныхъ людей составляетъ интересъ всего государства.

Все вышеизложенное ведетъ къ неоспоримому заключенію,

что въ видахъ сохраненія справедливости помѣщики должны быть вознаграждены за людей и землю, отходящихъ изъ ихъ владѣнія, и что вознагражденіе за первыхъ никакъ не должно падать на однихъ освобождаемыхъ крѣпостныхъ людей, а на всѣ сословія государства и имущества всѣхъ родовъ безъ всякаго различія.

Затѣмъ неминуемо слѣдуютъ вопросы: какъ опредѣлить количество земли, необходимо нужной крестьянину для обезпеченія его осѣдлости и свободы; какимъ способомъ оцѣнить по справедливости убытки помѣщика, происходящіе отъ такого освобожденія крестьянъ, и гдѣ найти средство для ихъ вознагражденія?

Количество земли, необходимо нужное крестьянину, не можетъ быть опредѣлено съ точностію ни назначеніемъ одною цифрою для какой-либо мѣстности, ни на основаніи настоящаго ихъ владѣнія. Первый способъ опредѣленія рѣшительно невозможенъ, ибо разнообразіе почвы экономическаго быта крестьянъ не представляетъ никакой возможности опредѣлить одною цифрою это необходимое количество земли не только для извѣстнаго округа, но даже для двухъ сосѣднихъ деревень. Второй способъ совершенно неудобенъ по слѣдующимъ причинамъ. Опредѣленіе количества земли, состоящей въ пользованіи помѣщичьихъ крестьянъ въ настоящее время, произошло отъ воли помѣщиковъ, а такъ какъ распоряженія ихъ зависѣли отъ случайныхъ обстоятельствъ, то настоящее надѣленіе крестьянъ землею въ большей части помѣщичьихъ имѣній далеко превышаетъ ихъ необходимую потребность. Многіе помѣщики, будучи отвлечены отъ своихъ имѣній по разнымъ обстоятельствамъ и часто не заѣзжавши въ нихъ въ продолженіе всей своей жизни, довольствовались извѣстнымъ оброкомъ и предоставляли въ пользованіе крестьянамъ всю имѣющуюся у нихъ землю.

Поэтому настоящее распредѣленіе земли не можетъ быть принято основаніемъ для будущихъ надѣловъ. По нашему мнѣнію, единственный и лучшій способъ опредѣленія этого количества можетъ быть—добровольное соглашеніе помѣщиковъ и крестьянъ, поставленное въ извѣстныя границы для обузданія произвола. Хотя нельзя указать одну количественную единицу земли, необходимой для крестьянъ на извѣстной мѣстности, но можно опредѣлить количество земли, *менње* котораго не можетъ имѣть крестьянинъ извѣстнаго уѣзда безъ потери своей осѣдлости и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлить мѣстную среднюю цѣнность земли. Этотъ минимумъ

обозначить количество земли, которое помѣщикъ непремѣнно обязанъ уступить крестьянамъ.

Съ другой стороны, можно опредѣлить количество должной суммы, далѣе которой не обезпечивается вознагражденіе, и затѣмъ опредѣленіе надѣла земли и слѣдующаго за нея вознагражденія предоставить полюбовному соглашенію обѣихъ сторонъ, оставивъ за помѣщикомъ право, въ случаѣ если этого соглашенія не послѣдуетъ, дать крестьянамъ—земли и получить меньшую цифру вознагражденія. Этотъ способъ вѣрнѣе всѣхъ прочихъ обезпечитъ будущую участь крестьянъ. Онъ имѣетъ и то преимущество, что дастъ крестьянамъ возможность въ случаѣ необходимости прикупить у помѣщика на собственные свои капиталы извѣстное количество земли, пріуроченной къ мѣстамъ ихъ осѣдлости, или принять другую землю въ замѣнъ ими занимаемой и добровольно переселиться, если они найдутъ это болѣе выгоднымъ и удобнымъ.

Оцѣнка убытковъ помѣщиковъ, при такомъ освобожденіи крестьянъ съ землею, можетъ быть не иначе, какъ приблизительная, посредствомъ опредѣленія, средней цѣнности людей и земли въ извѣстной мѣстности. Оцѣнивать каждое имѣніе порознь нѣтъ никакой возможности, не говоря уже о дороговизнѣ и медленности такого кадастра; стоитъ только вспомнить, что отсутствіе всякой бухгалтеріи почти во всѣхъ имѣніяхъ отдаетъ эту оцѣнку въ руки произвола и взяточничества, дѣлаетъ его орудіемъ повсемѣстнаго грабежа помѣщиковъ и крестьянъ. Вообще при настоящей нравственности лицъ, состоящихъ въ государственной службѣ, нельзя допустить въ этомъ случаѣ никакихъ отношеній между лицами, опредѣляющими цѣны и имѣющими личную выгоду въ оцѣнкѣ. Губернскіе комитеты будутъ имѣть возможность опредѣлять для каждой мѣстности цѣнность рабочихъ силъ и земель. Основаніемъ для этой оцѣнки могутъ служить между прочимъ купчія крѣпости на родовыя имѣнія (при продажѣ которыхъ цѣна не скрывалась), по которымъ продавались люди съ землею и одна земля. Они покажутъ совершенно близкую среднюю цѣнность человѣка и земли.

Весьма легко, что комитеты найдутъ другія еще лучшія основанія. Если при этомъ способѣ оцѣнки и будетъ какой-либо ущербъ для кого-либо, то весьма незначительный въ сравненіи съ тѣмъ убыткомъ, который навѣрно падетъ на всѣхъ отъ произвола оцѣнщиковъ, и притомъ этотъ ущербъ можетъ быть значительно пониженъ добровольнымъ соглашеніемъ обѣихъ сторонъ. Совершенно точное опредѣленіе убытка помѣщиковъ, какъ бы по вѣсу, въ настоящемъ случаѣ невозможно, несогласно съ духомъ русскаго народа и

даже вовсе не нужно при изобиліи нашихъ земель и угодій. Никто изъ насъ не пожалѣетъ этого малаго ущерба и лучше согласится понести его, нежели имѣть дѣло съ нашими чиновниками и судами.

Мы сказали, что вознагражденіе убытковъ помѣщиковъ должно состоять изъ двухъ элементовъ: вознагражденія за людей и выкупа земли, отходящей изъ ихъ владѣнія, изъ которыхъ первое должно падать на государство, а второе на самихъ освобожденныхъ крестьянъ. По нашему мнѣнію, это вознагражденіе должно быть расчитано не иначе, какъ денежный капиталъ, и выдано помѣщикамъ облигаціями, приносящими проценты и совершенно обезпеченными. Такая выдача капитала необходима для поддержанія помѣщичьихъ хозяйствъ и приспособленія ихъ къ обработкѣ наемными руками. Поэтому вознагражденіе постоянною, ежегодною рентою неудобно; а всякое другое не денежное вознагражденіе, какъ-то: обязательство работы, сельскими производствами и т. п., не можетъ имѣть мѣста въ настоящемъ случаѣ и не согласно съ понятіями свободы, иначе не будетъ мѣста свободѣ, и крѣпостное право замѣняется какою-то *вѣчною кабалою*, невыносимою для народа и ничѣмъ не обезпечивающею правъ землевладѣльца. Мы видѣли, что такое опредѣленіе обязательныхъ сельскихъ работъ невозможно, а потому произволъ будетъ господствовать по прежнему во всей своей крѣпостной силѣ и перейдетъ только отъ помѣщиковъ въ руки агентовъ правительства, которые будутъ управлять всѣмъ государствомъ на помѣщичьемъ правѣ. Подобное освобожденіе крестьянъ не есть ихъ освобожденіе, а только пониженіе правъ дворянства въ одинъ уровень съ безправственностію крѣпостныхъ людей. Притомъ вознагражденіе помѣщиковъ должно быть капитализировано, что возможно только въ томъ случаѣ, если оно будетъ денежное. Остается одинъ и самый важный вопросъ: гдѣ найти средства для вознагражденія помѣщиковъ? Къ несчастію, многіе отвергаютъ изложенный нами единственно разумный способъ освобожденія крестьянъ только потому, что убѣждены въ недостаткѣ нашихъ государственныхъ средствъ. Убѣжденіе это въ частныхъ людяхъ основано на одпихъ слухахъ, идущихъ отъ нашихъ государственныхъ людей, а у сихъ послѣднихъ основано на однихъ оффиціальныхъ отчетахъ, всегда противорѣчащихъ дѣйствительности, и на недостаткѣ средствъ по бюджету доходовъ и расходовъ государства. Этому убѣжденію сильно помогаетъ и то, что мы всегда

привыкли вѣрить слухамъ и словамъ авторитетовъ, созданныхъ табелью о рангахъ, но никогда не осмѣливаемся взглянуть въ окружающую насъ дѣйствительность и повѣрить ихъ слова своими собственными глазами.

Средства государства существуютъ не въ одномъ только домѣ, занимаемомъ государственнымъ казначействомъ, и не въ однихъ только цифрахъ, значущихся въ бюджетѣ его доходовъ. Мы не расчитываемъ на эти средства. Источники государственнаго богатства, о которыхъ мы говоримъ, разсѣяны по всей нашей имперіи. Они существуютъ во всѣхъ мѣстностяхъ и видимы на каждомъ шагу. На отдѣльныхъ мѣстностяхъ они видимы даже лучше, нежели въ графахъ министерскихъ отчетовъ. Стоитъ каждому поглядѣть внимательно вокругъ себя, и онъ увидитъ, что эти средства даже превышаютъ потребности, но что потребности часто не удовлетворяются только вслѣдствіе невыгодныхъ распоряженій средствами.

Мы видимъ, что весьма часто строятся огромныя общественныя зданія, которыя впослѣдствіи ничѣмъ не занимаемы; мы видимъ, что каждое сооруженіе стоитъ для казны впятеро болѣе, нежели для частныхъ лицъ; мы видимъ казенныя фабрики и заводы, приносящіе одни убытки и доставляющіе только теплыя мѣста чиновникамъ; мы видимъ государственные лѣса, служащіе только предметомъ расхищенія; мы видимъ ясно и положительно, что самая значительная статья государственнаго дохода—винный откупъ не приноситъ половины слѣдующаго съ него дохода; мы видимъ множество чиновниковъ не нужныхъ, для службы и ничего не дѣлающихъ, но получающихъ большія содержанія, тогда какъ съ другой стороны множество чиновниковъ, на которыхъ опирается вся администрація, лишены всякой возможности существовать и выпущены на грабительство. Наконецъ, мы видимъ, что всѣ эти невыгодныя распоряженія суммами, грабежи чиновниковъ, бездна совершенно случайныхъ и потому неравномѣрныхъ, натуральныхъ повинностей, отъ которыхъ жители откупаются втихомолку суммами, вчетверо и пятеро превышающими ихъ стоимость, не въ состояніи подавить благосостояніе Россіи и разрушить окончательно источникъ ея богатства. *Значитъ мы богаты!* Значитъ люди, говорящіе о неимѣніи государственныхъ средствъ, не знаютъ ни государства, ни его производительныхъ силъ. Въ самое бѣдственное время послѣдней войны, когда сельскій житель не имѣлъ работъ, когда сельскія произведенія не шли съ рукъ, мы поставили въ нѣсколько недѣль ополченіе, стоившее совсѣмъ, считая натуральныя повинности (подводами и тому

подобнымъ), едва ли не болѣе трехъ рублей съ души, и послѣ этого не чувствуемъ себя бѣднѣе. Благосостояніе наше нисколько не упало; напротивъ, судя по состоянію винныхъ откуповъ, мы видимъ, что народъ въ настоящее время, несмотря на значительное повышеніе цѣны вина (доходящей до 6 руб. сер. за ведро), выпилъ все опредѣленное годовое количество въ 8 мѣсяцевъ, и это мы замѣчаемъ послѣ огромнаго пожертвованія на дѣло совершенно непроизводительное, какъ война. А что же будетъ, если такое пожертвованіе принесутъ всѣ сословія государства и всѣ роды имуществъ на дѣло освобожденія крестьянъ, которое должно по меньшей мѣрѣ возвращать вдвое все на него пожертвованное, вслѣдствіе одной огромной разности, существующей въ производительности между свободнымъ трудомъ и обязательною работою.

Чтобы лучше понять это, разсмотримъ, какъ велики должны быть средства для выкупа крестьянъ съ частію земли въ Тверской губерніи. Средняя цѣнность ревизской души съ частію земли, для нея необходимой, по нашему мнѣнію, не превысить 150 руб. сер. Крестьяне на свозъ, при незначительномъ количествѣ движимаго и недвижимаго имущества, продаются отъ 50 до 60 рублей серебромъ. Всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей въ нашей губерніи, по 9-й ревизіи, числится 360,557 ревизскихъ душъ мужскаго пола, изъ коихъ однихъ крестьянъ 338,707 душъ.

Поэтому вознагражденіе собственно за людей равняется 21,663,420 р. с. Если при совершенномъ неимѣніи наличныхъ средствъ будутъ выданы помѣщикамъ на эту сумму 4 процентныя облигаціи, обезпеченныя налогами со всѣхъ сословій и всѣхъ родовъ имуществъ, то ежегодный платежъ по нимъ 5 процентовъ съ погашеніемъ будутъ не болѣе 1,081,671 р. с., которые, будучи разложены на 630,424 ревизскихъ душъ мужескаго пола всѣхъ податныхъ сословій съ губерніи, на капиталы и имущества всѣхъ родовъ, составятъ ежегодное пожертвованіе вдвое (если не втрое) менѣе противъ пожертвованія, сдѣланнаго одними помѣщиками и податными сословіями на ополченіе 1855 года. Наконецъ губернскими комитетами легко могутъ быть указаны средства, не входящія въ бюджеты доходовъ, которые могутъ покрыть часть капитальнаго долга за выкупъ людей и тѣмъ уменьшитъ цифру ежегоднаго платежа. Къ этому разряду можно отнести указаніе на сокращеніе многихъ расходовъ, на суммы земскаго сбора, собираемыя для разныхъ сооруженій, которыя легко могутъ быть отложены до болѣе благопріятнаго времени, указанія на разныя казенныя имущества, не приносящія государству никакого дохода, которыя

безъ всякаго неудобства могутъ быть проданы, и т. п Мы надѣемся указать на множество такихъ источниковъ и для этого комитетамъ нужно только право получать отъ всѣхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ необходимыя для этого свѣдѣнія; наконецъ, вышесказанный процентъ можетъ быть пониженъ, по усмотрѣнію самихъ комитетовъ. Что касается до вознагражденія помѣщиковъ за отходящія изъ ихъ владѣнія земли, то облигаціи, на этотъ предметъ выданныя, легко могутъ быть обезпечены самою землею, поступающею въ надѣлъ крестьянскимъ общинамъ.

Для произведенія этой операціи и завѣдыванія крестьянскими общинами въ финансовомъ отношеніи могутъ быть устроены въ каждой губерніи, по примѣру Австріи и Пруссіи, банки, которые можно соединить съ существующими приказами общественнаго призрѣнія и комитетами земскихъ повинностей, поручивъ ихъ управленіе выборнымъ лицамъ всѣхъ сословій въ губерніи, съ публичной отчетностію и личною и имущественною отвѣтственностію выборныхъ. Сіе послѣднее необходимо для того, чтобы облигаціи пользовались довѣріемъ. Въ наше время тайному управленію и неотвѣтственнымъ чиновникамъ никто уже не вѣритъ. Многочисленные опыты разрушили всякое очарованіе относительно подобнаго дѣлопроизводства.

Платежъ процентовъ по облигаціямъ освобожденными крестьянами будетъ весьма легокъ. По нашему соображенію, стоимость выкупа земель Тверской губерніи не можетъ простираться болѣе 36 милліоновъ рублей серебромъ, съ которыхъ ежегодный платежъ 5% не можетъ превышать 1,800,000 руб. сер., что составитъ не болѣе 5 руб. сер. съ души въ годъ; а съ тягла 12 руб. 50 коп. — самый легкій помѣщичій оброкъ. При строгомъ взысканіи недоимокъ и объявленіи, что въ случаѣ неплатежа процентовъ въ извѣстный срокъ неплательщики будутъ переселяемы въ Сибирь, никакой недоимки быть не можетъ.

Вотъ нашъ взглядъ по предмету освобожденія крестьянъ и единственный способъ разумнаго, справедливаго и спокойнаго разрѣшенія этого вопроса

Если намъ возразятъ, что облигаціи не будутъ равноцѣнны капиталу, ими представляемому, то мы на это можемъ отвѣчать, что этого никогда быть не можетъ; ибо бумаги, приносящія проценты и достаточно обезпеченныя, никогда не наводнятъ денежныхъ рынковъ и не потеряютъ своей номинальной цѣны.

Примѣромъ этому служитъ Англія съ ея несмѣтнымъ количествомъ банковыхъ билетовъ, ходящихъ свободно, какъ наши кредитные билеты и наши серіи, которыхъ нигдѣ нельзя достать. Разумное же и явное управленіе этимъ дѣломъ никогда не можетъ допустить недовѣрія къ обороту, дѣлающемуся гласно и обезпеченному имуществами его управителей.

Поэтому мы считаемъ необходимо нужнымъ разрѣшить губернскимъ комитетамъ:

1) требовать отъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ и лицъ всѣ нужныя для нихъ свѣдѣнія и обсуждать финансовыя средства губерніи;

2) обсуждать необходимо нужныя измѣненія въ устройствѣ сельскаго управленія, мѣстной полиціи и нѣкоторыхъ связанныхъ съ этимъ предметомъ учрежденій;

3) не стѣсняться тѣсною рамкою инструкцій, а излагать и обсуждать *всѣ необходимые предметы* со всего откровенностію. Сіе послѣднее необходимо потому, что съ вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ связаны многіе вопросы нашей государственной общественной жизни. Уединить его отъ всѣхъ прочихъ вопросовъ и рѣшить совершенно отдѣльно нѣтъ никакой возможности.

Въ этой замѣчательной запискѣ, которая обращаетъ на себя вниманіе не только широтою взглядовъ, но и изящною формою, столь рѣдкою въ дѣловыхъ бумагахъ, Унковскій открыто выступаетъ противъ того плана безземельнаго освобожденія крестьянъ, который правительство имѣло въ виду въ это время [15]), а также противъ вотчинной власти помѣщиковъ. При осуществленіи правительственнаго плана освобожденіе крестьянъ, заявлялъ Унковскій, будетъ на словахъ, а не на дѣлѣ и создастся положеніе *хуже крѣпостнаго права*, такъ какъ образуются два класса людей взаимно-враждующихъ: помѣщикъ-землевладѣлецъ и безземельный крестьянинъ; такимъ образомъ, будетъ то же крѣпостное право, только безъ того

[15]) Впослѣдствіи правительство т. е. мин. внутр. дѣлъ отказался отъ своего первоначальнаго плана и Ланской въ своей запискѣ Государю въ 1859 г. писалъ: Поборники этого направленія (т. е. обезземеленія крестьянъ), всего болѣе встрѣчаются между знатными и богатыми помѣщиками; оно нашло сочувствіе и въ остальномъ дворянствѣ, можетъ быть (sic) и въ нѣкоторыхъ изъ приближенныхъ къ Вамъ, Государь, особахъ и нѣкоторыхъ членовъ Главнаго Комитета. См. н. сб. Семенова I, 831.

патріархальнаго элемента, который смягчалъ его. Настаивая на необходимости сразу покончить съ крѣпостнымъ правомъ, онъ настаивалъ также и на немедленномъ переводѣ крестьянъ на оброкъ, уничтоженіи барщины и смѣшанныхъ повинностей и на предоставленіи крестьянамъ достаточныхъ надѣловъ, съ правомъ ихъ выкупить въ собственность. Стремясь къ возможно безобидному развязанію узловъ крѣпостнаго права, Унковскій находилъ справедливымъ вознагражденіе помѣщиковъ за отходящія рабочія руки, на которыя, въ силу существовавшихъ законовъ, ими затрачены были деньги при пріобрѣтеніи имѣній, но полагалъ, что вознагражденіе это должно уплатить государство, т. е. всѣ сословія, а не одни освобождаемые крестьяне, въ виду того, что писалъ Унковскій, крѣпостные «менѣе всего виновны въ установленіи крѣпостнаго права и были принесены въ жертву для общей государственной пользы. Законы же общечеловѣческой справедливости не допускаютъ, говорится далѣе, брать съ обиженнаго вознагражденіе за нанесенную ему обиду».

Такова сущность этого важнаго историческаго документа, знаменующаго спасительный поворотъ въ крестьянскомъ вопросѣ въ смыслѣ признанія необходимости надѣленія крестьянъ землею. Лучшею похвалою проекта Унковскаго можетъ служить то обстоятельство, что самъ Герценъ въ своемъ проектѣ [16]), напечатанномъ въ 1859 г. въ *Колоколѣ*, ничего лучше не могъ предложить и почти цѣликомъ [17]) усвоилъ основныя положенія записки Унковскаго, не исключая и пункта о выкупѣ не «только земли но и самаго крѣпостнаго права (§ 9 Проекта Герцена).

На этомъ послѣднемъ пунктѣ слѣдуетъ нѣсколько остановиться, такъ какъ онъ можетъ дать, при поверхностномъ взглядѣ, поводъ къ недоразумѣнію [18]). Правительство, какъ извѣстно,

[16]) Проектъ Герцена и прочувствованное письмо его къ Государю перепечатано изъ *Колокола* отъ іюня 1859 г., № 44, въ приложеніи 10 сборника Н. П. Семенова „Освобожденіе крестьянъ" (т. I, 808—818).

[17]) Не смотря на оговорку Герцена (см. прим. 14) о томъ, что онъ не вполнѣ согласенъ съ проектомъ Унковскаго, онъ ни въ текстѣ проекта, ни въ объясненіяхъ не указываетъ, въ чемъ состояло это несогласіе.

[18]) В. И. Семевскій въ статьѣ своей „Изъ исторіи крестьянскаго вопроса" впалъ въ такое недоразумѣніе (стр. 165, т. I Сборника Правовѣдѣнія). Онъ впалъ въ этой прекрасной статьѣ и въ другую погрѣшность

въ программахъ, разосланныхъ губернскимъ комитетамъ, изъ ложнаго стыда или другаго соображенія признало неудобнымъ допустить явный выкупъ личности или личной свободы крестьянъ, хотя ввело его въ замаскированномъ видѣ, допустивъ выкупъ мѣстныхъ промысловыхъ выгодъ и установивъ болѣе высокую цѣну за первыя десятины. Унковскій и Герценъ считали болѣе приличнымъ поставить вопросъ открыто, а главное отстаивали болѣе разумное рѣшеніе, предлагая отнести выкупъ стоимости крѣпостнаго права на счетъ средствъ государства, а не однихъ крестьянъ, какъ это вышло на дѣлѣ [19]). Съ принятіемъ ихъ точки

относительно Унковскаго (стр. 151), о которой будетъ упоминаться ниже въ главѣ VII. Неумѣнье разбираться въ оттѣнкахъ дѣла или спѣшность работы привело, по данному вопросу, и Ланского, или скорѣе стоявшаго за нимъ Н. А. Милютина, къ запутаннымъ заключеніямъ, въ которыхъ перемѣшанъ выкупъ государствомъ крѣпостного права, проектированный въ видахъ облегченія крестьянъ, съ крѣпостническими поползновеніями, въ родѣ сохраненія барщиннаго труда, обезземеленія крестьянъ и т. п. См. Записку Ланскаго у Семенова II, 830.

[19]) Въ 1893 г. послѣ появленія вышеупомянутой статьи В. И. Семевскаго, у меня возникла съ Унковскимъ переписка по этому предмету. Письмо свое 10 января 1893 г. онъ начинаетъ такъ: «не удивляйтесь, многоуважаемый Г. А., тому, что это письмо пишу я собственною отъ природы данною мнѣ рукою и довольно хорошимъ почеркомъ (NB. Съ 1890 г. А. М. писалъ большею частью пишущей машиной *Victor*). Машина стукомъ стала дѣйствовать на нервы и я уже нѣсколько времени практикую по прежнему и съ каждымъ днемъ мои способности возрастаютъ». Затѣмъ А. М. продолжетъ: „Спѣшу представить Вамъ объясненіе по интересующимъ Васъ вопросамъ. Въ первоначальныхъ моихъ предположеніяхъ по крестьянской реформѣ (проектъ, представленный Государю, писанъ мною и А. А. Головачевымъ въ декабрѣ 1857 года, немедленно по полученіи перваго рескрипта виленскому ген.-губернатору съ приложеніями) я доказывалъ, что помѣщики собственно за потерю ихъ права на личность крѣпостныхъ людей должны быть вознаграждены *государствомъ*, а на крестьянъ, освобождаемыхъ съ надѣлами, слѣдуетъ возложить лишь уплату за землю. По моему мнѣнію, такое только рѣшеніе вопроса о выкупѣ могло считаться *вполнѣ справедливымъ*. Это мнѣніе я раздѣляю и теперь, и вотъ почему.

«До 1861 года крѣпостной человѣкъ былъ имуществомъ, которое продавалось, покупалось и закладывалось, большею частію съ придачею земли, а иногда такъ и вовсе безъ земли (какъ, напр., продажа и покупка женщинъ въ замужество, людей семействами съ обязанностію приписки

зрѣнія отнято была бы окончательно послѣдняя тѣнь основательности у причитаній изувѣровъ крѣпостничества по поводу нанесенія имъ «обиды», за которую злопамятные крѣпостники до-

къ недвижимому мнѣнію, поставка въ рекруты съ продажею квитанцій и т. п.). Все это допускалось государствомъ и терпѣлось всѣми сословіями,—даже служило когда-то *государственнымъ* цѣлямъ. Возможно ли было возложить выкупъ этой части *дѣйствительной* цѣнности помѣщичьихъ имѣній на самыхъ закрѣпощенныхъ людей? между тѣмъ, подъ маскою безмезднаго освобожденія личности крѣпостныхъ людей, все дѣло приведено къ тому, что на нихъ же и навалили личный ихъ выкупъ посредствомъ капитализаціи, повинностей, т. е. оброковъ, опредѣленныхъ будто бы за одно пользованіе землей, которая, сама по себѣ въ большей части Россіи того не состоитъ, и прикрѣпленія тѣхъ же лицъ къ землѣ, освободиться отъ котораго почти невозможно по тяжести постановленныхъ для того условій.

«Я думаю, что для успѣха всякихъ государственныхъ дѣлъ, также какъ и частныхъ, всего лучше дѣйствовать прямо и называть вещи своими именами, не скрывая своихъ намѣреній. Иначе можно породить массу недоразумѣній и придти къ результатамъ нежелательнымъ. Такъ вышло и съ крестьянскимъ дѣломъ. Оно началось и производилось ложью и утайкою дѣйствительныхъ цѣлей именно потому, что правительство не допустило вознагражденія за личное освобожденіе крестьянъ въ видѣ *явно выданной* помѣщикамъ особо опредѣленной на этотъ предметъ суммы, а допустило въ то же время полученіе той же цѣнности съ самихъ крестьянъ другимъ путемъ. Поэтому собственно и придумывался всякій вздоръ, въ родѣ отдѣльнаго выкупа усадьбъ, обязательнаго для однихъ крестьянъ выкупа надѣловъ и т. п. Не говоря уже о томъ, что это несправедливо,—такое отношеніе къ дѣлу затрудняло реформу и породило скверныя послѣдствія, и даже такія, о которыхъ въ 1857 и 1858 годахъ массѣ и въ голову не приходило. Разница вышла вотъ въ чемъ.

«Если бы дѣйствовали откровенно и признали все государство помочь дѣлу выдачею помѣщикамъ особаго вознагражденія за уничтоженіе права ихъ на закрѣпощенныхъ людей,—по моему предположенію рублей по 50 за ревизскую душу (что было весьма возможно и *исполнимо*, ибо всѣхъ душъ было около 10 милл., за которыхъ приходилось бы всего около 500 мил., тогда какъ тогда сорили деньгами на множество предпріятій, а черезъ 17 лѣтъ издержали 1,500 на освобожденіе Болгаріи),—то бывшій крѣпостной былъ бы совсѣмъ свободенъ: выкупъ надѣловъ, возлагаемый на него, могъ бы быть опредѣленъ по средней цѣнности земли безъ присоединенія къ ней цѣны личнаго труда, т. е. человѣка и его имущества, какъ-то: строеній и улучшеній почвы, а не по капитализаціи повинностей, т. е. дохода, разсчитаннаго *именно по праву на самое населеніе.* Тогда не нужно было насильно привязывать человѣка къ землѣ

селѣ, въ теченіе болѣе 30 лѣтъ, ведутъ всякими правдами и неправдами безконечную, съ начетомъ не только законныхъ но и противозаконныхъ лихвенныхъ, сложныхъ процентовъ, тяжбу,— ей же не предвидится конца [20]).

(развѣ только не надолго, съ цѣлью тишины и спокойствія на время реформы), такъ какъ онъ былъ бы привязанъ къ ней собственною выгодою. Средняя же цѣнность земли по Тверской губерніи, не присоединяя къ ней цѣны людей, ихъ имущества и произведенныхъ ими улучшеній, была въ то время, да и теперь (въ некультурномъ состояніи) немного болѣе той, какая означена въ приложеніи къ уставу о гербовомъ сборѣ— руб. 20—25 за десятину. Слѣдовательно, размѣръ вознагражденія былъ бы тотъ же, но дѣло было бы ведено прямо, чисто и справедливо: государство помогло бы уничтоженію имъ самимъ установленной несправедливости на третью часть; крестьянинъ почувствовалъ бы себя сейчасъ свободнымъ *отъ всякаго прикрѣпленія,* такъ какъ выкупъ можно было бы допустить обязательный *для однихъ помѣщиковъ, а никакъ не для однихъ крестьянъ;* не нужно было бы маскировать дѣло освобожденія подъ другими словами, вслѣдствіе чего не было бы печальныхъ исторій въ родѣ Казанской (въ с. Бездпѣ), бывшихъ результатомъ исканія воли, которую будто бы скрыли помѣщики; наконецъ, помѣщики не могли бы жаловаться на то, что у нихъ отняли что нибудь безъ вознагражденія. Впрочемъ, всего не перечтешь. Вотъ мой взглядъ на этотъ вопросъ. Въ 1858 году, ко времени открытія комитета, я убѣдился, что его не проведешь».

[20]) Еще недавно (см. № 127) лидеръ алчныхъ крѣпостниковъ-попрошаекъ *Гражданинъ* заявлялъ, что правительство обязано, въ видѣ возмѣщенія за „обиду", выдать помѣщикамъ пособіе по случаю урожая, приведшаго къ пониженію цѣнъ, какъ мужикамъ выдавалось пособіе по случаю... голода. О, логика, о справедливость!.. это, кажется, единственный случай, когда аристократическій органъ, не скрывающій своего гадливаго призрѣнія къ плебеямъ и „хамамъ", счелъ возможнымъ уравнять съ ними людей „бѣлой кости".

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Отправивъ свою записку по крестьянскому вопросу Государю, Унковскій сталъ побуждать уже въ половинѣ декабря 1857 г. тверское дворянство къ подачѣ адресса объ открытіи Комитета. Рѣшено было собраться предводителямъ и депутатамъ на предварительное собраніе и — любопытное совпаденіе!—днемъ собранія назначено было 22-е декабря, когда празднуется Анастасія «узорѣшительница». На этомъ собраніи постановлено было созвать уѣздныя собранія и предложить имъ вопросъ объ открытіи крестьянскаго Комитета.

Въ январѣ 1858 г. въ Тверской губ. открылись уѣздныя дворянскія собранія. Этимъ моментомъ воспользовался Унковскій, чтобы разослать свой проектъ, приведенный выше и склонить дворянство къ принятію плана о надѣленіи крестьянъ землею, но не имѣлъ большого успѣха. На первомъ собраніи депутатовъ 16-го февраля 1858 г. оказалось, что изъ 12-и уѣздовъ только 4, (Тверской, Корчевской, Новоторжскій, Весьегонскій) были на сторонѣ Унковскаго, и въ числѣ ихъ наиболѣе передовой Новоторжскій, предводимый Бакунинымъ. Дворяне этого уѣзда не только приняли планъ Унковскаго, но и демонстративно заявили солидарность его либеральной программѣ, подавъ ему 5-го февраля 1858 адресъ, покрытый болѣе чѣмъ 50 подписями. «Мы прочли проектъ вашего превосходительства объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, писали они, и вполнѣ убѣдились, что образованный представитель нашъ нашелъ возможность, съ сохраненіемъ правъ нашихъ, улучшить совершенно и быть цѣлаго сословія; теперь съ нашей стороны остается только желать, чтобы милостивое воззрѣніе нашего монарха осуществилось; тогда и

позднѣе наше потомство будетъ съ уваженіемъ произносить имя А. М. Унковскаго, а мы принося вамъ искреннюю задушевную благодарность за трудъ, достойный васъ, гордимся быть вашимъ современникомъ и видѣть въ представителѣ нашего сословія человѣка, вполнѣ понимающаго свое высокое значеніе, какъ защитника не только правъ нашихъ, но и собственности» [1]).

7-го августа 1858 г. открылся, въ составѣ 27 [2]) членовъ, Губернской Тверской Комитетъ для выработки Положенія о крестьянахъ, и теперь Унковской съ удвоенною энергіею принялся за осуществленіе своего плана. Въ настроеніи тверскаго дворян-

---

[1]) Подъ адресомъ стоятъ подписи: Петръ Оленинъ, Александрь Кочуковъ, Василій Кудрявцевъ, Алексѣй Лавровъ, Гавріилъ Вульфъ, Алексѣй Оппель, Бакунинъ, Александръ Маіевскій, Николай Львовъ, Дмитрій Львовъ, Василій Давыдовъ, Константинъ Мячковъ, Арсеній Максимовъ, Сергій Мѣшовъ, Павелъ Бакунинъ, Павелъ Кишенскій, Иванъ Петерсонъ, Николай Бакунинъ, Дмитрій Полторацкій, Сергѣй Серебр., Евгеній Карамышевъ, Сергѣй Давыдовъ, Василій Зиловъ, Арсеній Безобразовъ, Александръ Мошковъ, Васил. Лисицынъ, Н. Вельяшевъ Павелъ Шнейдеръ, поручикъ Львовъ. Остальныя подписи неразборчивы.

[2]) 1) Предсѣдатель А. М. Унковскій и солидарное съ нимъ либеральное большинство, подписавшее проектъ Положенія: 2) Тверской уѣздный предводитель и вице-президентъ Балкашинъ, депутаты: 3) Павелъ Максимовичъ; 4) Михаилъ Пероновъ; 5) Петръ Измайловъ; 6) Николай Харламовъ; 7) Алексѣй Вульфъ; 8) Петръ Панафидьинъ; 9) Константинъ Мячковъ; 10) Павелъ Кишенскій; 11) Александръ Перхуровъ; 12) Алексѣй Головачевъ; 13) Никита Семеновъ; 14—15) члены отъ правительства: Николай Бакунинъ и Александръ Вельяшевъ. Частью или вполнѣ отдѣлившееся меньшинство съ отдѣльными мнѣніями составляли: 1) Владиміръ Змѣевъ; 2) Модестъ Воробьевъ; 3) Петръ Обольяниновъ; 4) Анастасій Калитьевскій; 5) Евграфъ Кардо-Сысоевъ; 6) Яковъ Корбутовскій; 7) Василій Литвиновъ; 8) Аркадій Кудрявцевъ; 9) Николай Зубковъ; 10) Александръ Веревкинъ; 11) Николай Милюковъ; 12) Левъ Раковскій. Дѣлопроизводитель Д. Тыртовъ. Такимъ образомъ, если исключить членовъ отъ правительства и голосъ предсѣдателя, то голоса въ Комитетѣ раздѣлятся ровно по-поламъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что такое дѣленіе Комитета было строго сохранено главымъ при разрѣшеніи капитальнаго вопроса о надѣлѣ крестьянъ землею и о выкупѣ, по другимъ же вопросамъ члены меньшинства безпрестанно присоединялись къ большинству и въ частности проектъ выкупной операціи (см. прим. 20) былъ предложенъ членомъ меньшинства Воробьевымъ. (См. Отношеніе Унковскаго къ Твер. губер. отъ 17-го марта 1859 г.).

ства и вообще въ общественномъ настроеніи произошла замѣтная перемѣна въ пользу либерализма, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ тогдашней прогрессивной журналистики—съ памятнаго перваго политическаго банкета въ Москвѣ, обѣда 28 декабря 1857 г., когда московская прогрессивная интеллигенція въ лицѣ «разночинца» М. Н. Каткова, бывшаго двороваго М. П. Погодина и др. восторжено привѣтствовала приступъ къ освобожденію крестьянъ и обращеніе правительства, впервые послѣ Екатерининской Коммиссіи, послѣ почти вѣковаго перерыва, къ общественнымъ силамъ.—Съ тѣхъ поръ вся лучшая часть литературы въ лицѣ радикальнаго *Современника* Чернышевскаго, либеральнаго *Русскаго Вѣстника* Каткова и славянофильской *Русской Бесѣды*, оказала громадную услугу народному дѣлу, склонивъ общественное мнѣніе въ пользу надѣленія крестьянъ землею. Но правительство поддавалось туго и долго противилось этому плану регрессивными мѣрами: К. Д. Кавелинъ, за помѣщенную въ апрѣлѣ 1858 г. статью въ *Современникѣ* о надѣлѣ и выкупѣ былъ лишенъ должности преподавателя гражданскаго права при наслѣдникѣ Николаѣ Александровичѣ. По цензурѣ сдѣлано было распоряженіе прекратить печатаніе такихъ статей [3])

Когда приступалъ къ занятіямъ 7 августа 1857 г. Тверской комитетъ, то правительство все еще было за обезземеленье крестьянъ, и рескриптъ 16 марта на имя Тверскаго губернатора содержалъ все тотъ же злополучный стереотипный терминъ «усадебную осѣдлость», который былъ изобрѣтенъ нечистоплотною [4]) изворотливостью крѣпостника Позена и безсозна-

---

[3]) Пострадалъ слегка въ это время и М. Н. Катковъ, ратовавшій противъ „правительственной“ программы и выступившій за выкупъ.—Припоминая это время борьбы съ „оффиціальнымъ“ направленіемъ Катковъ писалъ: „съ какими усиліями, съ какими трудностями должны были мы бороться, сколько перенести тревогъ и опасеній, чтобы разъяснить малопо-малу элементы этого вопроса“. (См. книгу Любимова: М. Н. Катковъ 113).—Послушать же нынѣшнихъ приспѣшниковъ temporis acti: „у насъ (въ отличіе отъ Европы) *безпристрастіе* есть одно изъ обязательныхъ свойствъ официальности; это не только принципъ, но и *фактъ*“ (*Москов. Вѣдом.* 1894, № 158).

[4]) Понятіе объ этой личности можно составить по остротѣ кн. Меньшикова. Когда Позену была пожалована Николаемъ Павловичемъ таба-

тельно рекомендованъ для перваго рескрипта 20 ноября 1857 г. ген. Ростовцевымъ. Вслѣдствіе этого Унковскій натыкался сразу на чисто формальное препятствіе для поднятія въ предсѣдаемомъ имъ комитетѣ вопроса о надѣлахъ и ихъ выкупѣ. Нужно было большое стратегическое искусство, политическій тактъ и выдержка, чтобы убѣдить правительство отказаться отъ усвоенной имъ узкой крѣпостнической точки зрѣнія и добиться права на постановку вопроса о надѣлахъ. Съ этою трудною задачею замѣчательно ловко и скоро справился Унковскій при содѣйствіи предводимой имъ могучей кучки убѣжденныхъ либераловъ. Комитетъ [5]) избралъ по предложенію Унковскаго 9-го августа подготовительную Коммиссію для выработки плана занятій, а самъ разошелся, въ виду ожидаемаго пріѣзда Государя въ Тверь, который предпринималъ поѣздку по внутреннимъ губерніямъ Россіи, въ видахъ личнаго воздѣйствія и поощренія дворянъ къ содѣйствію въ предпринятомъ имъ великомъ дѣлѣ [6]).

керка съ своимъ портретомъ, то кн. Меньшиковъ замѣтилъ, что царь хотѣлъ собственными глазами осмотрѣть «карманы» Позена.

[5]) Журналы Комитета, съ Высочайшаго разрѣшенія (см. ниже) печатались А. М. Унковскимъ на особомъ металлографическомъ станкѣ и разсылались, кромѣ членовъ Комитета и предводителей дворянства Тверской губ., шефу жандармовъ кн. Долгорукову, ген. Ростовцеву, по ихъ желанію, и др. Къ сожалѣнію, имѣющіеся у меня литографированные журналы Комитета не полны и захватываютъ больше вторую половину занятій Комитета (зиму 1858 г.). Что касается первой половины, то нѣкоторыя указанія объ ней дастъ сохранившееся оглавленіе содержанія журналовъ. 1-ое засѣданіе было 7-го августа и въ немъ произнесены были рѣчи губернаторомъ и Унковскимъ. Во 2-мъ засѣданіи 8-го августа опредѣленъ былъ порядокъ разсужденій и подачи голосовъ и планъ занятій. Въ 3-мъ засѣданіи 9-го августа состоялось постановленіе о собраніи свѣдѣній, при чемъ рѣшено было не разъѣзжаться для этого, кромѣ того образованы двѣ коммиссіи: „Свода Свѣдѣній“ и другой, по предложенію предсѣдателя, „Плана Занятій“. Занятія Комитета были прерваны и возобновились послѣ 13-го августа послѣ отъѣзда Государя. Оглавленіе кончается на засѣданіи 27-го августа, когда закончился первый періодъ занятій Комитета.

[6]) Не лишено, въ смыслѣ характеристики административныхъ нравовъ и маневровъ крѣпостниковъ, что одновременно съ Государемъ пустились въ путешествіе посланцы крѣпостниковъ: госуд. секретарь В. П. Бутковъ и мин. госуд. имущ. М. Н. Муравьевъ, имѣя миссію, какъ-разъ

10-го августа Государь пріѣхалъ въ Тверь. Унковскій, какъ представитель дворянства, встрѣчался съ лицами, входившими въ составъ свиты и, само собою разумѣется, разговоръ вращался около животрепещущаго крестьянскаго вопроса и въ частности около «усадебной осѣдлости», недостаточность коей старался онъ втолковать своимъ собесѣдникамъ. Начальникъ III-го отдѣленія кн. В. А. Долгоруковъ, крѣпостникъ и человѣкъ ограниченный [7]), отнесся несочувственно къ расширенію понятія «усадебной осѣдлости» до полнаго поземельнаго надѣла. Графъ В. Адлербергъ, хотя тоже крѣпостникъ, напротивъ, пришелъ въ восторгъ, вѣроятно, не вполнѣ понявъ въ чемъ дѣло, а впослѣдствіи передавалъ, что Государь съ удовольствіемъ принялъ такую комбинацію.

Во время оффиціальной аудіенціи 11-го августа Государь принялъ Унковскаго, какъ онъ сообщаетъ въ своихъ запискахъ, очень любезно, разспрашивалъ его о ходѣ работъ Тверскаго Комитета.

— Что у васъ дѣлается въ Комитетѣ? спросилъ Государь.

— Мы только что начали, главнымъ образомъ устроили порядокъ занятій, отвѣчалъ Унковскій.

противоположную задачу: подкрѣпить крѣпостниковъ и затормозить освобожденіе (см. н. Матеріалы, 1, 362 и слѣд.).

7) Въ воспоминаніяхъ своихъ А. М. Унковскій такъ передаетъ свои впечатлѣнія. „Вдругъ кто-то хватаетъ меня на дебаркадерѣ за рукавъ и тащитъ. Оглядываюсь—Долгорукій, Василій Андреевичъ.—Начали Комитетъ?—онъ ко мнѣ, коноплянники отдаете? Царь сердится, что коноплянниковъ не отдаютъ?—Я говорю: мы не о коноплянникахъ думы думаемъ, а о большемъ, у насъ даже такого слова нѣтъ; у насъ болѣе широкое понятіе—усадьба. Мы хотѣли усадьбою больше назвать, чѣмъ то, что въ программѣ стоитъ, да не знаемъ, какъ поступить. Вѣдь если писать по программѣ, выйдетъ несообразность. Мы же думаемъ усадьбою назвать просто весь надѣлъ, за исключеніемъ дальнихъ пустошей.—Долгорукій взъерошился —Ну какъ же? вѣдь это.. того.. какъ посмотрятъ?... это неладно.. вѣдь предписано по программѣ писать. Не далекъ былъ Василій Андреевичъ. Это качество сказалось въ той радости, которую такъ неудержимо проявилъ онъ потомъ, когда понялъ изъ моихъ словъ, что ему предстоитъ вслѣдствіе выкупа не малый доходъ съ собственнаго имѣнія Ржевскаго уѣзда... Адлербергу очень понравилась мысль—назвать усадьбою весь надѣлъ. Онъ имѣлъ разговоръ съ Государемъ и Государь остался очень доволенъ“.

— Какой порядокъ?

— Дворяне привыкли всѣ говорить за-разъ, и потому надо завести парламентскія формы, чтобы говорить по-очереди.

Затѣмъ Унковскій продолжалъ:

— Нахожусь, Ваше Величество, вотъ въ какомъ затрудненіи: 27 человѣкъ у насъ сидитъ. Для того, чтобы обсуждать проекты о земельномъ устройствѣ крестьянъ, которые большею частью основаны на цифрахъ, необходимо ихъ *печатать* и раздавать членамъ мнѣнія, основанныя на фактическихъ данныхъ.

— Я позволяю, сказалъ Государь.

При пріемѣ тверскаго дворянства Государь обратился къ нему съ рѣчью, въ которой впервые упомянулъ о предстоящемъ призывѣ дворянскихъ депутатовъ въ Главный Комитетъ. Поблагодаривъ дворянъ за участіе въ послѣдней войнѣ, Государь продолжалъ такъ:

«Теперь я вамъ поручилъ дѣло, важное для меня и для васъ—дѣло крестьянское. Надѣюсь вы оправдаете мое довѣріе. Лицамъ, изъ вашей среды избраннымъ, поручено заняться этимъ важнымъ дѣломъ, обсудите его, обдумайте зрѣло, изыщите средства, какъ лучше устроить новое положеніе для крестьянъ, устройте, примѣняясь къ мѣстности, такъ, чтобы было безобидно *для нихъ и для васъ*, на тѣхъ главныхъ основаніяхъ, которыя указаны въ моихъ рескриптахъ. Вы знаете, какъ ваше благосостояніе мнѣ близко къ сердцу; надѣюсь, что вамъ также дороги интересы вашихъ крестьянъ, поэтому я увѣренъ, что вы будете стараться устроить такъ, чтобы было безобидно для васъ и для нихъ. Я увѣренъ, что могу быть покоенъ: вы меня поддержите и въ настоящемъ дѣлѣ. Когда ваши занятія кончатся, тогда положеніе Комитета поступитъ чрезъ министерство на мое утвержденіе. Я уже приказалъ сдѣлать распоряженіе, чтобы изъ вашихъ же членовъ было избрано двое депутатовъ *для присутствія и общаго сужденія* въ Петербургѣ, при разсмотрѣніи Положеній всѣхъ губерній *въ Главномъ Комитетѣ*. Въ дѣйствіяхъ намъ разойтись нельзя, наша цѣль одна—общая польза Россіи. Я оставляю васъ, въ полной увѣренности, что вы оправдаете мои ожиданія и мое къ вамъ довѣріе, убѣжденъ, что вы мнѣ будете содѣйствовать, но не противодѣйствовать» [8]).

[8]) Рѣчь была записана тотчасъ по произнесеніи и напечатана въ № 177 *Московскихъ Вѣдомостяхъ* за 1858 г.

Идя всѣмъ сердцемъ и всѣми силами души на встрѣчу этому великодушному довѣрію и трогательному призыву Александра II, Унковскій, тотчасъ послѣ отъѣзда царской фамиліи, возобновилъ 13-го августа занятія Тверскаго Комитета, вѣрнѣе—избранной имъ Коммиссіи для выработки «плана занятій». Будучи глубоко убѣжденъ, что точное слѣдованіе правительственной программѣ, т. е. освобожденіе крестьянъ безъ земли, будетъ невыгодно для обѣихъ сторонъ, гибельно для Россіи и приведетъ къ пугачевщинѣ [9]) (съ чѣмъ вполнѣ согласилось впослѣдствіи и правительство), онъ не могъ направить руководимый имъ Комитетъ, вопреки совѣсти, убѣжденію и долгу гражданина и вѣрноподданнаго, по пути завѣдомо ложному, пагубному. А между тѣмъ, какъ же прямо, открыто отступить отъ оффиціальной программы? Вѣдь это значитъ играть въ руку крѣпостникамъ, которые не преминули-бы поднять гвалтъ о противодѣйствіи правительству. По открытой, честной натурѣ своей, противникъ всякихъ окольныхъ путей, Унковскій однако далекъ былъ и отъ необдуманной, безцѣльной и безразсудной бравады, которая не принеся пользы дѣлу, подвергаетъ напрасному риску ея авторовъ. Противъ такого неумѣлаго и безполезнаго для общества самопожертвованія возставалъ еще великій Тацитъ [10]). Унковскій былъ далекъ отъ мысли переть противъ рожна. Зная хорошо, какъ скандализируетъ у насъ высшія бюрократическія сферы самомалѣйшая попытка къ противодѣйствію, даже имѣющая вполнѣ легальное основаніе, а тѣмъ паче лишенная прямой опоры въ законѣ, Унковскій на первый разъ поставилъ дѣло такъ, что онъ внѣшнимъ, формальнымъ образомъ безусловно какъ-бы оставался на почвѣ оффиціальной программы. Но оставаясь pro forma въ предѣлахъ легальныхъ терминовъ, Унковскій,—идя по стопамъ великихъ римскихъ юристовъ, умѣвшихъ въ старыя, омертвѣлыя формулы права вкладывать новое, жизненное содержаніе и создавать рядомъ съ формальнымъ правомъ или надъ нимъ цѣлую систему новыхъ неизвѣстныхъ ему институтовъ,—также взду-

---

[9]) Въ такихъ именно выраженіяхъ говорилъ Ростовцевъ, лежа на смертномъ одрѣ. См. н. сб. Семенова II, 929.

[10]) Tacit, Vita Agricolae, XXXI.

малъ въ предписанную правительствомъ формулу «усадебная осѣдлость», влить новое, лучшее, разумное содержаніе.

Дѣлать нечего нужно было толковать о пресловутой «усадебной осѣдлости». Но что разумѣть подъ усадебною осѣдлостью? вотъ вопросъ. Министерскій пояснительный циркуляръ исчислялъ содержаніе этого понятія, но далеко не вполнѣ. Возникъ, напр., вопросъ, а слѣдуетъ ли къ нему отнести, напр., конопляники? Объ этомъ спорили. Близорукіе крѣпостники, видѣвшіе свою выгоду въ томъ, чтобы какъ можно больше ободрать крестьянъ, склонны были даже и конопляники оттянуть у крестьянъ. А съ другой стороны, въ той же оффиціальной программѣ, какъ главная и основная цѣль всей предпринимаемой великой реформы и явно и между строкъ, рядомъ съ освобожденіемъ стояло *улучшеніе быта крестьянъ*. Кто дѣйствительно, искренно, безкорыстно сочувствовалъ правительственной программѣ, а не стремился подъ легальнымъ флагомъ его провести крѣпостническую контрабанду, тотъ ни на одну минуту не долженъ былъ упустить изъ виду эту *первѣйшую* цѣль, какъ путеводную звѣзду всего дѣла.

Слѣдуя этой путеводной звѣздѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣя правильный взглядъ о *истинныхъ выгодахъ* помѣщиковъ, Унковскій напалъ на счастливую мысль не съузить, какъ это дѣлали близорукіе крѣпостники другихъ комитетовъ, а возможно больше расширить понятіе усадебной осѣдлости. Предъ коммиссіею онъ поставилъ прежде всего вопросъ о составѣ усадебной осѣдлости. Намъ поручено, говорилъ Унковскій, составить Положеніе для Тверской губерніи, мы и должны имѣть въ виду условія здѣшняго крестьянскаго хозяйства. Здѣсь существуетъ трехпольная система. Въ серединѣ расположена *усадьба*, т. е., постройка, и къ ней примыкаютъ поля, въ составъ которыхъ входятъ не только пахатныя земли, но и часть луговой. На этомъ основаніи онъ предложилъ коммиссіи, въ видахъ *дѣйствительнаго* улучшенія быта крестьянъ, согласиться установить именно широкое, усовершенственное, единственно разумное и цѣлесообразное пониманіе «усадебной осѣдлости».

Коммиссія значительнымъ большинствомъ [11]) вполнѣ одобрила

---

[11]) Въ составъ большинства входили, кромѣ самого Унковскаго, А. Бал-

образъ воззрѣній Унковскаго въ засѣданіи 14-го августа 1858 г. Въ журналѣ своемъ она писала: «приступивъ къ своимъ занятіямъ, Коммиссія пришла къ совершенному убѣжденію, что выборъ плана занятій Комитета совершенно зависитъ отъ общихъ видовъ и цѣлей, которыя примутся Комитетомъ въ основаніе всего труда, и что при томъ по самому существу дѣла, состоящаго въ начертаніи правилъ для срочно-обязаннаго, такъ сказать, переходнаго, временнаго состоянія крестьянъ, необходимо прежде всего имѣть ясное и отчетливое представленіе о томъ положеніи, къ которому срочно-обязанное служитъ только *переходомъ*. Поэтому члены Коммиссіи имѣли между собою разсужденіе объ общихъ основаніяхъ занятій Комитета и стараясь обозначить ихъ *согласно* съ главными началами, указанными въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ на имя начальника Тверской губерніи отъ 16-го марта сего года, и *требованіями времени*, пришли къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Такъ какъ улучшеніе быта крестьянъ можетъ быть достигнуто только однимъ дарованіемъ имъ личныхъ и имущественныхъ гражданскихъ правъ, не стѣсняемыхъ ничѣмъ, кромѣ общихъ государственныхъ законовъ, то первою и главною цѣлью нашего труда должно быть дарованіе помѣщичьимъ крестьянамъ гражданской свободы, а вслѣдствіе того *уничтоженіе принудительнаго труда* и *всякихъ личныхъ* натуральныхъ господскихъ повинностей, какъ несогласныхъ съ понятіемъ свободы.

2) Принимая во вниманіе п. 1 Высочайшаго рескрипта и *неразрывную историческую связь нашего крестьянина съ землею*, — связь, при которой освобожденіе его отъ власти и вмѣшательства въ его бытъ частныхъ лицъ можетъ осуществиться вполнѣ только при освобожденіи необходимой для его существованія земли отъ всякихъ повинностей въ пользу частныхъ лицъ, коммиссія находитъ, что затѣмъ второю главною цѣлью занятій Комитета должно быть изысканіе *способовъ къ обезпеченію крестьянамъ прочной осѣдлости и предоставленіе имъ оной въ полную собственность* (курсивъ подлинника).

кашинъ, П. Харламовъ, Н. Бакунинъ, П. Кишенскій, Чашниковъ съ оговоркою; А. Верevкинъ и Кардо-Сысоевъ остались при мнѣніяхъ.

3) Находя, что земли, состоящія во владѣніи крестьянъ Тверской губ. подъ строеніями и огородами, по пространству своему не могутъ обезпечить крестьянамъ прочной осѣдлости, коммиссія полагаетъ, что въ видахъ *дѣйствительнаго* улучшенія быта крестьянъ, безъ нарушенія имущественныхъ правъ владѣльцевъ и точнаго исполненія высокихъ предначертаній, указанныхъ въ Высочайшемъ рескриптѣ, ***подъ крестьянскою осѣдлостью слѣдуетъ непремѣнно разумѣть не однѣ такъ называемыя усадебныя земли, но все количество земли, необходимое для обезпеченія быта крестьянъ.***

На основаніи приведенныхъ соображеній Коммиссія сочла нужнымъ, прежде чѣмъ вести дальше выполненіе возложенной на нее задачи, довести до свѣдѣнія Комитета о своихъ заключеніяхъ, дабы узнать взглядъ на дѣло самого Комитета.

Первый этапъ былъ пройденъ Унковскимъ благополучно и теперь ему приходилось дать генеральное сраженіе крѣпостникамъ въ самомъ Комитетѣ. Въ составѣ его скоро обозначилось дружное, убѣжденное большинство въ пользу плана Унковскаго. Меньшинство дѣлилось на двѣ группы. Часть ея (восемь человѣкъ) собственно стояли, по мнительности и непониманію дѣла, на палліативной правительственной точкѣ зрѣнія, т. е. за выкупъ одной усадебной осѣдлости, дачу земли лишь въ пользованіе и за вотчинную полицію помѣщиковъ. Другая часть (три члена) были представители самаго тупаго, безсердечнаго, заядлаго крѣпостничества, которое стремилось не къ улучшенію, а напротивъ къ ухудшенію быта крестьянъ, а самую реформу желало бы растянуть на десятки лѣтъ.

Когда въ чудныхъ Сатирахъ въ прозѣ, гдѣ Салтыковъ описываетъ переполохъ, произведенный извѣстіемъ о предстоящей отмѣнѣ крѣпостнаго права, вы встрѣчаете наивно-дикія усилія помѣщиковъ: на словахъ провозгласить «эманспацію», а на дѣлѣ «оставить все по прежнему», то инымъ можетъ показаться, что тутъ допущенъ шаржъ. Стоитъ прочесть журналы Тверскаго Комитета, чтобы убѣдиться что это лишь слабыя [12]) картины съ натуры.

---

[12]) Въ сценахъ „Соглашеніе“ такъ передана сцена обсужденія вопроса объ эманспаціи:

... *Кирхманъ.* И такъ мнѣнія собраны. Одинъ голосъ *за*, три—противъ,

Вотъ напр., мнѣніе Веревкина, явившагося ярымъ крѣпостникомъ in naturalibus, который хотя и произносилъ чувствительныя тирады о своихъ гражданскихъ добродѣтеляхъ и «о безобидномъ» рѣшеніи вопроса, но на дѣлѣ въ этомъ размежеваніи интересовъ дворянъ и помѣщиковъ кричалъ, какъ Орелъ-Меценатъ: «мнѣ все». «По непремѣнной волѣ Тверскаго благороднаго общества, принявъ на себя обязанность члена Комитета объ улучшеніи быта крестьянъ, я просилъ,—такъ начинаетъ свое мнѣніе Ве-

---

одинъ—сомнительный. Результатъ довольно благопріятный. Что до меня, господа, то вы, конечно, не удивитесь, если я скажу, что вполнѣ согласенъ съ Иваномъ Ивановичемъ... потому что бунтовщикомъ никогда не былъ и быть не желаю!

Антонова (встаетъ и присѣдаетъ передъ Кирхманомъ). Подарилъ, голубчикъ.

Кирхманъ. Да-съ, я согласенъ съ Иваномъ Ивановичемъ и имѣю на то свои основательныя причины. Я очень знаю, что коль скоро это дѣло пошло въ ходъ, намъ *не желать* нельзя. Сегодня мы не желаемъ, завтра не будемъ желать, а ужъ послѣ завтра пожелаемъ... непремѣнно.

Антонова. Не знаю; развѣ языкъ изъ меня вытянутъ или мысли въ головѣ совсѣмъ разобьютъ!

Кирхманъ. И разобьютъ-съ. Слѣдственно намъ прежде всего нужно поспѣшить заявленіемъ нашей готовности... а потомъ *(въ полголоса)* можно будетъ оставить все по прежнему-съ...

Петровъ (хихикая отъ удовольствія тончайшимъ фальцетомъ). А потомъ можно будетъ оставить все по прежнему-съ!..

Примогеновъ. Это похоже на дѣло. Что называется, изморомъ, то есть, изморомъ ее, изморомъ, ее!

Антонова. Эмансацію-то!

Кирхманъ. Разумникъ Ѳедотычъ постигъ мою мысль во всемъ ея объемѣ. Въ дѣлахъ такого рода, господа, прежде всего форму соблюсти надо, чтобы все глядѣло прилично и гладко.

Петровъ (хихикая). А потомъ все оставить по-прежнему. Безподобно!

Кирхманъ. Стало быть, разногласія нѣтъ, господа.

Всѣ. Согласны, согласны!

Петровъ. Не хватить-ли „уру", господа

(Постукинъ дѣлаетъ рѣшительное движеніе впередъ).

Примогеновъ. Господа! Постукинъ сказать желаетъ *(молчаніе).*

Постукинъ (долго жуетъ губами, но наконецъ говоритъ). Согласенъ! дда! я согласенъ! Только ужъ тово... по мордасамъ... бббуду! Ххотя ммилліонъ штрафу... а бббуду! *(смѣхъ и рукоплесканія).*

Антонова. Ахти-хти-хти! Вотъ и весельице наше къ намъ воротилося. (Соч. II).

ревкинъ,—*торжественной присяги* и далъ ее исполнить возложенную на меня службу, какъ вѣрноподданный, какъ русскій дворянинъ и какъ исполненный любовью къ своему отечеству человѣкъ, отстраняя всякую мысль о личныхъ своихъ выгодахъ, связяхъ родства и дружбы, рѣшаясь при этомъ все принесть [13]) *въ жертву* (sic) *благу общему*, если обстоятельства того потребуютъ». [14])

Послѣ этого патетическаго вступленія, Веревкинъ предлагаетъ устроить плебисцитъ среди помѣщиковъ и, не издавая общеобязательнаго законоположенія, заняться «изысканіемъ потребностей и желаній *каждаго* помѣщика и каждаго имѣнія отдѣльно, съ тѣмъ чтобы предоставлено было на благое усмотрѣніе помѣщиковъ предоставить крестьянамъ выкупаться или оставить ихъ на обязательномъ трудѣ». Это наивно-циническое предложеніе было отвергнуто 20-го августа большинствомъ 22-хъ голосовъ противъ 1-го (самого Веревкина). Но безкорыстный другъ общаго блага не унывалъ, и чрезъ пять дней заявлялъ, что безъ «обязательнаго труда» Тверская губернія рискуетъ умереть съ голоду и затѣмъ, живописуя прелести «обязательнаго труда», готовый

---

[13]) Тутъ сразу бросается въ глаза разница между точкой зрѣнія Унковскаго и его противниковъ. Унковскій все время говоритъ о „выгодѣ", а не жертвѣ. Но выгоду понималъ онъ не въ смыслѣ мелкихъ временныхъ преимуществъ, которымъ близорукіе приносятъ въ жертву болѣе цѣнные интересы, а въ смыслѣ разумнаго пониманія своей истинной пользы. Въ отличіе отъ скудоумныхъ фарисеевъ-крѣпостниковъ, постоянно твердившихъ, ударяя себя въ грудь, о благородствѣ, о жертвахъ въ пользу меньшей братіи и на алтарь отечества и т. п. жалкія слова, Унковскій, какъ утилитаріанистъ всегда говорилъ о взаимной выгодѣ, пользѣ и въ нихъ видѣлъ обезпеченіе и синонимъ справедливости (см. ниже приложеніе II). Унковскій вѣрилъ, что умно то только, что́ добро.—„Не таковъ человѣкъ, какъ говоритъ у Чернышевскаго Лопуховъ, чтобъ приносить жертву. Да ихъ и не бываетъ, никто не приноситъ; это фальшивое понятіе. Жертва=сапоги въ смятку. Ты, говоритъ, меня изъ подвала выпустилъ.— какой ты для меня добрый! Очень нужно было-бы мнѣ выпускать тебя, еслибы самому это не нравилось.—Это я тебя выпускаю, ты думаешь?—сталъ-бы, заботиться, какъ-же, если-бы это не доставляло мнѣ самому *удовольствіе*! Можетъ быть, я самого себя выпустилъ. Да, разумѣется, себя: самому жить хочется, любить хочется—понимаешь?—самому, для себя все дѣлаю".

[14]) См. прилож. къ Положенію Тверскаго Комитета. Мнѣнія Веревкина 3.

«все принесть въ жертву общему благу» великодушный гражданинъ писалъ: «Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права,—если я и лишусь *незавидной* возможности прибѣгать къ угрозамъ тѣлеснаго наказанія, а вмѣсто того *получу право* требовать отъ цѣлой общины исполненія того, что отдѣльные члены ея не исполнили добросовѣстно, и, въ случаѣ медленности исполненія моего требованія, на счетъ этой же общины нанять свободныхъ работниковъ и потомъ, *не разбирая виновныхъ лицъ*, чтобы удовлетворить нанятыхъ земледѣльцевъ, взыскивать деньги съ цѣлой общины, а при остановкѣ въ полученіи денегъ—продать скотъ изъ общаго стада по жребію или собственному усмотрѣнію, то я увѣренъ, что эта община *несравненно строже* будетъ поступать съ неисправными своими членами, нежели теперь поступаютъ помѣщики съ неисправными крѣпостными» [15]).

Къ чести тверскаго дворянства нужно сказать безумныя плантаторскія вожделѣнія этого «благонамѣреннаго» гражданина, ежеминутно увѣрявшаго, что онъ имѣетъ «въ предметѣ сдѣлать доброе и удовлетворить каждаго», не нашло сочувствіе среди Комитета ни въ комъ, кромѣ тѣхъ двухъ трехъ лицъ, столь же добросовѣстно хлопотавшихъ, подъ прикрытіемъ своей готовности «съ благоговѣніемъ слѣдовать указаніямъ высшаго правительства», обдѣлать свои темныя дѣлишки. Остальные, а въ особенности либеральная группа, примыкавшая къ Унковскому, съ негодованіемъ отвергла эти крѣпостническія затѣи. Въ группѣ этой произошло съ теченіемъ времени и количественное измѣненіе. Прежде за Унковскимъ шли депутаты 4-хъ уѣздовъ: Тверскаго (въ томъ числѣ и названный ренегатъ Веревкинъ), Корчевскаго, Весьегонскаго, Новоторжскаго, потомъ число послѣдователей его увеличилось до 12 изъ разныхъ уѣздовъ и съ присоединеніемъ къ нимъ двухъ членовъ, назначенныхъ правительствомъ, (Бакунина и Вельяшева) получилось сплоченное компактное, проникнутое однимъ убѣжденіемъ солидарное большинство, вотировавшее по всѣмъ важнѣйшимъ принципіальнымъ вопросамъ, какъ одинъ человѣкъ.

При помощи этой славной передовой дружины удалось Унковскому провести свой проектъ чрезъ второй порогъ. Тверской

15) См. тамъ-же, 4.

Комитетъ въ сентябрѣ 1858 г. одобрилъ предложенное Унковскимъ широкое пониманіе «усадебной осѣдлости», т. е. включеніе и полевыхъ угодій и приступилъ къ вопросу о выкупѣ надѣловъ, не смотря на вопли крѣпостниковъ о томъ, что принудительное отчужденіе земель у дворянства «колеблетъ основы родовой собственности, а также всѣ *коренные основы* нашего государственнаго и гражданскаго права».

Въ Комитетѣ дѣло было выиграно. Ларчикъ просто открывался, и придуманное Унковскимъ рѣшеніе вопроса было просто, какъ Колумбово рѣшеніе задачи объ яйцѣ, впрочемъ въ данномъ случаѣ, какъ и въ томъ, не безъ ущерба для скорлупы яйца. Такою остроумною постановкою разбивалась совсѣмъ скорлупа, внѣшняя оболочка, буква правительственной программы, хотя, какъ впослѣдствіи вынуждено было оффиціально признаться само правительство, именно такая раціональная, рѣшительная постановка вопроса соотвѣтствовала «истинному духу» [16]) предпринятой реформы и спасала, по выраженію Ростовцева, Россію «отъ гибельнаго потрясенія», неизбѣжнаго при обезземеленьи крестьянъ» [17]).

Но усвоеніе правительствомъ этой единственно разумной точки зрѣнія произошло подъ давленіемъ тверской либеральной партіи лишь впослѣдствіи, теперь же дѣло стояло иначе. Тверскіе крѣпостники, потерявъ всякую надежду своротить дѣло въ самомъ Тверскомъ Комитетѣ съ направленія, даннаго ей искуснымъ ходомъ Унковскаго, обратились къ своему излюбленному средству политической борьбы: къ инсинуаціямъ и доносамъ Сильные мнимою солидарностью съ правительственною программою и расшаркиваясь въ своихъ лояльныхъ чувствахъ, спѣшили они выдать головою своихъ противниковъ, какъ крамольниковъ, «красныхъ» ослушниковъ воли царской, дерзающихъ отступить отъ Высочайше одобренныхъ началъ улучшенія быта крестьянъ, какъ опасныхъ агитаторовъ, преслѣдующихъ революціонные замыслы. Ссылаясь на то, что въ Твери проживаютъ возвращенные изъ Сибири декабристы, въ томъ числѣ М. Н. Муравьевъ-Апостолъ,

———

[16]) См. н. сб. Семенова II, 929 и Записку Ланскаго, 831.
[17]) См. тамъ-же, т. II, 231.

петрашевцы—въ томъ числѣ тверской помѣщикъ Европеусъ и другъ его писатель Ѳ. М. Достоевскій,—огорченные крѣпостники прямо сообщали въ Петербургъ, что большинство членовъ Тверскаго Комитета, придумавшее выкупъ крестьянскихъ земель у помѣщиковъ, демагоги, имѣющіе въ виду, надѣливъ крестьянъ землею и разоривъ помѣщиковъ, служащихъ опорою престола, совершить политическій переворотъ въ Россіи.

Петербургскіе крѣпостники, подвигнутые доносами тверскихъ единомышленниковъ, показали когти. Въ то самое время, какъ членъ Главнаго Комитета мин. госуд. имущ., отчаянный крѣпостникъ М. Н. Муравьевъ, объѣзжая губерніи, довольно громко говорилъ, что изъ «затѣи» освобожденія крестьянъ ничего не будетъ въ близкомъ будущемъ, въ Твери получена была изъ Петербурга бумага съ строжайшимъ воспрещеніемъ Тверскому Комитету говорить о выкупѣ надѣловъ.

Моментъ былъ важный, рѣшительный, одинъ изъ тѣхъ критическихъ моментовъ, когда стрѣлка историческаго барометра обнаруживаетъ необычайную судорожность у мѣста, гдѣ стоитъ: «перемѣнно». Правительство положило *veto* на вопросъ о выкупѣ надѣловъ. Крѣпостники потираютъ руки отъ удовольствія. Roma locuta est—надъ выкупомъ поставленъ крестъ! Тверской Комитетъ долженъ во что бы то ни стало подчиниться и вопреки собственному убѣжденію писать проектъ объ о обезземеленіи крестьянъ. Но разсчетъ крѣпостниковъ оказался не вѣренъ. Они упустили изъ виду, что появился памятный рескриптъ 20-го ноября 1857 г., отмѣтившій поворотный пунктъ отъ старой эпохи, когда всѣ общественныя проявленія были сдавлены, когда не было ни печати, ни общественнаго мнѣнія, когда, по выраженію М. Н. Каткова, «обо всѣхъ предметахъ общаго интереса заботились исключительно оффиціальные люди, взятые какъ рекруты изъ общества и отдѣленные отъ него особою, совершенно замкнутою правительственною организаціею, какъ опричиною...» Съ придачею гласности крестьянской реформѣ, съ открытіемъ дворянскихъ губернскихъ комитетовъ была сдѣлана миніатюрная брешь въ этой стародавней организаціи; призвано было самимъ правительствомъ къ совмѣстному труду въ государственномъ дѣлѣ общество, въ лицѣ высшаго дворянскаго

сословія и печати. Происходитъ первая неожиданная коллизія между старымъ Ураномъ и порожденнымъ имъ самимъ юнымъ созданіемъ. Если это жизнеспособное созданіе, оно должно вести посильную борьбу за существованіе, оно пойметъ значенье этого момента,

> Гдѣ не тупая покорность,
> Дружная сила нужна

момента, когда въ интересахъ общественнаго блага, въ интересахъ самого правительства, ради задуманнаго имъ важнаго преобразованія нужно не раболѣпное: «слушаю-съ»!—ничего не разъясняющее, а безъ надобности подтверждающее изъ страха или разсчета точку зрѣнія правительства, даже и совершенно ошибочную — а сознательное содѣйствіе самодѣятельной общественной мысли, дѣйствующей не по указкѣ, а по убѣжденію, по собственному разумѣнію....Такимъ разумнымъ противодѣйствіемъ, такою благородною оппозиціею, если позволительно употребить это страшное слово, общество не разъ открывало глаза правительству т. е. оказывало ему истинное содѣйствіе подъ видомъ противодѣйствія.

Какъ поступятъ тверскіе депутаты? Будутъ ли они отстаивать стойко, непреклонно свои убѣжденія или проявятъ обычное дореформенное свойство, т. е. при первомъ препятствіи окажутъ «удивительную способность таять и обращаться въ сырость, которая умерщвляла всякую инициативу, всякую попытку къ самодѣятельности» [18]). Не даромъ Павловъ на московскомъ обѣдѣ,

---

[18]) И вѣдь не то горько, продолжаетъ Салтыковъ, что мы (люди глуповскаго міра) таемъ, а то, что мы таемъ напрасно, что при этомъ кривляемся и хихикаемъ, что мы чувствуемъ себя столь же счастливыми, сколько счастливыми чувствовали себя наши достославные предки, когда ихъ трепали по плечу ихъ добрые начальники. И вотъ плоды: *роковая случайность*, какъ господствующая стихія въ жизни, непремѣнный сумбуръ въ понятіяхъ, представленіяхъ и полное отсутствіе серьезности. (Сочин. II, 18). Психологическій моментъ въ внезапномъ поворотѣ тверскихъ либераловъ, подъ предводительствомъ Унковскаго, въ сторону отъ обычнаго образа дѣйствій напоминаетъ настроеніе Сторѣшникова. „Съ нимъ произошелъ, говоритъ Чернышевскій, случай, очень обыкновенный въ жизни не только людей несамостоятельныхъ въ его родѣ, а даже и людей съ независимымъ характеромъ. Даже въ исторіи народовъ этими слу-

по поводу рескрипта 20-го Ноября говорилъ: Новымъ духомъ [19]) повѣяло. Онъ возымѣлъ свое дѣйствіе! Тверской Комитетъ оказался въ этомъ случаѣ на высотѣ своей исторической задачи. Рѣшено было идти до конца. По порученію Комитета, Унковскій, совмѣстно съ Головачевымъ, составили въ отвѣтъ на бумагу изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, записку, въ которой доказывали всю несостоятельность предложенной министерствомъ программы и невозможность освобожденія крестьянъ безъ земли. Этого мало Разъ рѣшено было стоять крѣпко, Унковскій посовѣтовалъ перейти изъ пассивнаго положенія въ активное. Комитетъ послалъ въ октябрѣ 1858 г. къ министру Ланскому депутацію, съ Унковскимъ во главѣ. Депутація, державшая въ это время въ своихъ рукахъ судьбу кореннаго вопроса о надѣлахъ, вела себя съ величайшимъ достоинствомъ и смѣло отстаивала свое право говорить о дѣлѣ свободно, по собственному разумѣнію и безъ указки. Смыслъ заявленія депутаціи сводился къ пословицѣ: «говорить, такъ не шепелявить, шепелявить, такъ не говорить». Въ заключеніе депутація объявила, что если Комитету не будетъ позволено составить проектъ по его разумѣнію, то всѣ члены Комитета попросятъ уволить ихъ и предоставить дѣло чиновникамъ, которые составятъ проектъ въ какомъ угодно духѣ. Стойкость общественныхъ представителей, въ связи съ настроеніемъ общественнаго мнѣнія, импонировала [20]) Ланскому, который, принявъ депутацію съ чрезвычайною предупредительностью, обѣщалъ внести вопросъ въ Главный Комитетъ.

Диву должны были даться при видѣ этого «скандальнаго» оборота дѣла члены Главнаго Комитета, представители старой

чаями наполнены томы Юма, Гиббона, Ранке и Тьерри; люди толкаются, толкаются въ одну сторону, только потому, что не слышетъ слова: „а попробуйте-ка братцы, толкнуться въ другую“, — услышатъ и начнутъ поворачиваться на-право-кругомъ и пошли толкаться въ другую сторону“.

[19]) См. *Русскій Вѣстникъ* 1888, № 1, статья г. Любимова.

[20]) Унковскій отмѣчаетъ въ своихъ запискахъ: „удивительно какъ чутко-чутко правительство прислушивалось тогда къ голосу дворянства, къ малѣйшему признаку возбужденія и настроенія его! Оно больше всего боялось бунта. Отъ Ланскаго каждыя двѣ недѣли я получалъ секретныя письма съ вопросами: что дѣлаетъ дворянство, нѣтъ ли волненій?“

крутой бюрократіи и помнившіе еще времена министра полиціи Балашова, который, принимая депутатовъ дворянъ, явившихся въ Петербургъ «положить къ стопамъ Государя свои животы и прочее», по случаю отечественной войны, встрѣтилъ ихъ грубымъ окрикомъ:

— Вы чего сюда притащились, кто вамъ это *позволилъ*? [21]).

А тутъ не только пріѣхали тверскіе депутаты безъ позволенія, но дозволяютъ себѣ дерзко критиковать правительственныя дѣйствія, вмѣсто того чтобы кричать: «ради стараться»! И этихъ бунтовщиковъ не только не сажаютъ въ кутузку, но слушаютъ ихъ безстыжія рѣчи и даже за ними ухаживаютъ!..

А за пріѣхавшими депутатами дѣйствительно сильно ухаживалъ не только Ланской, но и генералъ Ростовцевъ, со вниманіемъ слѣдившій за работами Тверскаго Комитета. Ростовцевъ пригласилъ депутатовъ для обмѣна мыслей къ себѣ на вечеръ. Съ первыхъ же словъ Ростовцевъ заявилъ себя сторонникомъ выкупа земель, обязательнаго для помѣщиковъ (Унковскій передаетъ въ своихъ запискахъ, что у него имѣется письмо Ростовцева въ этомъ смыслѣ), и вообще большимъ либераломъ-оппортюнистомъ. Восхваляя не въ мѣру новую эру, Ростовцевъ, между прочимъ говорилъ: «вы, господа, только примите въ соображеніе, что не смотря на то, что еще ничего важнаго не сдѣлано, уже и теперь становится легче жить. Вѣдь новое царствованіе ознаменовало себя, если не реформами, то дѣйствіями, которыя дѣлаютъ человѣка *свободнымъ*. Я записываю всѣ заслуги нынѣшняго царствованія на особомъ листѣ, я вамъ сейчасъ прочту». Ростовцевъ сталъ читать; во время чтенія одинъ изъ членовъ депутаціи довольно неуважительно фыркнулъ, [22]) но

---

[21]) См. Ровинскаго—Народныя картины V, 318.

[22]) Объ этой сценѣ упоминается въ письмѣ ко мнѣ А. М. Унковскаго отъ 31-го мая 1891 г. Письмо это было написано послѣ появленія въ № 5 *Русской Мысли* 1891 г. статьи моей: „Роль тверскаго дворянства въ крестьянской реформѣ“. Отрывокъ изъ этого письма напечатанъ въ книгѣ моей: „Изъ эпохи великихъ реформъ“ (глава II, примѣч. 20, изд. 5-е). Тутъ приводимъ цѣликомъ это остроумное письмо, содержащее и нѣкоторыя историко-біографическія данныя. „Прочиталъ я вашу статью о Тверскомъ комитетѣ, многоуважаемый Гр. Ав., и вынесъ изъ нея такое убѣжденіе, что вы задались мыслью во что бы ни стало испортить меня

Ростовцевъ успѣлъ ловко выйти изъ затрудненія, и депутація ушла, обласканная и обнадеженная на счетъ содѣйствія цѣлямъ ея миссіи.

на старости лѣтъ. Увлекаясь вашимъ краснорѣчивымъ изложеніемъ моей государственной мудрости и прозорливости, я начинаю въ самомъ дѣлѣ считать себя государственнымъ человѣкомъ превыше всякихъ Бисмарковъ и Наполеоновъ. А это, знаете, какъ опасно для здоровья, въ особенности въ такихъ странахъ, въ которыхъ государственными людьми признаются лишь тѣ, кои числятся таковыми по штатамъ и получаютъ присвоенное имъ содержаніе. Вотъ до какихъ разсужденій можно довести сильными похвалами живаго скромнаго человѣка. И чѣмъ можетъ кончиться подобный опытъ, производимый вами надо мною и состоящій въ возведеніи мнѣ памятника при жизни? Пожалуй, отъ такой вивисекціи наживешь манію величія, одну изъ опасныхъ формъ умственнаго разстройства — пойдешь разговаривать съ настоящими штатными государственными людьми, а они отправятъ въ одну изъ казенныхъ больницъ, такъ какъ мое пребываніе въ хорошемъ заведеніи Тверскаго земства въ сельцѣ Бурашевѣ, вѣроятно, сочтутъ опаснымъ. А въ казенномъ заведеніи уже навѣрно сведутъ съ ума по ошибкѣ въ діагнозѣ, принявъ всѣ слова мои за преступныя дѣйствія, ибо у насъ каждое слово, сказанное безъ приказанія, если оно не льстивое, а относящееся къ дѣлу, и въ особенно въ томъ случаѣ, когда оно сказано нештатнымъ государственнымъ человѣкомъ, признается призывомъ къ потрясенію основъ. Вотъ чѣмъ я рискую въ настоящемъ опытѣ. Право, съ вашей стороны непохвально такъ хвалить.

Между тѣмъ, пока манія величія не завладѣла мною совершенно, спѣшу сообщить вамъ, что нехудо бы въ Русской Мысли или въ Русскихъ Вѣдомостяхъ помѣстить отъ моего имени небольшую поправку, состоящую въ томъ, что всѣ письменныя работы, какія только были въ Твери по дѣлу освобожденія крестьянъ, производились мною *пополамъ* съ бывшимъ тогда членомъ Комитета и Корчевскимъ уѣзднымъ предводителемъ Алексѣемъ Адріановичемъ Головачовымъ. Окончательная редакція была моя, но писали мы двое и обсуждали все вмѣстѣ.

А. А. Головачовъ, изъ всѣхъ наиболѣе расположенныхъ къ дѣлу моихъ сотоварищей, былъ въ полномъ смыслѣ слова *единственнымъ* лицемъ, способнымъ къ работѣ письменной. Притомъ, большую часть письменной работы въ то горячее время приходилось производить наскоро, иногда по ночамъ, и мнѣ бы одному безъ Головачова не справиться.

Да нельзя ли исправить одну опечатку. Въ числѣ лицъ, подписавшихъ вашъ проектъ, упомянутъ Александръ Пахтусовъ. Такого у насъ не было, а былъ депутатъ Корчевскаго уѣзда Александръ Николаевичъ *Перхуровъ*. Это былъ замѣчательный человѣкъ. Отставной полковникъ николаевскихъ временъ, не столько образованный, сколько начитанный,— онъ былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ агитаторовъ реформы и,

После отъѣзда тверской депутаціи вопросъ о выкупѣ надѣловъ разсматривался въ Главномъ Комитетѣ, гдѣ за нихъ сталъ

когда намъ запретили разсуждать о выкупѣ полевой земли, въ октябрѣ 1858 года ѣздилъ, вмѣстѣ со мною, Николаемъ Бакунинымъ, и Кишенскимъ, въ качествѣ депутата комитета, въ Петербургъ объявить министру вн. дѣлъ, что мы всѣ соглашаемся составлять проектъ реформы не иначе, какъ на основаніяхъ, которыя *мы сами считаемъ полезными*, и если такого проекта не нужно, то просимъ назначить на мѣсто наше чиновниковъ, которые напишутъ все, что имъ велятъ. Но съ нами обошлись очень любезно. Въ особенности любезничалъ съ нами Ростовцевъ, и однажды, когда всѣ мы четверо были приглашены къ нему вечеромъ, произошелъ такой случай. Ростовцевъ, какъ истинный придворный, желая попасть въ нашъ тонъ, началъ восхвалять заслуги Александра II и доказывать, что теперь только можно пользоваться безопасностью въ частныхъ домахъ, тогда какъ при Николаѣ, *при которомъ онъ служилъ 30 лѣтъ*, дохнуть нельзя было. Это до крайности было смѣшно. Перхуровъ—человѣкъ прямой и искренній не выдержалъ и *фыркнулъ* вслухъ. Мы же остальные удержались, но я не зналъ, какъ поступить. Ростовцевъ, очевидно, сконфузился, но сейчасъ же нашелся. Ушелъ изъ кабинета, кажется, за сигарами, и черезъ нѣсколько минутъ вернулся, какъ ни въ чемъ не бывало.

Читая вашу статью, я еще вспомнилъ одинъ случай, который слѣдуетъ вамъ передать, такъ какъ вы изъ него увидите, каковъ былъ составъ комитета и съ какими хорошими людьми мнѣ пришлось имѣть въ немъ дѣло. Вы не думайте, что 13 членовъ, не подписавшихъ проекта большинства, были всѣ противниками освобожденія или надѣленія крестьянъ землею. Такихъ, какъ Веревкинъ, Милюковъ и Кудрявцевъ, было очень мало. Большая часть ихъ боялись только слишкомъ быстраго переворота въ хозяйствѣ и не вѣрили возможности одновременнаго выкупа по громадности финансовой операціи, т. е. были нашими противниками по недальновидности, словомъ, такими же противниками, какъ и члены редакціонныхъ коммиссій. Съ ними мнѣ приходилось также спорить, какъ съ Милютинымъ, кн. Черкасскимъ, Самаринымъ, Ростовцевымъ, Я. И. Соловьевымъ и др. Они не могли понять, что одновременный выкупъ всѣхъ надѣловъ *возможнѣе и выгоднѣе постепеннаго*, между тѣмъ, какъ это для меня и лицъ, подписавшихъ проектъ большинства, было ясно, какъ день, ибо, при обязательномъ выкупѣ для однихъ крестьянъ, операція должна была совершаться преимущественно въ имѣніяхъ, въ которыхъ крестьяне несостоятельны къ платежу оброковъ или къ погашенію ссудъ, вслѣдствіе чего сумма недоимокъ должна быть пропорціонально больше къ обороту, нежели при одновременномъ выкупѣ всѣхъ надѣловъ. Вотъ о чемъ мы спорили и въ Твери съ меньшинствомъ и въ Петербургѣ съ членами коммиссій. Между тѣмъ, изъ неподписавшихъ проектъ 14-ти

горою [23]) Ростовцевъ, все болѣе и болѣе входившій въ силу и въ довѣріе Государя по крестьянскому вопросу. Крѣпостники подъ напоромъ общественнаго мнѣнія должны были уступить и исполнить желаніе Тверскаго Комитета.

Такимъ образомъ Унковскимъ и тверскими либералами было выиграно дѣло громадной исторической и соціальной важности при помощи только доводовъ разума, стойкости въ отстаиваніи убѣжденій и твердаго поведенія: была оказана ими отечеству истинно-патріотическая просвѣщенная услуга, которая вопреки увѣренію мудрецовъ вѣкъ сего, заключается не въ томъ, что бы всегда слѣпо поддакивать всякому правительственному начинанію, какъ-бы оно ни было ошибочно, а съ честнымъ мужествомъ указывать, по совѣсти, замѣчаемые въ нихъ ошибки... Унковскій съ товарищами одержали побѣду. Имѣя противъ себя голіаѳовъ

членовъ я могу назвать трехъ членовъ, расположенныхъ не менѣе насъ къ реформѣ—депутата Бѣжецкаго уѣзда Модеста Воробьева, Кашинскаго—Зміева и Зубцовскаго—Зубкова. Въ доказательство привожу слѣдующій случай.

Когда пришлось разрѣшить вопросъ о способѣ опредѣленія суммы оброка а, слѣдовательно, и капитализаціи ея для выкупа, мы всѣ стали втупикъ. Крѣпостники требовали производства кадастра, при чемъ дѣло затянулось бы на многіе годы. У насъ же не было никакихъ основаній. Тогда насъ вывелъ изъ этого важнаго затрудненія Модестъ *Воробьевъ*. Онъ предложилъ ту систему, которая была принята не только нами, но и правительствомъ. Редакціонныя коммиссіи только измѣнили разсчетъ, понизивъ нѣсколько оброкъ за первыя двѣ десятины и возвысивъ за 3-ю и 4-ю, но мысль дана покойнымъ Воробьевымъ въ видахъ ускоренія дѣла".

23) Въ запискахъ своихъ Унковскій передаетъ, что сынъ Ростовцева либералъ, поклонникъ Герцена, лишенный эксельбантовъ за визитъ къ нему, предъ смертью лѣтомъ 1858 г. сказалъ отцу: „батюшка, я къ вамъ обращаюсь съ предсмертною просьбою: вы настолько запятнаны по декабрьской исторіи и по военно-учебнымъ заведеніямъ, что мнѣ хотѣлось-бы умереть съ мыслью, что вы чѣмъ нибудь загладите свою вину. Теперь предстоитъ вамъ очиститься, есть минута такая и вы можете. Дайте слово, что вы будете помогать освобожденію крестьянъ". Я. И. Ростовцевъ далъ клятву и остался ей вѣренъ, въ продолженіе послѣдующей дѣятельности по крестьянскому дѣлу, которому онъ предался съ необыкновенною сердечностью и энтузіазмомъ, непонятными въ чиновникѣ-царедворцѣ и объясняемыми этою клятвою.

рутины, своекорыстія и матеріальной силы, этотъ юный Давидъ, въ союзѣ съ товарищами по литературѣ, съумѣлъ побороть голіаѳовъ крѣпостничества — простою пращею слова, письма и печати. Рѣдко въ исторіи встрѣчаются столь поразительные и назидательные примѣры торжества права надъ силою, разума надъ тьмою, торжества молодой энергіи и живаго общественнаго ума надъ косностью испытанныхъ бюрократовъ-рутинёровъ, надъ ложною мудростью убѣленныхъ сѣдинами близорукихъ и мнительныхъ государственныхъ мужей:

Какъ эта лампада блѣднѣетъ
Предъ яснымъ восходомъ зари,
Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ,
Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума.
Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Тріумфаторомъ возвратился А. М. Унковскій съ товарищами по депутаціи, въ концѣ октября 1858 г., изъ Петербурга въ Тверь, но не гордымъ и пресыщеннымъ тріумфаторомъ съ разсчетомъ отдыхать на лаврахъ своей славы, а скромнымъ, удовлетвореннымъ гражданиномъ-тружеником, счастливымъ сознаніемъ честно исполненнаго долга и готовымъ на предстоящіе многочисленные новые труды. Когда въ Твери было получено Высочайше утвержденное 3-го ноября 1858 г. постановленіе Главнаго Комитета о разрѣшеніи Тверскому Комитету составить проектъ выкупа, по желанію помѣщиковъ, то Тверскимъ героямъ общественной службы рукоплескала въ то время вся молодая и мыслящая Россія. Одержанная ими во имя правды и здравыхъ государственныхъ интересовъ побѣда оказалась даже блистательнѣе, чѣмъ это можно было ожидать. Правительство не только разрѣшило Тверскому Комитету заняться вопросомъ о выкупѣ полевыхъ надѣловъ, но и циркулярно дало такое же разрѣшеніе и дворянствамъ другихъ губерній и, наконецъ, само внесло этотъ пунктъ въ свою программу. Тверскіе либералы, съ Унковскимъ во главѣ, по истинѣ могли гордиться сознаніемъ, что, благодаря ихъ «дружной силѣ», другіе Комитеты и само правительство вышли на прямую дорогу въ вопросѣ о поземельномъ устройствѣ русскаго крестьянства, одномъ изъ важнѣйшихъ, какіе только когда либо знала всемірная исторія. Если-бы дѣятельность Унковскаго немедленно прекратилась и то ему обезпечена-бы была почетная страница въ исторіи отмѣны крѣпостнаго права, но онъ думалъ не о славѣ, не о наградѣ за свою доблестную службу народу,—значенье которой онъ и впослѣдствіи всячески, по во-

жденной скромности, всегда умалялъ до minimum'а,—а лишь о новой службѣ. Онъ считалъ, по выраженію классическаго поэта, что онъ ничего еще не сдѣлалъ, покуда еще оставалось кое-что сдѣлать:

Nil actum quum quid superesset agendum.

А работы было много; черная работа теперь только, собственно говоря, и начиналась, и Унковскій отдался ей всецѣло. — Очистивши путь для осуществленія своего давно обдуманнаго плана крестьянской реформы, Унковскій теперь только, наконецъ, могъ отдаться свободно своей завѣтной идеѣ объ упраздненіи крѣпостнаго права и всѣхъ его послѣдствій, всѣхъ основанныхъ на немъ порядковъ и учрежденій. [1]) Работая, безъ отдыха

[1]) Описывая типъ дѣятеля освободительной эпохи Шалимова, не только способствовавшаго ошпариванью глуповцевъ, но и потрясшаго ихъ сонное блаженство, Салтыковъ, говоритъ: „И всѣ эти бѣдствія, и все это нравственное посрамленіе причинилъ тебѣ Шалимовъ и ему подобные. Истинно говорю тебѣ, что понимаю всю ненависть, которая должна закипать въ твоемъ сердцѣ при одномъ упоминаніи этого имени. Но откуда однако, эта сила въ Шалимовѣ? Почему же онъ сила, а сосѣдъ твой Ржанищевъ—навозъ, а другой твой сосѣдъ отставной капитанъ Постукинъ—бутыль, наполненная желудочною настойкою? Повидимому, общественное глуповское мнѣніе мало симпатизируетъ Шалимову, и массы остаются къ нему, равнодушными... и все-таки онъ сила! Стало быть, есть нѣчто среднее между глуповскимъ повѣтріемъ и глуповскою массою; стало быть, есть нѣчто еще невыразившееся, но уже предосязаемое, нѣчто неизвѣстное, но уже предощущаемое, чтó благопріятствуетъ и покровительствуетъ Шалимову. Если желаешь, я могу тебѣ это растолковать. По всѣмъ признакамъ, положеніе Глупова—одно изъ самыхъ безнадежныхъ. Однако, онъ не только не умираетъ, но даже изъявляетъ твердое намѣреніе жить безъ конца. Почему? А потому, что хотя глуповцы и поражены проказою, но воздухъ Глупова чистъ, ибо освѣжается прилетающими изъ Умнова вѣтрами. Благодаря этой чистотѣ, въ глуповскомъ воздухѣ ощущается та струя честности, которая полагаетъ непереступаемыя границы нравственной распущенности глуповцевъ. Благодаря ей, глуповское міросозерцаніе не сдѣлается владыкою міра. Благодаря ей, глуповскій абориrенъ, который съ трудомъ можетъ отличить свѣтъ отъ тьмы, не смѣетъ, однако, не признавать силы добра, точно такъ-же, какъ ни одинъ jeune homme bien élevé не рѣшится сказать, что громъ оттого бываетъ, что Илья пророкъ по небу ѣздитъ, хотя навѣрное знаетъ, что въ этомъ именно заключается единственная и настоящая причина грома... Въ

не покладая рукъ, работая день и ночь, работая такъ, какъ можетъ работать молодой энтузіастъ надъ осуществленіемъ мечты юности, онъ провелъ чрезъ Комитетъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ замѣчательный проектъ Положенія о крестьянахъ, и при немъ обширный «Обзоръ основаній», проектъ, признаваемый спеціалистами за самый либеральный и разумный изо всѣхъ дворянскихъ проектовъ [2]).

Положеніе это давало разумное рѣшеніе крестьянскаго вопроса, предлагавшее сохранить существующее 4-хъ десятинное надѣленіе крестьянъ землей, съ немедленнымъ выкупомъ ея, *обязательнымъ для помѣщика*, съ полнымъ уничтоженіемъ помѣщичьей юрисдикціи и барщины. Для выкупа учреждался акціонерный банкъ въ г. Твери.

Особенныя трудности представляло и по массѣ замѣшанныхъ интересовъ, и по сложности вопроса уясненіе и справедливое рѣшеніе вопроса о оцѣнкѣ и выкупѣ надѣловъ. Инымъ, мнительнымъ постепеновцамъ, ничего не смыслившимъ въ экономическихъ вопросахъ, казалась неосуществимою, по недостатку капиталовъ, химерою выкупная операція, которая, можно сказать, шутя была проведена Россіею и для которой Унковскій предлагалъ учредить акціонерный банкъ.

Другая половина экономическаго вопроса, оцѣнка надѣловъ представляла не меньшія трудности. Труды Тверскаго Комитета, совершенно неизвѣстные въ публикѣ [3]), въ этомъ отношеніи заслуживаютъ особеннаго вниманія. Тутъ не только либералы, стоявшіе за выкупъ и радикальное рѣшеніе вопроса, но и бо-

---

сердцѣ глуповца есть все-таки эмбріонъ стыдливости. Онъ, конечно, слишкомъ слабъ, чтобъ подѣйствовать на его нравственное возрожденіе, но все же достаточенъ, чтобы влить въ его душу тотъ спасительный трепетъ, который не дозволяетъ ей наругаться надъ тѣмъ, что, по общему вселенскому сознанію, признается за добро". (Сочин. II, 164, 165).

[2]) И. Иванюковъ. Паденіе крѣпостнаго права, 387 и н. Матеріалы, 259, 304.

[3]) Издатель *Русскаго Вѣстника* М. Н. Катковъ предложилъ тверскому Комитету печатать его журналы, на что тотъ охотно согласился. Но крѣпостническое меньшинство,—знаетъ кошка, чье мясо съѣла,—вознегодовало противъ такого „недозволеннаго" оглашенія и по его проискамъ печатанія не состоялось. А. А. Головачевъ и А. М. Унковскій (см. гл. IX) печатали свои мысли о выкупѣ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*.

лѣе умѣренные члены Тверскаго Комитета привнесли много труда, практическаго знанія и добросовѣстнаго сотрудничества (схема исчисленія стоимости надѣловъ, какъ сказано выше въ главѣ Ѵ прим. 20, была предложена первоначально членомъ меньшинства Модестомъ Воробьевымъ и окончательно разработана А. А. Головачевымъ). Даже крѣпостники, подчинившись горькой своей участи, рѣшались разстаться съ землею, но желая содрать невозможныя цѣны, доводили оцѣнку земли до 500 р. [4]) за десятину. Самый трудный вопросъ былъ въ томъ, какъ цѣнить землю и выкупъ помѣщичьихъ правъ, который если не открыто, то въ замаскированномъ видѣ правительственная программа (п. 2, § II цирк. Ланскаго) возложила на крестьянъ [5]) въ противность проекту Унковскаго, полагавшаго выкупъ крѣпостнаго права возложить не на крестьянъ, а на все государство (см. выше главу IѴ).

Крѣпостники, опираясь отчасти на правительственную программу, предлагали учредить специальную коммиссію для кадастровой оцѣнки земель въ каждомъ имѣніи отдѣльно. Мысль эта была отвергнута по ея неосуществимости. Никакая коммиссія, по мнѣнію Тверскаго Комитета, не въ состояніи была произвести правильнаго кадастроваго описанія при хаотическомъ состояніи большинства хозяйствъ. Въ массѣ имѣній, писалъ Комитетъ не найдется счетовъ и даже самая писчая бумага въ рѣдкость [6]). Кромѣ того собираніе матеріаловъ для кадастра должно было отложить на много лѣтъ отмѣну крѣпостнаго права, что̀ такъ желательно было крѣпостникамъ [7]) и чего сильно опасались тверскіе либералы въ виду обнаруживаемаго крестьянами, при всей сдержанности, крайняго нетерпѣнія. Пришлось остановиться

---

[4]) Такова была разцѣнка Кардо-Сысоева (см. ниже примѣч. 11).

[5]) Права состоянія крестьянъ и право собственности на усадьбу значилось во 2-мъ циркулярѣ отъ 5-го декабря 1857 г, пріобрѣтаются выкупомъ, размѣръ коего опредѣляется оцѣнкою не одной усадебной земли и строеній, но и промысловыхъ выгодъ и мѣстныхъ удобствъ.

[6]) См. Обзоръ Основаній Полож. Тверскаго Комитета, 14.

[7]) Въ большинствѣ проектовъ, писалъ Ланской, не замѣчается безпристрастнаго соблюденія интересовъ обоихъ сословій, нѣтъ даже *яснаго* пониманія выгодъ помѣщиковъ. Семеновъ. I, 828. См. Записку Ланского въ н. сб. Семенова, 826 и н. Обзоръ основаній, 2, 3.

на однообразной оцѣнкѣ ренты, а такъ какъ главнымъ факторомъ ея служилъ крѣпостной трудъ, то въ основаніе оцѣнки предложено было Головачевымъ взять средній оброкъ, выведенный и на душу и на землю и оказавшійся почти одинаковымъ на всю губернію.

Вопросъ этотъ подвергся подробной разработкѣ, благодаря массѣ заключеній [8]), поданныхъ членами Комитета. Приводимъ соображенія А. М. Унковскаго въ сокращенномъ видѣ.

Справедливость требуетъ, чтобы при освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и надѣленіи ихъ землею помѣщики были вознаграждены вполнѣ за всѣ убытки, причиняемые имъ этимъ преобразованіемъ. Говоря объ убыткахъ, мы разумѣемъ утрату тѣхъ *дѣйствительныхъ* выгодъ, которыя доставляло крѣпостное право въ его *законныхъ* границахъ, и принимаемъ во вниманіе, что уничтоживъ барщину, мы можемъ говорить только о замѣнѣ барщины и произвольнаго оброка опредѣленнымъ оброкомъ, основаннымъ на цѣнности земли и промышленныхъ выгодъ. Поэтому вознагражденіе за прежнія крестьянскія повинности не можетъ основываться на одной ихъ дѣйствительной величинѣ, а должно ограничиваться оцѣнкою повинностей въ томъ размѣрѣ, который опредѣленъ закономъ. Такъ, напр., если бы оцѣнка повинностей крестьянъ производилась отдѣльно по каждому имѣнію и оказалось гдѣ-либо, что помѣщикъ, давая крестьянамъ достаточно угодій для безбѣднаго существованія, пользовался четырехдневною работою крестьянъ, или, пользуясь трехдневною работою, или извѣстнымъ оброкомъ, предоставлялъ имъ такъ мало земли, что они доведены до разоренія, то вознагражденіе въ первомъ случаѣ не должно простираться далѣе цѣнности закономъ опредѣленной трехдневной работы, а во второмъ — цѣнности повинностей въ томъ размѣрѣ, въ какомъ отбываніе ихъ не было бы для крестьянъ разорительнымъ. Итакъ, вознагражденіе помѣщиковъ будетъ совершенно справедливо, если оно ограничится возмѣщеніемъ дѣйствительныхъ убытковъ, которые произойдутъ отъ потери законныхъ правъ. Слѣдовательно, непремѣнными границами крестьянскихъ повинностей, подлежащихъ оцѣнкѣ, должны быть: пространство крѣпостнаго права по закону и возможность пользованія имъ въ дѣйствительности.

---

[8]) Особенною подробностью отличается мнѣніе Н. П. Харламова, занимающее 28 страницъ металлографическаго письма. in-folio.

Разсмотримъ сначала, какъ велико пространство помѣщичьей власти по закону. Мы видимъ, что владѣлецъ, по закону, можетъ налагать на своихъ крѣпостныхъ людей всякія работы, взимать съ нихъ оброкъ и требовать исправленія личныхъ услугъ съ тѣмъ только, чтобы они не претерпѣвали чрезъ сіе разоренія и чтобы положенное число дней (три въ недѣлю) было оставляемо на исправленіе собственныхъ ихъ работъ (1045 и 1046 ст. IX тома Св. Зак.). Притомъ помѣщики должны пещись о содержаніи и призрѣніи крѣпостныхъ людей ихъ, пришедшихъ въ невозможность кормиться работою, и о приведеніи деревень и крестьянъ своихъ въ лучшее состояніе (ст. 1104 и 1106 того же тома). Вглядѣвшись внимательно въ эти законоположенія, мы находимъ, что дѣйствительною границею помѣщичьей власти относительно наложенія на крестьянъ повинностей и пользованія ихъ трудомъ служитъ то непремѣнное условіе, чтобы крестьяне за отправленіемъ этихъ повинностей не были доводимы до разоренія, то-есть, говоря другими словами, пользовались въ извѣстной степени матеріальнымъ благосостояніемъ. Итакъ, помѣщикъ, надѣляя крестьянъ землею, имѣетъ полное право получать съ крестьянъ такой оброкъ, при платежѣ котораго они могутъ жить въ нѣкоторомъ довольствѣ. Вотъ границы пользованія трудомъ крестьянъ, положенныя закономъ. Но какъ опредѣлить эти границы въ дѣйствительности, какъ опредѣлить ту степень матеріальнаго благосостоянія, которою должны пользоваться крестьяне за отправленіемъ господскихъ повинностей? Законъ не опредѣляетъ точно этой степени довольства и предписываетъ только не доводить крестьянъ до разоренія, предоставляя это совѣсти самихъ помѣщиковъ и мѣстнымъ обычаямъ. И законъ не могъ поступить иначе. Понятія о довольствѣ и бѣдности, о разореніи и нищенствѣ суть понятія относительныя и зависящія отъ мѣстныхъ климатическихъ и нравственныхъ условій. Въ одной странѣ и при однихъ мѣстныхъ условіяхъ почитается нищимъ тотъ, кто не имѣетъ средствъ есть каждый день мясо и пить кофе; въ другомъ мѣстѣ и при другихъ условіяхъ считается довольствомъ имѣть постоянно одинъ черный хлѣбъ и достаточно одежды, чтобы защититься отъ холода. И потому степень матеріальнаго благосостоянія, которымъ должны пользоваться крестьяне, можетъ быть опредѣлена только на основаніи мѣстнаго взгляда, по которому поселянинъ, не считающійся доведеннымъ до разоренія, долженъ имѣть такіе-то предметы въ достаточномъ количествѣ.

Положимъ, что мы знаемъ мѣстныя условія нашей губерніи и можемъ точно опредѣлить ту степень довольства, которою долженъ пользоваться крестьянинъ. Остается придумать средства для опредѣленія степени благосостоянія отдѣльныхъ имѣній, для назначенія денежныхъ оброковъ. Что намъ дѣлать? Принимать ли во вниманіе количество извѣстныхъ предметовъ, находящихся въ распоряженіи крестьянина, какъ служащее выраженіемъ его настоящаго благосостоянія, или обращать вниманіе на одни только мѣстные источники народнаго благосостоянія, не взирая на то, кто изъ крестьянъ больше ими пользуется и кто меньше. Кажется, что въ этомъ не можетъ быть спора. Избирая первый способъ, т. е. руководствуясь настоящимъ видимымъ богатствомъ крестьянъ, какъ то: оцѣнивая крестьянскія строенія, заведенія и т. п., мы впадемъ въ грубыя ошибки и вступимъ въ цѣлый лабиринтъ затрудненій. Всего, что имѣетъ крестьянинъ, мы оцѣнить не можемъ. Видимое же богатство большею частью не служитъ выраженіемъ благосостоянія. Имѣя хорошую постройку, крестьянинъ можетъ нуждаться въ самомъ необходимомъ. Постоялый дворъ или мельница могутъ быть заведены въ долгъ. Истиннымъ мѣриломъ для опредѣленія матеріальнаго благосостоянія крестьянъ могутъ быть только мѣстные источники народнаго благосостоянія, источники неизсякаемые, и всегда открытые для всякаго, кто желаетъ ими пользоваться.

Такихъ источниковъ благосостоянія крестьянъ въ нашей мѣстности два: земледѣліе и промыслы. И если мы найдемъ возможность узнать, въ какой мѣрѣ эти источники доставляютъ средства въ данномъ мѣстѣ, то мы вѣрно опредѣлимъ степень матеріальнаго благосостоянія поселянъ. Многіе полагаютъ, что оброки могутъ быть назначены по цѣнности земли и потому предлагаютъ ограничиться ея оцѣнкою. Я съ этимъ не согласенъ по слѣдующимъ причинамъ: помѣщикъ лишается *не земли, а крѣпостнаго права на трудъ людей*, соединеннаго съ разными обязанностями. Цѣна земли и ея произведеній зависитъ отъ предложенія и требованія; слѣдовательно, земля можетъ быть цѣнима только по продажнымъ и наемнымъ ея цѣнамъ, зависящимъ отъ мѣстнаго отношенія между предложеніемъ и требованіемъ. Отношеніе это имѣетъ причиною большую или меньшую густоту населенія и зависитъ отъ количества нуждающихся въ землѣ. Крѣпостной же крестьянинъ не относится къ владѣемой имъ землѣ, какъ посторонній покупщикъ или наниматель, и помѣщикъ не есть лицо, отдающее свободно свою землю въ

наймы. Несправедливо поставить крестьянина въ условія свободнаго нанимателя или покупщика въ той мѣстности, гдѣ весьма нуждаются въ землѣ. Эти условія были бы гораздо обременительнѣе настоящихъ. Точно также несправедливо вознаградить помѣщика по цѣнѣ одной земли въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, вслѣдствіе огромнаго ея предложенія, она имѣетъ очень малую цѣну. Это значило бы отнять у него значительную часть его состоянія безъ всякаго вознагражденія. Поэтому, цѣна земли въ самой теоріи не можетъ служить единственнымъ мѣриломъ вознагражденія помѣщиковъ и признать ее таковымъ, значитъ—разорить одну половину помѣщиковъ и вознаградить болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, другую половину. Ко всему этому надобно присовокупить, что оцѣнка земли по продажнымъ и наемнымъ цѣнамъ совершенно невозможна, ибо мы не имѣемъ и не можемъ собрать вѣрныхъ свѣдѣній о продажныхъ и наемныхъ цѣнахъ земель. Мы можемъ цѣнить ее не иначе, какъ предполагая количество произведеній, доставляемыхъ сю при извѣстныхъ условіяхъ, цѣнность ея обработки и степень участія, которое долженъ имѣть наниматель въ чистой выгодѣ приносимой землею. Кажется, что здѣсь ничего нѣтъ вѣрнаго, ибо всѣ данныя должны быть предполагаемыя. Затѣмъ слѣдуетъ еще произволъ мѣстныхъ исполнителей относительно качества почвы и количества удобренія, какъ условій, отъ которыхъ зависитъ плодородіе. Посудите сами, есть ли здѣсь что нибудь вѣрное и стоитъ ли обращаться къ оцѣнкѣ земли, если мы знаемъ напередъ, что и самая точнѣйшая и правильнѣйшая ея оцѣнка не приведетъ насъ къ безобидному разрѣшенію вопроса.

Остается намъ одно средство для оцѣнки земли: обратиться къ среднему оброку, платимому съ десятины крестьянами извѣстной мѣстности. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, мы встрѣчаемся съ вѣрными, положительными данными, а именно: количествомъ оброка, платимаго въ извѣстной мѣстности и не подлежащимъ ни какому произвольному опредѣленію, и количествомъ земли, опредѣляемымъ геометрическимъ измѣреніемъ, и раздѣливъ первое число на второе, получимъ цифру *не возможнаго*, но дѣйствительно платимаго оброка съ десятины. Цифра эта не можетъ быть произвольною. Хотя оброки въ каждомъ имѣніи назначались по произволу и встрѣчались неумѣренно большіе и неумѣренно малые оброки, но этотъ произволъ въ среднемъ выводѣ уже нечувствителенъ. И эта оцѣнка земли была бы совершенно правильна, если бы земля была у насъ единовременнымъ источникомъ народнаго

благосостоянія и условія ея производительности были вездѣ одни и тѣ же. Но въ Тверской губерніи крестьяне живутъ у насъ не однимъ земледѣліемъ, но и промыслами, которые являются въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже главнымъ источникомъ народнаго богатства. Какъ оцѣнить эти промыслы? Они разнообразны до безконечности, и большее или меньшее развитіе ихъ въ данной мѣстности выражается въ большей или меньшей легкости пріискать для себя выгодное употребленіе труда. Если средній оброкъ съ десятины можетъ служить вѣрною нормою для опредѣленія вознагражденія владѣльцамъ земледѣльческихъ имѣній, то средній оброкъ на душу можетъ служить вѣрнымъ мѣриломъ для вознагражденія владѣльцевъ промышленныхъ имѣній. Но промыслы и земледѣліе существуютъ по всей губерніи рядомъ другъ съ другомъ, и нѣтъ ни одной мѣстности, гдѣ бы не существовало того и другаго, но только въ разныхъ отношеніяхъ; а потому средній оброкъ долженъ быть выведенъ и на землю, и на душу. Принимая во вниманіе, что оба эти источника служатъ въ одинаковой степени для развитія матеріальнаго благосостоянія крестьянъ Тверской губерніи, я полагаю, что имъ слѣдуетъ дать равное значеніе при опредѣленіи оброковъ, то-есть, какъ предлагаетъ г. Головачевъ, вывесть въ извѣстной мѣстности средніе оброки на душу и на десятину земли и, помноживъ первый на данное число ревизскихъ душъ мужескаго пола, а второе на число десятинъ земли, состоящей во владѣніи крестьянъ, сложить оба произведенія и половину полученнаго числа считать ежегоднымъ оброкомъ. Если скажутъ, что отношеніе между земледѣліемъ и промыслами не вездѣ одно и то же и что поэтому выводъ не можетъ быть вѣрнымъ, то противъ этого я могу выразить, что большая или меньшая густота населенія имѣетъ вліяніе и на качество почвы. Извѣстно, что чѣмъ менѣе земли обработывается человѣкомъ, тѣмъ тщательнѣе обработывается и болѣе удобряется. У насъ же въ сѣверной полосѣ Россіи не столько значенія имѣетъ самый грунтъ земли, сколько обработка ея и удобреніе. Кромѣ весьма незначительнаго количества наемныхъ земель, мы не имѣемъ почвъ естественно плодородныхъ. Всѣ наши земли даютъ хлѣбъ только вслѣдствіе тщательной обработки и удобренія. Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что число людей, поселенныхъ на землѣ, имѣетъ значительное вліяніе на качество обработки земли. Что же касается до вліянія его на количество удобренія, то это доказалъ опытъ во многихъ мѣстахъ и между прочимъ, въ нашей губерніи.

По изслѣдованіи коммиссіи уравненія денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ Тверской губерніи оказалось: чѣмъ менѣе въ селеніи пахатной земли на душевой пай, тѣмъ болѣе головъ скота приходится въ немъ на паровую десятину. Въ мѣстахъ, богатыхъ сѣнокосами и пастбищами, каковы уѣзды Осташковскій, Вышневолоцкій, Корчевской, Новоторжскій, Тверской и большая часть Весьегонскаго и Бѣжецкаго уѣздовъ, а также юго-западная часть Калязинскаго, сѣверо-западная часть Старицкаго и сѣверная часть Ржевскаго уѣзда, приходится на одну десятину пара:

При 7 десятинахъ всей пахатной земли на душевой пай всего скота	1	коров.
При 6	$1^1/_2$	"
При 5	2	"
При 4	$2^1/_2$	"
При 3	3	"
При 2	$3^1/_2$	"
При $1^1/_2$	4	"
При 1	5	"
При $^1/_2$	7	"
При $^1/_4$	9	"

Вотъ въ какой прогрессіи возвышается главное условіе плодородія нашей почвы вмѣстѣ съ числительностью населенія. Несомнѣнно, что въ такой же мѣрѣ должна возрастать и цѣнность покосныхъ земель сообразно съ большей густотой населенія.

Изъ всего этого видно, что способъ опредѣленія оброковъ, предлагаемый г. Головачевымъ, весьма раціоналенъ и не приведетъ къ ошибкамъ вслѣдствіе измѣненій отношенія между промыслами и землѣдѣліемъ. Для того, чтобы это доказать наглядно, я привожу такой примѣръ, относительно оцѣнки пахатной земли, въ которомъ должна бы была вполнѣ выказаться несостоятельность этого способа. Я беру самое крайнее: предполагаю, что въ одномъ округѣ рядомъ существуютъ двѣ деревни съ равнымъ количествомъ душъ и въ которыхъ крестьяне живутъ исключительно земледѣліемъ, но изъ которыхъ въ одной втрое болѣе платной земли, нежели въ другой. Положимъ, что въ обѣихъ деревняхъ по 100 ревизскихъ душъ мужескаго пола, но въ одной 150 десятинъ пахатной земли, а въ другой 500 и въ обѣихъ деревняхъ слѣдуетъ опредѣлить оброки по одному среднему оброку, котораго приходится на душу 8 руб., а на десятину земли 2 руб. По способу, предлагаемому г. Головачевымъ,

100 душъ съ 150 десятинами пахатной земли должны платить 550 руб., а 100 душъ съ 500 десятинами 900 руб. Изъ вышеупомянутыхъ практическихъ выводовъ коммиссіи для уравненія сборовъ съ государственныхъ крестьянъ Тверской губерніи видно, что крестьяне первой деревни, по всему вѣроятію, должны имѣть вдвое болѣе скота противъ крестьянъ второй деревни на каждую паровую десятину, а именно, что у первыхъ приходится 4 коровы на десятину, а у вторыхъ только 2. Предположивъ посѣвъ озимаго хлѣба въ $1^1/_2$ четверти на десятину и урожай его въ первомъ случаѣ не менѣе самъ 5, а во второмъ—самъ $2^1/_2$ или не болѣе 3-хъ, мы увидимъ, что въ первой деревнѣ получаемое ежегодно количество озимаго хлѣба за вычетомъ посѣвныхъ зеренъ не можетъ быть менѣе 300 четвертей, а во второй деревнѣ не болѣе 500, и что отношеніе урожаевъ обѣихъ деревень близко подходитъ къ отношенію выведенныхъ нами оброковъ, а именно около 3 : 5. Намъ могутъ еще сказать, что плата по количеству урожая за вычетомъ посѣвныхъ зеренъ не можетъ быть справедлива, ибо полученіе произведеній съ бо̀льшаго пространства земли требуетъ бо̀льшаго труда, а за вычетомъ цѣнности употребленнаго труда останется гораздо менѣе чистой прибыли; но этотъ разсчетъ можетъ имѣть мѣсто только при договорахъ о кратковременномъ наймѣ земли, а никакъ не при опредѣленіи вознагражденія за отдачу земли въ постоянное владѣніе. Въ послѣднемъ случаѣ пространство должно цѣниться гораздо болѣе, нежели качество, потому что большее пространство даетъ болѣе возможности приложенія труда. Такимъ образомъ, при наймѣ земли на нѣсколько времени, за одну десятину пашни, которая даетъ урожай озимаго хлѣба самъ 10-ть, дадутъ вчетверо болѣе, нежели за 3 десятины, дающія урожай самъ 3, но при покупкѣ или при наймѣ на весьма продолжительное время за послѣднія 3 десятины дадутъ непремѣнно болѣе, нежели за первую.

Многимъ не нравится этотъ способъ, потому что они видятъ въ выводѣ средняго оброка на душу что-то неловкое, не соотвѣтствующее понятію свободы. Я нахожу нужнымъ подтвердить, что выводя такимъ образомъ оброкъ, я нисколько не думаю облагать податью самихъ крѣпостныхъ людей, а признаю этотъ способъ единственнымъ для нѣкоторой оцѣнки земли безъ кадастра и промысловъ и лучшимъ средствомъ для безобидной раскладки земельной ренты. Притомъ, мы всегда и вездѣ видимъ, что продажныя и наемныя цѣны предметовъ зависятъ отчасти и отъ количества ихъ,

которое покупается или нанимается. Очень ясно, что если болѣе нанимается или покупается заразъ земли, то и цѣны нѣсколько понижаются. Поэтому, принимая во вниманіе, что степень плодородія отъ лучшей обработки и большаго удобренія соотвѣтствуетъ количеству населенія, нѣкоторое возрастаніе цѣны, соотвѣтствующее уменьшенію количества отдаваемой земли и наконецъ то, что средній мѣстный оброкъ на душу служитъ несомнѣннымъ мѣриломъ мѣстныхъ промысловъ, мы ясно видимъ, что способъ раскладки оброковъ на душу и на землю упрощаетъ только многосложную прогрессію увеличенія оброковъ на землю при большей густотѣ населенія и большемъ развитіи промысловъ. Притомъ, такой способъ опредѣленія ренты не дастъ ничего лишняго помѣщикамъ противъ оцѣнки земли по среднимъ оброкамъ, а лишь распредѣлитъ справедливѣе вознагражденіе помѣщиковъ и оброки крестьянъ.

Способъ опредѣленія среднихъ оброковъ изъ существующихъ оброковъ въ районѣ, описанномъ изъ центра имѣнія, для котораго опредѣляется рента, я нахожу весьма хорошимъ. Выводя такимъ образомъ средніе оброки, рента будетъ постепенно увеличиваться по мѣрѣ приближенія къ промышленнымъ и торговымъ мѣстамъ и понижаться по мѣрѣ удаленія отъ нихъ, ибо описываемые районы въ первомъ случаѣ будутъ все болѣе и болѣе принимать въ разсчетъ существующіе большіе оброки, а во второмъ—наоборотъ. Но я нахожу излишнимъ брать кругъ изъ каждой отдѣльной деревни, а полагаю, что можно ограничиться описаніемъ такихъ районовъ изъ однихъ только приходскихъ селъ и выводить средніе оброки для всѣхъ деревень, принадлежащихъ къ этимъ приходамъ. Районъ, по моему мнѣнію, долженъ быть въ діаметрѣ не менѣе 60 верстъ. Что касается до пограничныхъ мѣстъ съ другими сосѣдними губерніями, то опредѣленіе для нихъ среднихъ оброковъ не можетъ быть затруднительно, ибо можно имѣть топографическія карты сосѣднихъ уѣздовъ чужихъ губерній и получить свѣдѣнія о существующихъ тамъ оброкахъ.

По обсужденіи дѣла Комитетъ вывелъ при четырехъ десятинномъ надѣлѣ слѣдующую цифру оброка: 1-ая десятина—5 р. 10 к., 2-я—1 р. 80 к., 3-я—1 р. 20 к., 4-я—60 к., итого 8 р. 70 к. (въ Положеніи 19-го февраля выведено для Тверской губ. 9 р.).

Покончивъ съ экономическою стороною вопроса, руководимый Унковскимъ Комитетъ обратился къ послѣдней части своего

труда, къ выработкѣ проекта организаціи мѣстныхъ властей. Въ оффиціальной программѣ, разосланной губернскимъ Комитетамъ, между прочимъ стоялъ п. 8: образованіе сельскихъ обществъ. Руководствуясь этимъ пунктомъ, Тверской Комитетъ счелъ необходимымъ подвергнуть пересмотру весь тогдашній административный строй, основанный на крѣпостномъ правѣ. Комитетъ, указывая на невозможность изолированія крестьянъ отъ остальнаго населенія, составилъ полный проектъ общей организаціи мѣстныхъ властей, распорядительныхъ, полицейскихъ и судебныхъ сельскихъ, волостныхъ и уѣздныхъ. Въ основанія управленія положено было самоуправленіе и всесословность. Первою ячейкою самоуправленія является деревенскій мірской сходъ, образуемый членами крестьянской общины, затѣмъ слѣдуетъ всесословная волость [9]), въ составъ которой входятъ крестьянскія общины и личные землевладѣльцы и далѣе уѣздное собраніе, въ составъ котораго входятъ: лично дворяне, почетные граждане и купцы и депутаты отъ городскихъ жителей и волостныхъ собраній. Собраніе вѣдаетъ всѣ мѣстныя хозяйственныя дѣла. Во главѣ волости и уѣзда стоятъ: волостной попечитель и уѣздный предводитель (общесловный), избираемые въ соотвѣтственныхъ собраніяхъ, гдѣ выбираются и судьи. Судебная власть совершенно отдѣляется отъ административной, вводится судъ присяжныхъ и непосредственная, не обусловливаемая согласіемъ начальства, отвѣтственность передъ судомъ чиновниковъ за всѣ нарушенія закона, т. е. преступленія по должности.

Чтобы судить о значеніи этихъ предложеній достаточно сказать, что судъ присяжныхъ, на который было положено *veto*, по предложенію гр. Панина, еще въ концѣ 1857 г., тутъ впервые названъ по имени въ оффиціальной бумагѣ, а проектированный Унковскимъ порядокъ отвѣтственности должностныхъ лицъ, единственно способный обезпечить строгое исполненіе закона (см. ниже приложеніе 1-ое), осталось pium desiderium даже въ разцвѣтъ либеральныхъ вѣяній 60-хъ годовъ, не говоря ужъ о нашемъ времени.

---

[9]) Подробности см. въ главѣ II, книги моей: „Изъ эпохи великихъ реформъ“.

Къ проекту былъ приложенъ мастерски составленный Унковскимъ, совмѣстно съ А. А. Головачевымъ, читаемый и нынѣ съ пользою и удовольствіемъ *Обзоръ Основаній*, въ которомъ въ живомъ и яркомъ изложеніи вскрываются недостатки старой крѣпостнической бюрократической опеки и впервые въ оффиціальной бумагѣ излагаются основы европейскаго правоваго порядка, построеннаго на законѣ, на общественной самодѣятельности, охраняемаго независимымъ судомъ присяжныхъ и стремящагося къ сближенію сословій и постепенному пріобщенію, согласно требованіямъ духа времени, народа къ благамъ цивилизаціи. Въ заключеніе Комитетъ выступаетъ за «публичность и гласность» въ такихъ выраженіяхъ: «два великія слова! Свѣтъ разума и истины! Комитетъ не осмѣливается говорить въ доказательство ихъ необходимости, вполнѣ увѣренный, что Всемилостивѣйшій Государь, смѣло поднявшій вопросъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права, не оставитъ безъ вниманія этихъ великихъ началъ».

Нечего и говорить, что на эти либеральныя предположенія крѣпостники вознегодовали не меньше, чѣмъ на надѣленіе крестьянъ землею. Потерпѣвъ полное фіаско въ Комитетѣ, члены меньшинства стали агитировать внѣ его въ уѣздахъ, собирая подъ протестами подписи своихъ единомышленниковъ. Заявляли строгое порицаніе Комитету за его стремленіе лишить дворянство земель и уничтожить его старинное превилегированное положеніе, крѣпостники заявляли либеральному большинству, что оно не можетъ служить выразителемъ мнѣнія Тверскаго дворянства. Такой протестъ былъ поданъ однимъ уѣзднымъ собраніемъ, а именно Ржевскимъ на имя ржевскихъ депутатомъ предъ самымъ закрытіемъ Комитета. Въ засѣданіи 7-го января 1859 г. [10]) обсуждался этотъ протестъ и Унковскій далъ такую отповѣдь:

---

[10]) Въ томъ же засѣданіи былъ заслушанъ протестъ 41 дворянина, Вышневолоцкаго уѣзда (изъ 400), по поводу котораго Вышневолоцкій депутатъ Харламовъ, между прочимъ замѣтилъ: „единственное средство рѣшить вопросъ безобидно для дворянъ, съ сохраненіемъ всѣхъ ихъ выгодъ, это принудительная продажа помѣщичьихъ земель. Убѣдиться въ томъ, что это дѣйствительно есть единственное средство къ безобидному рѣшенію вопроса какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, можно,

Выслушавъ протоколъ Ржевскаго Уѣзднаго Собранія, я нахожу нужнымъ сказать, что протоколъ этотъ заключаетъ въ себѣ только просьбу, адресованную къ гг. депутатамъ Ржевскаго уѣзда, а не относится вовсе до Комитета. Иначе нельзя и думать. Комитетъ можно поколебать только убѣжденіями, а никакъ не однимъ объявленіемъ желаній. Комитетъ въ этомъ дѣлѣ *посредникъ* между двумя сторонами и долженъ охранять свято права обоихъ сословій, основывая свои рѣшенія на чистой справедливости. Что же могутъ значить для Комитета подписки или протоколы, объявляющіе только желаніе или нежеланіе подписавшихся, не подкрѣпленныя никакими доказательствами? Члены Комитета, защищающіе систему выкупа, твердо сознаютъ, что выкупъ части земли въ собственность крестьянъ есть единственное средство для дѣйствительнаго освобожденія крестьянъ и обезпеченія правъ помѣщиковъ и что, принимая эту систему, они исполняютъ въ точности Высочайшую волю объ обезпеченіи крестьянъ землею, не требуя отъ дворянства ничего лишняго, но, напротивъ, обезпечиваютъ права помѣщиковъ. Всякій понимаетъ, что земля, которою надѣляются крестьяне по Высочайшему рескрипту, отдается имъ навсегда и никогда не возвратится помѣщикамъ, какъ въ случаѣ выкупа, такъ и въ случаѣ пользованія, и что просить финансовой операціи для выкупа ея въ собственность крестьянъ, значитъ просить гарантіи вознагражденія помѣщикамъ. Изъ этого видно, что намъ никто не можетъ сказать, что мы не заботимся объ интересахъ дворянства или что мы переходимъ границы нашего полномочія. Напротивъ, земля отчуждается изъ распоряженія помѣщиковъ на основаніи Высочайшаго рескрипта, а отдавать ее за обезпеченный выкупъ еще вы-

---

даже и не читавъ всѣхъ преній по этому вопросу въ нашемъ Комитетѣ, но вспомнивъ хотя бы только рѣшеніе вопроса объ эмансипаціи крестьянъ въ Пруссіи и знаменитый королевскій манифестъ отъ 20 апрѣля 1848 года и вспомнивъ при томъ, что силезскіе крестьяне составляютъ два класса: домохозяевъ и работниковъ, наши же всѣ домохозяева. Да, господа! Защищая принципъ принудительной продажи для дворянъ ихъ земель крестьянамъ, я могу смѣло сказать, что я этимъ исполняю мою обязанность предъ довѣрителями моими, защищая матеріальные интересы ихъ самихъ и ихъ дѣтей противъ всѣхъ, даже противъ нѣкоторыхъ изъ самихъ довѣрителей, рискуя въ этомъ случаѣ заслужить ихъ временное негодованіе; но тогда только я и могу сказать, что исполню свою обязанность предъ моими довѣрителями, когда буду защищать интересы всѣхъ ихъ отъ всякихъ нападеній, даже и нѣкоторыхъ изъ ихъ самихъ".

годнѣе для дворянства, нежели отдавать за необезпеченный оброкъ. Ясно, что мы въ этомъ случаѣ ничего не жертвуемъ изъ достоянія дворянства, а напротивъ, обезпечиваемъ его права. При томъ я полагаю, что дѣло Комитета не есть домашнее дѣло одного дворянства, рѣшающееся на основаніи желаній одного сословія, ибо опять повторяю, Комитетъ есть посредникъ между двумя сословіями и въ такомъ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ, можетъ быть, участь цѣлаго государства. Это есть какъ бы третейскій судъ, и можетъ ли одна сторона отвергать рѣшеніе *третейскаго суда*, ею самою избраннаго, на томъ основаніи только, что ей не нравится его рѣшеніе, и тѣмъ болѣе, если она одна его выбирала? Я полагаю, что нѣтъ. Иначе не было бы никакого смысла въ избраніи Комитета. Въ настоящемъ случаѣ Правительство предоставило дворянству разрѣшеніе вопроса объ освобожденіи крестьянъ, чрезъ особыхъ избранныхъ имъ депутатовъ, а не лично въ цѣлой массѣ, дабы устранить по возможности страсти и увлеченія, неизбѣжныя въ тѣхъ случаяхъ, когда кто-либо бываетъ самъ судьею въ собственномъ дѣлѣ. Что же будетъ тогда, если Комитетъ сочтетъ себя обязаннымъ безпрекословно повиноваться желаніямъ своихъ избирателей и даже не всѣхъ, а нѣкоторыхъ изъ нихъ, безъ всякихъ разумныхъ основаній? Какое же будетъ значеніе Комитета, и не обратится ли дѣло къ одностороннему рѣшенію его цѣлой массою дворянства, если мы будемъ рѣшать его не на основаніи справедливости, а сообразно количеству подписей? Или мы должны считать правдою только то, что называютъ правдою лица подписывающія протесты, такъ какъ католики называютъ святыми только тѣхъ, кого признаетъ Папа? Притомъ смыслъ подписокъ можетъ быть разный. Сегодня объявятъ одно желаніе, а завтра, можетъ быть, другое. Мы говоримъ на основаніи убѣжденій, а не основываемся на подписяхъ.

Не довольствуясь протестами въ засѣданіи Комитета, уже по закрытіи его 7-го февраля 1859 г. (ровно день въ день спустя полгода послѣ открытія) крѣпостники присылали ядовитые протесты и доносы на большинство, обвиняя его въ революціонныхъ замыслахъ.

«Каждая волость управляется парламентомъ, писалъ Кудрявцевъ, въ каждомъ уѣздѣ парламентъ, въ губерніяхъ, вѣроятно, будетъ то же и тѣмъ же должно кончиться въ средоточіи государства. И такъ, въ основаніи всего управленія положенъ

парламентаризмъ. Необходимая обстановка этого гиганта также на лицо: мировой судья, гласность и словесность судопроизводства, раздѣленіе властей, адвокатура и въ заключеніе судъ присяжныхъ, однимъ словомъ, на мѣстѣ Россіи является западное государство, улучшенное и исправленное. Мм. гг. господа большинство, вопрошаетъ авторъ, не слишкомъ-ли далеко зашли?» Послѣ этого наивнаго лепета крѣпостника-патріота, вмѣнявшаго Комитету въ преступленіе, вмѣстѣ съ другими «жупелами»: желаніе завести въ Россіи, вмѣсто азіатскихъ порядковъ, европейскіе, выступилъ съ злостными и подложными діатрибами Милюковъ. Онъ обвинялъ Унковскаго въ насиліи надъ меньшинствомъ, открыто обвинялъ Комитетъ въ стремленіи къ «гибельной анархіи» и объявилъ ему «презрѣніе» отъ всего дворянства.

Не ограничиваясь этимъ, Милюковъ предъявилъ противъ большинства Комитета прямое обвиненіе въ политическомъ преступленіи, а именно: въ оскорбленіи Величества. Ссылаясь на слова одного члена, сказавшаго, что съ «уничтоженіемъ крѣпостнаго права, родовыя права дворянства [11]) уничтожились», ибо

---

11) Приводимыя слова Головачева были сказаны въ засѣданіи 22-го декабря 1858 г., гдѣ слушался протестъ дворянъ Новоторжскаго уѣзда, требовавшихъ поддержки помѣщичьихъ хозяйствъ со стороны государства. Но для связи приводимъ и предшествующую рѣчь Бакунина.

„*Г. Бакунинъ.* Прослушавъ мнѣніе г. Кудрявцева, поддержанное нѣкоторыми изъ дворянъ Новоторжскаго уѣзда, меня болѣе всего поразило ложное и унизительное положеніе въ которое ставится Дворянство. Г. Кудрявцевъ отвергаетъ принципъ общей государственной пользы и противупоставляетъ ей какія то особнякомъ существующія пользы дворянскія. Но противупоставлять дворянъ общей государственной пользѣ, значитъ уничтожить дворянство, потому что его существованіе оправдывается только пользой государственной и ничѣмъ другимъ. Если поставить вопросъ: кто существуетъ, дворянство ли для государства или государство для дворянства, то не можетъ быть сомнѣнія въ отвѣтѣ, и всякій здравомыслящій человѣкъ повторитъ съ нами: государство стоитъ первое и для него уже можетъ быть болѣе или менѣе полезно существованіе дворянства. Постоянное служеніе отечеству есть постоянное, необходимое условіе дворянства. Ссылка на заслуги бывшія оправдываетъ только дворянство нашихъ предковъ, или насъ самихъ въ былое время. Вопросъ, что мы теперь дѣлаемъ и чѣмъ заслуживаемъ наши особенныя права,

на немъ только держались. беззастѣнчивый ябедникъ продолжалъ: «вотъ какъ дерзко и какъ неосновательно истолковывалось (большинствомъ) благое намѣреніе нашего Царя, родъ котораго самого мы столько вѣковъ съ гордостью привыкли видѣть въ главѣ нашего высшаго сословія и хвалились древностью Вѣнце-

постоянно предстоитъ и будетъ предстоять намъ какъ дворянамъ, и единственный отвѣтъ могущій оправдать насъ состоитъ въ дѣлахъ пожертвованія и службы. на общую пользу, на пользу государственную. Да, милостивые государи, вездѣ и всегда дворянство, когда оно сознавало великую мысль своего значенія, проявлялось въ такихъ дѣлахъ: оно не торговалось въ нуждахъ государственныхъ, оно помнило девизъ: noblesse oblige. и знало. что только подъ этимъ непремѣннымъ условіемъ оно имѣетъ право быть. Читанное нами мнѣніе, хотя и признаетъ у насъ существованіе только одной родовой аристократіи, и такъ невѣжливо отзывается о такъ называемой денежной аристократіи но тѣмъ не менѣе судитъ о настоящей реформѣ уже никакъ не съ точки зрѣнія родовой, а чисто съ точки зрѣнія столь пренебрегаемой имъ денежной аристократіи. Правительство увидѣло необходимость освобожденія крестьянъ и водворенія ихъ на прочной осѣдлости, все (? ср. прим. 7 и 13) родовое дворянство и дворянство ума и таланта радостно отозвалось ему. Но вдругъ представляется счетъ въ 500 руб. сер. за десятину или нѣтъ согласія; другой счетъ съ тѣмъ же вѣроятно условіемъ, въ немъ уже разсчитываются удобства жизни, вѣроятность возвышенія цѣнъ на жизненные припасы, лакеи и прислуги, холстъ и проч., только жаль, что цѣны не показаны и итога подвести нельзя, а то бы можно было разсчитать за какое число аршинъ холста, или число лакеевъ можно имѣть согласіе на освобожденіе Россіи отъ крѣпостнаго ига, и сначала до конца мнѣнія, переходимъ мы отъ разсчета потери по одной статьи къ разсчету убытковъ по другой, ни одного слова *о интерессахъ общественныхъ*, обыкновенно столь близкихъ людямъ образованнымъ и тѣмъ болѣе людямъ нашего сословія. Сословіе, которое, еще разъ повторяемъ, должно, подъ опасеніемъ оказатся излишнимъ, жить интересами общественными и затѣмъ уже можетъ съ пользою заняться интересами экономическими. Прибавимъ къ утѣшенію слабыхъ нашего сословія: опытъ доказалъ, что эти начала подымали дворянство и разсчетливый эгоизмъ только ронялъ его. Наконецъ, гдѣ то тутъ же говорится о различіи службы и выслуживаніи; распространятся объ этомъ въ Комитетѣ нахожу неприличнымъ, мы хорошо можемъ понять теперь, что нашимъ добросовѣстнымъ трудомъ врядъ-ли заслужимъ что нибудь отъ многихъ изъ того сословія къ которому мы принадлежимъ и отъ котораго слѣдовало бы намъ болѣе всего ожидать сочувствія. Я полагаю, что только о такомъ родѣ выслуживанія передъ сословіемъ и можетъ быть рѣчь, другаго я не понимаю. Къ несчастью, чувство связи

носнаго Дома! Многія подобныя выраженія такъ открыто высказывались въ Комитетѣ на счетъ дворянъ, заносились въ журналы и печатныя разсылались по уѣздамъ» [12]).

Если такіе доносы заявлялись крѣпостниками открыто и публично, то можно себѣ представить, какія ядовитыя клеветы пускались ими въ ходъ въ тайныхъ и анонимныхъ ихъ сообщеніяхъ [13]), гдѣ они уже вполнѣ могли слѣдовать своимъ излюбленнымъ варварскимъ пріемамъ веденія борьбы, основаннымъ на принципѣ: in hostem omnia licita!.

нашей въ лицѣ дворянства, какъ сословіи политическомъ, какъ сословіи высшихъ интересовъ, слабо и трудно выслужиться предъ дворянствомъ, опирающемуся на этой слабой связи, Комитету. Но за то легче выслуживаются тѣ, которые, пользуясь человѣческою слабостью, групирують около себя *личные эгоизмы;* волнуя ихъ описаніями мнимыхъ потерь, опираются на ихъ ослѣпленія, для достиженія популярности и для этой жалкой популярности готовы принести въ жертву успѣхъ реформы, по ихъ собственному сознанію необходимой для счастія нашего отечества.

„*Г. Головачевъ.* Мнѣ кажется, что *родовыя права дворянства безвозвратно уничтожились съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, ибо они на немъ одномъ лишь держались.* Мнѣ кажется, что дворянство въ настоящее время только тогда можетъ сохранить свое значеніе, когда дворянинъ сдѣлается богатымъ крестьяниномъ. Только такая умѣренность можетъ пріобрѣсти сочувствіе народа и только это сочувствіе можетъ сохранить намъ то значеніе, которое дворянство имѣло до сихъ поръ. Если мы не будемъ постоянно имѣть въ виду этого правила, то дворянство утратитъ сочувствіе народа, а съ нимъ и всякое значеніе въ обществѣ“.

12) См. прил. къ Полож. Тверскаго Комитета. Мнѣніе Милюкова, 4.

13) „Начальныя дѣйствія противниковъ освобожденія состояли въ томъ, писалъ мин. вн. дѣлъ Ланской, что они пытались остановить всякое движеніе по крестьянскому вопросу, стараясь пугать правительство предвѣщаніями бунта. Къ числу такихъ попытокъ въ особенности слѣдуетъ отнести представленную Вашему Величеству безъименную записку подъ литерою Л., въ коей авторъ усиливается доказать, что въ освобожденіи крестьянъ таится глубоко задуманный планъ демократической революціи въ Россіи“. См. Семенова II, 830.— Крѣпостники всегда старались выставлять крѣпостное право, какъ основу русскаго государственнаго строя. Въ 1835 г. Мин. Нар. Просв. гр. Уваровъ говорилъ профессорамъ Московскаго университета: „политическая религія (sic) имѣетъ свои догматы, неприкосновенные, подобно христіанской религіи; у насъ: самодержавіе и крѣпостное право; зачѣмъ ихъ касаться, когда они, къ счастью Россіи, утверждены сильною и крѣпкою рукою?“ (Снегиревъ и его дневникъ, 115).

Не обращая вниманія на всѣ такія клеветы, доносы, столкновенія, непріятности, безъ которыхъ не обходится служеніе народному благу и дѣлу свободы, Унковскій получалъ достаточное удовлетвореніе въ торжествѣ своихъ идей [14]), въ сочувствіи единомышленниковъ, которое все болѣе и болѣе росло въ провинціи [15]). Вотъ что писалъ ему изъ Новгорода одинъ изъ нихъ дворянскій депутатъ г. Владимірскій въ письмѣ 10-го февраля 1859 г.: «позвольте мнѣ, незамѣтному участнику въ обновленіи жизни крестьянъ, душевно поздравить васъ съ достойнѣйшимъ

---

14) По мѣрѣ развитія крестьянскаго вопроса, писалъ Ланской въ 1859 г., мысль о выкупѣ все болѣе распространяется и становится общимъ убѣжденіемъ. См. н. сб. Семенова, I, 832.

15) Бросая взглядъ на переворотъ, произведенный либеральною образованною молодежью, *Сѣверная Пчела* писала: „Комитетамъ предстояло рѣшеніе важныхъ вопросовъ, которые, близко касаясь интересовъ землевладѣльцевъ, не могли быть обсуждаемы, а тѣмъ менѣе рѣшаемы безъ основательнаго знанія современной политической экономіи и мѣстной статистики—предметовъ, немного лѣтъ тому назадъ извѣстныхъ только по наслышкѣ и большинствомъ людей почтенныхъ лѣтъ причисленныхъ къ „фантазіямъ молодости“. Оттого въ Комитетахъ тотчасъ выдвинулись на первый планъ лица, получившія образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, усвоившія современныя понятія образованнаго міра объ экономическихъ отношеніяхъ и проникнутыя духомъ гуманности, который съ конца тридцатыхъ годовъ повѣялъ на молодое русское поколѣніе изъ университетскихъ аудиторій... Толками о крестьянскомъ дѣлѣ были заняты всѣ рѣшительно сословія. И то, что было въ комитетахъ, было и внѣ ихъ — рѣшительный перевѣсъ одержало мнѣніе, озареннаго свѣтомъ общечеловѣческаго образованія, молодаго поколѣнія. Предъ полнымъ свѣжести и разумной силы строемъ (мыслей) этихъ людей поникла въ сознаніи безсилія отжившая рутина, не безъ огорченія видѣвшая паденіе своего авторитета... Люди, прежде никогда ничего не читавшіе, начали учиться, начали слѣдить за литературой, знакомиться съ фантазіями молодости и сознавать, что безъ этихъ фантазій трудно жить въ нынѣшнемъ свѣтѣ. Въ два послѣдніе года провинція росла не по днямъ, а по часамъ: взглядъ ея расширился, уяснился. Въ самыхъ глухихъ городахъ, гдѣ до сихъ поръ всѣ насущные интересы состояли въ картахъ, водкѣ, взяткахъ и сплетняхъ, являются публичныя библіотеки, журналы и газеты выписываются десятками экземпляровъ: имѣть у себя книги сдѣлалось потребностью жителей этихъ городовъ. Вездѣ и повсюду люди развивались, созрѣвали, выходили на свѣтлую дорогу просвѣщенія изъ темныхъ норъ апатіи и невѣжества. Долго жившіе въ

окончаніемъ вашего *Положенія*; управляемый вами Комитетъ выработалъ его превосходно даже и для напрасно сѣтующихъ дворянъ, которые забыли мудрую пословицу: «стерпится, слюбится». Вы, какъ искусный операторъ, сразу стрѣзали *крѣпостной ракъ*, разъѣдавшій тѣло Россіи, не мучая ее многими пріемами. Почетъ вамъ отъ друзей человѣчества и просвѣщенія. Я жадно читалъ ваши журналы. Сколько ума вамъ послала судьба въ одномъ вашемъ Комитетѣ! Счастливцы вы (экономистка она!). Позвольте же себялюбиво позаимствоваться имъ и покорнѣйше просить васъ о приказаніи выслать мнѣ экземпляры вашего Положенія и вашей отвѣтной записки въ защиту вашихъ убѣжденій».

Тверской Комитетъ закрылся 7-го февраля 1859 г. шумно, весело и торжественно. Члены Комитета давали обѣдъ губернатору гр. Э. Т. Баранову, относившемуся сочувственно къ задачамъ Комитета. За обѣдомъ Унковскій провозгласилъ тостъ за Государя въ такихъ задушевныхъ выраженіяхъ: «за здравіе и благоденствіе пресвѣтлаго солнца, которое свѣтитъ Россіи». Члены Комитета, бывшіе лучшими свидѣтелями его неутомимой, просвѣщенной дѣятельности по крестьянскому вопросу, поднесли ему эмблематическій подарокъ: серебряный кубокъ, на крышѣ коего стоитъ безъ шапки крестьянинъ и благодаритъ, съ хлѣбомъ-солью въ рукахъ, за землю и волю. Этотъ періодъ дѣятельности Унковскаго, самый счастливый въ его жизни, закончился даннымъ имъ большимъ обѣдомъ, на который спеціально пріѣзжали изъ Москвы представители тогдашней либеральной журналистики и во главѣ ихъ М. Н. Катковъ, выражавшій полную солидарность программѣ Унковскаго. [16])

провинціи и оставившіе ее три—четыре года назадъ предъ симъ, глазамъ, ушамъ своимъ не вѣрятъ, глядя на обновленную, переродившуюся родину. Вездѣ пробудилась и воспрянула умственная дѣятельность и проснувшаяся русская земля, въ величавомъ спокойствіи, задумывается о себѣ самой". (Сѣв. Пчела, 1860, № 1).

[16]) См. н. Матеріалы I, 351.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Со второй половины 1859 г. крестьянскій вопросъ вступилъ во второй фазисъ своего развитія. Къ концу 1858 г. поступили первые проекты, составленные дворянскими комитетами. Для разбора ихъ и составленія одного общаго проекта была образована указомъ 30 марта 1859 г. знаменитая Редакціонная Коммиссія подъ предсѣдательствомъ Я. И. Ростовцева, съ этихъ поръ и вплоть до послѣднихъ минутъ своей жизни дѣлающагося, совмѣстно съ Н. А. Милютинымъ, главнымъ двигателемъ и руководителемъ крестьянской реформы.

Съ августа 1859 г. начался съѣздъ въ Петербургъ депутатовъ дворянства, въ числѣ которыхъ былъ приглашенъ и А. М. Унковскій. Представителей дворянства,—впервые послѣ Екатерининской коммиссіи, послѣ почти столѣтняго промежутка приглашенныхъ къ обсужденію дѣла высочайшей государственной важности,—ждала съ первыхъ же шаговъ далеко не привѣтливая встрѣча, а затѣмъ и полное разочарованіе, перешедшее вскорѣ въ явное неудовольствіе. Начиная съ мелочей, съ оскорбительнаго нарушенія правилъ этикета [1]) и кончая новымъ положеніемъ, созданнымъ для депутатовъ, все было для нихъ неожиданно, непріятно, стѣснительно, неудобоисполнимо и обидно. По первоначальному заявленію Государя (см. главу IV) имѣлось въ виду, что депутаты будутъ дѣлать свои заявленія и разъясне-

[1]) Мин. внутр. дѣлъ Ланской принялъ депутатовъ намѣренно или ненамѣренно съ демонстративнымъ неглиже: „чуть не въ халатѣ или, по крайней мѣрѣ, въ пиджакѣ, съ руками, засунутыми въ брюки, съ сигарою во рту, не садясь и не сажая депутатовъ". Эта безцеремонность, практикующаяся при пріемѣ мелкоты либо очень близкихъ интимныхъ друзей, была принята депутатами, какъ актъ заранѣе обдуманнаго желанія унизить ихъ. См. н. Матеріалы II, 395, 261.

нія предъ самымъ моментомъ окончательнаго рѣшенія вопроса, въ находившемся подъ председательствомъ самого Государя Главномъ Комитетѣ, т. е. въ учрежденіи, въ рукахъ котораго находилось окончательное рѣшеніе вопроса. Теперь совершенно мѣнялось и время, и мѣсто, и размѣры участія и воздѣйствія дворянскаго представительства, значеніе и вліяніе коего сводилось если не къ нулю, то къ крайне гадательной величинѣ. Ростовцевъ исходатайствовалъ Высочайшую инструкцію отъ 11 августа, коей депутаты прикомандировывались къ Редакціонной Коммиссіи и отдавались въ ея полное распоряженіе, въ качествѣ простыхъ экспертовъ, могущихъ разъяснить мелочныя подробности мѣстныхъ хозяйственныхъ особенностей. Когда и о чемъ редакціонной коммиссіи угодно было бы спросить депутатовъ, тогда о томъ должны были отвѣчать эти развѣнчанные депутаты, ѣхавшіе въ Петербургъ съ надеждою повліять въ томъ или другомъ смыслѣ на исходъ крестьянской реформы. Каждый надѣялся проводить свою программу, либо согласно своимъ честнымъ гражданскимъ убѣжденіямъ, либо повинуясь узкимъ своекорыстнымъ, сословнымъ разсчетамъ и нескрываемымъ стремленіямъ опрокинуть планъ «демагоговъ» Редакціонной Коммиссіи. И вдругъ «депутаты» неожиданно попадаютъ въ роль экспертовъ по мелкимъ хозяйственнымъ вопросамъ, роль, которую могъ бы выполнить и простой смышленый бурмистръ! Конечно, депутатамъ, которыхъ оффиціально и не называли болѣе депутатами, а членами комитета, не запрещалось, сидя въ нумерахъ гостиницы, писать и о болѣе «высокихъ матеріяхъ», и о болѣе серьезныхъ сторонахъ крестьянскаго вопроса, но было для всѣхъ ясно, что исписанная бумага рискуетъ скорѣе потонуть въ грудѣ и безъ того обширнаго архивнаго матеріала, собраннаго Редакціонною Коммиссіею, нежели оказать дѣйствительное вліяніе при окончательномъ обсужденіи и рѣшеніи дѣла въ высшей инстанціи. Мудрено ли, что такая постановка дѣла огорчила, смутила и возмутила, всѣхъ безъ изъятія депутатовъ?

Само собою разумѣется, такой новый оборотъ, принятый дѣломъ, имѣлъ свои причины, объясненія, если не оправданія Главная причина заключалась въ томъ, что правительство побоялось оппозиціи крѣпостниковъ и феодаловъ. Къ концу 1858

года правительство, подвигнутое настойчивою инициативою тверскаго дворянства (см. гл. V) и либеральной литературой окончательно выступило за надѣленіе крестьянъ землею, а такъ какъ огромное большинство дворянства, особенно богатаго и знатнаго, стояло, частью по непониманію дѣла, частью по жадности, за освобожденіе безъ надѣловъ, то Ростовцевъ и Ланской, а также стоявшій за нимъ, и. д. товарища министра Милютинъ, приняли самыя рѣшительныя мѣры, чтобы уничтожить въ самомъ зародышѣ всякія попытки депутатовъ къ оппозиціи, ко всякой агитаціи и коллективнымъ движеніямъ ихъ, имѣвшимъ цѣлью повліять на перемѣну принятаго уже правительствомъ направленія. Въ секретной запискѣ своей, поданной Ланскимъ Государю предъ самымъ съѣздомъ депутатовъ, между прочимъ, онъ писалъ: «не подлежитъ сомнѣнію, что поборники (депутаты) каждаго направ-ленія, выразятъ стремленіе ко взаимному между собою соглашенію, стараясь достигнуть измѣненія принятыхъ правительствомъ началъ, несогласныхъ съ ихъ мнѣніемъ. Такое стремленіе не можетъ не затруднить дѣло. Для спокойствія (sic) государства, для успѣшнаго (?) окончанія предпринятаго преобразованія, главная забота, — чтобы мнѣнія разсѣянно выраженныя въ разныхъ комитетахъ, *не слились* бы въ единомысленныя и не образовавшіяся еще разноцвѣтныя партіи, *гибельныя* (!!) какъ для правительства, такъ и для народа. Посему стремленіе къ образованію партій съ самаго начала должно быть устранено» [2]).

Какъ характерно это откровенная profession de foi благонамѣреннаго бюрократа старой школы, пугавшейся, несмотря на всю свою кажущуюся самоувѣренность и самонадѣянность, всякаго самомалѣйшаго общественнаго шороха, шепота нѣсколькихъ единомышленниковъ, всякаго коллективнаго движенія нѣсколькихъ лицъ сообща, скопомъ, въ союзѣ — не даромъ же нѣмецкое слово Bund (сообщество, союзъ), обрусѣвъ до неузнаваемости, превратилось въ *бунтъ!*...

Намѣреніе правительственныхъ руководителей дѣла освобожденія было безспорно доброе, но образъ ихъ дѣйствій свидѣ-

---

[2]) См. п. сб. Семенова I, 833

тельствовалъ, что и самые передовые бюрократы не могли, въ силу застарѣлаго предубѣжденія, вполнѣ отдѣлаться отъ традиціоннагопаническаго страха предъ общественною самодѣятельностью,предъ громкимъ и независимымъ словомъ и дѣйствіемъ общества, заговорившаго своимъ голосомъ послѣ 30-ти лѣтняго раболѣпнаго молчанія. Боясь сходокъ и коллективной демонстраціи крѣпостниковъ, Редакціонная Коммиссія смѣшала пшеницу съ плевелами, зажала ротъ и всѣмъ остальнымъ депутатамъ. Обезоруживая своихъ враговъ, она вооружала противъ себя и своихъ союзниковъ; словомъ: cuncta ferit dum cuncta timet.

Несчастіе Ростовцева и вмѣстѣ Россіи состояло въ томъ, говоритъ одинъ изъ симпатичныхъ лѣтописцевъ крестьянскаго вопроса Хрущевъ, что онъ не былъ приготовленъ къ выпавшей на его долю высокой государственной задачѣ [3]). Это замѣчаніе, въ нѣкоторой степени, примѣнимо и къ лучшему изъ бюрократовъ Н. А. Милютину, такъ много сдѣлавшему для крестьянскаго вопроса. Бюрократъ до мозга костей, пріученный къ спертому воздуху петербургскихъ канцелярій (въ теченіе всей своей службы Милютинъ, кажется, не выходилъ изъ одной и той же комнаты), Милютинъ также не былъ чуждъ страха и недовѣрія къ свободной игрѣ противоположныхъ общественныхъ теченій и не могъ привыкнуть сразу къ новому порядку вещей, найтись и разумно оріентироваться въ новой атмосферѣ независимой общественной мысли и слова. Благонамѣренная, но воспитанная въ старыхъ традиціяхъ бюрократія, вызвавъ неосторожно, подобно Фаусту, духъ земли, земщину, испугалась его; и не будучи въ силахъ совладать съ нимъ, не сумѣла направить его на разумнуюдѣятельность...

И какую опасность, въ самомъ дѣлѣ, могли бы представлять самыя запальчивыя рѣчи и постановленія нѣсколькихъ адвокатовъ узко-дворянскихъ интересовъ для правительства, опиравшагося въ крестьянскомъ вопросѣ съ одной стороны на народныя—массы съ внушительнымъ спокойствіемъ, при всемъ великомъ нетерпѣніи, ждавшія воли и земли—а съ другой на лучшую часть самого дворянства, на всю передовую литературу и общественное мнѣніе?

---

[3]) См. н. Матеріалы, II, 156.

Что́ въ состояніи была сдѣлать, при свѣтѣ гласности, противъ власти и свободы, противъ благаго начинанія, ведомаго царскою волею въ согласіи съ народомъ и интеллигентнымъ, образованнымъ меньшинствомъ, самая усиленная агитація разныхъ Собакевичей, Плюшкиныхъ, Пѣночкиныхъ, которымъ Герценъ смѣло могъ бросить такой вызовъ: «выходите же изъ тамбовскихъ и всяческихъ берлогъ, попробуйте не розгой, а перомъ, не въ конюшнѣ, *а на бѣломъ свѣтѣ* высказаться,—помѣряемтесь!»...

Лучшимъ тому доказательствомъ, что въ столкновеніяхъ Редакціонной Коммиссіи съ депутатами дѣйствовала не одна боязнь за интересы свободы и народа, служитъ то, что она не могла сговориться, по прискорбному, но довольно не рѣдкому между честными людьми недоразумѣнію [1]), и съ передовыми депутатами, какъ Унковскій, который шелъ дальше Коммиссіи. Онъ стоялъ за выкупъ единовременный, обязательный для помѣщика, а Коммиссія сдѣлала его обязательнымъ для крестьянина, но не помѣщика съ переоброчкою черезъ 20 лѣтъ, вслѣдствіе чего развязка поземельныхъ отношеній затормозилась до 1881 г. Но самое существенное различіе во взглядахъ между Унковскимъ и Коммиссіей касалось основного пункта, — объема крестьяской реформы, связи ея съ другими общегосударственными реформами.

Въ своемъ замѣчательномъ трудѣ, въ знаменитыхъ *Соображеніяхъ по докладомъ редакціонныхъ комиссій* Унковскій, доказывая, что не слѣдуетъ отдѣлять крестьянскую реформу отъ другихъ, представилъ замѣчательный публицистическій трактатъ,

[1]) «Мало людей, говоритъ Чернышевскій. которымъ бронею противъ обольщенія служитъ законченная доскональность въ обманываньи другихъ. Но за то многочисленны люди, коимъ надежною бронею въ этомъ отношеніи служитъ простая честность сердца. По свидѣтельству всѣхъ Видоковъ и Ванекъ-Каиновъ нѣтъ ничего труднѣе, какъ надуть честнаго, безхитростнаго человѣка, если онъ имѣетъ хоть нѣсколько разсудка и житейскаго опыта. Не глупые честные люди въ одиночку не обольщаются. Но у нихъ есть другой такой же вредный видъ этой слабости: они подвержены повальному обольщенію. Плутъ не можетъ взять ни одного изъ нихъ за носъ, но носы всѣхъ ихъ, какъ одной компаніи, постоянно готовы къ услугамъ. А плуты въ одиночку, слабые на счетъ независимости своихъ носовъ, компаніонально не проводятся за носъ. Въ этомъ вся тайна всемірной исторіи».

въ коемъ подробно разъяснялъ связь крѣпостнаго права со всѣмъ старымъ строемъ государственныхъ учрежденій и необходимость измѣненія ихъ вмѣстѣ и *единовременно* съ отмѣною перваго. Этотъ выдающійся историческій документъ заслуживаетъ особаго вниманія [5]).

Приступая къ разсмотрѣнію проектированнаго Редакціонной Коммиссіей крестьянскаго самоуправленія, Унковскій замѣчаетъ, что правильное сужденіе о немъ возможно только въ томъ случаѣ, когда извѣстенъ планъ и другихъ учрежденій. Можно-ли судить, говоритъ онъ, о достоинствѣ отдѣльныхъ частей машины, не зная отношеній ихъ къ общему составу? Признавая безотлагательную необходимость въ измѣненіи настоящаго управленія, я признаю, пишетъ Унковскій, всякую неоткровенность по этому предмету *преступленіемъ*, и затѣмъ прямо вступаетъ in medias res, къ критическому разбору нашего стараго дореформеннаго бюрократическаго строя.

Во всемъ нашемъ управленіи, говоритъ онъ, и даже въ судахъ господствуетъ одинъ *произволъ*. Законы лежатъ подъ спудомъ въ тяжелыхъ и толстыхъ книгахъ, не имѣя никакого отношенія къ народной жизни. Не смотря на постоянное стремленіе верховной власти ограничить произволъ мѣстныхъ управленій и поставить ихъ въ законные предѣлы, эти благія намѣренія никогда не исполнялись. Вся жизнь народа взята подъ опеку, а потому дѣлъ бездна. Дѣла являются въ видѣ огромныхъ обозовъ, наполненныхъ исписанною бумагою, для разбора которой нужны сотни канцелярскихъ чиновниковъ. Суда въ Россіи вовсе нѣтъ, ибо судъ зависитъ отъ исполнительной власти и самъ лишенъ всякой власти. Большая часть дѣлъ находится не въ тѣхъ рукахъ которымъ они ввѣрены по закону а перешли къ канцеляріямъ, имѣющимъ возможность казнить и миловать подчиненныхъ и дѣйствующимъ за чужою спиною и безъ всякой отвѣтственности. Чтобы удержаться въ должности необходимо ублаготворить власти, отъ произвола которыхъ зависитъ благополезное теченіе службы. При всемъ этомъ въ гу-

5) Соображенія эти напечатаны въ прилож. къ Трудамъ Редакц. Коммис. т. VII, ч. 2, № 10, стр. 661—764 и въ *Голосахъ изъ Россіи* Герцена книжка IX, Лондонъ, 1860, стр. 3—204. Trübner. Paternoserrow.

берніяхъ почти нѣтъ высшаго *надзора* надъ администраціей. Губернаторъ, которому порученъ этотъ надзоръ, самъ состоитъ членомъ всѣхъ губернскихъ присутствій и является участникомъ во всѣхъ ихъ дѣлахъ. Мудрено работать и въ то же время имѣть *надзоръ надъ своею работою:* трудно принимать жалобы на самого себя. Характеристику системы провинціальнаго управленія Унковскій резюмируетъ такъ: «По причинѣ неограниченной правительственной опеки надъ всею жизнью народа, соединенія всего управленія въ рукахъ одной неотвѣтственной исполнительной власти и совершеннаго отсутствія судебной власти, вся администрація наша представляетъ цѣлую систему злоупотребленій, возведенную на степень государственнаго устройства. Система этого управленія или, лучше сказать, злоупотребленія властью такъ сильна и послѣдовательна, что она покрываетъ собою всю Россію, не оставляя ни одного живого мѣста для разумно-свободной жизни. При этой системѣ нигдѣ нѣтъ закона и господствуетъ одинъ низкій, необузданный произволъ, уважающій только деньги и общественное положеніе. При ней если и встрѣчаются на службѣ благородныя личности, то онѣ ничего не могутъ сдѣлать. При хорошемъ и дурномъ губернаторѣ идетъ, за ничтожными изъятіями, одинъ и тотъ же порядокъ. Зло въ самой *системѣ*, а не въ ея примѣненіяхъ. И хорошій губернаторъ лишенъ возможности преслѣдовать злоупотребленіе, когда нѣтъ свободы печати, гласнаго суда и когда жертвы злоупотребленій боятся слѣдователя, какъ огня, и отзываются незнаніемъ. Руководствоваться же слухами и свѣдѣніями, сообщаемыми канцеляріями, значитъ рисковать впасть въ ошибку и удалить со службы невинно, да и по удаленіи дурныхъ чиновникомъ, кѣмъ же замѣнить? невозможно замѣнить ихъ хорошими, потому что при настоящей служебной дѣятельности никто изъ порядочныхъ людей не пойдетъ на службу».

Коснувшись далѣе установленнаго закономъ выборнаго права и контроля сословій, Унковскій заявляетъ, что право это и контроль, не исключая и контроля дворянскаго сословія, никакого значенія не имѣютъ, во 1-хъ, потому что выборныя лица подлежатъ утвержденію администраціи и чрезъ это подрывается

право выбора, во 2-хъ, выбранные судьи, исправники и др. лица подчинены въ служебномъ отношеніи той же администраціи и въ 3-хъ администрація не обращаетъ никакого вниманія на келейныя ходатайства сословныхъ собраній.

Выходъ изъ современнаго положенія Унковскій видѣлъ въ предоставленіи самостоятельности обществу въ хозяйственныхъ дѣлахъ, учрежденіи независимой судебной власти и суда присяжныхъ и установленіи предъ гласнымъ судомъ, за злоупотребленія чиновниковъ, «непосредственной отвѣтственности ихъ, безъ испрошенія согласія начальства. По поводу учрежденія суда присяжныхъ Унковскій писалъ: «Говорятъ, что судъ присяжныхъ въ настоящее время невозможенъ, потому что народъ недостаточно развитъ. Я не понимаю этого возраженія. Въ Англіи судъ присяжныхъ существовалъ уже въ XV столѣтіи, она завела его даже въ Новой Зеландіи. Неужели русскій народъ ниже по развитію жителей ея? Что значитъ народъ недостаточно развитъ, и какая нужна степень развитія для нагляднаго сужденія о фактѣ, по совѣсти и здравому смыслу? Присяжнымъ именно это одно только и нужно, а русскій народъ, конечно, не имѣетъ недостатка ни въ здравомъ смыслѣ, ни въ добросовѣстности. Судъ присяжный, устный и по совѣсти требуетъ отъ судей гораздо менѣе умственнаго развитія, нежели современное письменное судопроизводство... Устроите независимый отъ администраціи судъ, т. е. судъ присяжныхъ (потому что другаго, независимаго суда, добавляетъ въ скобахъ Унковскій» на свѣтѣ нѣтъ и не бывало) и тѣ же люди, которые нынѣ, въ качествѣ безгласныхъ сословныхъ засѣдателей безсознательно подписываютъ приговоры или снимаютъ шубы съ почетныхъ посѣтителей, поймутъ всю важность своего назначенія и окажутся способными къ произнесенію приговоровъ. Это ясно какъ день, восклицаетъ Унковскій, и противиться этому благодѣтельному учрежденію могутъ только тѣ, которымъ безсудность и безнаказанность *выгодны* (курс. подл.).» Унковскій останавливается еще на одномъ возраженіи: «говорятъ еще, что судъ присяжныхъ — начало противное понятію о самодержавной власти. Но это возраженіе не имѣетъ никакого смысла. Опытъ показываетъ намъ, что судъ присяжныхъ можетъ существовать при всякой

системѣ государственнаго управленія. Понятно, что это возраженіе дѣлается только съ единственною цѣлью отклонить правительство отъ судебной реформы и заставить молчать защитниковъ суда присяжныхъ подъ страхомъ обвиненія ихъ въ *преступномъ образѣ мыслей* (кур. под.), какъ привыкли у насъ выражаться. Намъ кажется, однако, замѣчаетъ Унковскій, что противники суда присяжныхъ уже однимъ этимъ возраженіемъ ставятъ себя на мѣсто заготовленное ими для своихъ антагонистовъ. Мы желаемъ учрежденія самостоятельной судебной власти въ видахъ уничтоженія настоящей грабительственной системы управленія, *позорящей государственную власть* (к. п.); мы желаемъ этого *въ видахъ усиленія самой власти* (к. п.) и сосредоточеніе ея въ законныхъ рукахъ и вѣримъ, что судъ и правда могутъ существовать и при нашей формѣ правленія, которая даже болѣе другихъ нуждается въ строгомъ исполненіи самодержавной воли. Противники же суда присяжныхъ сами высказываются противъ основныхъ государственныхъ законовъ, считая ихъ несовмѣстными съ началами безпристрастнаго суда и справедливости».

И такъ, заключаетъ Унковскій «все дѣло въ *гласности* въ учрежденіи независимаго суда, въ отвѣтственности должностныхъ лицъ предъ судомъ, въ строгомъ раздѣленіи властей и самоуправленіи обществъ въ хозяйственномъ отношеніи. Безъ этого строгое исполненіе законовъ ничѣмъ не можетъ быть обезпечено, и самое Положеніе о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, останется *мертвою буквою*, наравнѣ со всѣми прочими томами нашихъ государственныхъ законовъ; безъ этого *не будетъ уничтоженія крѣпостнаго права*, а только расширеніе и передача его въ руки полноправныхъ чиновниковъ, вооруженныхъ всею необузданностью безотвѣтственнаго произвола надъ безгласными жителями».

Таковы были соображенія, представленныя Унковскимъ по докладамъ административнаго отдѣленія. По докладамъ хозяйственнаго отдѣленія у Унковскаго не было существенныхъ разногласій съ Редакціонною Коммиссіею. Оставленіе существующихъ надѣловъ (не свыше 4 десятинъ), указанное Тверскимъ Коммитетомъ, было заимствовано почти безъ измѣненія и Редакціонною

Коммисіею (только для трехъ малонаселенныхъ уѣздовъ увеличила она надѣлъ на $^1/_2$ десятины). Защищая проектированные Комитетомъ надѣлы, Унковскій долженъ былъ подробно разъяснить его соображенія и защитить его отъ, неосторожно брошеннаго Коммиссіею, упрека въ томъ, что исключая изъ надѣла покосы въ дальнихъ пустошахъ, Комитетъ будто «косвеннымъ образомъ» стремился къ сокращенію существующаго крестьянскаго землевладѣнія, такъ какъ за такимъ исключеніемъ достиженіе высшаго надѣла (4 десят.) было бы *«недосягаемымъ»*.

Унковскій выводитъ на справку, что даже въ Тверскомъ уѣздѣ (самомъ населенномъ) въ поляхъ приходится 4 десятины, въ другихъ же уѣздахъ отъ 5 и болѣе десятинъ. Затѣмъ онъ разъясняетъ недоразумѣніе, въ которое впала Коммиссія, предположивъ, что Комитетъ имѣлъ въ виду отрѣзку тѣхъ луговъ, которыми «окаймляются» пахатныя земли: онъ имѣлъ въ виду не эти поля, а дальнія пустоши, находящіяся иногда въ 20 и 30 верстахъ отъ поселенія. Вводить эти земли въ составъ надѣла Комитетъ не считалъ справедливымъ, потому что въ надѣлъ, составляемый въ видахъ *государственной* необходимости и по началамъ экспропріаціи, вносилось лишь самое необходимое количество земли, а отдѣльныя пустоши не представляютъ такой необходимости, и притомъ крестьяне могутъ нанимать ихъ за цѣну *ниже* (курс. под.) проектируемой Редакціонною Коммиссіею обязательной повинности. «Если-бы установить надѣлъ такими пустошами, то получились-бы, писалъ Унковскій, нежелательные результаты: въ нѣкоторыхъ земледѣльческихъ мѣстностяхъ, болѣе богатыхъ естественною производительностью, помѣщики, не будутъ вознаграждены по справедливости, а въ промышленныхъ мѣстахъ, гдѣ земля бѣдна, крестьяне будутъ платить безполезно за безплодныя и не нужныя имъ земли». — Затѣмъ Унковскій указывалъ, что проэктированный Комитетомъ способъ сокращаетъ и упрощаетъ порядокъ разверстки угодій, а *медленность въ настоящемъ дѣлѣ опаснѣе всякихъ ошибокъ* (курс. подл.); и, наконецъ, онъ ссылался на то, что возможное сокращеніе надѣловъ, безъ ущерба для «самостоятельности крестьянскихъ обществъ и ихъ хозяйственнаго быта», нужно было въ видахъ сокращенія т. е. облегченія, выкупной операцій.

Къ этому онъ добавлялъ, что если-бы однако признано было нужнымъ дать добавочный надѣлъ лугами изъ пустошныхъ земель, то слѣдуетъ допустить это *не иначе, какъ по требованію самихъ крестьянъ* (к. п.). Свои разъясненія по этому пункту Унковскій имѣлъ полное право закончить, съ законною гордостью, слѣдующими, справедливо-укоризненными по адресу Редакціонной Коммиссіи словами: «изъ всего вышеизложеннаго видно, что Тверской Комитетъ, при составленіи правилъ о надѣлѣ крестьянъ землею, руководился мыслію *общаго блага*, какъ и во всѣхъ прочихъ занятіяхъ, а никакъ не желаніемъ косвенными и недостойными его назначенія путями сократить крестьянскіе надѣлы и сдѣлать высшій размѣръ ихъ недосягаемымъ».

Далѣе Унковскій самымъ энергическимъ образомъ возстаетъ противъ сохраненыхъ Редакціонною Коммиссіею остатковъ крѣпостнаго права въ видѣ «барщины», полагая, что она немыслима безъ атрибутовъ крѣпостнаго права, т. е. произвола помѣщичьей власти.

Представлены были Унковскимъ особыя соображенія и по докладамъ юридическаго отдѣленія и финансовой коммиссіи (о выкупѣ). Унковскій горячо стоялъ за *обязательность* выкупа *для помѣщиковъ*, видя въ ней вѣрнѣйшій способъ выгодной, для обѣихъ сторонъ, развязки крестьянскаго вопроса. Противъ мнѣніи, признавававшаго въ выкупѣ нарушеніе правъ частной собственности и потому требовавшаго обезземеленія крестьянъ, Унковскій приводитъ слѣдующее сильное возраженіе, которымъ онъ и заканчиваетъ свои соображенія: «если-бы тутъ и было нѣкоторое нарушеніе права частной собственности, неужели можно изъ-за этого рисковать спокойствіемъ государства и подвергать цѣлую страну бѣдствіямъ, при которыхъ еще болѣе пострадаютъ тѣ же частныя права? Конечно, право частной собственности должно почитаться священнымъ, но есть и другія права, которыя выше, важнѣе и священнѣе права собственности. Къ числу такихъ правъ принадлежитъ право жизни и разумно-свободной дѣятельности. Этому праву всегда должно уступать право частной собственности, а въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда оно служитъ преградою не только частной жизни, но и государственной.

Это правдивое, мужественное слово просвѣщеннаго и дальновиднаго представителя общества, исполненное глубокой трогательной вѣры въ силу прогресса, въ здоровые инстинкты закрѣпощеннаго народа и служившее выраженіемъ чаяній передоваго интеллигентнаго общества, нашло полное сочувствіе и далекій отголосокъ какъ въ столичныхъ, такъ и въ провинціальныхъ прогрессивныхъ кружкахъ. «Соображенія» Унковскаго, въ сотняхъ переписанныхъ экземпляровъ, ходили по рукамъ. Нѣсколько экземпляровъ дошло до Герцена, который напечаталъ работу Унковскаго въ IX книжкѣ *Голосовъ изъ Россіи*, замѣтивъ, что «въ ней слышенъ голосъ здраваго смысла въ пользу общественнаго блага». Знаменитѣйшая женщина эпохи великая княгиня Елена Павловна, горячо преданная дѣлу свободы народной, пожелала познакомиться съ Унковскимъ и, выражая свое полное сочувствіе его благороднымъ мыслямъ, напоминала о необхотимости считаться, при высказываніи ихъ, съ навыками и предубѣжденіями высшихъ сферъ, прививаемыми воспитаніемъ и всею обстановкою жизни. Далеко не такъ сочувственно принята была либеральная программа Унковскаго въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Хотя значительная часть ея и была впослѣдствіи усвоена и осуществлена въ 60-хъ годахъ самимъ правительствомъ, но теперь она показалась инымъ несвоевременною, а большинству высшихъ бюрократовъ дерзкою и возмутительною. Да и могло-ли быть иначе въ это время, когда во главѣ юстиціи стоялъ такой антикъ, какъ пропитанный до мозга костей самодовольный, надменный представитель старой бюрократической системы, словомъ, графъ В. Н. Панинъ, только что передъ тѣмъ призывавшій громы цензуры на голову неблагонамѣреннаго публициста Каткова за напечатаніе имъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* статьи въ пользу *устнаго* и гласнаго судопроизводства?

Написаніемъ этихъ соображеній и нѣсколькими словами, сказанными въ засѣданіи Редакціонной Коммиссіи, почти и ограничились «депутатскія» занятія Унковскаго. Другіе «депутаты», сидя въ своихъ номерахъ, тоже исписали не мало бумаги (въ общемъ болѣе трехъ тысячъ (!) листовъ, составившихъ два объемистыхъ тома). Попытка депутатовъ добиться разрѣшенія имѣть оффиціальныя совѣщанія, на которыхъ, судя по перемѣнѣ

настроенія депутатовъ, можно было ожидать смягченія крѣпостнической оппозиціи, не имѣла успѣха. Въ отвѣтѣ на письмо депутатовъ къ Ростовцеву съ просьбою исходатайствовать разрѣшеніе на общія совѣщательныя собранія, онъ увѣдомилъ, что согласія не послѣдовало и повелѣно въ точности слѣдовать инструкціи 11-го августа. Тогда депутаты остановились на мысли подать адресъ Государю.

Но разноголосица, отсутствіе привычки къ общимъ групповымъ дѣйствіямъ, отсутствіе разумныхъ сословныхъ традицій привели къ тому, что депутаты не могли столковаться между собою. Было подано нѣсколько адрессовъ; подъ однимъ изъ нихъ, составленнымъ на-скоро харьковскимъ депутатомъ Шретеромъ,— хотя далеко не точно выражавшимъ мысли Унковскаго по крестьянскому вопросу, но вѣрно передававшимъ его политическія воззрѣнія,—подписался и онъ. Вотъ этотъ адрессъ.

Всемилостивѣйшій Государь!

„Державнымъ словомъ Вашего Императорскаго Величества объ освобожденіи крестьянъ Россія пробуждена къ новой жизни. Это поворотъ въ исторіи нашего отечества. Ему предстоитъ два пути развитія: одинъ мирный и правомѣрный; другой путь насилій, борьбы и печальныхъ послѣдствій.

„Первый истекаетъ изъ любви Вашей, Государь, къ Россіи и ея счастію.

„Второй можетъ быть послѣдствіемъ неудовлетворительнаго рѣшенія вопроса, которое не оправдаетъ ожиданій и потребностей народа.

„Въ неизрѣченной милости Вашей, великодушный Монархъ, къ дворянству Вы призвали наше сословіе къ участію въ великомъ дѣлѣ преобразовать бытъ земледѣльцевъ.

„Столь высокое довѣріе налагаетъ на насъ, членовъ отъ дворянскихъ комитетовъ, священную обязанность вѣрноподданически высказать Вашему Величеству мнѣнія наши о направленіи, полученномъ крестьянскимъ дѣломъ.

„Если мы выходимъ изъ предѣловъ даннаго намъ полномочія, то это мы совершаемъ во имя любви къ вамъ, Государь, и живой преданности къ Престолу и Отечеству.

„Да будетъ надъ нами судъ Вашего Величества.

„Согласно Высочайше утвержденной Вашимъ Императорскимъ Величествомъ инструкціи, мы представили въ Редакціонныя Коммиссіи наши подробныя соображенія и замѣчанія; но изъ внимательнаго изученія за-

ключеній Коммиссій мы убѣдились, что увеличеніемъ надѣла крестьянъ [6]) землею и крайнимъ пониженіемъ повинностей въ большей части губерній помѣщики будутъ разорены, а бытъ крестьянъ вообще не будетъ улучшенъ по той причинѣ, что хотя крестьянамъ и предоставляется самоуправленіе, но оно будетъ *подавлено и уничтожено вліяніемъ чиновниковъ;* и потому, что крестьяне только тогда почувствуютъ бытъ свой улучшеннымъ, когда они избавятся отъ всѣхъ обязательствъ передъ владѣльцами и когда сдѣлаются *собственниками, ибо* свобода личная невозможна безъ свободы имущественной.

—

[6]) Въ устахъ Шретера и др., придумавшихъ „нормальные" (ниже существующихъ) надѣлы, жалобы на „увеличеніе" надѣловъ имѣла смыслъ, но подписаніе адреса, гдѣ говорилось „о нормальныхъ надѣлахъ", Унковскимъ, лицомъ, раньше всѣхъ почти выступившимъ за предоставленіе крестьянамъ существующихъ надѣловъ и тогда (1860) было понято, какъ очевидное недоразумѣнье и явная несообразность (см. н. Матеріалы II. 185), не согласующаяся со всѣмъ прошлымъ его, а также и послѣдующею его дѣятельностью.—По поводу замѣчанія, высказаннаго уважаемымъ историкомъ В. И. Семевскимъ въ н. статьѣ Сборника Правовѣдѣнія т. 1, у меня возникла съ А. М. переписка относительно этого адреса. Въ первомъ письмѣ, отъ 10-го января 1893, приведенномъ выше (см. глава IV) онъ, вскользь упомянулъ объ адресѣ: „что касается адреса, писалъ онъ, то смыслъ его понятенъ. Редакціонная Коммиссія, въ лицѣ лучшихъ членовъ, занялась одними цифрами надѣловъ и повинностей, оставляя весь народъ въ крѣпостномъ управленіи. Мы хотѣли объяснить что этимъ безъ другихъ реформъ не улучшилось его положеніе. Вотъ все то, что успѣлъ написать на этихъ листочкахъ. Могъ бы еще прибавить кой-что, но руки отказываются". Впослѣдствіи на мою новую просьбу сообщить подробности объ адресѣ А. М. Унковскій отвѣтилъ письмомъ отъ 24 января 1893 г. слѣдующее: „Если бы я ограничился, пишетъ онъ, такимъ объясненіемъ, что, подписывая извѣстный адресъ вмѣстѣ съ ярославскими и харьковскими депутатами, я дѣйствовалъ подъ вліяніемъ временнаго настроенія, о чемъ впослѣдствіи пожалѣлъ, то этого было бы очень мало, и вы могли бы спросить, какими побужденіями я руководствовался, съ какою цѣлью такъ дѣйствовалъ и откуда взялось такое настроеніе; а я вовсе не желаю оставить васъ въ недоумѣніи, а потому и считаю нужнымъ изложить все, что необходимо для устраненія всякихъ по этому предмету недоразумѣній.

„Если вы сличите тверской проектъ, который я защищалъ предъ Редакціонными Коммиссіями, съ Положеніемъ 19 февр., то вы убѣдитесь, что относительно хозяйственной стороны дѣла въ томъ видѣ, какъ оно изложено въ Положеніи, на сколько оно касается Тверской губерніи, мнѣ съ Коммиссіями спорить не приходилось, а потому и жаловаться на нихъ по вопросамъ о надѣлахъ и оброкахъ я не могъ. Въ Положеніи нѣ-

„Въ установленныхъ обязательныхъ отношеніяхъ между лично-свободными крестьянами и помѣщиками, лишенными общественнаго значенія и участія въ управленіи народомъ, лежатъ зародыши опасной борьбы сословія

„Вѣруя въ благодушіе Вашего Величества, зная волю Вашу, Государь, чтобъ Россія шла путемъ мирнаго развитія; убѣдившись, что крестьяне имѣютъ надежду, превратившуюся въ вѣрованіе, охватившее весь народъ отъ мала до велика, получить свободу полную и землю въ собственность, и что бытъ сословій не можетъ быть улучшенъ *безъ преобразованія существующаго порядка администраціи, полиціи и суда*, мы дерзаемъ, Государь, всеподданнѣйше просить Ваше Императорское Величество о нижеслѣдующемъ:

сколько увеличенъ лишь maximum надѣла въ многоземельныхъ и почти пустынныхъ мѣстностяхъ Тверской губ., противъ чего я не возражалъ. Жадности же помѣщичьей я не потакалъ. Но не воображайте, что я мечталъ *лишь объ устройствѣ однихъ* крестьянъ на лучшихъ и наиболѣе выгодныхъ для нихъ условіяхъ, хотя бы *при сохраненіи того же порядка*. Такимъ альтруистомъ я не былъ, да и другихъ такихъ не зналъ. Да и не могъ я быть имъ, будучи представителемъ дворянства. Какъ я, такъ и всѣ ближайшіе сотрудники мои, да наконецъ, и вся примкнувшая къ намъ впослѣдствіи лучшая и наиболѣе разумная часть дворянства, составлявшая большинство въ Тверской губерніи, готова была на значительныя не только личныя, но и сословныя пожертвованія, *но не иначе какъ при условіи уничтоженія крѣпостнаго права не для однихъ крестьянъ, но для всего народа*. А потери эти для барщинныхъ имѣній были громадны. Между тѣмъ, въ Редакціонныхъ Комитетахъ все дѣло свелось къ однимъ хозяйственнымъ расчетамъ, и никто изъ членовъ Коммиссіи самъ не начивалъ и намъ не давалъ начать серьезный разговоръ объ измѣненіи порядка управленія, хотя бы только мѣстнаго. Они даже исходатайствовали Высочайшее запрещеніе намъ, пріѣхавшимъ депутатамъ изъ разныхъ комитетовъ, имѣть *между собою* какія-либо совѣщанія, а засадили насъ за письменное изложеніе нашихъ отвѣтовъ на ихъ вопросы въ отдѣльныхъ нумерахъ петербургскихъ гостиницъ, вызывая по одиночкѣ въ Коммиссію, и то лишь въ хозяйственное ея отдѣленіе, для допроса, при чемъ разговаривалъ съ нами, по ихъ порученію, одинъ кн. Черкасскій, а всѣ другіе сидѣли молча, какъ идолы. При томъ, занимались упорядоченіемъ барщины, т. е. сдѣльной повинности, которую мы въ Твери предположили немедленно уничтожить. Такимъ образомъ, осенью 1859 года все дѣло получаетъ такое направленіе, что на долгое время оставлялся весь крѣпостной строй съ барщиною и оброкомъ (безъ выкупа), и ограничивается одними лишь имущественными и политическими потерями для дворянства, а главное—оставленіемъ въ силѣ прежняго произвола какъ въ мѣстномъ, такъ и въ государственномъ управленіи. Виноватъ, — я забылъ сказать, что былъ и случай, въ которомъ я вы-

1. Даровать крестьянамъ полную свободу съ надѣленіемъ ихъ землей въ собственность посредствомъ *немедленнаго выкупа*, по цѣнѣ и на условіяхъ, не разорительныхъ для помѣщиковъ.

2. Образовать хозяйственно-распорядительное управленіе, общее для *всѣхъ сословій*, основанное на выборномъ началѣ.

3. Учредить независимую судебную власть, т. е. *судъ присяжныхъ*, и гражданскія судебныя учрежденія, независимыя отъ административной власти, съ введеніемъ гласнаго и словеснаго судопроизводства и съ подчиненіемъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ непосредственной отвѣтственности передъ судомъ, и

4. Дать возможность обществу путемъ *печатной гласности* доводить до свѣдѣнія верховной власти недостатки и злоупотребленія мѣстнаго управленія.

„Убѣжденные, что крестьянское дѣло не можетъ рѣшиться спокойно и правомѣрно иначе, какъ на изложенныхъ основаніяхъ, мы считаемъ священнымъ долгомъ, въ оправданіе высокаго довѣрія, оказаннаго Ва-

---

нуждёнъ былъ оспаривать предположенія Коммиссіи объ особыхъ лѣсныхъ надѣлахъ и объ отпускѣ крестьянамъ изъ помѣщичьихъ лѣсовъ строительныхъ матеріаловъ и топлива по таксѣ, и оба эти проекта были взяты назадъ. Возражалъ я по этимъ вопросамъ и словесно и письменно, какъ видно въ 9-й книжкѣ *Голосовъ изъ Россіи* (изд. Герцена). Первое—отводы лѣсныхъ надѣловъ—я считалъ практически неудобными, а отпускъ лѣса по таксѣ, очевидно, повелъ бы къ вѣчному антагонизму между сословіями и вздорнымъ кляузамъ. При томъ, все это проектировалось для лѣсныхъ мѣстностей, гдѣ крестьяне могутъ пріобрѣтать нужный имъ лѣсъ *дешевле* всякихъ оброковъ за особые надѣлы и выгоднѣе, нежели по какой бы ни было таксѣ. Вообразите, подъ какими впечатлѣніями могли находиться наиболѣе расположенные къ дѣлу депутаты комитетовъ!... Вотъ, уѣзжая изъ Петербурга въ такомъ настроеніи, я и подписалъ адресъ, составленный депутатомъ харьковскаго комитета Хрущовымъ, сгоряча, не обративъ вниманія на то, что дѣйствительная мысль моя неясно въ немъ выражена, и что она можетъ быть принята за протестъ противъ необходимаго обезпеченія крестьянъ. Впрочемъ, мнѣ помнится, что большинство и тогда не поняло его въ такомъ дурномъ смыслѣ. Впрочемъ, повторяю, что если бы пришлось вновь пережить жизнь, то я этого бы не повторилъ".

Собираясь огласить приведенное письмо, я обратился за разрѣшеніемъ къ автору. А. М. отвѣчалъ письмомъ отъ 25 марта 1893, въ которомъ онъ, между прочимъ, писалъ: „спѣшу увѣдомить васъ, что вы можете во всемъ, когда либо сообщенномъ въ моихъ письмахъ, ссылаться на меня безъ всякаго стѣсненія. Да инаго и быть не можетъ, если вы, кромѣ моихъ писемъ, не имѣете источника. Причины же скрывать мое пособничество я не имѣлъ, такъ какъ въ моихъ письмахъ не было ничего противнаго истинѣ".

шимъ Императорскимъ Величествомъ дворянскому сословію, повергнуть на всемилостивѣйшее воззрѣніе Ваше, Государь, наши откровенныя убѣжденія въ полномъ уповании на милостивое вниманіе къ мыслямъ, внушеннымъ намъ долгомъ присяги, безпредѣльной любви къ Престолу и Отечеству".

Адрессы депутатовъ не понравились. Съ тяжелымъ чувствомъ покинулъ, Унковскій послѣ неудачи, постигшей адрессъ, Петербургъ, оставляя тамъ и увозя съ собою горечь [7]) тяжелыхъ, непріятныхъ воспоминаній.

---

7) „Кромѣ Шидловскаго, писалъ Александръ II Ростовцеву 25-го декабря 1859 г., Я еще получилъ два адреса отъ 18 и отъ 5 человѣкъ (см. выше). Послѣдній въ особенности *ни съ чѣмъ несообразенъ и дерзокъ до крайности...* Не унывайте, какъ Я не унываю, хотя часто приходится переносить много горя, и будемъ вмѣстѣ молить Бога, чтобъ Онъ наставилъ и укрѣпилъ". (См. к. сб. Семенова, II, 128).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

По возвращеніи въ Тверь въ концѣ октября 1859 г. Унковскій узналъ, что на него наложено *первое* административное взысканіе: выговоръ съ учрежденіемъ полицейскаго надзора. Но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ утѣшеніе убѣдиться, что его честное и мужественное служеніе общественному благу нашло справедливую оцѣнку и сочувствіе въ значительной части образованнаго русскаго общества. Съ разныхъ сторонъ стали поступать къ нему отъ лицъ вовсе ему неизвѣстныхъ благодарности и просьба доставить списокъ его «Соображеній». Вотъ что писалъ Унковскому одинъ изъ предводителей дворянства Ник. Богдановъ въ письмѣ отъ 25 ноября 1859 года: «съ истиннымъ наслажденіемъ читалъ я «Соображенія ваши по докладамъ Редакціонной Коммиссіи». Они такъ полны яснаго, вѣрнаго и безпристрастнаго взгляда на дѣло и такъ проникнуты благородною настойчивостью—скажу болѣе, смѣлою, прямою отвагою во имя правды и блага отечества, что я совершенно плѣненъ всѣми безъ исключенія соображеніями Вашими. Въ особенности же, чему я глубоко сочувствую, это замѣчаніямъ и соображеніямъ по административному и финансовому отдѣленіямъ. Реформа въ судопроизводствѣ и судоустройствѣ нашемъ—это одна изъ важнѣйшихъ и настоятельнѣйшихъ нуждъ нашихъ, безъ которой всѣ прочія реформы, съ какими-бы высокими цѣлями ни предпринимались они, не достигнутъ желаемыхъ результатовъ. Это главная основа всего государственнаго улучшенія. Съ другой стороны, если правительство не приметъ на себя должнаго прямаго участья въ дѣлѣ отчужденія владѣльческой собственности и не найдетъ, или не пожелаетъ принять надлежащихъ административныхъ, экономическихъ и

финансовыхъ мѣръ, основанныхъ, безъ сомнѣнія, на строгой справедливости, то крестьянскій вопросъ будетъ рѣшенъ на самыхъ зыбкихъ и неудовлетворительныхъ началахъ, и будущее наше... Но вы, Ваше Пр—ство, очень хорошо указываете на это будущее. Повторяю, что замѣчанія Ваши какъ мною, такъ—тѣми дворянами, которымъ я имѣлъ честь предъявлять ихъ, читаются съ глубокимъ сочувствіемъ. Тверское дворянство справедливо должно гордиться такимъ представителемъ въ Петербургѣ, какъ Вы. Мы же здѣсь отъ души можемъ желать, чтобы подобныхъ представителей было, какъ можно больше и чтобы ихъ основательныя замѣчанія не встрѣчали какихъ либо бюрократическихъ преградъ къ ихъ принятію и примѣненію къ общему дѣлу и жизни государственной».

Унковскій въ это время находился въ зенитѣ своей общественной славы. Имя его, окруженное почетомъ со стороны передовой части общества, пользовалось обширною популярностью по всей Россіи и было извѣстно даже и за ея предѣлами.

Но не долго пришлось Унковскому безмятежно наслаждаться своею заслуженною популярностью, которая мозолила глаза тверскимъ и всѣмъ другимъ крѣпостникамъ. 8 декабря 1859 г. въ Твери открылось очередное Губернское Дворянское Собраніе и здѣсь впервые тверскіе крѣпостники, сильно боявшіеся вторичнаго избранія Унковскаго на должность губернскаго предводителя, повели аттаку противъ него ожесточенную, но крайне недобросовѣстную и неумѣлую аттаку подъ предводительствомъ кн. Шаховскаго, инженера Гембача, отставного жандарма Телькова и др. Предлогомъ была выбрана постройка извѣстнаго дворянскаго дома въ Твери. Исторія этого дома и эпизодъ, связанный съ нимъ, были сообщены мнѣ А. М. Унковскимъ въ письмѣ отъ 23-го Апрѣля 1892 г. [1]).

«Постройка зданій гимназіи и пансіона начата была еще въ началѣ сороковыхъ годовъ при губ. предводителѣ Иванѣ Никола-

[1]) Письмо свое А. М. начинаетъ такъ: «сейчасъ я получилъ отъ васъ, экземпляръ 2-го изданія вашихъ монографій изъ эпохи реформъ, за который спѣшу принести вамъ искреннюю благодарность, но только напрасно вы его прислали. Изданій въ пользу голодающихъ дарить не слѣдуетъ. Притомъ эту книгу я уже пріобрѣлъ и прочелъ, и собирался уже напи-

евичѣ Кожинѣ, потомкѣ Кашинскаго чудотворца Макарія изъ рода Кожиныхъ — человѣкѣ вполнѣ честномъ и хорошемъ, но совершенно неспособномъ къ дѣлу и, вдобавокъ, ничего не дѣлавшемъ и проживавшемъ болѣе въ своемъ Кашинскомъ имѣніи, нежели въ Твери, вслѣдствіе чего его должность постоянно исправлялась бывшимъ тогда предводителемъ Тверскаго уѣзда Николаемъ Арсеньевичемъ Хвостовымъ, не только безчестнымъ и безънравственнымъ, но даже отличавшимся рѣдкимъ цинизмомъ. Онъ съ какимъ-то архитекторомъ Гейденрейхомъ ухлопалъ на одинъ бутъ до ста тысячъ рублей и издержалъ всю сумму— болѣе 200,000 руб.—на возведеніе кирпичныхъ стѣнъ и крыши, а затѣмъ поступилъ на службу управляющимъ Сызранскою удѣльною конторою. Замѣчателенъ этотъ Хвостовъ необыкновеннымъ мотовствомъ. Онъ прожилъ большое состояніе и три или четыре большихъ наслѣдства, а также и все имъ *благопріобрѣтенное*. Вмѣсто отчета, онъ объявилъ дворянству: что̀ съ возу упало, то пропало. Между тѣмъ внутреннія стѣны большаго зданія, имъ возведеннаго, рушились, и въ этотъ домъ нѣсколько лѣтъ, 8 или даже 10, боялись войти. Затѣмъ убѣдились, что зданія можно достроить, но боялись приняться за это, не довѣряя губ. предводителю Александру Андреевичу Озерову, избиравшемуся до меня въ теченіе двухъ трехлѣтій. Это былъ хамъ. и притомъ хамъ не честный, котораго выбирали

сать къ вамъ по поводу сдѣланныхъ вами дополненій, касающихся меня, слѣдующее.

«Благодаря вамъ, я дѣйствительно начинаю страдать маніею величія. Обнаруживается она въ довольно ясныхъ признакахъ. Прочитавъ объявленіе объ этой книгѣ, я тотчасъ же послалъ за нею къ Карбасникову и, прежде всего,—замѣтьте, *прежде всего*,—просмотрѣлъ мѣста, гдѣ говорится обо мнѣ, при чемъ, читая о безпорядкѣ, произведенномъ въ собраніи Тверскаго дворянства, вслѣдствіе замѣчаній нѣсколькихъ лицъ по отчету о постройкѣ дома гимназіи и пансіона, мнѣ пришло въ голову сообщить вамъ, что мною сдѣлано было болѣе экономіи, нежели вы исчислили, а потомъ, и еще многое стало приходить мнѣ въ голову въ видахъ наибольшаго моего прославленія. Хотѣлъ было взяться за перо, т. е. за машину, но сдѣлалось какъ-то стыдно. Впрочемъ, теперь я одумался и нахожу, что сообщить вамъ нѣкоторыя подробности не худо, хотя бы и не въ видахъ хвастовства, а для объясненія положенія вещей и духа того времени».

потому, что онъ, будучи учителемъ Морскаго корпуса, давалъ когда-то уроки вел. кн. Константину Николаевичу. Тогдашнее дворянство полагало, поэтому, что онъ близокъ ко двору, но довѣрія къ нему не имѣло и постоянно его доклады объ отдѣлкѣ зданій отклонялись. Наконецъ, онъ, желая выслужиться, доложилъ Государю Александру Николаевичу, что дворянство охотно пожертвуетъ эти зданія для Аракчеевскаго корпуса, которому искали тогда помѣщенія, и предложилъ объ этомъ дворянству, какъ мысль, уже одобренную Государемъ. Это возмутило дворянство, которое никогда и не желало основать въ Твери военное заведеніе, и оно отъ пожертвованія отказалось. Вотъ когда выбрали меня предводителемъ, то вслѣдъ за этимъ нашли необходимымъ покончить съ руиною, и мнѣ пришлось начать мою службу съ отдѣлки этихъ зданій. Озеровъ оставилъ мнѣ въ наслѣдство смѣту сдѣланную тогашнимъ Тверскимъ губернскимъ архитекторомъ Львовымъ, извѣстнымъ воромъ, о которомъ самые жадные архитекторы говорили, что смѣты Львова таковы, что ихъ надо ставить въ рамки за стекла и, возжигая предъ ними лампады, на нихъ молиться, ибо лучшихъ для воровства не придумаешь. Не будучи знакомъ съ дѣломъ составленія смѣтъ по тогдашнему урочному положенію, пригласилъ я для разсмотрѣнія этой смѣты вмѣстѣ съ нимъ одного молодаго архитектора палаты гос. имуществъ Петра Федоровича Федорова, нынѣ здраствующаго въ Твери. Мы просидѣли съ нимъ и тогдашнимъ директоромъ Тверской гимназіи, близкимъ знакомымъ моимъ и лучшимъ человѣкомъ того времени въ Твери Д. С. Ржевскимъ, болѣе мѣсяца, въ теченіе котораго, какъ я, такъ и Ржевскій, вполнѣ поняли, въ чемъ состоитъ мошенничество, и основательно изучили дѣло составленія смѣтъ. Смѣта Львова была вздута очень простымъ способомъ. Напримѣръ, нужно три бревна длиною по 3 сажени. Они стоили, положимъ, по 60 коп., а архитекторъ спрашиваетъ у думы справочную цѣну на бревна, длиною въ 9 саженъ, какихъ и достать почти нельзя. Дума пишетъ 7 или 8 рублей Поэтому въ смѣту заносится, вмѣсто 100 бревенъ, 50, стоющія не 60 руб., а 350, да еще расходъ на распилку ихъ на 3 части. Такъ какъ сосновый лѣсъ вдвое дороже еловаго, то временные лѣса для штукатуровъ проектируются изъ сосны и

т. п. Вотъ какъ сочинялись смѣты покойными строительными коммиссіями. Поэтому вышелъ такой результатъ, что въ составленной нами новой смѣтѣ прибавили много лишняго, а именно: вмѣсто простой каменной лѣстницы у главнаго входа, проектировали чугунную о двухъ маршахъ, замѣнили много простыхъ половъ паркетными, превратили два огромные сарая въ нѣсколько жилыхъ квартиръ для учителей и т. д., а итогъ вышелъ, вмѣсто 106,000 руб., только 96,000. Затѣмъ я напечаталъ объявленіе, которымъ вызывалъ желающихъ принять на себя работы, предупредивъ, что постройка будетъ производиться *безъ* всякаго участія вѣдомства путей сообщенія и мѣстной строительной коммиссіи и что уплата за поставленные матеріалы и работы будетъ получаема лично отъ меня немедленно послѣ поставки. Вслѣдствіе этого на торгъ нахлынуло до сорока человѣкъ, въ числѣ коихъ былъ и А. А. Пороховщиковъ, тогда бывшій молодымъ человѣкомъ, и всѣ работы по смѣтѣ принялъ на себя инженеръ-технологъ Абакумовъ за 60,000 рублей. Конечно, онъ погорячился, спустивъ со смѣты 36,000, но послѣдствія показали, что за эту сумму можно было сдѣлать все проектированное, но не осталось бы выгоды. Но Абакумовъ потерпѣлъ изрядный убытокъ вслѣдствіе погибели на Волгѣ закупленнаго имъ алебастра и другихъ матеріаловъ и еще какихъ-то случайностей. Впрочемъ, онъ все окончилъ вполнѣ честно. Тогда уѣздные предводители Тверской губерніи, составлявшіе строительный комитетъ объявили единогласно, что дворянству совѣстно разорить честнаго подрядчика, въ особенности тогда, когда изъ ассигнованной на постройку суммы оста-лось 46,000 руб. экономіи. Поэтому комитетъ сдалъ Абакумовубезъ торговъ постройку мебели и другія работы, не бывшія въ смѣтѣ, по дорогимъ цѣнамъ. Вотъ почему и составилась цифра расхода до 86,000 рублей. Въ сущности же къ смѣтѣ въ 106,000 прибавлено работъ на 15,000, если не болѣе, и произведено все за 60,000. Слѣдовательно, все исчисленное въ смѣтѣ Львова, по которой была ассигно вана сумма, легко можно было сдѣлать съ большою выгодою для подрядчика дешевле 60,000 руб. Да я забылъ еще сказать, что въ общей суммѣ расхода помѣщено двухлѣтнее содержаніе архитектора и десятника, наблюдавшихъ за работами отъ комитета.

«Перехожу къ крѣпостникамъ, представившимъ замѣчанія на отчетъ комитета о постройкѣ. Эти замѣчанія были направлены не столько противъ меня, сколько противъ тогдашняго тверскаго уѣзднаго предводителя Арсенія Ивановича Балкашина, очень часто исправлявшаго должность во время моихъ отлучекъ въ Петербургъ и по губерніи. Онъ тоже былъ ненавистенъ крѣпостникамъ, какъ членъ комитета по крестьянскому дѣлу. Прямо задѣть меня не осмѣливались, такъ что я вынужденъ былъ защищать Балкашина. А для защиты, сколько припомню, и не требовалось много объясненій, потому что всѣ замѣчанія были плодомъ крайняго невѣжества. Такъ, напр., наши противники не понимали десятичныхъ дробей, обыкновенно употребляемыхъ въ архитектурныхъ смѣтахъ и счетахъ. По этому цѣлыя монографіи и разсчеты ихъ основывались на недоразумѣніи, по которому они принимали 2,07 за 207 и спрашивали, куда употреблено 207 цѣлыхъ мѣръ, когда требуется не болѣе 3-хъ. Вотъ каковы были князья Шахонскіе и тому подобные крѣпостники. Разумѣется, что слушаніе ихъ вздора раздражило собраніе».

Безстыдная клевета, направленная противъ Унковскаго, до такой степени возмутила собраніе, что оно исключило кн. Шахонскаго и его пятерыхъ соучастниковъ изъ собранія. Кн. Шахонскій вызвалъ на дуэль Унковскаго, но онъ, являясь представителемъ сословія, не счелъ себя въ правѣ принять вызовъ, за что его благодарили дворяне.

Этотъ прискорбный инцидентъ, обрисововавшій въ такомъ невыгодномъ свѣтѣ пріемы борьбы противниковъ Унковскаго, еще болѣе усилилъ ряды либеральной партіи, которая усилилась раньше вслѣдствіе постигшей Унковскаго, за подачу адреса, административной кары. Партія эта встрѣтила очень дружно неожиданно надвинувшуюся, въ эту историческую сессію, бурю.

Предъ открытіемъ знаменитаго засѣданія 8-го декабря былъ полученъ отъ мин. внутр. дѣлъ Ланскаго циркуляръ, въ которомъ онъ объявлялъ о послѣдовавшемъ Высочайшемъ повелѣніи не касаться въ дворянскихъ собраніяхъ, стоящаго на очереди, крестьянскаго вопроса. Циркуляръ былъ вызванъ тѣми же опасеніями агитаціи со стороны крѣпостниковъ, какъ и Инструкція 11 Августа, воспрещавшая совѣщанія депутатовъ, Тверскіе дворяне,

какъ и дворяне другихъ губерній, усмотрѣли въ этомъ сообщеніи отмѣну признаннаго за ними закономъ (ст. 112, 113 т. II изд. 1857 г.) права обсуждать свои нужды, тѣсно связанныя съ крестьянскимъ вопросомъ, такъ напр., въ вопросѣ о порядкѣ выкупа крестьянами надѣловъ. Воспрещеніе обсуждать крестьянскій вопросъ равносильно было, по мнѣнію тверскихъ дворянъ, воспрещенію имъ обсуждать свои нужды Министерскій циркуляръ вызвалъ страстные комментаріи, но Унковскій настоялъ на томъ, чтобы вопросъ дебатировался на той легальной почвѣ, которую даютъ наши Основные Законы, предусматривающіе несогласіе, объявленнаго министромъ, Высочайшаго повелѣнія съ писаннымъ закономъ.

Вопросъ, собственно съ чисто юридической точки зрѣнія, былъ необыкновенно простъ. Случай несогласія объявленнаго высшимъ начальствомъ Высочайшаго указа, несогласнаго съ дѣйствующимъ писаннымъ законодательствомъ, прямо предусмотрѣнъ ст. 77 Основныхъ Законовъ и ею же ясно разрѣшается [2]).

Благонамѣренными, даже либеральными законами переполненъ Сводъ Законовъ. Еще въ 1811 г. строго воспрещалось не то что низшей администраціи, но и министрамъ пользоваться судебною властью (ст. 213 Учрежд. Мин. юст. 1857), которая всецѣло предоставлена была Сенату и судебнымъ мѣстамъ. Но совсѣмъ другой видъ получалъ вопросъ этотъ съ точки зрѣнія нравовъ и административной практики дореформеннаго времени. Всякая попытка требовать примѣненія закона настаивать на своихъ *правахъ* принималась со стороны администраціи, которая, по словамъ г. Любимова, считала себя источникомъ гнѣва и милости и стоящимъ выше закона [3]), какъ актъ непочтительности,

---

[2]) Если бы предписаніемъ министра, содержащимъ въ себѣ объявленіе Высочайшаго повелѣнія, сказано въ ст. 77 Осн. Зак., отмѣнялся законъ или учрежденіе за собственноручнымъ Высочайшимъ подписаніемъ изданные, тогда начальство ему подчиненное, *обязано* не чиня исполненія, представить о семъ министру. Если же и за симъ предписаніе будетъ подтверждено, то начальство *обязано* представить сей случай Правительствующему Сенату на окончательное разрѣшеніе.

[3]) „Въ начальствѣ совмѣщалось, пишетъ г. Любимовъ, законъ, правда, милость и кара. Губернаторъ, при какой-то ссылкѣ на законъ, сѣвшій на Сводъ Законовъ съ вопросомъ гдѣ законъ?—замѣчаетъ онъ,—былъ

если не прямаго возмущенія Вслѣдствіе desuetudo, отвычки,—въ виду отсутствія независимыхъ судовъ, способныхъ защищать гарантированныя закономъ права,—какъ обладатели ихъ, такъ и власти привыкли смотрѣть на правила закона какъ на теоретическія pia desideria, неимѣющія реальной силы; вслѣдствіе этого законы потеряли всякое значеніе, не смотря на усилія русскихъ императоровъ, начиная съ Петра В. (всуе законъ писать, какъ говорилъ онъ, если ихъ не исполнять) къ водворенію законности [4]). Но съ начала преобразовательной эпохи, когда общественное правосознаніе стало проясняться и укрѣпляться, стало возникать убѣжденье, что обладаніе правами налагаетъ обязанность исполнять ихъ, требовать ихъ соблюденія, бороться за нихъ всѣми законными путями.

Когда прочтена была въ собраніи Тверскаго дворянства приведенная ст. 77 Осн. Зак., Европеусъ произнесъ рѣчь, въ которой, между прочимъ, сказалъ: «Настало время, господа, показать, что пользованіе правами не есть исключительно привилегія одного сословія, но исполненіе *обязанности* нашей въ отношеніи ко всему обществу» [5]). Рѣчь Европеуса была покрыта

лицомъ типичнымъ и въ частности добрымъ и справедливымъ человѣкомъ". См. „Катковъ и его заслуга", стр. 183.—У Салтыкова исправникъ Слабомыслевъ говоритъ: „проси у меня милости — отца роднаго съѣмъ, а будешь требовать по закону, а тѣмъ паче по естеству — шабашъ». (Сочин., II, 199).

[4]) Ни въ чемъ, быть можетъ, такъ не сказывается безпримѣрное ретроградство мнимыхъ „консерваторовъ", предводимыхъ *Гражданиномъ*, какъ въ ихъ безумномъ стремленіи эманципировать отъ дѣйствія закона административные органы, начиная съ земскихъ начальниковъ съ цѣлью поднять ихъ престижъ на счетъ законовъ, исходящихъ отъ верховной власти. Хоть бы вспомнили эти, захлебывающіеся отъ собственной благонамѣренности, оголтѣлые горе-публицисты наставленіе Петра Великаго сенаторамъ въ 1718 г.: «Глава же всему, дабы должность свою и наши указы въ памяти имѣли и до завтра не откладывали, ибо какъ можетъ государство управлено быть, егда указы дѣйствительны не будутъ, понеже презрѣніе указовъ ничѣмъ разнится *съ измѣною* и отъ сего токмо общая погибель слѣдовать будетъ, какъ то о греческой монархіи явный примѣръ имѣемъ", (Полн. собр. запис., № 3264).

[5]) См. н. Матеріалы II, 298.

Любопытно, что Европеусъ, самъ того не зная, вполнѣ сходился съ воз-

аплодисментами и предложеніе его сдѣлать согласно ст. 77 Осн. Зак. представленіе министру было принято большинствомъ 184 шаровъ противъ 54. Однако губернаторъ не далъ хода представленію дворянства, безъ всякаго, впрочемъ, на то права, отвѣтивъ, что онъ не находитъ противорѣчія между циркуляромъ и закономъ. Европеусъ, признавая толкованіе губернатора неправильнымъ, вторично настаивалъ на необходимости стойко и покойно довести до конца легальную защиту своихъ правъ и возбужденный «искъ о законѣ» (legis actio) довести до разрѣшенія его верховною властью. «Обѣщаніе, данное лично Государю, говорилъ Европеусъ, способствовать ему въ разрѣшеніи возбужденныхъ имъ вопросовъ, можетъ быть исполнено только свободнымъ обсужденіемъ въ настоящей средѣ. Безсмысленное, мертвое молчаніе было бы нарушеніемъ нашего нравственнаго долга».

Въ засѣданіи 15 декабря рѣшено было еще болѣе солиднымъ большинствомъ 231 голоса противъ 56 подать всеподданнѣйшее прошеніе въ собственныя руки Государя съ жалобою на министра. Спеціальная коммиссія изготовила прошеніе слѣдующаго содержанія:

„Ваше Императорское Величество

Всемилостивѣйшій Государь,

„Дворянство Тверской губерніи глубоко проникнуто сознаніемъ о непоколебимости постановленій, исходящихъ отъ верховной власти. Эти постановленія опредѣляютъ положительно отношенія всѣхъ сословій и учрежденій къ лицамъ, имѣющимъ счастье объявлять высочайшія Вашего

зрѣніями знаменитаго германскаго юриста Іеринга, который считалъ законную *борьбу* за право даже имущественное, гражданское, а тѣмъ болѣе общественное—нравственнымъ долгомъ по отношенію къ себѣ и къ обществу. „Если правосознаніе отдѣльныхъ личностей проявляется вяло, трусливо, если встрѣчаетъ препятствія къ проявленію и преслѣдуется тамъ, гдѣ оно разсчитывало на помощь, если оно привыкаетъ терпѣть беззаконіе, то кто повѣритъ, что подобное рабское и апатичное правосознаніе способно энергически воскреснуть, когда поруганіе наносится не отдѣльному лицу, а учрежденію или цѣлой націи... Кто изъ-за удобства или трусости жертвуетъ своими правами, кто въ дѣлѣ права привыкъ прилагать только масштабъ матеріальной выгоды, какъ можетъ возъимѣть идеальное пониманіе права, когда дѣло касается націи?" „Борьба за Право". Кіевъ. 1893, стр. 50—51.

Императорскаго Величества повелѣнія. Сознавая, что право разсужденія о своихъ нуждахъ и пользахъ, дарованное дворянству прямымъ смысломъ 112 и 135 ст. IX Св. Зак. о состояніяхъ по неразрывной связи своей съ крестьянскимъ вопросомъ, ограничивается нынѣ Высочайшимъ повелѣніемъ Вашего Императорскаго Величества, объявленнымъ циркулярнымъ предписаніемъ г. Мин. Внутреннихъ дѣлъ, дворянство Тверской губерніи считаетъ святымъ долгомъ слѣдовать указаніямъ положительныхъ узаконеній (77 ст., I т., 1 ч. Св. Зак. основныхъ и 112 и 113 ст. IX т. Св. Зак. о состояніяхъ) и повергнуть на всемилостивѣйшее воззрѣніе Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшую просьбу о дозволеніи Губернскому Собранію дворянства имѣть сужденіе о своихъ нуждахъ и пользахъ, не стѣсняясь возможною соприкосновенностью ихъ съ крестьянскимъ вопросомъ.

„Хотя дворянство и было призвано къ участію въ разрѣшеніи этого вопроса посредствомъ Губернскаго комитета, но нынѣ, находясь въ полномъ своемъ составѣ въ Губернскомъ Собраніи, при тѣхъ практическихъ свѣдѣніяхъ, которыя пріобрѣтены имъ въ сельско-хозяйственной жизни и вынесены изъ соприкосновеній съ мѣстною администраціею, оно могло бы однимъ откровеннымъ обмѣномъ своихъ мыслей подготовить разрѣшеніе значительной части вопросовъ, которые представляютъ важныя затрудненія по крестьянскому дѣлу. Такимъ образомъ дворянство имѣло бы большую возможность выполнить обѣщанія, лично данныя имъ Вашему Императорскому Величеству 11 августа 1858 г. въ г. Твери. Если дворянство принимаетъ смѣлость прямо обратиться къ Вашему Императорскому Величеству, то это оно дѣлаетъ вслѣдствіе знаменательныхъ словъ, сказанныхъ Вами, Милостивѣйшій Государь, Псковскому дворянству. Тверское губернское собраніе съ полною надеждою ожидаетъ всемилостивѣйшаго разрѣшенія Вашего Императорскаго Величества на всеподданнѣйшее свое прошеніе. Съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія имѣемъ счастье именоваться

Вашего Императорскаго Величества
вѣрноподданными.

Прошеніе, подписанное Унковскимъ и 154 дворянами, отправлено было немедленно въ Петербургъ съ экстреннымъ поѣздомъ. Въ Петербургѣ, куда доносились самые нелѣпые слухи о противозаконныхъ замыслахъ тверскаго дворянства, подняли страшную тревогу не только крѣпостники Главнаго Комитета, но и задѣтый за живое либералъ Ланской, настаивавшій въ Главномъ Комитетѣ на мѣрахъ чрезвычайной строгости въ виду опасности, представляемой поведеніемъ тверскихъ дворянъ.

19 декабря получено было въ Твери увѣдомленіе объ *удаленіи*

Унковскаго отъ должности губернскаго предводителя за допущеніе обсужденія приведеннаго прошенія и подписанія его первымъ.

Эта тяжелая административная кара въ духѣ недавняго прошлаго произвело весьма тягостное впечатлѣніе не только въ Твери, но и повсемѣстно. Крѣпостники же потирали руки и разсчитывали пожать плоды съ какого нибудь неосторожнаго слова и дѣйствія членовъ тверскаго собранія, находившихся въ крайне возбужденномъ состояніи. Но дворянское собраніе, не смотря на сильное свое неудовольствіе противъ, незаслуженно постигшаго его представителя и избранника, взысканія, съумѣло сохранить самообладаніе, удержаться въ предѣлахъ легальности. Протестъ свой оно выразило въ засѣданіи 21 декабря тѣмъ, что отказалось замѣстить должность губернскаго предводителя и уѣздныхъ предводителей въ восьми уѣздахъ (4 уѣзда выбрали предвадителей и удостоились получить благодарность). 22-го декабря вся либеральная партія была in pleno у Унковскаго и засвидѣтельствовала ему свою солидарность. Кромѣ того собраніе постановило: заказать фотографическіе портреты Унковскаго (копія при семъ прилагается) и учредить 12 стипендій его имени въ Московскомъ Университетѣ.—Назначенный отъ правительства предводитель, г. Клокачевъ произвольно пріостановилъ исполненіе постановленія о стипендіяхъ, по поводу чего А. А. Головачевъ написалъ ему рѣзкое обличительное письмо, въ которомъ клеймилъ его недостойный образъ дѣйствія и которому онъ далъ намѣренную огласку.

Вѣсть о постигшей Унковскаго *второй* административной карѣ разнеслась далеко за Тверь, куда являлись многіе видные общественные дѣятели по пути изъ Москвы въ Петербургъ, такъ напр., депутаты втораго призыва, Н. И. Пироговъ и др. для выраженія Унковскому своей симпатіи.

Протестъ тверскаго дворянства противъ министерскаго циркуляра и удаленіе Унковскаго вызвали сильное движеніе среди дворянства разныхъ губерній: Орловской, Рязанской, Владимірской. Подавались всеподданнѣйшія прошенія съ просьбою отмѣнить незаконный циркуляръ министра, а такъ же ввести, для огражденія отъ произвола бюрократіи всѣ тѣ реформы [6]), кото-

[6]) Такои адресъ съ просьбою о введеніи реформъ, перечисленныхъ

1860 г.

рыя исчислены были въ всеподданнѣйшемъ адресѣ Унковскаго. Не смотря на требованіе Ланскимъ строгихъ мѣръ, правительство, на сей разъ, дѣйствовало мягко и ограничивалось за подачу прошеній, имѣвшую уже характеръ рецидива или уговора, простыми выговорами губернскимъ предводителямъ, послѣ чего удаленіе Унковскаго казалось еще болѣе несправедливымъ.

Ничего дурнаго за собою не зная, Унковскій и послѣ постигшей его кары держалъ себя свободно и независимо, и уже въ въ качествѣ частнаго лица продолжалъ попрежнему живо интересоваться какъ крестьянскимъ вопросомъ, такъ и другими общественными дѣлами. Онъ, Головачевъ, Европеусъ и др. собирались часто для совѣщанія объ открытіи въ Твери акціонернаго банка для выкупа надѣловъ, объ учрежденіи тверскаго общества сельскаго хозяйства и садоводства [7]).

Въ теченіе всего этого времени, т. е. января и февраля

въ адресѣ Унковскаго (см. гл. VII), былъ поданъ Владимірскимъ собраніемъ послѣ рѣчи, произнесенной 15 января 1860 г. послѣ удаленія А. М. съ должности предводителя, поклонникомъ его покровскимъ депутатомъ Протопоповымъ.. „Нынѣ, говорилъ онъ, пользы и нужды наши должны идти нераздѣльны съ пользами и нуждами всѣхъ сословій, а слѣдовательно цѣлаго государства. Пожертвуемъ-те же сами для новой, возрождающейся жизни кичливыми грамотами, бархатными книгами, аристократическими титулами и за все это прежнее гордое и суетно-безполезное величіе всеподданнѣйше испросимъ, какъ необходимое для пользы и нуждъ нашихъ, одно общее со всѣми сословіями названіе свободныхъ гражданъ, вполнѣ признающихъ самодержавную власть да общую законную отвѣтственность всякой личности не передъ административнымъ произволомъ, но передъ гласнымъ судопроизводствомъ и судомъ присяжныхъ". Закончилъ рѣчь свою, Протопоповъ такъ: „озари же государь Россію вполнѣ свѣтомъ истины! дай намъ средства быть вѣрными тебѣ помощниками и сынами отечества! Уничтожь *темные доклады!* Мгновенно оживутъ всѣ, воскреснутъ павшія жертвы добра и истины, и обще и дружно пойдутъ къ свѣтлой жизни и къ новому, честному служенію тебѣ и Россіи. Только такимъ чистымъ возрожденіемъ можетъ быть предано совершенному забвенію все несправедливое и произвольное старое". — См. и. Матеріалы II, 309—310.

7) Министръ Ланской отказалъ въ утвержденіи устава этого невиннѣйшаго общества въ виду того, что онъ подписанъ неблагонадежными лицами. Учредители подали жалобу въ Сенатъ на Ланскаго за оскорбленіе, и Ланской донесъ, что онъ имѣлъ въ виду не всѣхъ, а только Унковскаго, Европеуса и Головачева См. и. Матеріалы II, 348.

1860 г., враги Унковскаго крѣпостники тоже не сидѣли безъ дѣла. Онъ и поверженный, лишенный власти и оффиціальнаго положенія, представлялъ для крѣпостниковъ, какъ крупная нравственная личность, предметъ опасности и чрезвычайнаго любопытства. Толкамъ, сплетнамъ [8]), пересудамъ не было конца.

Доносъ за доносомъ летѣлъ въ Петербургъ.

Больше всѣхъ работали виртуозы въ дѣлѣ клеветы доносчики-крѣпостники, посылая самые нелѣпые, чудовищные доносы. Обвиняли Унковскаго въ незаконномъ пріобрѣтеніи литографскаго станка, несмотря на то, что онъ имѣлъ, какъ выше упомянуто, разрѣшеніе Государя; обвиняли въ допущеніи въ дворянское собраніе Европеуса, сосланнаго на Кавказъ по дѣлу Петрашевцевъ, между тѣмъ какъ это было вполнѣ законно, такъ какъ Европеусъ по конфирмаціи Николая I не былъ лишенъ правъ состоянія; обвиняли Унковскаго въ томъ, что онъ вмѣстѣ съ Муравьевымъ-Апостоломъ праздновалъ 14-е декабря, день возстанія декабристовъ, между тѣмъ доказано было, что въ этотъ день Муравьевъ былъ въ Ярославлѣ. Ставилось въ вину то, что

---

[8]) Въ *„Клеветѣ“* Салтыковъ, рисуя нравы глуповца-ненавистника послѣ „ошпариванья“, пишетъ: „всякій, кто заблаговременно выползъ изъ горшка, кого ошпариванье не застало врасплохъ, кажется ему отступникомъ отъ отеческихъ преданій, противъ котораго дозволительна всякая гнусность“. Въ лицѣ выведеннаго Салтыковымъ „оклеветаннаго“ Шеломова встрѣчается не одна черта, напоминающая судьбу А. М. Унковскаго. Нарисовавъ съ обычнымъ своимъ мастерствомъ и изумительнымъ знаніемъ животнаго эпоса, какъ зарождается, растетъ и разносится по Глуповскому болоту завѣдомая, гнусная клевета, Салтыковъ продолжаетъ: „Мосье Шалимовъ сидитъ въ это время, и, по своему обыкновенію, скорбитъ о глуповцахъ. Онъ думаетъ о томъ, какими средствами можно-бы сдѣлать изъ нихъ умновцевъ, и до такой степени погруженъ въ свои мечтанія, что даже не замѣчаетъ, что противъ него уже съ полчаса, какъ очарованный, сидитъ индѣйкинъ сынъ и очевидно сгараетъ нетерпѣніемъ нѣчто снаушничать... Я очень хорошо понимаю, заканчиваетъ Салтыковъ, что ты имѣешь полное право клеветать. Ты — глуповецъ, и въ качествѣ глуповца не можешь себѣ представить оружія болѣе дѣйствительнаго. Ты убѣжденъ, что Шалимовъ былъ не непричастенъ тому ошпариванію, которое надѣлало тебѣ столько хлопотъ... Шалимовъ въ твоихъ понятіяхъ не просто молотъ, могущій раздробить твою голову, Шалимовъ — это принципъ, который подрываетъ всѣ основы твоей внутренней жизни, Шалимовъ это навѣки нарушенный твой сонъ“. (Сочин. II, 161—164).

Унковскій вмѣстѣ съ другими собирался для обсужденія проекта о поземельномъ банкѣ; фактъ былъ вѣренъ, но о легальномъ характерѣ собраній лучше всего свидѣтельствовало то, что на этихъ собраніяхъ присутствовали губернаторъ гр. Барановъ и жандармскій полковникъ Симанскій. Было даже такое несообразное обвиненіе, что Унковскій хочетъ освободить крестьянъ немедленно. Объ этомъ слухѣ, дошедшемъ черезъ кухарку до жены вице-губернатора Иванова, послѣдній спѣшилъ донести министру Ланскому [9]) и пр. и пр. безъ конца

Для провѣрки обвиненій или вѣрнѣе провинціальныхъ сплетенъ былъ присланъ въ Тверь ген.-адъютантъ Ефимовичъ. Онъ ни разу не спросилъ Унковскаго и, какъ ни провѣрялъ слухи, [10]) ничего осязательнаго не могъ собрать противъ Унковскаго. Мѣстный жандармскій офицеръ, давно знавшій Унковскаго, категорически заявилъ, что онъ не способенъ на противозаконные поступки. Въ такомъ видѣ дѣло поступило въ Главный Комитетъ. Крѣпостники его давно таили противъ А. М. злобу. Они не могли простить Унковскому его самоотверженную, благородную дѣятельность на пользу общества и народа. Вся вина Унковскаго была въ томъ, что онъ слишкомъ горячо высказывалъ свои убѣжденія, что слишкомъ выдѣлялся, что онъ забывалъ правило:

Ниже тоненькой былиночки
Надо голову клонить,
Чтобъ на свѣтѣ сиротиночкѣ
Безпечально вѣкъ прожить.

Забывая это мудрое правило, Унковскій и долженъ былъ понести наказаніе по «справедливости», разъ блюстителемъ справедливости былъ безподобный министръ юстиціи гр. Панинъ, не считавшими противнымъ справедливости осужденіе безъ суда и слѣдствія [11]) и заявившій въ Главномъ Комитетѣ, что хотя по суду

[9]) См. Матеріалы, III, 293.

[10]) Въ запискахъ своихъ Унковскій передаетъ, что въ Твери знакомый ему извощикъ любилъ напоминать, что онъ былъ спрашиваемъ о поведеніи Унковскаго петербургскимъ генераломъ, и что онъ одобрилъ „хорошаго барина", за что, само собою разумѣется, ждалъ и получалъ хорошее „на-чай".

[11]) Гр. Панинъ, недовольный статьею Каткова, въ которой доказывалась польза гласности, излилъ свой гнѣвъ на цензора, пропустившаго

Унковскаго нельзя признать виновнымъ ни въ чемъ противозаконномъ, а все таки его нужно выслать изъ Твери, какъ человѣка опаснаго.

Какъ могла совершиться такая несправедливость? Не нужно забывать, что въ это время уже не было около Государя, его благаго совѣтника, преданнаго наперсника и дѣйствительно искренняго сподвижника по освобожденію народа, Я. И. Ростовцева. Онъ бы не выдалъ головою Унковскаго озлобленнымъ врагамъ его. Самъ на себѣ испытавъ всю силу клеветъ высокопоставленныхъ крѣпостниковъ, Ростовцевъ сумѣлъ бы открыть глаза и показать въ истинномъ свѣтѣ внутреній смыслъ «благонамѣреннаго» ожесточенія крѣпостниковъ, которые, драпируясь въ тогу государственныхъ интересовъ и выставляя Унковскаго, преданнѣйшаго поборника свободы, супротивникомъ воли Царя-Освободителя, революціонеромъ и крамольникомъ, мстили своему политическому противнику и старались его обезоружить. Но Ростовцева уже не было въ живыхъ. Недальновидный же и слабохарактерный Ланской, вдобавокъ еще лично задѣтый исторіею съ декабрьскимъ циркуляромъ, не могъ замѣнить Ростовцева. Еще менѣе могъ замѣнить его преемникъ его по должности предсѣдателя Редакціонной Коммиссіи, ярый крѣпостникъ гр. Панинъ, не скрывавшій своего намѣренія затормозить или вовсе провалить освобожденіе крестьянъ. Ради этого, во что бы то ни стало нужно было устранить самаго талантливаго и смѣлаго общественнаго поборника освобожденія, Унковскаго, который и лишенный оффиціальнаго положенія все еще былъ бѣльмомъ на глазахъ у крѣпостниковъ. 16-го февраля 1860 г. Унковскій подвергся *третьему* административному взысканію. Главный Комитетъ рѣшилъ сослать его въ Вятку.

Свершилась крупная политическая [12]) и этическая ошибка. Но за то какъ радовались фанатики крѣпостничества!..

статью, и требовалъ для него строжайшаго наказанія. На замѣчаніе начальства цензора, что сперва слѣдовало-бы потребовать объясненія у цензора, у великолѣпнаго гр. Панина повернулся языкъ сказать такую классическую дичь: „*сначала наказать*, потомъ потребовать *объясненія*“ (См. Дневникъ Никитенка II, 120).

[12]) Ссылка Унковскаго и Европеуса, писалъ въ 1860 г. искренній по-

Да и какъ было не ликовать крѣпостникамъ?! Послѣ того какъ неумолимая судьба устранила Ростовцева, этотъ первый сильнѣйшій *столпъ* въ рядахъ правительственныхъ сторонниковъ свободы, довѣреннаго совѣтника Александра,—устранялся съ поля битвы, падалъ другой могучій *общественный* дѣятель освобожденія, пользовавшійся огромнымъ нравственнымъ авторитетомъ и съ богатырскою отвагою бившійся съ крѣпостниками. Какъ было не ликовать имъ, «свободы, генія и славы палачамъ», когда благодаря роковому недоразумѣнію и въ силу стеченія неблагопріятныхъ обстоятельствъ, подвергался опалѣ безкорыстный, мужественный общественный дѣятель, имѣвшій право сказать:

Вступилъ я въ жизнь, къ борьбѣ готовый,
Но скоро кончилась борьба...
Неумолимъ былъ рокъ суровый
И на меня надѣлъ оковы,
Какъ на мятежнаго раба.

борникъ эмансипаціи Хрущовъ, произвела во всей Россіи тяжелое впечатлѣніе, была огромная политическая ошибка, нанесшая нынѣшнему царствованію неисцѣлимый вредъ (см. н. Матеріалы II, 294—295). По поводу административныхъ взысканій, наложеныхъ на Унковскаго и другихъ депутатовъ за подачу въ 1859 г. адресовъ, Кошелевъ въ своей лейпцигской брошюрѣ говорилъ, что ни *Колоколъ*, ни всѣ прочія запрещенныя книги и листки не могли такъ раздражить дворянство, какъ эти административныя взысканія (тамъ-же, II 191).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Кара, наложенная на Унковскаго, была приведена въ исполненія съ чрезвычайною поспѣшностью и строгостью. Ему не дали даже достаточно времени, чтобы привести въ порядокъ дѣла свои; не разрѣшили ѣхать на мѣсто ссылки безъ стражи Въ 20-хъ числахъ февраля 1860 г. Унковскій былъ высланъ изъ Твери рано утромъ, въ сопровожденіи двухъ жандармовъ [1]). Въ дорогѣ съ нимъ было нѣсколько приключеній. Такъ, между про-чимъ, у Унковскаго сломался экипажъ и онъ вмѣстѣ съ обоими своими аргусами свалился въ оврагъ, одинъ изъ жандармовъ сильно ушибся, а другой напоролся; чуть живаго дотащили его до ближайшей станціи, при чемъ Унковскій шесть верстъ пѣшкомъ велъ подъ руку своего охранителя.—2-го марта Унковскій доѣхалъ до Вятки, гдѣ нѣкогда жили ссыльные Витбергъ и Герценъ и откуда въ 1855 г., тотчасъ послѣ воцаренія Александра II, былъ освобожденъ изъ ссылки М. Е. Салтыковъ, который, какъ тогда думали, завершалъ собою циклъ административной ссылки. За отсутствіемъ губернатора въ полученіи «личности» Унковскаго, какъ выражаются на оффиціальномъ языкѣ, расписался вице-губернаторъ, завзятый крѣпостникъ и бывшій чиновникъ III отдѣленія Бутурлинъ, который былъ замѣчателенъ тѣмъ, что возвелъ въ перлъ созданія тонкое обжорство (черты его, сообщенныя Унковскимъ Салтыкову, мелькаютъ въ Пошехонской Старинѣ). Но за то въ согласной семьѣ гуманнаго либерала губернатора Клингенберга, о которой Унковскій,—человѣкъ въ

[1]) Въ н. Матеріалахъ (II, 294) передается, будто „народъ провожалъ Унковскаго съ знаками сожалѣнія". Едва-ли это вѣрно. По крайней мѣрѣ въ запискахъ Унковскаго объ этомъ не упоминается, и отъ него лично не приходилось слышать.

этомъ отношеніи очень требовательный— сохранилъ самое пріятное воспоминаніе, онъ нашелъ теплый, дружескій уголокъ.

Вскорѣ по водвореніи на мѣстѣ ссылки, Унковскій написалъ Государю замѣчательное письмо, копія съ котораго ходила во множествѣ списковъ по рукамъ. Въ письмѣ своемъ Унковскій, не прося ни о чемъ, считалъ долгомъ объясниться по поводу взведенныхъ на него клеветъ, тѣмъ болѣе, что какъ при удаленіи отъ должности предводителя дворянства, такъ и передъ ссылкою никто его не допрашивалъ. Въ письмѣ своемъ Унковскій объяснялъ, что, не сходя ни разу съ законной почвы, онъ по мѣрѣ силъ, стремился къ исполненію воли Государя и къ дѣйствительному освобожденію народа, которое указано было имъ.

Ланской и вообще петербургскія бюрократическія сферы, увидѣвъ, какое дурное впечатлѣніе произвела на дворянство и вообще все русское общество, ссылка Унковскаго, имя котораго продолжало быть очень популярнымъ, сами считали нужнымъ при первомъ удобномъ случаѣ, вернуть его. О популярности имени Унковскаго напомнилъ обѣдъ, данный въ Петербургѣ 14 мая 1860 г., депутатамъ второго призыва. На обѣдѣ былъ предложенъ калужскимъ депутатомъ кн. Оболенскимъ тостъ за всѣхъ потрудившихся на пользу крестьянскаго дѣла и въ томъ числѣ за опальныхъ Кавелина и Унковскаго. Бывшій на обѣдѣ членъ Редакціонной Коммиссіи Булгаковъ, крѣпостникъ и приспѣшникъ М. Н. Муравьева, закричалъ: «ужъ если пить, то лучше начать съ начала, съ перваго, кто трудился за крестьянъ, съ *Пугачева*». Гнусная выходка Булгакова, явно разчитанная на возможность безнаказанно лягнуть опальнаго, (пускай, молъ, и мое копыто знаетъ) возмутила всѣхъ присутствовавшихъ безъ исключенія. Когда узналъ объ ней Государь, то рѣшилъ удалить со службы Булгакова и только покровителю его, военному министру Сухозанету удалось вымолить ему на колѣняхъ прощеніе.

Въ уединеніи своей ссылки, вдали отъ дорогаго дѣла, съ тревогою слѣдя за болѣзненнымъ [2]) ходомъ этого святаго дѣла, новый

---

[2]) Одна надежда на силу вещей, писалъ Хрущовъ, которая теперь (1860 г., высокосный годъ) творитъ чудеса невѣдомыми путями, несмотря на слабость вождей. (См. н. Матеріалы, II, 472).

руководитель-пѣстунъ котораго гр. Панинъ всячески старался задушить его, Унковскій утѣшался тѣмъ, что въ концѣ концовъ одолѣваетъ свобода, согласно волѣ Государя и желанію передовой части [3]) общества. Личное же утѣшеніе доставляли А. М. Унковскій доходившіе изрѣдка знаки сочувствія, привѣты, напоминавшіе ему дни недавняго славнаго общественнаго служенія. Еще въ концѣ 1859 г. нѣсколько дворянъ Владимірской губ., въ томъ числѣ покровскій депутатъ Протопоповъ, выражали ему сочувствіе въ адресѣ. Но въ то время адресъ былъ перехваченъ на почтѣ. Узнавъ объ этомъ, тѣ же лица вторично 16 января 1860 г. послали свой привѣтъ, дошедшій «по оказіи» до Унковскаго, когда онъ уже былъ въ Вяткѣ. Вотъ что говорилось въ привѣтствіи: «я имѣлъ честь съ совершеннымъ удовольствіемъ прочитать Ваши петербургскія работы по заключеніямъ Редакціонной Коммиссіи. Вы сдѣлали все, къ чему были призваны, на что́ были уполномочены. Вы вполнѣ проявили то человѣческое достоинство, которому искренно сочувствуешь, которое цѣнишь и уважаешь. Какъ депутатъ дворянства Покровскаго уѣзда, я имѣю честь благодарить Васъ отъ лица всѣхъ дворянъ. Какъ бывшій депутатъ по крестьянскому дѣлу я и отъ нашихъ меньшихъ братій, ко мнѣ равно близкихъ, благодарю васъ. Вы дѣйствовали честно, добросовѣстно и безобидно для обѣихъ сторонъ. Вы истинный, праведный ратоборецъ за благо Россіи. Помоги Вамъ Богъ! — И во Владимірской губ. не одно сердце забилось и откликнулось на ваши чувства, я слышалъ это самъ и радуюсь искренно. Я слишкомъ вѣрю въ истину, а потому надѣюсь на счастливое будущее, но не петербургскіе себялюбивые администраторы озарятъ этимъ свѣтомъ Россію — онъ

---

[3]) Оффиціозная *Сѣверная Пчела*, давая въ новогоднемъ номерѣ обзоръ положенія крестьянскаго вопроса, отмѣчала большой прогрессъ, совершившійся въ провинціи въ отношеніи этого вопроса за послѣдніе два года. „Крѣпостники *стыдятся* своихъ прежнихъ мнѣній, писала она. Въ комитетахъ и внѣ ихъ рѣшительный перевѣсъ одержали мнѣнія, озареннаго свѣтомъ обще-человѣческаго образованія, молодаго поколѣнія, которыя рутинисты прежде выдавали за вздорныя „фантазіи“. Люди, никогда не читавшіе, начали учиться и сознавать, что безъ этихъ фантазій трудно жить въ нынѣшнемъ свѣтѣ“ (см. н. Матеріалы, II, 337).

польется изъ чувствъ вѣрныхъ сыновъ, которые высказываются и которыхъ понимаютъ».

Если вообще дорогъ привѣтъ въ изгнаніи и послѣ опалы, то онъ особенно дорогъ былъ Унковскому по свойствамъ русской общественности, о которой Некрасовъ писалъ:

У русскихъ особый взглядъ.
Преданьямъ рабства страшно вѣренъ
Всегда избитый виноватъ....
Съ какимъ зловѣщимъ тактомъ
Мы неудачу сторожимъ!
Какъ негодуемъ, какъ клевещемъ,
Какъ ретроградамъ рукоплещемъ,
Какъ выдаемъ своихъ друзей.

Поэтому легко понять, какъ много радости доставилъ страдальцу за свои убѣжденья такое трогательное сочувствіе къ нимъ.

30-го августа, въ день имянинъ Александра II, Ланской исходатайствовалъ прекращеніе наказанія Унковскаго. Оно стало быть продолжалось всего только шесть мѣсяцевъ. Несмотря на ея краткость, мѣра эта, напоминавшая недавнее прошлое, казалось, навсегда канувшее въ вѣчность, была одной изъ тѣхъ черныхъ точекъ, которыя омрачали свѣтлый горизонтъ начинавшейся новой освободительной эпохи.

7-го сентября 1860 г. Унковскому былъ разрѣшенъ выѣздъ изъ Вятки съ тѣмъ, чтобы онъ безотлучно поселился въ своемъ имѣніи въ Дмитрюковѣ. Но опасаясь новыхъ гадостей со стороны Тверскихъ доносчиковъ, онъ просилъ разрѣшенія жить внѣ Тверской губ. 25 октября разрѣшено было ему жить повсемѣстно, кромѣ Петербурга, куда дозволенъ былъ пріѣздъ лишь 26 августа 1861 года.

Первое время послѣ возвращенія изъ ссылки Унковскій жилъ въ Москвѣ. Здѣсь онъ былъ принятъ очень дружелюбно въ московскихъ литературныхъ кружкахъ какъ либеральныхъ, такъ и славянофильскихъ. Съ разныхъ сторонъ онъ получалъ знаки вниманія, такъ в. к. Елена Павловна прислала ему коробку пилюль противъ одышки, которою онъ началъ, съ этого времени, страдать.

Объявленіе воли застало Унковскаго въ Москвѣ. Съ великою радостью было имъ встрѣчено это знаменательное историческое событіе, но радость эта нѣсколько омрачалась той далеко не радостною обстановкою, при которой состоялось освобожденіе крестьянъ. Вспоминая это время, И. С. Аксаковъ выражалъ противъ бюрократіи, за порчу этого событія, горькое сѣтованіе, напоминавшее гораціевскій стихъ:

Sincerum est nisi vas, quodcunque infundis, acescit

«Освобожденіе крестьянъ было такъ обставлено, писалъ онъ 7-го іюня 1861 г., что для *радости*, т. е. для произведенія чувства радости нуженъ извѣстный отвлеченный процессъ мысли: нужно напоминать себѣ объ этомъ, идеализировать, глядѣть въ чаемое будущее, а не настоящее; постоянно себѣ говоришь, что совершается одна изъ величайшихъ соціальныхъ революцій, но ея не осязаешь; свѣжій воздухъ, конечно, уже повѣялъ, но фильтрованный сквозь такія вонючія тѣла, что его признать трудно».

Вскорѣ послѣ объявленія воли Унковскому предложена была Ланскимъ должность члена губернскаго присутствія отъ правительства, но онъ отказался отъ нея, ожидая въ ближайщемъ будущемъ реакціи, что̀ и оправдалось: 23 апрѣля самого Ланскаго смѣнилъ П. А. Валуевъ, выдвинутый реакціонною партіею. За труды въ крестьянскомъ дѣлѣ Унковскій получилъ извѣстную крестьянскую золотую медаль съ изображеніемъ головы Александра II и подписью: «Благодарю».

Какъ только стали вводиться въ дѣйствіе Положенія о крестьянахъ, Унковскій поспѣшилъ въ свое имѣніе и первый во всей губерніи ввелъ уставныя грамоты. Онъ разошелся съ своими крестьянами, съ которыми всегда у него были наилучшія отношенія, честно и благородно. Онъ предложилъ крестьянамъ землю на выборъ, гдѣ угодно, а одной деревнѣ, гдѣ земля была плоха, вмѣсто четырехъ десятинъ, онъ далъ семь.

Исполнивъ свои обязанности, какъ приличный дворянинъ, Унковскій оставался не у дѣлъ. Но не имѣя оффиціальнаго положенія въ крестьянскомъ дѣлѣ, онъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ дорогому дѣлу, онъ не могъ удалиться, подобно прежнимъ московскимъ опальнымъ барамъ въ оппозиціи, въ

англійскій клубъ, —чтобы тамъ, послѣ объѣденія chef d'ouevr'ами всемірно-извѣстнаго московскаго чревоугодія, предаваться, какъ грибоѣдовскіе герои, въ знаменитой «вральнѣ» невозбранному утѣшенію злиться и «костить» своихъ обидчиковъ, на чемъ свѣтъ стоитъ... Человѣкъ съ такими выдающимися способностями, съ такимъ солиднымъ, разносторонимъ образованіемъ, съ такими твердыми убѣжденіями и общественными симпатіями и, наконецъ, съ такимъ живымъ темпераментомъ, какъ Унковскій, не могъ сидѣть безъ дѣла и предаваться безплодной пассивной фрондѣ въ видѣ нытья.

Пушкинъ про такихъ энергичныхъ, талантливыхъ людей съ независимымъ характеромъ писалъ:

> Онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Аѳинахъ Периклесъ,
> У насъ онъ—офицеръ гусарскій [1])

но времена измѣнились, и Унковскій, чтобы дать исходъ своей молодой энергіи и живой потребности общественной дѣятельности, пошелъ не въ офицеры гусарскіе, а... въ «адвокаты крестьянскіе». Это непредусмотрѣнное закономъ амплуа создалось какъ-то само собою для Унковскаго на почвѣ его неизмѣнной искренной симпатіи къ темному, обездоленному народу и довѣрія, которое онъ успѣлъ заслужить прежнею службою у тверскихъ крестьянъ.

Вводились уставныя грамоты, возникала масса вопросовъ, не легко разрѣшаемыхъ и юристами. Къ кому обратится темный мужикъ, не довѣряющій никому — ни духовнымъ, ни гражданскимъ властямъ? Тверскіе крестьяне, которые и раньше не разъ обращались къ Унковскому (когда онъ былъ тверскимъ судьею и предводителемъ) для разрѣшенія своихъ домашнихъ дѣлъ, напр., при раздѣлахъ, вспомнили о «ласковомъ и умномъ» баринѣ, всегда охотно и умѣло разрѣшавшимъ ихъ споры при помощи суда присяжныхъ sui generis (см. главу II). По старой доброй памяти тверскіе крестьяне стали обращаться къ А. М. съ просьбою помочь въ составленіи уставныхъ грамотъ, что онъ охотно исполнялъ и, не имѣя никакого офиціальнаго положенія, тѣмъ не менѣе онъ способствовалъ неоднократно миролюбивому соглашенію крестьянъ съ помѣщиками.

---

[1]) Пушкинъ (изд. Суворина), III, 158.

Но мало по малу слава Унковскаго стала распространяться, и къ нему стали являться крестьяне съ своими дѣлами не только Тверской, но и Московской, и даже замосковныхъ губерній. Онъ писалъ для нихъ письма мировымъ посредникамъ, прошенія, но стали поступать такія серьезныя дѣла крестьянъ съ бывшими ихъ помѣщиками, по которымъ нужно было личное ходатайство и онъ сталъ брать довѣренности отъ крестьянъ для веденія дѣлъ (конечно, безвозмезднаго) въ высшихъ крестьянскихъ учрежденіяхъ.

При выполненіи своихъ столь симпатичныхъ обязанностей Унковскому пришлось скоро столкнуться не только съ вліятельными и задѣтыми въ матеріальныхъ интересахъ крѣпостниками,— которые, по вѣрному замѣчанію Салтыкова,[5]) на всякое отстаиваніе мужикомъ своего законнаго права привыкли смотрѣть, какъ на возмущеніе противъ властей,—но и съ юридической неразвитостью мироваго института и вообще русскаго общества. Въ *Современной Лѣтописи* Каткова, Григорій Головачевъ (адвокатъ помѣщиковъ) помѣстилъ статьи, въ которыхъ онъ доказывалъ вредъ крестьянскихъ адвокатовъ, возбуждающихъ крестьянъ къ несправедливымъ искамъ, по по корыстнымъ побужденіямъ. Если и были такіе, то, конечно, не Унковскій былъ въ ихъ числѣ, а между тѣмъ помѣщичьи адвокаты старались опорочить весь институтъ вообще. Но гораздо труднѣе и опаснѣе этихъ газетныхъ нападокъ были столкновенія Унковскаго съ вліятельными противниками по дѣламъ, которые, не довольствуясь борьбою оффиціальною и открытою, дѣйствовали тайными ходами. Первое такое столкновеніе было у Унковскаго по дѣлу кн. Черкасской.

Дѣло это служило отголоскомъ тѣхъ тонкихъ изворотовъ, кои съ изданіемъ въ 1857 рескриптовъ объ освобожденіи крестьянъ, стали практиковать слишкомъ чадолюбивые и неразборчивые въ средствахъ помѣщики въ интересахъ сокращенія надѣловъ крестьянъ или полнаго обезземеленія ихъ, не останавливаясь и передъ переселеніемъ крестьянъ на болота и пески и даже предъ высылкою ихъ въ Сибирь [6]). Другіе не шли такъ далеко,

---

[5]) *Московск. Вѣдом.* 1862, № 201.

[6]) Предв. двор. Кошанскій (Влад. губ.) былъ по Высочайшему пове-

а ограничивались лишь принужденіемъ крестьянъ къ фиктивному найму [7]) земель, дотолѣ входившихъ въ составъ надѣла, либо переукрѣпляли на имя близкихъ лицъ надѣлы, фактически оставляя ихъ въ пользованіи крестьянъ. Такая дарственная запись была совершена и рязанскою помѣщицею княгинею Черкасской на имя дочери своей баронессы Бюлеръ 29 мая 1858 г. на 56 десятинъ заливныхъ луговъ на р Окѣ, издавна находившихся въ надѣлѣ крестьянъ, а затѣмъ 30 ноября 1860 г., т. е. не задолго до отмѣны крѣпостнаго права, явленъ былъ договоръ, коимъ кн. Черкасская отъ имени крестьянъ Дашковой-Песочни (сами крестьяне не могли вступать въ обязательства на сумму болѣе 5 р.) арендовали у баронесы Бюлеръ эти луга за барщину (разныя издѣльныя повинности). Затѣмъ эти луга были заложены той же кн. Черкасской. — При составленіи Уставной грамоты крестьяне настаивали, чтобы эти луга, по прежнему оставлены были въ надѣлѣ, баронесса же Бюлеръ требовала исключенія этой земли изъ надѣла, какъ принадлежащей ей и лишь по договору найма находившейся въ пользованіи крестьянъ. Возникло дѣло въ рязанскихъ крестьянскихъ учрежденіяхъ. Не будучи въ силахъ бороться съ сильнымъ противникомъ, крестьяне, проигравъ дѣло у мироваго посредника, обратились къ помощи А. М. Унковскаго. Онъ безъ малѣйшаго колебанія взялся за дѣло, какъ вполнѣ правое, потому что крестьянскій надѣлъ не превышалъ установленнаго Положеніемъ 19 февраля размѣра и потому луга должны были остаться у крестьянъ, Что же касается правъ баронессы, то въ виду только что передъ тѣмъ опубликованнаго журнала Главнаго Комитета, коимъ разъяснено было, что крестьянскіе надѣлы остаются *неприкосновенными*, если даже право собственности помѣщика было отчуждено ранѣе, Унковскій признавалъ, что баронесса Бюлеръ должна обратиться съ искомъ къ своей матери, у которой вдобавокъ были въ залогѣ луга. Дѣло было очень просто, но не мало труда и непріятностей пришлось испытать А. М. при защитѣ этого крестьян-

---

лѣнію отрѣшенъ отъ должности за ссылку крестьянъ въ Сибирь, которые возвращены были обратно. (См. Матеріалы, т. I, 345).

[7]) Такой договоръ былъ заключенъ „по приказу" напр. кн. Меншикова его крестьянами Ярославской губ. (См. *День*, 1862, № 45).

скаго дѣла, которое такъ же имѣло вліяніе на запрещеніе ему практики.

Дѣло это получило громкую огласку, благодаря статьѣ Унковскаго, напечатанной въ *Днѣ* (1862, № 31). Оставляя въ сторонѣ чисто юридическія подробности, передаемъ, со словъ Унковскаго, характерныя бытовыя подробности, передаваемыя имъ съ обычнымъ своимъ юморомъ.

„На мое прошеніе, писалъ Унковскій, я не получилъ никакого отвѣта изъ Рязани. Между тѣмъ, я жилъ въ Москвѣ и по доходившимъ до меня слухамъ полагалъ, что дѣло рѣшено въ пользу крестьянъ. Но вдругъ, въ мартѣ нынѣшняго года, услышалъ, что дѣло передано на разсмотрѣніе рязанскаго мироваго съѣзда. Я подалъ въ этотъ съѣздъ прошеніе, въ которомъ просилъ обратить вниманіе на представленныя мною доказательства, и вслѣдъ затѣмъ получилъ офиціальное письмо предсѣдателя рязанскаго мироваго съѣзда, рязанскаго уѣзднаго предводителя г. Чаплыгина (исправлявшаго прежде должность мироваго посредника 1-го участка) отъ 16-го марта, за № 91, которымъ онъ приглашалъ меня явится „въ засѣданіе рязанскаго мироваго съѣзда къ 1-му или же, по случаю какихъ либо препятствій, къ 15-му апрѣля“. Имѣя въ виду, что переправа черезъ рѣку Оку въ послѣднихъ числахъ марта чрезвычайно затруднительна, я пріѣхалъ въ г. Рязань 15-го апрѣля въ шесть часовъ утра, и послалъ узнать о времени засѣданія. Къ удивленію моему, посланный возвратился съ извѣстіемъ, что въ этотъ день засѣданія вовсе не будетъ. Я не повѣрилъ и обратился къ члену мироваго съѣзда отъ правительства П. Н. Лихареву, чтобы узнать, когда будетъ засѣданіе. П. Н. Лихаревъ сообщилъ мнѣ, что съ нѣкотораго времени засѣданія мироваго съѣзда ведутся такъ *безпорядочно*, что предсѣдатель и мировые посредники пріѣзжаютъ, какъ имъ вздумается, такъ что въ послѣдній разъ онъ пріѣхалъ въ съѣздъ въ обыкновенное время, т. е. въ 12 часовъ утра, но встрѣтилъ предсѣдателя и посредниковъ, выходящими, на лѣстницѣ и узналъ, что засѣданіе кончено. Къ этому П. Н. Лихаревъ присовокупилъ, что о времени настоящаго засѣданія онъ относился наканунѣ письменно къ предсѣдателю и получилъ отвѣтъ (который онъ мнѣ показалъ), что мировой съѣздъ на этотъ разъ соберется на другой день опредѣленнаго срока, а именно 16-го апрѣля, между 8 и 12 часами утра. Я не зналъ, что дѣлать. Уѣзжая изъ Москвы, я разсчитывалъ быть въ засѣданіи 15 апрѣля, а на другой день уѣхать изъ Рязани. Но теперь

всѣ планы мои разстроились и я почувствовалъ, что я нахожусь какъ бы въ крѣпостной зависимости отъ господъ членовъ мироваго съѣзда. Такъ какъ засѣданія съѣзда назначаются произвольно и въ неопредѣленное заранѣе время, то я не считалъ себя обезпеченнымъ и въ томъ, что съѣздъ соберется на другой день. Мнѣ приходило въ голову, что я долженъ совсѣмъ поселиться въ г. Рязани и ждать того благопріятнаго дня, въ который члены мироваго съѣзда соблаговолятъ съѣхаться. Я уже готовъ былъ рѣшиться на это, но меня остановила слѣдующая мысль. Если членъ мироваго съѣзда отъ правительства, имѣющій постоянный голосъ въ его совѣщаніяхъ и жившій въ самомъ городѣ, не можетъ найти засѣданій этого учрежденія, то обезпечитъ ли меня и постоянное жительство въ г. Рязани? Не имѣя возможности совершенно водвориться въ дворянскомъ депутатскомъ собраніи, гдѣ собирается съѣздъ, я могу точно также, вмѣсто съѣзда, попасть на разъѣздъ и слышать пріятную новость, что меня сочли неявившимся безъ всякой законной причины. Опасаясь такихъ грустныхъ послѣдствій и, по-правдѣ сказать, не желая водворяться въ г. Рязани, я написалъ немедленно къ предсѣдателю съѣзда г. Чаплыгину письмо, въ которомъ, объявляя о моемъ прибытіи и мѣстѣ пребыванія, просилъ увѣдомить меня о времени засѣданія, въ которое я долженъ явиться по сдѣланному имъ вызову. Въ это время было уже около полудня. Я видѣлъ, что въ мѣсто засѣданій съѣзда начала собираться публика, и въ числѣ ея были нѣкоторые знакомые мнѣ члены рязанскаго губернскаго присутствія. Извѣстіе о томъ, что засѣданія въ этотъ день не будетъ, удивляло всѣхъ и каждаго.

«На мое письмо г. Предсѣдатель мироваго съѣзда отвѣчалъ мнѣ письменно, что мировые посредники избѣгаютъ съѣздовъ по воскреснымъ днямъ, въ которые они принимаютъ просителей въ своихъ участкахъ (15 апрѣля было воскресенье), а потому засѣданіе будетъ происходить завтра, 16 апрѣля, и начнется въ 11 или 12 часовъ утра.

«Получивъ это письмо, въ которомъ время съѣзда назначалось гораздо опредѣлительнѣе, нежели въ отвѣтѣ, данномъ члену отъ правительства, я совершенно успокоился, и, несмотря на потерю цѣлаго дня, обрадовался этому извѣстію, утѣшая себя пріятною для моего самолюбія мыслью, что судя по большей опредѣлительности даннаго мнѣ отвѣта, надобно полагать, что мое присутствіе на съѣздѣ гораздо нужнѣе, нежели присутствіе самихъ членовъ. Но не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ эти мечты разлетѣлись самымъ

неожиданнымъ образомъ. Я узналъ, что рязанскій мировой съѣздъ не знаетъ, что ему дѣлать съ полученными имъ бумагами по дѣлу крестьянъ Дашковой-Песочни и недавно, на дняхъ представилъ объ этомъ недоразумѣніи въ Губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе. По справкѣ оказалось, что Рязанскій мировой съѣздъ, получивъ изъ губернскаго присутствія переписку по дѣлу о лугахъ баронессы Бюлеръ и сдѣлавъ распоряженіе о вызовѣ повѣренныхъ обѣихъ сторонъ 15 марта, недѣли черезъ три послѣ этого, въ началѣ апрѣля, совершенно неожиданно обратился въ губернское присутствіе съ вопросомъ, что ему слѣдуетъ дѣлать съ перепиской: разрѣшать ли споръ о поемныхъ лугахъ, или не обсуждая ничего, составить для села Дашковой-Песочни новую уставную грамоту, согласно съ мнѣніемъ губернскаго присутствія. Вотъ штука-то! Стало быть меня вызывали, не опредѣливъ напередъ, слѣдуетъ ли вызывать. А что, если губернское присутствіе (спустя нѣсколько дней, которые я проживу въ Рязани) рѣшитъ, что меня вызывать не слѣдуетъ? Я проѣхалъ 180 верстъ въ самое дурное время, долженъ былъ бросить свой тарантасъ въ г. Коломнѣ, потому что, по случаю бури, его нельзя было переправить черезъ Оку; отъ Коломны до Рязани трясся на перекладной телѣгѣ по провалившемуся шоссе, во время сильнаго холоднаго вѣтра съ проливнымъ дождемъ; измучился и простудился, чтобы только поспѣть къ назначенному сроку, — и вдругъ.... оказывается, что въ Рязани еще не рѣшенъ вопросъ, слѣдуетъ ли обсуждать то дѣло, для котораго меня вызвали. Признаюсь, это извѣстіе меня совсѣмъ уничтожило. Къ счастію, одинъ изъ членовъ губернскаго присутствія сжалился надо мною и нашелъ средство устранить это плачевное недоразумѣніе. Онъ обратился къ исправляющему должность начальника губерніи и исходатайствовалъ у него назначеніе въ тотъ же день чрезвычайнаго засѣданія губернскаго присутствія. Вечеромъ я узналъ, что это присутствіе разрѣшило недоразумѣніе мироваго съѣзда и отнеслось къ нему съ просьбою, чтобы онъ не занимался составленіемъ уставной грамоты, а обсудилъ и рѣшилъ спорный вопросъ о правѣ крестьянъ села Песочни на пользованіе лугами, подаренными помѣщицею ихъ баронессѣ Бюлеръ .Такимъ образомъ, этотъ неожиданный камень преткновенія былъ устраненъ чрезвычайными средствами. На другой день, въ 12 часу утра, я отправился въ дворянское депутатское собраніе и нашелъ тамъ нѣсколькихъ членовъ съѣзда. Предсѣдатель еще не пріѣзжалъ. Было нѣсколько постороннихъ лицъ, случайно узнавшихъ о засѣданіи".

Наконецъ, въ часъ пополудни засѣданіе было открыто, но замѣчательно, что какъ бы въ пику Унковскому, съѣздъ не тотчасъ приступилъ къ слушанію дѣла его довѣрителей, а сначала выслушалъ докладъ по другому дѣлу, хотя по этому дѣлу не было на лицо тяжущихся. Прежде чѣмъ приступить къ докладу дѣла крестьянъ с. Песочни по существу, прочитаны были разныя бумаги (частныя письма, телеграммы) и съѣздъ отложилъ дѣло для собиранія справокъ, большинствомъ голосовъ, не смотря на требованіе Унковскаго заслушать дѣло, которое призналъ подлежащимъ удовлетворенію только одинъ членъ съѣзда (членъ отъ правительства) Лихаревъ. «Конечно мои слова не имѣли никакого успѣха, говоритъ Унковскій, и въ добавокъ меня прерывали почти на каждомъ словѣ;—въ Рязанскомъ мировомъ съѣздѣ говорятъ безъ соблюденія очереди, язвительно замѣчаетъ въ скобкахъ Унковскій. Финалъ засѣданія вышелъ еще лучше. Когда Унковскій попросилъ копію съ постановленія, предсѣдатель отказалъ, сославшись на ст. 71 Пол. о Крест., упоминающей лишь о копіи съ рѣшеній, но не частныхъ постановленій. Съ такимъ «толкователемъ» мудрено было спорить, по справедливому замѣчанію Унковскаго. По крайней мѣрѣ, говоритъ онъ, я не могъ придумать ни одного доказательства, которое бы могло имѣть вѣсъ въ глазахъ г. предсѣдательствующаго и рѣшился удалиться изъ засѣданія.

По поводу этого дѣла возникла въ *Днѣ* продолжительная полемика. Сначала напечатано было письмо княгини Черкасской, которое начиналось такъ: «Нельзя не удивляться и не сожалѣть, что съ просвѣщеніемъ г. Унковскаго и со стремленіемъ его, какъ слышно (какъ ядовито!) къ прогрессу, онъ такъ странно и такъ несправедливо пишетъ о дѣлѣ, основанномъ на законахъ. *Уваженье* къ существующимъ законамъ, которымъ всякій гражданинъ долженъ безпрекословно повиноваться, безъ различія званій и состояній, многозначительно замѣчала далѣе княгиня, есть, конечно, *первое* условіе прогресса».... Вашими бы устами да медъ пить, можно бы было сказать въ отвѣтъ на это прекрасное заявленіе. Чего же другаго требовалъ и *смѣлъ* требовать крестьянскій адвокатъ, какъ не исполненія законовъ? Не нарушенія же законовъ могъ домогаться, при помощи связей,

«мужицкій ходатай», какимъ былъ Унковскій. За что же было на него пенять его супротивникамъ, за какую «обиду» (ты самъ всякаго обидишь,—невольно вспомнишь слова Островскаго)?.. Изъ дальнѣйшаго изложенія княгини нѣсколько выясняется, почему именно скандализировались поведеніемъ Унковскаго старые крѣпостники, не могшіе ни понять, ни простить ему *измѣны* измѣны его дворянству, перехода на сторону мужиковъ, а затѣмъ дѣло извѣстное,—если «жестоковыйные» мужики ссылаются тоже на законъ, домогаются отъ помѣщиковъ чего-нибудь на основаніи закона, требуютъ «уваженія къ существующимъ законамъ», то это ужъ не «первое условіе прогресса», а явный признакъ неповиновенія и бунтъ. Стоя на такой точкѣ зрѣнія, княгиня Черкасская писала: «еще болѣе должно удивляться, что безъ всякаго познанія (sic) о первыхъ началахъ сего дѣла, господинъ *бывшій* предводитель тверскаго дворянства, *нынѣ* повѣренный крестьянъ села Дашковой-Песочни (inde ira!) судитъ такъ смѣло, такъ рѣшительно, основываясь единственно (??) на голословномъ показаніи нѣсколькихъ крестьянъ, слишкомъ заинтересованныхъ въ собственномъ дѣлѣ (благородные противники крестьянъ, какъ увидимъ, ниже были движимы безкорыстнымъ воодушевленіемъ къ раскрытію объективной истины!) и *вообще* всегда *готовыхъ къ стяжанію* непринадлежащихъ имъ земель, вслѣдствіе *недобросовѣстныхъ внушеній*» (№ 34 *Дня*).

Въ другомъ возраженіи, появившемся въ № 35 *Дня*, баронъ Ѳ. А. Бюлеръ, имѣвшій довѣренность отъ своей жены и тещи, уже безъ всякихъ обиняковъ заявляетъ, что «съ тѣхъ поръ, какъ онъ (Унковскій) сдѣлался нимфой Эгеріей Песоченскихъ крестьянъ и гладитъ ихъ по головкѣ (кажется, по закону въ кругъ обязанностей повѣреннаго никогда не входило гладить кліентовъ противъ шерсти!)—требованія ихъ возрасли до невѣроятія». Баронъ Бюлеръ такъ былъ убѣжденъ въ наличности недобросовѣстнаго подстрекательства со стороны Унковскаго, что заканчивалъ свое возраженіе такими внушительными соображеніями: «если бы восторжествовалъ этотъ взглядъ (Унковскаго) на собственность, то *никакую ужъ собственность* въ Россіи нельзя бы было считать ненарушимою; каждый (sic) могъ бы тогда требовать пользованія *чужимъ домомъ*, *чужою землею*,

обѣщая за это плату по своему усмотрѣнію и не спрашивая о цѣнѣ хозяина» (№ 35).

Въ отвѣтѣ своемъ (№ 38 *Дня*) Унковскій представилъ подробныя фактическіе разъясненія и заключалъ его слѣдующими словами: «что касается до обвиненія меня въ оскорбленіи дворянства (оскорбленіе усмотрѣно было въ томъ мѣстѣ его первой статьи, гдѣ говорилось, что дворяне, уменьшая надѣлы крестьянъ, послѣ обнародованія рескриптовъ 1857 г., могли вовсе лишить крестьянъ обезпеченія землею), то я не считаю нужнымъ отвѣчать на него. Оскорбиться этими словами могутъ только тѣ, которые стѣсняются всякими обязательными правилами Положеній и жалѣютъ, что дѣло поземельнаго устройства крестьянъ не предоставлено исключительно ихъ рыцарскому благородству и великодушію».

Кончилось это дѣло, уже безъ участія Унковскаго, *въ пользу* крестьянъ, но, къ счастью, ужасы, предсказанные Кассандрами-крѣпостниками не оправдались, и право собственности въ Россіи не рушилось. Въ видахъ безпристрастнаго рѣшенія дѣла споръ былъ переданъ изъ рязанскаго съѣзда на разсмотрѣніе другаго съѣзда, раненбургскаго. Какъ этотъ съѣздъ, такъ и рязанское губернское присутствіе признали, что отыскиваемые песочинскими крестьянами луга дѣйствительно водили при крѣпостномъ правѣ въ составъ ихъ надѣла, и потому признали заявленное Унковскимъ требованіе о включеніи луговъ въ уставную грамоту *вполнѣ законнымъ*.

Но не смотря на выигрышъ дѣла, сила противниковъ крестьянъ была такъ велика, что песочинскіе крестьяне не могли добиться отъ мироваго посредника Приклонскаго, не смотря на двукратное предписаніе губернскаго присутствія о безотлагательномъ исполненіи рѣшенія (отъ 31 августа), еще къ ноябрю и потеряли въ тотъ годъ покосъ [8]).

Вотъ какъ понимали краснорѣчивые крѣпостники: noblesse oblige и какъ на дѣлѣ осуществляли проповѣдываемое ими «уваженіе къ существующимъ законамъ». Развѣ могъ ждать отъ нихъ пощады Унковскій? Онъ это, впрочемъ, хорошо понималъ

---

[8]) См. № 44 *Дня,* Корреспонд. изъ Рязани.

какъ и всѣ тѣ, которые предпочитаютъ гладкимъ дорогамъ и и сладкому питанью иную дорогу [9]) — служеніе долгу.

Другое крупное столкновеніе было у Унковскаго съ графомъ Д. А. Толстымъ (впослѣдствіи министромъ народнаго просвѣщенія, а съ 1882 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ), выступившимъ въ качествѣ повѣреннаго своей жены. По уставной грамотѣ на с. Вакино, Зарайскаго уѣзда, изъ существовавшаго надѣла въ 1587 десятинъ отрѣзывалось въ пользу графини Толстой 468 десятинъ, въ томъ числѣ лучшаго поемнаго луга по р. Окѣ 152 десятины, съ замѣною его неудобною береговою землею въ видѣ сплошнаго песка и безъ почвы. Дѣлая такіе отрѣзки, вмѣстѣ съ тѣмъ уставная грамота вмѣсто прежняго оброка въ 5500 р. налагала на крестьянъ 6281 р. [10]) Крестьяне, недовольные грамотою, между прочимъ, передали Унковскому, что въ составъ надѣла включена земля въ 441 десятину, которая принадлежитъ *имъ въ собственность* и которую они пріобрѣли при дѣйствіи крѣпостнаго права, въ силу закона, на имя помѣщика Они представляли всевозможные домашніе акты какъ-то подворныя описи вотчинной конторы, домашніе передаточные акты, засвидѣтельствованные причтомъ, нѣсколько копій съ купчихъ крѣпостей на пріобрѣтеніе крестьянами земель на имя помѣщика, и другіе домашніе акты, съ очевидностью доказывавшіе право крестьянъ. Мировой посредникъ рѣшилъ дѣло въ ихъ пользу. Дѣло перешло въ мировой съѣздъ.

Графъ Д. А. Толстой, явившись въ съѣздъ, требовалъ немедленнаго разсмотрѣнія дѣла, ссылаясь на то, что ему нужно ѣхать въ Петербургъ. Съѣздъ уже соглашался было исполнить просьбу графа, *не читая* документовъ (какова идиллія!), но одинъ мировой посредникъ настоялъ на необходимости предварительнаго ознакомленія съ документами. Прочитавъ документы, этотъ протестантъ призналъ правоту крестьянъ, о чемъ и внесъ записку

---

[9]) Напомню, что эти „Двѣ дороги", прелестно изображены въ стихотвореніи симпатичнаго поэта Плещеева, помѣщенномъ какъ разъ въ томъ же 38 № *Дня*, гдѣ напечатанъ послѣдній отвѣтъ Унковскаго барону Бюлеру

[10]) *Отечественныя Записки* (1862, № 11), откуда мы заимствуемъ всѣ данныя по дѣлу, съ ироніею восклицаютъ: „это значитъ быть вакинскихъ крестьянъ *улучшенъ*" (стр. 22).

къ слѣдующему съѣзду. Но тутъ большинство съѣзда признало неудобнымъ слушать дѣло. Дѣло откладывалось нѣсколько разъ и наконецъ большинствомъ голосовъ рѣшено противъ крестьянъ. Въ губернскомъ присутствіи голоса тоже раздѣлились. Дѣло дошло (уже по устраненіи Унковскаго отъ ходатайства) до Главнаго Комитета, гдѣ голоса тоже раздѣлились. Только благодаря заступничеству великаго князя Константина Николаевича, подавшаго голосъ вмѣстѣ съ меньшинствомъ, Государь утвердилъ мнѣніе его, и наконецъ крестьяне *получили свою собственность.*

Третье дѣло дѣвицъ графинь Сантисъ, послужившее ближайшею причиною новой невзгоды, выпавшей на Унковскаго, было такого же характера, какъ и дѣло кн. Черкасской о поемныхъ лугахъ по Окѣ [11]).

Крестьянская адвокатская практика Унковскаго шла очень успѣшно, и онъ въ теченіе непродолжительнаго времени успѣлъ выиграть у помѣщиковъ 18 дѣлъ.—Этотъ успѣхъ крайне встревожилъ крѣпостниковъ, которые и поспѣшили опять подкопаться подъ Унковскаго. Казалось-бы, невозможно было найти ни сучка, ни задоринки въ этой открытой, законной, честной, безкорыстной дѣятельности, происходившей у всѣхъ на глазахъ и имѣвшей цѣлью помочь темнымъ, несвѣдующимъ въ законахъ крестянамъ отстоять на судѣ свои законныя домагательства. — А всетаки и тутъ съумѣли найти нѣчто незаконное и опасное для спокойствія крѣпостниковъ, и Унковскій, подвергся *четвертому* административному взысканію, и министръ П. А. Валуевъ уже въ 1862 г. исходатайствовалъ воспрещеніе Унковскому заниматься крестьянскими дѣлами, что равносильно было ограниченію Унковскаго въ правахъ состоянія и лишенію крестьянъ права судебной защиты, такъ какъ другихъ адвокатовъ, пользующихся довѣріемъ крестьянъ, не было.

[11]) Изъ 400 десятинъ лучшаго поемнаго луга, находившагося въ надѣлѣ 4 крестьянскихъ обществъ (села Васильевскаго, Апатьева и др.), отрѣзали 320 десятинъ, кромѣ того, отдано было въ надѣлъ 114 десятинъ овраговъ съ отвѣсными стѣнами и каменистымъ дномъ. Отрѣзавъ у крестьянъ 320 десятинъ (стоившихъ не менѣе 3000 р. въ годъ), повинности ихъ оставили прежнія—6000 р. въ годъ, т. е. бытъ крестьянъ *ухудшился вдвое* (н. № *Отеч. Зап.*, 1862 № 11, стр. 25).

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Съ конца 1862 г. Унковскій опять очутился не у дѣлъ, подобно другу своему М. Е. Салтыкову, оставившему должность тверского вице-губернатора изъ-за одного недоразумѣнія. Оба они обращаются къ журналистикѣ, какъ къ «единственному въ это время надежному и прочному средству для возбужденія сочувствія къ знанію и вообще къ прогрессу» [1]).

Какъ уже было замѣчено, Унковскій былъ принятъ хорошо въ московскихъ литературныхъ кружкахъ, съ которым и онъ поддерживалъ съ конца 50-хъ годовъ дружескія отношенія. Онъ уважалъ честность и прямоту И. С. Аксакова, но въ политическихъ убѣжденіяхъ ближе сходился съ М. Н. Катковымъ, который, находясь въ это время въ зенитѣ своего англоманства и конституціонализма, считалъ немыслимымъ прочный политическій прогрессъ безъ гарантій свободныхъ учрежденій. Но уже съ 1863 г. А. М. и Катковъ окончательно разошлись—Съ Аксаковымъ, который, какъ извѣстно, любилъ идеализировать, фантазировать и витать въ эмпиреѣ отвлеченностей, въ родѣ «свободы духа» и пр., Унковскому часто приходилось спорить и доказывать всю фальшь и вредъ безсильнаго, кислосладкаго либеральничанья на словахъ, вредъ того неискренняго щелканья соловья - либерала, сущность котораго Салтыковъ, со свойственною ему мѣткостью, охарактеризовалъ словами «ахъ! какъ-бы я тебя жамкнулъ, кабы только умѣлъ!» [2]) Для харак-

---

[1]) См. Современникъ 1861 № 4 внутр. обозр., приписываемое Салтыкову, (стр, 111).

[2]) Сочиненія II, 12.

теристики этихъ споровъ можно привести одинъ случай. Разъ Унковскій былъ разбуженъ рано утромъ Аксаковымъ, который, влетѣвъ къ нему въ спальню, запыхавшись и весь сіяя, громко кричалъ: «ахъ какая новость! Головнинъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія, вѣдь это все равно что Герценъ, вотъ когда у насъ будетъ свобода печати».—Долго съ нимъ спорилъ Унковскій, доказывая, что Герценъ и Головнинъ не одно и то же, но экзальтированный Аксаковъ ничего не хотѣлъ слышать. Къ сожалѣнію, событія слишкомъ скоро остудили экзальтацію Аксакова: черезъ нѣсколько времени (весною 1862 г.) былъ пріостановленъ Валуевымъ его *День* на четыре мѣсяца.

Не будучи профессіональнымъ журналистомъ, Унковскій до 1862 г. обращался къ публицистикѣ только урывками, какъ къ подспорью своей оффиціальной общественной дѣятельности, и лишь съ 1862 г., когда онъ вынужденъ былъ покинуть общественную службу, крестьянскую адвокатуру онъ вступилъ въ число сотрудниковъ *Современника* и посвящалъ литературѣ больше времени и труда.

Первая публицистическая статья А. М. относится ко времени разгара крестьянской реформы, къ концу 1858 г. Правительство, вслѣдствіе настойчиваго домогательства тверской дворянской депутаціи, во главѣ которой стоялъ А. М. Унковскій, рѣшилось, послѣ долгихъ колебаній, отказаться отъ первоначальной мысли освободить крестьянъ съ однѣми усадьбами и разрѣшило тверскому комитету, а затѣмъ и другимъ включить въ свой проектъ надѣленіе крестьянъ полевыми угодьями, съ правомъ выкупа ихъ. (См. выше гл. V) Проводя въ комитетѣ свой проектъ выкупа, обязательнаго для помѣщиковъ, Унковскій, въ видахъ пропаганды своей мысли, обратился къ содѣйствію *Русскаго Вѣстника* М. Н. Каткова. Придавая громадное значеніе гласности и будучи увѣренъ, что многіе противники выкупа надѣловъ и вообще рѣшительнаго, радикальнаго рѣшенія крестьянскаго вопроса, дѣйствуютъ по невѣжеству и непониманію дѣла и полному незнакомству съ элементами соціально-экономическихъ наукъ, Унковскій намѣревался сначала публиковать журналы тверскаго комитета въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Между редакціею журнала и комитетомъ состоялось уже соглашеніе, но

мысль эта должна была быть оставлена вслѣдствіе происковъ крѣпостниковъ, которые боялись гласности, какъ огня.

Тогда Унковскій рѣшился, въ явный соблазнъ для хранителей старыхъ барскихъ предводительскихъ традицій, выступить на журнальное поприще для уясненія предъ общественнымъ мнѣніемъ и дворянствомъ другихъ губерній пользы своего проекта выкупа для обѣихъ сторонъ. Въ статьѣ «Замѣчанія о необходимости и пользѣ выкупа», напечатанной въ т. XIX *Русскаго Вѣстника* за 1859 г., Унковскій защищалъ тѣ же мысли, которыя высказаны были имъ въ извѣстной Запискѣ своей, поданной Александру II въ концѣ 1857 г. (см. гл. IV) Онъ доказывалъ, что освобожденіе крестьянъ безъ земли противорѣчитъ коренным понятіямъ народа и будетъ служить источникомъ безконечныхъ раздоровъ между крестьянами и помѣщиками, которые сохраняютъ право надзора за землею, отданную крестьянамъ въ пользованіе. Это будетъ освобожденье на словахъ, а не на дѣлѣ. Съ другой стороны, и для помѣщиковъ выкупъ выгоднѣе, такъ какъ они получаютъ въ собственность вмѣсто необезпеченныхъ оброковъ, капиталъ, столь необходимый при вольнонаемномъ трудѣ.

Нечего и говорить, что статья Унковскаго, помимо своего содержанія, вызвала сенсацію уже самымъ фактомъ своего появленія. Унковскій едва-ли не первый изъ губернскихъ предводителей профанировалъ свое званіе, выступая въ плебейскомъ амплуа журналиста. Предводитель дворянства въ роли «писателя» долженъ былъ въ то время казаться чѣмъ-то необыкновеннымъ уже и потому еще, что огромное большинство дворянства не только не писало, но и не читало ничего. Мало того, какъ удостовѣряетъ тверской губернскій комитетъ, «въ огромной массѣ помѣщичьихъ усадьбъ даже чистая бумага была большая рѣдкость».

Вторично Унковскій обратился, къ печатному слову уже какъ «крестьянскій адвокатъ», что произвело еще большій скандалъ, такъ какъ тутъ была усмотрѣна прямо «измѣна» дворянскому сословію: такъ своеобразно понимали знатные противники его esprit de corps благороднаго сословія.

Унковскій долженъ былъ обратиться къ печати (*Московскія*

Вѣдомости В. Ѳ. Корша и *День* И. С. Аксакова), чтобы разъяснить обществу такую азбучную истину, какъ право крестьянъ избирать себѣ повѣреннаго. Замѣчательно, что противъ Унковскаго возставали не только прямо задѣтые въ своихъ матеріальныхъ интересахъ помѣщики, [3]) но и нѣкоторые мировые по-

[3]) Салтыковъ, слѣдившій съ большимъ вниманіемъ за крестьянскимъ вопросомъ, выступилъ въ одной изъ своихъ хроникъ противъ поэта Фета-Шеншина, когда тотъ отъ поэзіи перешелъ къ той затхлой публицистической прозѣ, про которую Жемчужниковъ говоритъ:

Искупятъ *прозу* Шеншина
Стихи плѣнительные Фета.

Въ *Русск. Вѣст.* 1862 г. № 1 Фетъ напечаталъ статью, въ которой, жалуясь на притѣсненія крестьянскими учрежденіями дворянъ *въ угоду крестьянамъ,* сѣтуетъ на то, что у него чуть-чуть не пропало за рабочимъ 11 р. и что крестьянскіе гуси потравили было его пшеницу. Салтыковъ, между прочимъ, писалъ Фету: „Вообще мнѣ кажется, что Вы нѣсколько завидуете счастливымъ поселянамъ. Это неоднократно случалось и со мной, особливо, когда ѣдешь, бывало, темнымъ осеннимъ вечеромъ по грязи и слякоти, а на тебя такъ привѣтливо смотрятъ огоньки изъ „бѣдныхъ, Богомъ хранимыхъ“ хижинъ. Но зависть эта сейчасъ же унималась, какъ только я убѣждался, что съ этими огоньками соединяется понятіе о лучинѣ, о дымѣ и смрадѣ, который при этомъ распространяется; и еще унималась зависть, когда я тутъ же встрѣчалъ обозъ и собственными глазами увѣрялся, что я всетаки сижу въ болѣе или менѣе покойномъ экипажѣ, а счастливый поселянинъ идетъ за своимъ возомъ пѣшкомъ, да часто еще обязывается лично помогать своей испитой клячонкѣ. Право, займитесь когда нибудь подобными же размышленіями; это совсѣмъ не трудно, потому что здѣсь требуется только добросовѣстность и часъ, другой времени, требуется, однимъ словомъ, мысленно поставить себя на мѣсто счастливаго поселянина. Вы это можете сдѣлать съ успѣхомъ, потому что обладаете хорошимъ художественнымъ талантомъ.

„И вѣрьте, г. Фетъ, что этотъ совѣтъ даетъ Вамъ не столько литераторъ, къ которому (не ко мнѣ собственно, а къ собирательному имени). Вы вообще питаете нелюбовь, сколько сельскій хозяинъ, самъ на практикѣ испытавшій всю горечь этого ремесла. Дѣйствительно, собственный интересъ дороже всего на свѣтѣ: какъ займешься имъ съ надлежащимъ усердіемъ, то кажется, что никто-то объ немъ не радитъ, никто-то ничего не дѣлаетъ, всѣ-то пьянствуютъ или празднуютъ. Иногда, однако, раздумаешься. Будемъ приводить примѣры практическіе, возьмемъ напримѣръ, пахоту. Извѣстно Вамъ, г. Фетъ, что одинъ работникъ съ сохой на исправной лошади, или съ плугомъ на двухъ лошадяхъ долженъ вспа-

средники, считавшіе себя, и безъ участія повѣреннаго крестьянъ, способными отстоять ихъ права и признававшіе неумѣстнымъ вмѣшательство въ крестьянскія дѣла «посторонняго лица».

хать въ день полдесятины это урокъ и при томъ умѣренный; извѣстно Вамъ также, что работая съ сохой или плугомъ, счастливый поселянинъ не просто гуляетъ и покрикиваетъ на лошадей, но напрягаетъ свои мышцы почти наравнѣ съ лошадью. Но Вамъ неизвѣстно, быть можетъ, сколько верстъ проходитъ работникъ, гуляя такимъ образомъ: онъ проходитъ до 15 верстъ, напрягая свои мускулы самымъ усиленнымъ образомъ, и увязая при томъ въ вязкой, только что вспаханной почвѣ. Мало Вамъ этого примѣра—возьмите навозницу, тѣмъ болѣе, что этотъ трудъ въ понятіяхъ сельскихъ хозяевъ слыветъ чуть-чуть не увеселительнымъ. Положимъ, что пашня Ваша отстоитъ отъ скотнаго двора на версту; работникъ, за исключеніемъ всѣхъ отдыховъ, работаетъ въ лѣтній день 12—14 часовъ, слѣдовательно, въ исправномъ хозяйствѣ, онъ долженъ оборотить въ день туда и назадъ, по малой мѣрѣ, десять разъ, т. е. наложить, привезти на мѣсто, сложить и раскидать тамъ десять возовъ, полагая въ каждомъ пудовъ около 25. Отсюда для работника проистекаютъ слѣдующія обязанности: а) пройти пѣшкомъ въ день двадцать верстъ; б) вскинуть на каждый возъ, на высотѣ отъ 1 до $1^1/_2$ арш. до 25 пудовъ тяжести, итого 250 пудовъ, и в) таковое же количество пудовъ тяжести раскидать по полю. И все это исполнить за 30 к. сер. въ сутки, или много много за 40. А косьба, а жнитво? какъ оцѣнить эту мучительную работу? Слова нѣтъ, что работникъ все это долженъ сдѣлать, что это его прямая обязанность, но согласитесь же что въ самой трудности этой обязанности есть... ну, хоть нѣкоторое смягчающее обстоятельство. И вотъ, въ ту минуту, когда работникъ не довезетъ одного воза или не допашетъ полуаршина, мы говоримъ, что объ насъ никто не радитъ, что рабочіе празднуютъ и только даромъ хлѣбъ ѣдятъ! Быть можетъ, Вы возразите, что при такихъ размышленіяхъ никакое сельское хозяйство не можетъ идти. Ну да, этотъ вопросъ я предоставляю Вамъ разрѣшать, какъ угодно; я собственно настаиваю на томъ, что размышленія, сейчасъ мною приведенныя, не придти не могутъ. И потому-то именно мнѣ кажется, что удобно заниматься сельскимъ хозяйствомъ возможно только тому, кто въ это дѣло можетъ помѣстить свой собственный трудъ. Конечно, Вы можете еще сказать, что помѣщичьи хозяйства—это, такъ сказать, ядро, житница и т. д. Ну да, я и этотъ вопросъ вполнѣ отдаю на Ваше разрѣшеніе, а что и крестьянскія хозяйства могутъ служить и ядромъ и житницей—въ этомъ Вамъ служитъ порукою, напримѣръ, Вятская губернія. Въ этомъ краѣ помѣщичьихъ хозяйствъ очень мало, а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ и совсѣмъ нѣтъ,—и представьте же себѣ, онъ не только снабжа-

Унковскій вынужденъ былъ выступить въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* со статьею «*Крестьянскіе повѣренные*» [4]) и горячо доказывать положенія, которыя теперь всѣмъ и каждому кажутся юридическими аксіомами. Унковскій писалъ: если крестьяне освобождены, если Положеніе 19-го февраля даровало имъ извѣстныя гражданскія права, то необходимо имъ предоставить и право судебной защиты, въ составъ котораго входитъ и право избранія повѣреннаго. Что касается мнѣнія мировыхъ посредниковъ, что они сами могутъ защищать интересы крестьянъ, то Унковскій объясняетъ (и такія-то вещи нужно было разъяснять!), что нельзя одновременно быть и адвокатомъ одной стороны и судьею, обязаннымъ соблюдать безпристрастіе, что такая двойственность неизбѣжно вызываетъ недовѣріе одной изъ тяжущихся сторонъ. Ссылаясь далѣе на то, что для крестьянскихъ общинъ, какъ юридическихъ лицъ, неизбѣжно обращеніе къ представителямъ, къ «ходокамъ», А. М. указываетъ на неудобства, сопряженныя съ обращеніемъ къ «ходокамъ» изъ крестьянской среды. Ходоки, будучи сами несвѣдущи въ законахъ, невольно и сами путаются, и своихъ односельчанъ вводятъ въ заблужденіе, что обыкновенно приводитъ къ тому, что или ходоковъ наказываютъ за возбужденіе къ ябедническимъ дѣламъ, или подвергаютъ экзекуціи самихъ крестьянъ, оказывающихъ сопротивленіе властямъ по непониманію ими своихъ правъ и смысла законовъ. Все это дѣлаетъ необходимымъ обращеніе къ повѣренному, свѣдущему въ законахъ и могущему наставить крестьянъ, если онъ пользуется ихъ довѣріемъ. Вотъ какіе элементы права приходилось разъяснять помѣщикамъ, выражавшимъ «удивленіе и даже порицаніе» Унковскому за принятіе крестьянскихъ дѣлъ.

Въ 1862 г. Унковскій собирался вмѣстѣ съ Салтыковымъ издавать газету *Русская Правда*, но разрѣшенія не послѣдовало. По приглашенію Салтыкова, во второй половинѣ 1862 г., когда

етъ хлѣбомъ цѣлый бѣломорскій край, но даже огромную пропорцію отпускаетъ черезъ Архангельскій портъ за-границу"! (*Современникъ* 1864 № 4. Наша Общест. жизнь).

[4]) *Московскія Вѣдомости* 1861, № 94.

онъ окончательно примкнулъ къ *Современнику* (помимо своихъ разсказовъ, Салтыковъ велъ хронику общественной жизни, писалъ письма изъ Москвы за подписью Гурина), Унковскій также вошелъ въ этотъ лучшій русскій журналъ. Оба они, не имѣя никакого оффиціальнаго положенія, могли свободнѣе отдаться журналистикѣ. Ближайшимъ поводомъ, давшимъ толчекъ публицистической дѣятельности А. М., было опубликованіе въ *Собраніи Узаконеній* и *Распоряженій Правительства* Высочайше утвержденныхъ 29 сентября 1862 г. знаменитыхъ *Основныхъ Положеній преобразованія судебной части* (съ судебною несмѣняемостью, судомъ присяжныхъ и пр.). Этотъ важный правительственный актъ, внушенный просвѣщенною иниціативою С. И. Заруднаго, произвелъ на общество громадное впечатлѣніе.

Могъ ли въ это время молчать Унковскій, едва ли не самъ первый заговорившій въ оффиціальной бумагѣ объ этихъ краеугольныхъ камняхъ разумнаго общежитія и отчасти даже пострадавшій въ 1859 г. за эти свои «дерзкія бредни». Онъ, забывая прошлое, какъ истый общественный слуга, радовался, что его любимыя идеи близки къ осуществленію, но онъ былъ лишенъ лучшаго изъ утѣшеній борца за идеи, а именно сознанія того, что обезпечено ихъ полное торжество. Онъ видѣлъ прорѣхи въ прекрасномъ, въ общемъ, планѣ новаго величественнаго зданія судебныхъ установленій и далекій отъ возможности сказать: «нынѣ отпущаеши», считалъ нужнымъ продолжать прежнюю кампанію, такъ какъ программу судебной реформы, изложенную въ его знаменитыхъ *«Соображеніяхъ по докладамъ Редакціонной Коммиссіи»*, далеко нельзя было счесть вполнѣ усвоенною Основными Положеніями 1862 г.

Въ первой половинѣ февраля 1863 г. послѣ восьмимѣсячнаго вынужденнаго молчанія вышелъ [5]) огромный двойной томъ (за

---

[5]) По поводу этого „пребыванія во чревѣ кита", какъ выразился авторъ „Обзора журналовъ", Чернышевскій, или „поста", какъ выразился другой хроникеръ (М. Е. Салтыковъ), послѣдній писалъ: „очистились ли мы постомъ и покаяніемъ? Что постъ былъ—это достовѣрно, въ этомъ въ особенности убѣдилась сама редакція „Современника". Не то чтобы идея поста была совершенно противна „Современнику", но, конечно, было бы желательно, чтобы срокъ воздержанія былъ назначенъ менѣе

январь и февраль) *Современника*, украшенный рядомъ блестящихъ именъ [6]). Въ первыхъ книгахъ были напечатаны двѣ статьи Унковскаго о судебной реформѣ подъ заглавіемъ: «Новыя основанія судопроизводства» (см. приложеніе I). Статьи эти замѣчательны, какъ отголосокъ наиболѣе развитой и проницательной части общественнаго мнѣнія, которая, съ восторгомъ привѣтствуя «Основныя Положенія» судебной реформы, совершенно правильно, зрѣло смотрѣла на дѣло и ясно, отчетливо, можно сказать пророчески до ясновидѣнія, сознавала тѣ препятствія, которыя будутъ на практикѣ мѣшать успѣху реформы,—и потому не предавалась оптимистическимъ иллюзіямъ, еще такъ недавно увлекавшимъ общество. Статьи Унковскаго, бросая крайне назидательный ретроспективный свѣтъ на исторію судебной реформы, заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія со стороны членовъ новой коммиссіи по пересмотру Судебныхъ Уставовъ. Отсылая читателей къ извлеченіямъ изъ статей, приводимымъ въ Приложеніи 1-омъ, отмѣтимъ, какъ драгоцѣнную для характеристики нравственной личности Унковскаго, черту. Несмотря на то, что Унковскій своею дѣятельностью, какъ видно изъ предшествовавшаго изложенія (см. главы V и VI), такъ много способствовалъ пропагандѣ основъ раціональнаго судопроизводства и судоустройства, онъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ, хотя бы въ видѣ библіографическихъ примѣчаній, на свои вышеупомянутыя записки, имѣющія не только литературный, но и историческій интересъ. Мало того: забывая свои старые счеты и личныя невзгоды, Унковскій съ умиленіемъ восклицаетъ: «обна-

---

щедрою рукою. Это тѣмъ болѣе желательно, что было бы вполнѣ согласно и съ подлежащими постановленіями, которыя нигдѣ не заповѣдано, чтобы постъ продолжался восемь мѣсяцевъ. Будемъ надѣяться, что это случилось нечаянно и что съ обнародованіемъ новыхъ законовъ книгопечатанія будутъ взысканія иныя, болѣе пріятныя и не менѣе полезныя мѣропріятія". („Совр.", №№ 1 и 2, Наша общест. жизнь, 359—360.

[6]) Помимо Чернышевскаго и Салтыкова мы видимъ Некрасова, Слѣпцова, Плещеева, И. И. Якушкина, Берга, Антоновича, Унковскаго, В. П. Буренина, Ю. Г. Жуковскаго (между „Что дѣлать?" и статьей Унковскаго). Какъ много говоритъ этотъ списокъ и безъ комментаріевъ! Отмѣтимъ какъ курьезъ, что тотъ же „Современникъ" жалуется на оскудѣніе литературы. (Совр., №№ 3 и 4).

рованныя «Основныя Положенія» для преобразованія судебной части представляютъ такой громадный шагъ на пути нашего общественнаго развитія, что одна эта реформа сама по себѣ могла бы *прославить нынѣшнее царствованіе* и заслужить ему вѣчную благодарность всѣхъ грядущихъ поколѣній».

Окончивъ въ трехъ номерахъ статьи о судебной реформѣ Унковскій, еще написалъ превосходную статью объ основахъ раціональнаго обложенія (см. приложеніе II), которая и нынѣ читается съ большимъ удовольствіемъ и пользою.

Въ Петербургѣ Унковскій помѣщалъ статьи, кромѣ «*Современникъ*», также и въ «*С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*» В. Ѳ. Корша, а чрезъ Громеку примыкалъ и къ «*Отечественнымъ Запискамъ*».

Когда съ утвержденіемъ Судебныхъ Уставовъ стало вѣроятнымъ учрежденіе въ близкомъ будущемъ въ Россіи независимой честной адвокатуры, Унковскій сталъ готовиться къ этой профессіи. Къ этому времени относятся его наиболѣе усидчивыя научныя юридическія занятія. Онъ составилъ большой трактатъ «о теоріи доказательствъ», который однако не успѣлъ напечатать. Подъ своею редакціею и на свои средства Унковскій издалъ слѣдующіе переводы: 1) Опытъ теоріи косвенныхъ уликъ Уильза, съ англійскаго. 2) Руководство къ судебной защитѣ Миттермайера. 3) Его же Уголовное судопроизводство въ Англіи, Шотландіи и Сѣверной Америкѣ и 4) Судебная Медицина Шауенштейна—съ нѣмецкаго.

Въ концѣ 1865 г. стали уже дѣлаться приготовленія къ открытію новыхъ судебныхъ установленій и тутъ только Унковскій узналъ, что онъ, какъ попавшій въ разрядъ неблагонадежныхъ, не можетъ сдѣлаться адвокатомъ. Начальникъ III отдѣленія кн. В. А. Долгоруковъ заявилъ ему, что такъ какъ онъ отказался принять должность отъ Ланскаго и кромѣ того участвовалъ въ извѣстномъ бурномъ собраніи Тверскаго дворянства 1862 г., послѣ котораго мировые посредники были посажены въ крѣпость, то не будетъ принятъ правительственною коммиссіею, составлявшею списокъ присяжныхъ повѣренныхъ. Унковскому нужно было путемъ особаго метамисихоза очиститься отъ лежащаго на немъ пятна неблагонадежности, а именно предварительно занять ка-

кую нибудь должность, замѣщаемую Высочайшею властью. Унковскій остановился на службѣ въ контрольномъ вѣдомствѣ, которое только что открывало свои Палаты. Въ декабрѣ 1865 г. онъ былъ назначенъ и. д. Управляющаго Нижегородскою Контрольною Палатою, которую и открылъ 1-го января, 1866 г.

Съ обычною своею энергіею и умѣньемъ, онъ старался и здѣсь найти живое дѣло, а не ограничиваться пустою перепискою. Но съ этой стороны служба въ контролѣ его не удовлетворяла. Симпатичное по идеѣ, дѣло это часто сводилось къ пустой формѣ и безплодной перепискѣ, когда задѣты были высокопоставленыя лица. Съ одной стороны дѣлали придирки напр. почтовому вѣдомству, когда оно для пополненія нищенскаго содержанія почтовыхъ чиновниковъ переносило ассигнованныя суммы изъ одного параграфа въ другой и чуть не считали перья и листы исписанной бумаги, а когда Унковскій открылъ громадныя злоупотребленія по очисткѣ Дона, началась безконечная переписка съ Министерствомъ путей сообщенія, не приведшая ни къ чему. Открылъ злоупотребленія Унковскій и въ Нижнемъ, гдѣ напр., для дворца брали дровъ на отопленіе ста лишнихъ печей, сверхъ существовавшихъ, брали тройные и четверные прогоны за одинъ конецъ и пр. Унковскій неоднократно указывалъ автору контрольныхъ учрежденій Татаринову, что пока контроль будетъ находиться въ зависимости отъ администраціи, толку не будетъ, и что лучше всего контролю свои споры съ разными вѣдомствами передавать на разсмотрѣніе гласнаго суда, что гласность лучше всего искореняетъ злоупотребленія. Но Татариновъ считалъ мысль Унковскаго неосуществимою и говорилъ, что контроль это машина, которая если не теперь, то впослѣдствіе пригодится при лучшемъ порядкѣ вещей. Унковскій не считалъ возможнымъ ждать этого неопредѣленнаго будущаго и 24 октября 1866 г., онъ оставилъ службу въ контролѣ и переѣхалъ въ Петербургъ, чтобы заняться адвокатурою.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Унковскій и русская адвокатура!...

Какъ дико должно было звучать это сопоставленіе еще такъ недавно, въ 1865 г., когда Унковскій рѣшился перейти со службы въ государственномъ контролѣ въ адвокатуру. Можно-ли было представить себѣ, всего какихъ - нибудь десять лѣтъ передъ тѣмъ, болѣе рѣзкую антитезу, нежели Унковскій, эта воплощенная честность, нравственная опрятность и стойкость въ убѣжденіяхъ, и тѣ подонки общества, тѣ грязнѣйшіе отбросы дореформенной грязной чиновнической среды, которые составляли главный контингентъ дореформенной адвокатуры, имѣвшей назначеніемъ либо строчить бестыжія ябеды, либо ходатайствовать съ задняго крыльца съ вливаньемъ въ «горло бутылки мадеры» мелкотѣ и съ подпесеніемъ «барашка въ бумажкѣ» болѣе крупнымъ щукамъ, вершившимъ дѣла? Припомните только сидящаго въ острогѣ за ложный доносъ Щедринскаго ябедника Перегоренскаго изъ семинаристовъ, который, «получилъ страсть къ истинѣ, всосавъ ее съ млекомъ матери» и еще будучи секретаремъ въ магистратѣ, изобрѣлъ слѣдующія науки: «правдистику, патріотистику и монархоманію» [1]), или дворянина-прихлебателя у именитаго купечества Прохора Семеновича Боченкова, который «видомъ кляузенъ, жидокъ и зазоренъ, непрестанно чешетъ себѣ колѣни, душу же хранитъ во всей чернильной непорочности, всегда готовую на послугу или на пакость, смотря по силѣ возможности» [2]). Припомните еще гоголевскаго колдуна-юрисконсульта, который «все путалъ, все путалъ и, на-

---

[1]) Сочин. I, 258.

[2]) Тамъ же I, 104.

конецъ, самого Павла Ивановича Чичикова, который, выгнанный со службы, долженъ былъ сжаться и *унизиться* до «стряпничества», обложеннаго адреснымъ сборомъ на равнѣ съ прислугою.

Вотъ типы дореформенной русской адвокатуры, вступленіе въ ряды которой всякій порядочный человѣкъ считалъ для себя зазорнымъ еще въ половинѣ 50-хъ годовъ. И вдругъ Унковскій берется за такое дѣло, которое считалъ неприличнымъ для себя даже Чичиковъ. Какъ могла совершиться въ короткое время столь чудесная метаморфоза, столь поразительная эволюція, въ сравненіи съ которою переходъ гориллы въ homo sapiens кажется сущею бездѣлицею? Это чудо было одною изъ тѣхъ многочисленныхъ дивныхъ, поразительныхъ метаморфозъ, которыми такъ богата была богатырская эпопея эпохи великихъ реформъ и въ частности исторія созиданія нашихъ новыхъ судебныхъ установленій.

Еще въ концѣ пятидесятыхъ годовъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ господствовало предубѣжденіе или скорѣе паническій страхъ предъ словомъ «адвокатъ», унаслѣдованные отъ николаевскаго времени. На замѣчаніе московскаго генералъ-губернатора кн. В. Д. Голицына о необходимости, для правильнаго рѣшенія дѣлъ, учрежденія адвокатуры, императоръ Николай I, нахмурившись, отвѣчалъ: «Да ты, я вижу, долго жилъ во Франціи и, кажется, еще во время революціи, а потому неудивительно, что ты усвоилъ себѣ тамошніе порядки.—А, кто, продолжалъ Государь громко, кто погубилъ Францію, какъ не адвокаты, вспомни хорошенько! Кто были Мирабо, Маратъ, Робеспьеръ и другіе? Нѣтъ князь, заключилъ Государь, пока я буду царствовать — Россіи не нужны адвокаты, безъ нихъ проживемъ» [3]). Такой взглядъ былъ въ полной силѣ еще въ концѣ 1857 г., когда министръ юстиціи гр. Панинъ исходатайствовалъ особое Высочайшее повелѣніе, коимъ воспрещалось Государственному Совѣту касаться вопроса объ адвокатурѣ.

Но съ первыми лучами весенняго солнца 1861-го года, когда стали мѣняться основы дореформеннаго быта стали таять и многіе

[3]) *Русская Старина*, 1886 г. № 12.

старые предразсудки, и въ томъ числѣ предразсудокъ противъ адвокатуры. Уже въ основныхъ началахъ 29-го сентября 1862 года было признано необходимымъ, согласно указаніямъ тверского и другихъ губернскихъ комитетовъ, учрежденіе независимой адвокатуры, при чемъ въ жертву старому предразсудку принесено было слово «адвокатъ», замѣненное выраженіемъ «присяжный повѣренный» Съ изданіемъ же Судебныхъ Уставовъ адвокатура получила превосходную раціональную организацію, согласно съ лучшими европейскими образцами въ Англіи и во Франціи, гдѣ она считается однимъ изъ надежнѣйшихъ оплотовъ гражданской свободы и законности. Съ другой стороны та независимость и демократическое равенство, которыя изстари составляли свойство адвокатуры, дѣлали ее привлекательною для людей съ независимымъ характеромъ. Характеризуя эту особенность адвокатуры, одинъ изъ старыхъ французскихъ адвокатовъ говорилъ: «Свободный отъ всѣхъ путъ, кои связываютъ другихъ людей, слишкомъ гордый, чтобы выбирать себѣ покровителей, слишкомъ скромный, чтобы имѣть клевретовъ, безъ господина и безъ раба, адвокатъ являлъ бы человѣка въ его первобытномъ достоинствѣ, если бы только могъ существовать таковой». Вотъ этою-то своею стороною адвокатура была всегда заманчива для людей нестяжательныхъ, честныхъ и независимыхъ. Они шли въ адвокатуру для активной борьбы со зломъ, какъ въ средніе вѣка люди порядочные шли въ монастырь для пассивнаго уклоненія отъ соблазновъ міра. Если Дж. Ст. Милль въ такой странѣ, какъ Англія, не могъ для себя найти болѣе подходящей профессіи, какъ адвокатская, то что же мудренаго, что какъ только завелась новая русская независимая отъ администраціи адвокатура, имѣвшая призваніемъ честное служеніе законности и правдѣ, въ нее потянуло такихъ независимыхъ идеально честныхъ людей, какъ Унковскій!

2-го декабря 1866 г. Унковскій былъ принятъ с.-петербургскимъ совѣтомъ присяжныхъ повѣренныхъ, въ составъ котораго въ то время входило одно изъ свѣтилъ петербургской адвокатуры, нашъ знаменитый публицистъ К. К. Арсеньевъ. Вступленіе Унковскаго въ адвокатуру было историческимъ событіемъ не только для петербургской, но и для всей русской адвока-

туры. Уже одно вступленіе человѣка съ такою чистою, безукоризненною репутаціею, съ такимъ славнымъ, блестящимъ прошлымъ, свидѣтельствовавшимъ о безтрепетномъ служеніи долгу и убѣжденію, возвышало въ обществѣ и въ глазахъ суда нравственный престижъ сословія, которому Унковскій оказывалъ честь и довѣріе своимъ вступленіемъ, и какъ бы открывало предъ нимъ блестящую радужную перспективу служенія высокимъ задачамъ новаго суда.

Впрочемъ, насчетъ этихъ перспективъ самъ Унковскій, всегда чуждый приторной идеализаціи, не впадалъ въ преувеличенныя иллюзіи. Благоговѣя предъ либеральными принципами и гуманнымъ духомъ Судебныхъ Уставовъ, онъ понималъ однако, какая имъ грозитъ, при примѣненіи на дѣлѣ, опасность отъ начинавшей поднимать голову, злополучнаго дня 4-го апрѣля, 1866 г. крѣпостнической реакціи, выдвинувшей впередъ стараго крѣпостника М. Н. Муравьева. Если М. Н. Катковъ, если даже близорукій И. С. Аксаковъ изъ Москвы замѣчали и указывали на опасность, которая грозила новому суду отъ враждебнаго отношенія крѣпостчиковъ къ его основнымъ принципамъ и въ особенности судейской несмѣняемости, не могъ не видѣть ихъ всегда трезвый Унковскій, во-очію наблюдавшій дѣятельность петербургскихъ судебныхъ установленій, чаще другихъ сталкивавшихся съ высшею администраціею. Уже буря, поднявшаяся послѣ перваго литературнаго дѣла А. Н. Пыпина и Ю. Г. Жуковскаго, нынѣ управляющаго Государственнымъ банкомъ, судившихся за оскорбленіе дворянства въ статьѣ послѣдняго «Вопросъ молодаго поколѣнія», показывала, какъ враждебно была настроена администрація по отношенію къ новому суду. При первыхъ же громкихъ процессахъ, не только политическихъ, но и другихъ, гдѣ была затронута администрація, Унковскій не могъ не видѣть ея косвеннаго, но сильнаго давленія, особенно на прокуратуру. Наиболѣе рьяные представители ея, желая осязательно и безспорно засвидѣтельствовать свою благонамѣренность и полную непричастность «вольному духу», въ которомъ подозрѣвался новый судъ, усердствовали съ такимъ ожесточеніемъ, что Унковскому старые жандармы казались болѣе благодушными.

Что безусловно радовало Унковскаго—это безупречное дѣй-

ствіе дѣйствительно независимаго суда присяжныхъ, о которомъ еще въ 1859 г. онъ писалъ, что это единственная форма вполнѣ независимаго суда. Только судъ общественной совѣсти вводилъ въ границы не въ мѣру обвинительное усердіе прокуратуры, которое усилилось особенно съ 1867 г., съ назначеніемъ министромъ юстиціи гр. Палена. Что это были за дѣла, можно судить по тому, что Унковскому приходилось быть участникомъ или свидѣтелемъ появленія на судѣ присяжныхъ дѣлъ о кражѣ со взломомъ ложки варенья, о кражѣ лодки, выразившейся въ томъ, что двое мальчиковъ, отвязавъ ее, прокатились по Невѣ, или потѣшное дѣло «о кощунствѣ въ Свѣтлое Христово Воскресенье». Кощунство заключалось въ томъ, что пьяный писарь, нанимавшій уголъ, во время заутрени пришелъ къ кухаркѣ-татаркѣ и сталъ ее угощать. Та стала усовѣщевать его за пьянство въ такое время, когда всѣ въ церкви, а онъ сталъ приставать къ ней съ амурами. Когда писарь съѣхалъ съ квартиры, не заплативъ денегъ, хозяинъ подалъ жалобу и заявилъ «о кощунствѣ во время заутрени». Присяжные, конечно, оправдали писаря, а оправданіе заносилось въ статистическую таблицу и гдѣ слѣдуетъ разъяснялось, что присяжные колеблютъ вѣру православную.

Въ уголовныхъ дѣлахъ, впрочемъ, Унковскій рѣдко выступалъ. По назначенію онъ защищалъ въ большихъ политическихъ процессахъ и, не смущаясь, онъ всегда

Милость къ падшимъ призывалъ,—

милость, безъ которой немыслимо правосудіе. Не обладая большимъ ораторскимъ талантомъ, страдая одышкою, Унковскій уступалъ другимъ, первоклассным ораторамъ, но его отличавшееся остроуміемъ и необыкновенною простотою, искренностью и задушевностью слово всегда находило путь прямо къ сердцу, къ добрымъ чувствамъ и незасоренному рутиною сознанію присяжныхъ, охотно шедшихъ за правдивымъ защитникомъ, который на всѣхъ производилъ чарующее впечатлѣніе человѣка чистаго, «въ немъ же нѣтъ лести».

Гражданская практика была главнымъ занятіемъ въ теченіе

всей 27-лѣтней славной адвокатской карьеры Унковскаго. Она имѣла громадное воспитательное и принципіальное значеніе не только для петербургской, но и для всей молодой русской присяжной адвокатуры. По симпатіямъ своимъ Унковскій, какъ истый «мірской» человѣкъ, больше тяготѣлъ къ дѣламъ, сопряженнымъ съ интересомъ общественнымъ. Онъ велъ процессъ харьковскаго земства съ желѣзнодорожникомъ Поляковымъ по поводу концессіи по постройкѣ Азовской желѣзной дороги и взыскалъ съ него 500,000 рублей. Въ качествѣ постояннаго юрисконсульта Общества взаимнаго поземельнаго кредита, онъ велъ процессъ, послѣ дѣла Юханцева, противъ сенатора Салькова и другихъ членовъ наблюдательнаго комитета. Процессъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что отвѣтчики неимовѣрными затяжками добились того, что только черезъ 7 лѣтъ послѣ начала онъ могъ быть рѣшенъ по существу дѣла (см. рѣш. гражд. касс. департ. 1888 г., № 1). Какъ постоянный юрисконсультъ Общества, онъ же велъ дѣло с.-петербургскаго кредитнаго Общества противъ Глазунова и другихъ членовъ наблюдательнаго комитета объ убыткахъ, понесенныхъ по ихъ нерадѣнію.—Унковскій былъ также повѣреннымъ Крестьянскаго и Дворянскаго банковъ. Борясь постоянно съ недобросовѣстными заемщиками ипотечныхъ учрежденій, не только продававшихъ лѣсъ на срубъ и дома на сносъ, но чуть не землю на свозъ, онъ не мало уничтожилъ тонкихъ юридическихъ продѣлокъ, разсчитанныхъ на «обманъ на законномъ основаніи».

Но какое бы и чье бы дѣло ни велъ Унковскій, онъ всегда имѣлъ въ виду торжество правды, защиту добросовѣстности и въ лицѣ своемъ осуществлялъ тотъ идеалъ честнаго адвоката, пособника суда въ раскрытіи, а не затемненіи истины, который имѣли въ виду творцы Судебныхъ Уставовъ. Умирая, Унковскій могъ съ чистою совѣстью открыть архивъ многочисленныхъ веденныхъ имъ дѣлъ и бросить вызовъ тѣмъ гибкимъ приспособителямъ закона «примѣнительно къ подлости», которые имѣютъ смѣлость утверждать, что адвокатъ съ большою практикою не можетъ разбирать, какое дѣло право и какое неправо съ этической точки зрѣнія, а долженъ довольствоваться одною «закономѣрностью». Пусть бы они нашли здѣсь хоть одно неправое

дѣло, хоть одну безчестную сдѣлку съ совѣстью, недобросовѣстную эксплоатацію пробѣловъ и промаховъ закона въ ущербъ его цѣли! Стало быть, не такъ ужь неуловимы принципы адвокатской этики, не такъ они отзываются кабинетною «непрактичностью», какъ увѣряютъ лихачи-практики, если могъ имъ слѣдовать въ теченіе своей долгой и большой адвокатской практики Унковскій. Она служитъ живымъ и нагляднымъ опроверженіемъ того входящаго въ моду ученія, будто адвокатская профессія несовмѣстима съ требованіями честности и нравственности. Это пагубное ученіе можетъ совершенно исказить значеніе адвокатуры, какъ общественнаго служенія, которое немыслимо безъ честнаго отношенія къ своимъ обязанностямъ.

Знаменитый французскій адвокатъ Моло говаривалъ: «si le style est tout l'homme, la probité est tout l'avocat». Никто лучше не понялъ и не осуществилъ этого основнаго догмата адвокатской этики, какъ Унковскій, который, такъ сказать, служилъ живымъ и нагляднымъ, цѣлостнымъ воплощеніемъ адвокатской этики [4]). До такой степени въ этомъ чистомъ, какъ кристаллъ, и

[4]) Въ письмѣ своемъ отъ 9 февраля 1892 г., отклоняя съ обычною своею скромностью свои заслуги А. М. писалъ мнѣ:

„Долго ли вы будете меня хвалить, право, дѣлается совѣстно. Пріобрѣлъ я вашъ сборникъ и нахожу въ немъ уже не одни восхваленія меня въ качествѣ стариннаго общественнаго дѣятеля по крестьянской реформѣ, но и возведеніе меня въ званіе лучшаго представителя адвокатуры. Не знаю, какъ благодарить васъ за такое высокое мнѣніе обо мнѣ. Но едва ли я его заслуживаю. Адвокатъ я, по правдѣ сказать, самый заурядный и, хотя признаю себя честнымъ человѣкомъ, но увѣренъ, что въ Россіи есть много честныхъ адвокатовъ и кромѣ меня. Мнѣ всегда казалось, что въ адвокатурѣ, какъ и во всякомъ человѣческомъ обществѣ, честные люди составляютъ большинство. Если бы не было этого, то и жить было бы нельзя. Но вся бѣда въ томъ, что вездѣ очень много дураковъ, которыми всегда умѣютъ завладѣть или почти всегда успѣваютъ завладѣть подлецы, по самому роду ихъ занятій, должны заниматься ловлею человѣковъ, тогда какъ честные люди не имѣютъ къ тому побужденій и являются ловцами человѣковъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Я былъ особенно счастливъ въ моей общественной и корпоративной дѣятельности въ томъ отношеніи, что первая имѣла мѣсто во время сильнаго подъема духа въ цѣлой странѣ, когда вѣялъ не противный, а попутный вѣтеръ, а вторая началась въ средѣ хорошихъ и

безкорыстномъ человѣкѣ живо было непосредственное, органическое проникновеніе началами правды и честности, что они, можно сказать, почти безсознательно струились изъ его чистой благородной души. Головачевъ объ Унковскомъ говорилъ, что если бы поднять его во снѣ и задать какой-нибудь тонкій этическій вопросъ, онъ и тогда, не задумавшись долго, разрѣшилъ бы безошибочно. Словомъ, къ необычайно высоко развитой личности Унковскаго, — который въ теченіе своей долгой жизни не только не совершилъ ни одного дурнаго поступка на дѣлѣ, но и въ помыслахъ, — безъ преувеличенія можно было бы примѣнить высочайшій нравственный масштабъ древности:

Quae, quia non licet, non caedit, Illa caedit.

По воззрѣнію Унковскаго, воздержаніе отъ дурнаго поступка изъ одного страха возмездія равносильно было его совершенію. Къ Унковскому вполнѣ примѣнимы слова Чернышевскаго, которыми онъ характеризуетъ одного изъ своихъ героевъ: «Человѣкъ безукоризненой честности, такой, что даже не приходитъ въ голову вопросъ: можно-ли положиться на этого человѣка во всемъ безусловно? Это ясно, какъ то, что онъ дышетъ грудью; когда дышетъ эта грудь, она горяча и неизмѣнна— смѣло кладите на нее свою голову, на ней можно отдохнуть».

Если такіе люди, какъ Унковскій, всегда и вездѣ рѣдкость,

вполнѣ честныхъ товарищей, принимавшихъ близко къ сердцу общественные дѣла и интересы, такихъ товарищей, какъ, напр., К. К. Арсеньевъ, Д. В. Стасовъ и т. п. Поэтому, вступая въ корпорацію присяжныхъ повѣренныхъ въ Петербургѣ, я встрѣтилъ въ самомъ совѣтѣ ихъ хорошую закваску, такъ что мнѣ оставалось только пристать къ образовавшемуся до меня гнѣзду, въ которомъ мы и высиживали цыплятъ. Такимъ образомъ, приписывать мнѣ одному то, что дѣлалось въ Петербургскомъ совѣтѣ, не приходится. Сверхъ того, я думаю, что и нравственная атмосфера въ Петербургѣ была всегда лучше, нежели въ другихъ мѣстахъ русской земли. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ цензура, которая всегда была свободнѣе Московской, а ужъ въ сравненіи съ провинціальною, и говорить нечего. Вотъ если все это принять во вниманіе, то мнѣ, ей-богу, хвалиться много нечѣмъ. Въ другой средѣ и при другихъ обстоятельствахъ, и даже на другихъ мѣстахъ, ничего бы я не могъ сдѣлать".

всегда и вездѣ желательны и драгоцѣнны, то онъ былъ особо счастливою находкою для молодой петербургской адвокатуры, которой, послѣ адвокатскихъ плутней добраго стараго времени, приходилось вырабатывать не только для себя, но и для всей русской адвокатуры, первыя правила адвокатской этики въ духѣ новой присяжной адвокатуры. Огромный нравственный авторитетъ (не легко вообще образующійся и сохраняющійся въ такой демократической, равноправной средѣ, какъ адвокатская), которымъ располагалъ Унковскій въ петербургской адвокатской корпораціи, оказалъ ей громадную услугу. Иной разъ одно ѣдкое, остроумное замѣчаніе Унковскаго, сопровожденное тѣмъ добродушно-дѣтскимъ звонкимъ смѣхомъ, который нейтрализовалъ колкость возраженія, разрѣшало темные вопросы адвокатской практики, чаще еще болѣе затемняемые словоохотливыми ораторами общихъ собраній присяжныхъ повѣренныхъ. Въ 70 годахъ въ одномъ изъ такихъ собраній, въ Петербургѣ, обсуждался вопросъ о правѣ присяжныхъ повѣренныхъ, по довѣренности своихъ кліентовъ, говорить рѣчи въ общихъ собраніяхъ акціонерныхъ обществъ. Особенно горячился одинъ молодой адвокатъ, который нѣсколько разъ принимался доказывать что присяжный повѣренный обязанъ не только вести судебныя дѣла, какъ утверждала партія Унковскаго, но и *всѣ безъ исключенія* порученія кліента. Унковскій, предсѣдавшій въ собраніи, остановилъ зарвавшагося оратора нескромнымъ вопросомъ, который, къ сожалѣнію, можемъ передать только приблизительно.

— Неужели такъ-таки всѣ порученія кліента?—спрашиваетъ Унковскій.

— Конечно, всѣ [5]),— отвѣчаетъ тотъ.

---

[5]) „Вотъ насъ чиновниковъ,—говоритъ у Салтыкова Молчалинъ, бесѣдуя объ адвокатахъ, дающихъ за деньги, всевозможныя представленія, - упрекаютъ, что мы, по приказанію начальства, можемъ въ изступленіе приходить... Нѣтъ, вотъ ты тутъ подивись! Чиновнику-то начальство приказываетъ, такъ вѣдь оно мой, другъ, и ушибить можетъ, коли приказанія его не исполнишь! А тутъ баба приказывала! баба! А какъ онъ вцѣпился изъ-за нея, кажется желѣзомъ зубовъ-то ему не разжать. На Синай всходилъ! какихъ-то „разбитыхъ людей вопль“ поминалъ! Скажи ты мнѣ на милость, какъ это въ нихъ дѣлается что онъ вдругъ весь, за чужой счетъ, словно порохъ вспыхнетъ?“ (Сочин. III, 388).

— Ну, напр., порученіе обнять жену,—спросилъ Унковскій, и самъ первый захохоталъ, а вслѣдъ за нимъ и все собраніе. Молодой ораторъ провалился. Судьба вопроса была рѣшена.

Такой пріемъ иногда употреблялъ Унковскій и съ кліентами. Является къ нему разъ старый его знакомый, заслуженный генералъ, и, сообщая о запутанности своихъ дѣлъ, проситъ совѣта, какъ спасти имущество и перевести его на имя дѣтей. Генералъ уже побывалъ кое у кого изъ дѣльцовъ-адвокатовъ и къ Унковскому пришелъ, чтобы провѣрить данные совѣты. Долго и терпѣливо слушалъ онъ своего кліента съ добродушною усмѣшкою на губахъ и когда тотъ кончилъ, отвѣчалъ:

— Болѣе 25-ти лѣтъ я все занимаюсь взысканіемъ долговъ, такъ какъ же я васъ научу укрыться отъ нихъ? — Самъ онъ при этомъ громко расхохотался. Кліентъ тоже засмѣялся, и понялъ, что не туда попалъ, куда слѣдовало, и весь красный удалился.

Къ чести петербургской адвокатуры нужно сказать, что она съ перваго же года вступленія Унковскаго въ сословіе избирала его въ члены и предсѣдатели совѣта;—должность предсѣдателя онъ долженъ былъ покинуть въ 1885 г. по разстроенному здоровью. Въ совѣтѣ Унковскій былъ весьма строгъ въ проведеніи принциповъ адвокатской этики. Снисходительный, необыкновенно добродушный въ частныхъ дѣлахъ, онъ считалъ своимъ общественнымъ долгомъ безпощадное преслѣдованіе недобросовѣстныхъ адвокатскихъ поступковъ, будучи глубоко убѣжденъ, что въ рукахъ недобросовѣстныхъ адвокатовъ самый благонамѣренный законъ можетъ неминуемо сдѣлаться вреднымъ и антисоціальнымъ орудіемъ обмана и насилія. Когда другіе члены совѣта относились снисходительно по дѣлу при незначительности суммъ, коими злоупотребилъ обвиняемый, Унковскій неизмѣнно возражалъ: «если не могъ онъ удержаться и при малой суммѣ, то что̀ было бы при большой?» Точно также, когда, для снисхожденія указывали на молодость, то Унковскій отвѣчалъ стереотипною фразою: «если и молодость, которая такъ воспріимчива ко всему доброму, не удержала отъ недобросовѣстнаго поступка, то что же будетъ подъ старость?»

Унковскій сильно негодовалъ на то, что, благодаря слабости

или непониманію нуждъ адвокатуры со стороны той или другой высшей судебной инстанціи, въ сословіе возвращались люди, изъ него исключенные. Когда сенатъ возвратилъ московскаго присяжнаго повѣреннаго Лохвицкаго, признавъ, что адвокатъ можетъ вести дѣла и завѣдомо неправыя, но формально законныя, то Унковскій по этому поводу писалъ мнѣ 24-го марта 1887 г.: «Признаюсь, долговременная практика убѣдила меня, что несогласное съ здравымъ смысломъ и совѣстью рѣшеніе этого вопроса не имѣетъ исключительнымъ основаніемъ одно своекорыстное отношеніе къ дѣлу въ средѣ адвокатовъ, но коренится гораздо глубже, а именно въ странномъ взглядѣ вообще большинства русскихъ юристовъ на правосудіе. Взгляните на судей, и вы увидите въ нихъ числѣ множество *безкорыстныхъ кляузниковъ* по образу мыслей. Есть такіе и въ числѣ сенаторовъ кассаціонныхъ департаментовъ. Это совершенно чистые люди по образу дѣйствій: они не возьмутъ взятки и не поддадутся просьбамъ и ходатайствамъ, хотя бы и со стороны сильныхъ людей. Но они смотрятъ на существо дѣла глазами *завзятаго* кляузника и сдѣлаютъ согласно съ установившимся у нихъ образомъ мыслей такую пакость, которой подивится даже старинный взяточникъ».

Возникшая по этому предмету полемика была заключена преніями въ московскомъ юридическомъ обществѣ, которое высказалось противъ сенатскаго взгляда. «Можетъ быть, — писалъ Унковскій послѣ засѣданія общества, — адвокаты и будутъ попрежнему вести неправыя дѣла, но по крайней мѣрѣ не посмѣютъ оправдывать свои поступки исполненіемъ какихъ-то святыхъ обязанностей своей профессіи».

Несмотря на то, что А. М. Унковскій больше, чѣмъ кто-либо другой, поработалъ для утвержденія доброй славы русской адвокатуры для проведенія въ жизнь принциповъ честной адвокатуры, извѣстность его, какъ адвоката, далеко не можетъ идти въ сравненіе со славою нѣкоторыхъ безпринципныхъ корифеевъ адвокатуры, которые, благодаря услужливой рекламѣ, умѣли стяжать себѣ и своей корпораціи не мало мишурнаго блеска и дешевыхъ лавровъ, но не мало принесли ей и вреда. Находясь постоянно на виду у всѣхъ, эти безъидейные дѣльцы и шало-

вливые баловни счастья и удачи не мало способствовали паденію репутаціи адвокатуры въ глазахъ людей, дорожащихъ традиціями новаго суда и не мало способствовали своимъ дурнымъ примѣромъ деморализаціи адвокатской молодежи.

Положимъ, иные изъ такихъ бойкихъ дѣльцовъ, [6]) пользующихся громкою извѣстностью, но имѣющихъ далеко незавидную репутацію въ кругу товарищей и судей, ближе знакомыхъ съ ихъ дѣятельностью, привыкли объяснять сѣренькое, съ нравственной точки зрѣнія, реномэ свое — злословіемъ и завистью недоброжелателей [7]). Пусть въ этомъ есть доля правды. Но отчего же однако есть среди адвокатуры люди ума и таланта, скромные, честные труженики, которые давно уже подвизаются на адвокатскомъ поприщѣ, но чистаго имени которыхъ не смѣетъ коснуться никакое злословіе и зависть?!

Къ такимъ скромнымъ, но свѣтлымъ и чистымъ знаменитостямъ принадлежалъ и А. М. Унковскій, имя котораго, какъ адвоката, едва-ли даже и было много извѣстно за чертою с.-петербургскаго судебнаго округа. Частью по врожденной ему скромности, частью по роду своей спеціальности, какъ цивилистъ, Унковскій былъ извѣстенъ, помимо обширнаго круга своей петербургской кліентели, только въ кругу товарищей и въ судебномъ мірѣ.

Довѣріе суда къ Унковскому было безгранично. Его слово значило больше въ глазахъ суда, чѣмъ письменный документъ въ рукахъ иной знаменитости «съ подмоченною репутаціею». Уже одно принятіе Унковскимъ извѣстнаго дѣла, — говорилъ

6) Салтыковъ, отмѣчая отрицательныя явленія въ современной адвокатурѣ, даетъ литературную генеологію нѣкоторыхъ типовъ ея. Балалайкина — типъ враля, хлыща, забулдыги, мота, швыряющаго шутя легко доставшимися деньгами, — онъ производитъ не то отъ „либерала-соловья“ Ипполита Маркелыча Удушьева, не то отъ Репетилова и цыганки Стёши. — Подковырника-Клеща — типъ безсовѣстнаго, но тонкаго грабителя, тихаго, аккуратнаго, вкрадчиваго скопидома, — отъ Чичикова и Коробочки. (Сочин. III, 509, 389).

7) Одинъ изъ нихъ жалобу свою на постановленіе совѣта, запретившаго ему практику на полгода за веденіе завѣдомо неправаго дѣла, заканчивалъ такими словами Катошихина: «издревле всѣялъ есть дьяволъ плевелы зависти въ землѣ русской, аще кто придетъ въ честь, славу и богатство — возненавидѣти начнутъ».

мнѣ одинъ изъ судей,—создаетъ praesumptio juris въ его пользу и почти равносильно выигрышу его въ одной инстанціи. Чтобы заслужить такое исключительное довѣріе, да еще въ качествѣ цивилиста, нужна была исключительная добросовѣстность и нравственная щепетильность въ выборѣ дѣлъ.

Заслуги Унковскаго въ крестьянскомъ дѣлѣ и въ адвокатурѣ были засвидѣтельствованы московскимъ юридическимъ обществомъ, избравшимъ его, по случаю 25-лѣтія освобожденія крестьянъ, въ свои почетные члены. Это скромное, но трогательное напоминаніе о былыхъ великихъ его заслугахъ, давно всѣми забытыхъ, глубоко тронуло Унковскаго.

Другой знакъ вниманія оказала ему петербургская адвокатская корпорація, поднесшая ему жетонъ съ изображеніемъ адвокатскаго знака и адреса, въ которомъ указывалось [8]), что Унковскій гордость русской адвокатуры. И это была чистѣйшая правда. Унковскій былъ дѣйствительно гордостью и красою ея, ея честью и свѣтлою вершиною, на которой глазъ общественнаго наблюдателя отдыхалъ съ наслажденіемъ, переходя отъ темныхъ и грязныхъ низинъ, до которыхъ иногда падаетъ адвокатура и другія либеральныя профессіи.

Свято храня вѣрность гуманно-освободительнымъ идеаламъ 60 годовъ, Унковскій, конечно, не иначе какъ съ болѣзненнымъ чувствомъ смотрѣлъ на отрицательныя явленія современной общественности, на тѣ нездоровыя человѣко-ненавистническія, антисоціальныя и ретроградныя теченія, которыя стали проникать въ адвокатуру, въ суды и другія сферы, и съ тревожнымъ нетерпѣніемъ ждалъ наступленія лучшихъ дней. Въ письмѣ своемъ отъ 1-го января 1893 г. А. М. писалъ мнѣ: «Поздравляю васъ съ новымъ годомъ и желаю вамъ того же, чего и себѣ: прожить какъ наступившій годъ, такъ и всѣ слѣдующіе подъ лучшими впечатлѣніями и, по крайней мѣрѣ, дождаться *хотя бы признаковъ* зари, которая могла бы разсѣять настоящій мракъ.

---

[8]) Постановлено было также имѣть въ залѣ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ портретъ Унковскаго.

Болѣе этого теперь и желать не смѣю, и даже въ исполненіе этого скромнаго желанія почти не вѣрую»...

Не дождался Унковскій исполненія своего скромнаго желанія и, къ несчастью, не дожилъ даже до конца года, оставивъ послѣ себя невосполнимую пустоту какъ въ общественной средѣ, такъ и въ сердцахъ людей, имѣвшихъ счастье приходить съ нимъ въ соприкосновеніе!..

Едва-ли нужно подводить итоги жизни и дѣятельности этого истинно большаго человѣка, стойкаго, убѣжденнаго дѣятеля, этого честно пожившаго и честно почившаго доблестнаго героя мысли и дѣйствія, къ которому такъ идутъ слова Салтыкова: «только доведенная до героизма мысль можетъ породить героизмъ въ дѣйствіяхъ»! Эта чистая, праведная жизнь, эта свыше сорокалѣтняя служба идеямъ свободы и гуманности, законности и равноправности—сама говоритъ за себя. А отъ трудовъ праведныхъ, извѣстно, не наживешь палатъ каменныхъ; при добромъ сердцѣ, не соберешь капиталовъ: послѣднія имѣвшіяся въ домѣ деньги Унковскій, на смертномъ одрѣ, отдалъ обратившемуся за помощью:.. А. М. былъ похороненъ на средства петербургской адвокатуры; с.-петербургское кредитное общество выдало пособіе семьѣ его въ размѣрѣ 5,000 р., а тверское земство, учредивъ стипендію его имени, приняло на свое иждивеніе воспитаніе его младшаго 8-лѣтняго сына Николая.

Считая излишнимъ подведеніе итоговъ, поставлю, однако, одинъ вопросъ, который особенно въ ходу въ наше апатичное, дряблое, несмотря на кажущееся оживленіе, время. Именно въ наше время, когда

Какъ-будто все всѣмъ надоѣло,
Застыли чувства; умъ загасъ;
Ни въ чемъ нигдѣ живаго дѣла,
И лишь по горло всѣ въ дѣлахъ—

безпрестанно выдвигается вопросъ о счастьи... Былъ ли счастливъ Унковскій? Да, онъ былъ счастливъ, насколько возможно было счастье для человѣка, подобнаго ему въ переживаемое нами время. Его доброе сердце, веселый нравъ, интересъ къ умственной жизни, любовь къ природѣ и способность къ прочнымъ дружескимъ привязанностямъ были хорошіе задатки для счастья. Важ-

нѣйшій же залогъ счастья былъ тотъ, о которомъ онъ, по врожденной скромности, не любилъ говорить, а именно: воспоминаніе о славной освободительной дѣятельности, которая неминуемо должна оставить прочный слѣдъ въ культурной жизни русскаго народа.

Въ декабрьскіе дни, когда надъ сѣдою главою спокойно умиравшаго Унковскаго уже занималась заря безсмертія, которымъ вѣнчаетъ исторія и благодарная память народная великихъ гражданъ, мужественно боровшихся за свободу, прогрессъ и человѣчность; когда, вечеромъ 14-го декабря, въ послѣдній разъ прояснился умственный взоръ Унковскаго и онъ, держа въ рукѣ руку своего сподвижника по славной дѣятельности на пользу народной свободы, потухавшимъ взоромъ мысленно окидывалъ пройденный имъ длинный и славный путь добра и чести, онъ несомнѣнно былъ счастливъ, счастливъ тѣмъ единственнымъ и великимъ счастіемъ, которое, говоря Плещеевскимъ стихомъ, возможно на землѣ:

И если въ старости, въ раздумья часъ печальный,
Ты скажешь: „въ мірѣ я оставилъ добрый слѣдъ,
И встрѣтить я могу спокойно мигъ прощальный“,—
Ты будешь счастливъ, другъ! Инаго счастья нѣтъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ОСНОВЫ РАЦІОНАЛЬНАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.

*(Извлеченіе изъ статей А. М. Унковскаго „Новыя основанія судопроизводства, напечатанныхъ въ №№ 1. 2, 3, Современника за 1863 г.)**).*

I.

Общіе соображенія.

Множество преобразованій, готовящихся слѣдовать одно за другимъ, заставляетъ насъ вѣрить въ возможность быстраго и кореннаго обновленія нашего отечества. Одинъ перечень ожидаемыхъ реформъ ясно показываетъ, что всѣ онѣ касаются самыхъ важныхъ сторонъ нашей общественной жизни. Учрежденіе независимаго, гласнаго и публичнаго суда, преобразованіе податной системы, учрежденіе мѣстныхъ представительныхъ собраній для завѣдыванія дѣлами земства— все это, вмѣстѣ взятое, повидимому, способно измѣнить не только лицо всей русской земли, но даже и *внутреннее ея содержаніе*. Въ самомъ дѣлѣ, есть надъ чѣмъ призадуматься и замечтаться. Стоитъ только вспомнить, что дѣйствіе происходитъ въ странѣ, которой всѣ отправленія общественной жизни были взяты въ опеку; гдѣ правосудіе совершалось въ непроницаемой тайнѣ, а злоупотребленія должностныхъ лицъ сдѣлались общимъ правиломъ; наконецъ, въ такой странѣ, гдѣ незначительное меньшинство, пользовавшееся наиболѣе выгодами общественнаго порядка, жило на счетъ остальнаго безправнаго народонаселенія. И вдругъ, въ этой самой странѣ, появляется независимый и гласный судъ со всѣми необхо-

*) Печатаемыя извлеченія знакомятъ не только съ литературною манерою А. М. Унковскаго, но и его основными взглядами, какъ публициста и юриста. Независимо отъ сего мысли Унковскаго имѣютъ крупный интересъ въ виду предпринятого пересмотра Судебныхъ Уставовъ.

димыми гарантіями правосудія, въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ въ благоустроеннѣйшихъ свободныхъ государствахъ, созидается мѣстное представительство отъ всѣхъ класовъ народа, и тяжесть государственныхъ расходовъ распредѣляется равномѣрно между всѣми гражданами по имуществу. Кажется, что эти реформы кладутъ между нашимъ прошедшимъ и будущимъ такую *бездонную пропасть*, черезъ которую не перешагнетъ прежній произволъ съ его старинными злоупотребленіями. И все это является внезапно, въ ту самую минуту, когда наименѣе можно было думать о подобныхъ нововведеніяхъ!

Казалось бы, что всѣ эти обстоятельства должны были вырвать всеобщій необузданный восторгъ. Читая извѣщенія объ этихъ реформахъ, мы ожидали большихъ увлеченій. Между тѣмъ, послѣ этихъ объявленій прошло уже болѣе трехъ мѣсяцевъ, и ничего подобнаго не произошло. Журналы отозвались о нихъ съ большимъ или меньшимъ сочувствіемъ, но безъ всякихъ признаковъ увлеченія, а вообще такъ, какъ говорится по поводу обыкновенныхъ утѣшительныхъ явленій. Что же касается до общества, то оно приняло извѣстіе объ этихъ преобразованіяхъ довольно *холодно*. Нельзя сказать, чтобы эти реформы его не порадовали, но при всемъ томъ не было замѣтно и слѣдовъ того необузданнаго восторга, который вызывался прежде извѣстіями о другихъ менѣе важныхъ улучшеніяхъ нашего общественнаго быта, какъ, напр., о дозволеніи ѣздить за-границу, о снятіи шлагбаумовъ и т. п. Мы уже не говоримъ о томъ неистовомъ увлеченіи, съ которымъ было встрѣчено первое извѣстіе о крестьянской реформѣ. Такія явленія не повторяются. Онѣ могли быть вызваны только первою коренною реформою, уничтожавшею несправедливыя стѣсненія большей массы народонаселенія въ пользованіи неотъемлемыми человѣческими правами. Но во всякомъ случаѣ новыя преобразованія, повидимому, на столько важны для нашего общественнаго развитія, что могли бы разчитывать на болѣе радушный пріемъ со стороны нашего образованнаго общества. Откуда же явилась эта необычайная холодность и гдѣ кроются ея настоящія причины?

Подозрѣвать наше общество въ равнодушіи къ собственнымъ его интересамъ нѣтъ никакой возможности, ибо мы видимъ, что преобразованія, даже имѣющія несравненно меньшую важность, внимательно обсуживались во всѣхъ кружкахъ, и что толки о нихъ не прекращаются и до настоящаго времени. Предположить, что эта холодность происходитъ отъ непониманія новыхъ началъ, вносимыхъ въ русскую жизнь, также нельзя, ибо наше образованное общество давно уже

сознало важность предпринимаемыхъ реформъ. Необходимость ихъ заявлялась не только въ литературѣ, но даже и въ нѣкоторыхъ сословныхъ собраніяхъ. Такимъ образомъ, эти преобразованія не представляются предметами, о которыхъ наше общество не имѣетъ понятія. Все это заставляетъ думать, что пріемъ, сдѣланный публикою новымъ реформамъ, не можетъ объясняться ея равнодушіемъ или невѣжествомъ.

Гдѣ же искать *причины* такого страннаго явленіе? Отчего мы еще такъ недавно приходившіе въ восторгъ отъ нововведеній, не имѣвшихъ, повидимому, и сотой доли того значенія, остаемся неподвижными при обнародованіи новыхъ началъ судопроизводства, о которыхъ мы незадолго передъ тѣмъ не смѣли мечтать! Кажется, что всѣ наши лучшія надежды осуществляются въ дѣйствительности самымъ блестящимъ образомъ. Мы желали строгаго раздѣленія властей, уничтоженія сословныхъ судовъ, учрежденія общаго, независимаго и гласнаго суда съ участіемъ присяжныхъ и самостоятельною адвокатурой. Все это принято законодательнымъ порядкомъ, возведено на степень основныхъ началъ и готово къ осуществленію въ самомъ непродолжительномъ времени. Повидимому, не далѣе, какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, у насъ водворится полное владычество закона, а между тѣмъ мы совершенно спокойны. Въ самомъ дѣлѣ, отчего происходитъ такая необычайная сдержанность?

Когда еще только начинались первыя реформы, мы съ дѣтскимъ простодушіемъ воображали, что онѣ могутъ въ одинъ мигъ измѣнить самыя основы нашего быта. Малѣйшее улучшеніе подавало намъ огромныя надежды. Мы вѣрили въ какую-то *магическую силу словъ и* думали простосердечно, что достаточно одного торжественнаго провозглашенія извѣстныхъ благодѣтельныхъ началъ, чтобы всѣ силы, противодѣйствующія нашему развитію, спрятались и навсегда исчезли изъ дѣйствительной жизни. Мы воображали, что для насъ впереди устроена такая прямая, широкая и пріятная дорога, по какой еще ни одинъ народъ не хаживалъ. Кажется, наши надежды доходили даже до того, что мы полагали, будто бы все зло, какое существуетъ въ нашемъ отечествѣ, принявъ во вниманіе нашу доброту и раскаявшись въ своихъ дурныхъ поступкахъ, разчувствуется и само себя уничтожитъ безъ всякихъ хлопотъ и усилій съ нашей стороны. Но горькій опытъ показалъ намъ совершенную несбыточность нашихъ надеждъ.

Мы убѣдились, что старое разстается съ нами очень неохотно и что измѣненіе подробностей не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія на измѣненіе самыхъ основъ. Несмотря на провозглашеніе разныхъ новыхъ началъ, старое продолжаетъ

существовать попрежнему и даже иногда показываетъ явное намѣреніе уничтожить ненавистныя ему улучшенія и низвести ихъ на степень словесныхъ упражненій. Мы постоянно убѣждаемся въ томъ, что начала и правила, въ соблюденіи которыхъ не имѣется никакого дѣйствительнаго обезпеченія, становятся словами, ничего не значущими, и что иногда на практикѣ бываетъ рѣшительно все равно—существуютъ ли онѣ, или нѣтъ. При нихъ, такъ же, какъ и безъ нихъ, все оказывается зависящимъ отъ одного произвола. Благодаря опыту, ежедневно насъ поучающему, мы стали понимать, что дѣйствительное владычество закона не есть такое благо, которое достигалось бы посредствомъ *одного провозглашенія его на печатной бумагѣ*. Мы начинаемъ видѣть, что дѣйствительное существованіе этого блага зависитъ отъ множества разнородныхъ условій, которыя не могутъ быть созданы однимъ почеркомъ пера безъ всякихъ хлопотъ и затрудненій. Теперь мы перестаемъ ждать чего-то необыкновеннаго, и дѣтскій періодъ слѣпой вѣры и несбыточныхъ надеждъ для насъ окончательно миновался. По всему видно, что мы стали нѣсколько старше и благоразумнѣе.

По нашему мнѣнію, такое явленіе не только правильно, но и имѣетъ глубокій смыслъ. Публика ожидаетъ реформы, и даже съ благодарностью, пожалуй, ее принимаетъ, но обсуждаетъ ее уже не съ одной технической стороны, но въ соотвѣтствіи съ тѣмъ жизненнымъ и политическимъ строемъ, въ которомъ она должна заявить свою силу. Однимъ словомъ, требованія публики относительно реформы не ограничиваются одною буквою реформы, а идутъ куда-то далѣе; это «далѣе» и представляетъ именно ту *совокупность условій*, среди которыхъ должна жить реформа: онѣ могутъ дать ей жизнь дѣйствительную, и онѣ же могутъ низвести ее на степень мертвой буквы...

Этими краткими разсужденіями на счетъ *общаго* значенія реформы на сей разъ мы и ограничимся; надѣемся, что, несмотря на свою краткость и нѣкоторую неопредѣленность, онѣ не могутъ быть истолкованы иначе, какъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ можетъ быть истолковано и равнодушіе публики. Затѣмъ обращаемся къ подробностямъ.

Безъ всякаго сомнѣнія, между всѣми ожидаемыми реформами первое мѣсто принадлежитъ судебной. Несмотря на то, что обнародованныя основныя положенія новаго судопроизводства и судоустройства (1862 г.) не опредѣляютъ нѣкоторыхъ подробностей, имѣющихъ важное значеніе, можно смѣло сказать, что эта реформа не должна остаться безъ значительныхъ благотворныхъ послѣдствій.

II.

Судъ присяжныхъ.

Судъ присяжныхъ, который допускается «Основными Положеніями» въ нѣкоторыхъ уголовныхъ дѣлахъ, представляетъ лучшую форму суда изъ всѣхъ, которыя когда либо существовали. Опытъ доказалъ, что онъ годится одинаково для всѣхъ странъ и народовъ. Когда призывается для суда тридцать или сорокъ лучшихъ гражданъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ обсуждаемымъ дѣламъ, и предоставляется обѣимъ спорящимъ сторонамъ право отвести *бо́льшую* часть ихъ, ничѣмъ не стѣсняясь, то само собою разумѣется, что выбранные изъ остальныхъ по жребію двѣнадцать лицъ являются самыми безпристрастными судьями, какіе только могутъ существовать на свѣтѣ. Здѣсь нельзя употребить ни подкупа, ни тайныхъ убѣжденій. Составъ суда опредѣляется въ публичномъ засѣданіи, передъ сужденіемъ самого дѣла. Прежде этого засѣданія никто не можетъ знать, какія лица будутъ произносить приговоръ о его дѣлѣ. Очевидно, что подкупить или расположить въ свою пользу всѣхъ лицъ, значущихся въ очередномъ спискѣ присяжныхъ, нѣтъ никакой возможности. Какъ бы ни былъ низокъ нравственный уровень общества, изъ котораго выходятъ присяжные, одно уже количество ихъ служитъ достаточнымъ ручательствомъ въ совершенной невозможности подобныхъ злоупотребленій Притомъ, лица, значущіяся въ очередныхъ спискахъ, живутъ въ разныхъ мѣстахъ и собираются только къ сроку, опредѣленному для судебныхъ засѣданій. По самому положенію своему они не могутъ являться въ назначенное мѣсто задолго до этого срока. Эти лица большею частію не состоятъ на службѣ и не получаютъ никакого содержанія, а живутъ своими трудами. Для нихъ время дорого. Вслѣдствіи этого, они обыкновенно должны являться передъ началомъ самого засѣданія, когда подсудимымъ или ихъ защитникамъ уже нѣтъ времени познакомиться съ ними и переговорить секретно. Съ начала же засѣданія до произнесенія приговора присяжные совершенно отдѣляются отъ подсудимыхъ, защитниковъ и публики. Наконецъ, судебныя засѣданія происходятъ публично. Всѣ эти условія, взятыя въ совокупности, приводятъ къ тому убѣжденію, что двѣнадцать присяжныхъ, произносящихъ приговоръ, являются чистыми представителями народной совѣсти, которая осуждаетъ или оправдываетъ извѣстныя дѣйствія безъ всякаго лицепріятія.

Мы не раздѣляемъ опасеній относительно неспособности

нашего народа воспользоваться благами этого учрежденія. Мы твердо увѣрены, что судъ присяжныхъ годится одинаково *для всѣхъ народовъ и для всѣхъ степеней развитія.* Это убѣжденіе наше основывается на слѣдующихъ простыхъ и неопровержимыхъ соображеніяхъ. Мы думаемъ, что во всякомъ человѣческомъ обществѣ существуютъ какія либо понятія о взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ лицъ, его составляющихъ. Кажется, что это положеніе не требуетъ доказательствъ. Самое понятіе общества предполагаетъ какія либо отношенія между его членами, а эти отношенія не могутъ существовать безъ представленія взаимныхъ правъ и обязанностей. Въ этомъ отношеніи, вся разница между обществомъ дикарей и цивилизованнымъ народовъ можетъ заключаться только въ количествѣ и степени ясности этихъ представленій. Но если уже существуетъ человѣческое общество, члены котораго находятся въ извѣстныхъ отношеніяхъ, то большинство этихъ людей должно имѣть какія либо представленія о началахъ, на которыхъ основывается ихъ общественная связь. Очень понятно, что кочевые народы, пасущіе свои стада на неизмѣримыхъ пустыхъ пространствахъ, не могутъ имѣть никакого понятія о частномъ правѣ на землю. Такъ какъ при этомъ образѣ жизни земля не требуетъ приложенія труда и представляется для пользованія ихъ въ количествѣ, далеко превышающемъ ихъ потребность, то разумѣется, что вопросъ о раздѣленіи этихъ пространствъ между отдѣльными лицами или семьями не можетъ никому приходить въ голову. Очень понятно также, что народы, не знающіе письменности, не имѣютъ никакого понятія о письменныхъ документахъ. Но при всемъ этомъ всякое общество, на какой бы низкой степени развитія оно ни находилось, имѣетъ болѣе или менѣе ясныя представленія о тѣхъ взаимныхъ отношеніяхъ своихъ членовъ, которыя существуютъ въ дѣйствительной жизни Каждое кочующее общество очень хорошо знаетъ, какое лицо, какая семья или какой родъ имѣютъ право пользоваться извѣстнымъ животнымъ или стадомъ, кому въ извѣстномъ случаѣ долженъ принадлежать приплодъ отъ этихъ животныхъ и вообще какъ далеко простираются эти права при извѣсныхъ обстоятельствахъ. Каждый безграмотный народъ очень хорошо знаетъ силу тѣхъ взаимныхъ обязательствъ, которыя встрѣчаются въ его дѣйствительной жизни. Наконецъ, въ каждомъ человѣческомъ обществѣ существуютъ какія либо представленія о тѣхъ случаяхъ, когда насиліе одного лица надъ другимъ не можетъ быть допущено и противорѣчитъ совѣсти. Очень ясно, что безъ подобныхъ представленій никакое общество не можетъ

прожить ни одной минуты. Наконецъ, самое существованіе общества предполагаетъ въ немъ присутствіе какихъ нибудь органовъ для охраненія его внѣшней и внутренней безопасности. Если же имѣются такія органы, то для существованія ихъ необходимы представленія о пространствѣ ихъ правъ и обязанностей относительно цѣлаго общества и отдѣльныхъ членовъ. Такимъ образомъ, въ каждомъ обществѣ людей, какъ цивилизованномъ, такъ и дикомъ, необходимо имѣются какія нибудь понятія о взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ его членовъ, а также и объ отношеніяхъ ихъ къ цѣлому обществу и его органамъ. Если же въ каждомъ человѣческомъ обществѣ живутъ такія представленія, то всѣ такъ называемыя судебныя дѣла могутъ быть разрѣшаемы на основаніи этихъ простыхъ представленій каждымъ его членомъ, имѣющимъ здравый смыслъ и относящимся безпристрастно къ лицамъ, участвующимъ въ дѣлѣ. Сущность всѣхъ судебныхъ дѣлъ, какъ уголовныхъ, такъ и гражданскихъ, заключается въ разрѣшеніи вопросовъ, нарушены ли въ извѣстномъ случаѣ чьи либо права или не нарушены, и если это нарушеніе дѣйствительно послѣдовало, то кѣмъ именно оно произведено и какимъ образомъ: неумышленно или съ намѣреніемъ. Очевидно, что всѣ эти вопросы могутъ быть разрѣшаемы съ помощью одного здраваго смысла и тѣхъ общихъ понятій о взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ, которыя живутъ въ каждомъ народѣ при всѣхъ степеняхъ развитія.

Если же гражданскія дѣла кажутся недоступными для огромнаго большинства народовъ, то это происходитъ единственно отъ крайняго разобщенія законодательствъ съ дѣйствительною жизнію.

Въ послѣднее время въ нашей литературѣ высказана мысль, что русскій простолюдинъ считаетъ противнымъ нравственному чувству участвовать въ уголовныхъ дѣлахъ въ качествѣ судьи и, полагая себя, въ большей части случаевъ, такимъ же виновникомъ, какъ и обвиненный, будетъ, въ качествѣ присяжнаго, оправдывать всѣхъ подсудимыхъ. Мы не раздѣляемъ этихъ опасеній. Опыты, взятые изъ дѣйствительной жизни, доказываютъ совершенную ихъ неосновательность. Русскій крестьянинъ уже являлся судьею мелкихъ проступковъ и, сколько извѣстно, не отличался особою снисходительностію. Мы знаемъ, что мірскіе сходы очень часто жестоко наказывали своихъ односельцевъ за малѣйшія провинности. Правда, что рѣшенія ихъ не всегда были справедливы и большею частію отзывались сильнымъ пристрастіемъ. Но не надобно забывать, что деревенскій сходъ представляетъ самый дурной составъ суда, какой только можетъ быть

на свѣтѣ. Въ немъ нельзя найти ни одного безпристрастнаго голоса, потому что онъ весь состоитъ изъ людей, живущихъ съ подсудимыми на одной улицѣ, въ одной тѣсно связанной общинѣ, и имѣющихъ съ ними безпрестанныя столкновенія въ ежедневной жизни и имущественныхъ интересахъ, а потому непремѣнно находящихся съ ними въ отношеніяхъ дружбы или вражды. Такимъ образомъ, на этомъ судилищѣ могутъ являться только тѣ судьи, которые по самому смыслу всякаго правильнаго судопроизводства, не должны быть допускаемы до обсужденія дѣла. Очевидно, что этотъ судъ могъ существовать только за неимѣніемъ другаго, и, если крестьяне обращались добровольно къ такому судилищу, то это лишь доказываетъ, что разбирательство у прочихъ властей было бы еще хуже и накладнѣе. Но каковъ бы ни былъ этотъ судъ, однакожь онъ обвинялъ и наказывалъ. Нынѣшніе волостные суды, какъ извѣстно, также не останавливаются подвергать денежнымъ штрафамъ, арестамъ и даже тѣлеснымъ наказаніямъ. Объ особой снисходительности этихъ судовъ нигдѣ не слышно. Если, въ нѣкоторыхъ случаяхъ крестьяне потворствовали преступникамъ и весьма неохотно обличали ихъ, то это они дѣлали вовсе не потому, чтобы осужденіе ближняго было противно ихъ нравственному чувству, но по особеннымъ, очень основательнымъ причинамъ. Они знали, что при настоящемъ порядкѣ судопроизводства каждый преступникъ, употребивъ въ дѣло свою ловкость, связи и денежныя средства, можетъ избѣжать заслуженнаго имъ наказанія и, возвратившись на прежнее мѣстожительства, жестоко отомстить своимъ обличителямъ, пустивъ ихъ по міру посредствомъ грабежа или поджога. Намъ неоднократно случалось видѣть, что крестьяне, поймавъ вора съ поличнымъ, при множествѣ свидѣтелей, на самомъ мѣстѣ преступленія, боялись представить его властямъ именно на этомъ основаніи. Служа по судебному вѣдомству, мы имѣли въ рукахъ значительное количество дѣлъ о воровствѣ всякаго рода, и въ особенности о конокрадствѣ, изъ которыхъ было видно, что одни и тѣ же лица были судимы по дѣламъ одного и того же рода и освобождаемы отъ суда или оставляемы въ подозрѣніи по десяти и даже по одиннадцати разъ. Но при гласномъ судопроизводствѣ, съ участіемъ присяжныхъ, не можетъ быть ничего подобнаго. Если нашъ крестьянинъ убѣдится, что открытіе истины возможно и что приговоръ новаго суда о винѣ преступника неминуемо влечетъ за собою заслуженное наказаніе, то онъ нисколько не станетъ потворствовать преступленіямъ и будетъ всѣми мѣрами содѣйствовать къ ихъ обличенію. Въ этомъ ручаются его *свѣжее нравственное чувство* и собственныя выгоды....

Будучи увѣрены, что новыя начала судопроизводства примутся на нашей почвѣ не хуже, чѣмъ на всякой другой, мы однакожь не увлекаемся излишними надеждами. Мы вовсе не ожидаемъ, чтобы у насъ въ самомъ непродолжительномъ времени наступило полное владычество закона и уничтожился всякій произволъ. Мы только твердо увѣрены, что начала, принятыя въ основаніе судебной реформы, непремѣнно приведутъ къ великимъ и благотворнымъ послѣдствіямъ. Какъ бы ни были составлены окончательные проекты судопроизводства и судоустройства на этихъ основаніяхъ, во всякомъ случаѣ, съ перваго же открытія новыхъ судовъ, правосудіе будетъ отправляемо гораздо лучше и съ бо́льшимъ безпристрастіемъ, нежели при настоящемъ порядкѣ и въ существующихъ учрежденіяхъ. Поэтому уже одна гласность можетъ служить вѣрнымъ залогомъ въ томъ, что наше будущее судопроизводство поведетъ къ постепенному улучшенію не только судебной части, но и всѣхъ другихъ сторонъ нашего общественнаго быта. На этихъ основаніяхъ мы твердо убѣждены, что, какъ бы ни были велики недостатки новыхъ судебныхъ учрежденій, во всякомъ случаѣ самыя начала, принятыя въ основаніе реформы, ручаются въ непремѣнномъ исправленіи ихъ. Уже по этой одной причинѣ, обнародованныя «Основныя положенія» для преобразованія судебной части представляютъ такой громадный шагъ на пути нашего общественнаго развитія, что одна эта реформа сама по себѣ могла бы прославить нынѣшнее царствованіе и заслужить ему вѣчную благодарность всѣхъ грядущихъ поколѣній.

Но воздавая должную справедливость «основнымъ положеніямъ», мы считаемъ долгомъ представить и нѣкоторыя сомнѣнія, невольно возникающія при внимательномъ обсужденіи всего, что въ нихъ находится.

III.

Необходимость непосредственной отвѣтственности должностныхъ лицъ предъ судомъ за преступленія по должности.

Прежде всего мы полагаемъ нужнымъ замѣтить, что удержаніе прежняго порядка преданія суду должностныхъ административныхъ лицъ кажется намъ большимъ препятствіемъ къ водворенію у насъ полнаго владычества закона. По нашему мнѣнію, эти правила значительно уменьшатъ благодѣтельное вліяніе гласнаго и независимаго суда и будутъ спо-

собствовать въ сильной мѣрѣ удержанію прежняго административнаго произвола Во всякомъ отдѣльномъ вѣдомствѣ, какъ бы хорошъ ни былъ его личный составъ, непремѣнно существуетъ сильный *корпоративный духъ* и свои особые нравы и обычаи, по которымъ извѣстные, издавна вошедшіе въ употребленіе обходы законоположеній считаются не только безгрѣшными, но даже и необходимыми. Между тѣмъ, такія произвольныя отступленія отъ законнаго порядка, освященныя давностью заведенной рутины, очень часто представляютъ важныя нарушенія частныхъ и общественныхъ правъ и дѣлаются главною причиною бездѣйствія законовъ. Достаточно вспомнить, какія отступленія отъ закона совершаются при формальныхъ слѣдствіяхъ для того, чтобы понять весь вредъ подобныхъ дѣйствій, почитающихся иногда обыкновенными и извинительными. Мы знаемъ, напримѣръ, что обыски въ домахъ производятся очень часто безъ соблюденія законныхъ правилъ, представляющихъ важное обезпеченіе какъ для обвинителей, такъ и для обвиняемыхъ, что повальные обыски производятся большею частію посредствомъ спроса заразъ цѣлой толпы народа, тогда какъ законъ строго предписываетъ допрашивать каждаго порознь и видитъ въ этомъ лучшее и даже единственное средство для полученія справедливыхъ показаній; что дѣла, по которымъ, по здравому смыслу, требуются осмотры на мѣстахъ или другія дѣйствія безъ малѣйшаго промедленія, нерѣдко пересылаются изъ однихъ мѣстъ въ другія по цѣлымъ годамъ, и что на всѣ подобныя дѣйствія административныя начальства смотрятъ весьма снисходительно, какъ на самыя обыкновенныя явленія, о которыхъ не стоитъ и думать. Наконецъ, намъ извѣстна нравственность нашихъ низшихъ должностныхъ лицъ. Зная, что дѣлается въ нашихъ мѣстныхъ учрежденіяхъ, нельзя не догадаться, что чрезвычайное развитіе взяточничества и злоупотребленій всякаго рода уже само по себѣ предполагаетъ, между ближайшими инстанціями, существованіе такихъ взаимныхъ интересовъ, которые заставляютъ непосредственныя административныя начальства, даже при всей ихъ нравственной чистотѣ, потворствовать въ извѣстной мѣрѣ своимъ подчиненнымъ.

Этому очень способствуетъ то обстоятельство, что, при чрезмѣрномъ развитіи письменности, ни одно изъ начальствующихъ лицъ не имѣетъ достаточно силъ и времени для просмотра и обсужденія всѣхъ бумагъ, требующихъ его прочтенія и подписи. Отъ этого дѣла большею частію находятся въ рукахъ ихъ секретарей и дѣлопроизводителей, дѣйствующихъ подъ чужимъ именемъ и безъ всякой личной

отвѣтственности. Разумѣется, такіе дѣятели, не получившіе по большей части никакого образованія, воспитанные иногда въ средѣ старыхъ подъячихъ и часто не заслуживающіе никакого довѣрія, находятся въ постоянныхъ тайныхъ сношеніяхъ съ подчиненными тѣхъ начальниковъ, за спиною которыхъ они дѣйствуютъ. Такимъ образомъ, въ низшихъ слояхъ мѣстной администраціи всегда существуютъ давно и крѣпко устроенные, всеобщіе тайные союзы разныхъ власть—имѣющихъ канцелярій, — союзы, неусыпно охраняющіе всѣ злоупотребленія, отъ которыхъ есть какая нибудь прибыль. Первымъ и главнымъ условіемъ этихъ естественныхъ ассоціацій является то, что низшія должностныя лица обязываются, подъ страхомъ административныхъ взысканій, лишенія мѣста и преданія суду при первыхъ обстоятельствахъ, дающихъ поводъ къ придиркѣ — вносить болѣе или менѣе опредѣленную подать въ пользу дѣлопроизводителей высшихъ учрежденій, которымъ они подвѣдомственны. Отъ этого происходитъ, что всякое злоупотребленіе, совершающееся съ корыстною цѣлью и не выходящее изъ извѣстныхъ границъ, находитъ себѣ передъ лицемъ ближайшей власти сильныхъ и опытныхъ защитниковъ, которые, при тайномъ и письменномъ производствѣ, имѣютъ въ рукахъ безчисленное множество средствъ для того, чтобы совершенно замять возникающее о немъ дѣло, или, по крайней мѣрѣ, дать преступному дѣйствію другой видъ и значительно ослабить его преслѣдованіе.

Наконецъ, частое повтореніе однихъ и тѣхъ же уклоненій отъ закона и постоянныя всеобщія увѣренія, что необходимость этихъ явленій доказывается уже ихъ существованіемъ съ незапамятныхъ временъ, приводятъ начальствующихъ лицъ къ убѣжденію, что противъ нихъ ничего не сдѣлаешь, и отнимаютъ послѣднюю охоту ихъ прислѣдовать. Всякій начальникъ, не имѣющій особой чрезвычайной энергіи, современемъ приходитъ къ заключенію, что преслѣдованіе обыкновенныхъ злоупотребленій низшихъ должностыхъ лицъ, посредствомъ удаленія ихъ отъ должности или преданія суду, не ведетъ ни къ чему, потому что эти примѣры ни на кого не дѣйствуютъ, и новые чиновники дѣлаютъ то же самое, а иногда оказываются еще хуже прежнихъ. По всѣмъ этимъ причинамъ, административныя начальства бываютъ очень часто слишкомъ снисходительны къ обыкновеннымъ грѣшкамъ своихъ подчиненныхъ. Къ этому присоединяются еще другія соображенія. Рѣдкій чиновникъ не имѣетъ болѣе или менѣе сильныхъ покровителей, находящихся съ кѣмъ нибудь изъ начальствующихъ лицъ въ отношеніяхъ дружбы или близкаго

знакомства. Иначе и быть не можетъ, потому что должностныя лица, какъ извѣстно, большею частію получаютъ мѣста по рекомендаціи или ходатайству своихъ патроновъ.

Нужно замѣтить еще, что ближайшее административное начальство, въ отношеніи дѣлъ по жалобамъ на ихъ подчиненныхъ, не можетъ быть безпристрастнымъ судьею, точно такъ же, какъ и всѣ люди, близкіе къ подсудимому, или находящіеся съ нимъ въ какихъ либо постоянныхъ сношеніяхъ. Въ этомъ случаѣ безпристрастія нѣтъ и быть не можетъ, потому что каждый ближайшій начальникъ, обсуждающій дѣйствія своего подчиненнаго, имѣетъ уже о немъ какое нибудь готовое мнѣніе. При этомъ, надобно вспомнить и то, что предметы обвиненія будутъ приводиться въ ясность посредствомъ чиновниковъ того же вѣдомства, дѣйствующихъ въ одной средѣ и находящихся подъ непосредственнымъ ея вліяніемъ. Долговременный опытъ доказываетъ, что почти всякое дѣло, производящееся не гласно, можетъ быть представленно начальству въ томъ видѣ, какъ пожелаетъ слѣдователь или докладчикъ. Въ кабинетѣ начальника или въ закрытомъ присутствіи, въ средѣ людей, заинтересованныхъ въ сокрытіи разныхъ злоупотребленій или упущеній, уже вслѣдствіе одного желанія не уронить своего вѣдомства въ глазахъ публики, и въ добавокъ привыкшихъ смотрѣть снисходительно на извѣстные служебные проступки,—въ такой средѣ, не имѣющей никакого побужденія къ гласному обнаруженію истины, очень легко представить важное злоупотребленіе не стоющимъ вниманія обстоятельствомъ, корыстное потворство—безкорыстною услугою, умышленное преступленіе—простою ошибкою. Само собою разумѣется, что чѣмъ ближе начальство къ обвиняемому, тѣмъ менѣе можно надѣяться на его безпристрастіе. Поэтому мы полагаемъ, что удержаніе прежняго порядка преданія суду въ низшихъ административныхъ сферахъ представитъ наибольшее препятствіе въ дѣлѣ уничтоженія административнаго произвола.

Многіе оправдываютъ удержаніе прежняго порядка преданія суду должностныхъ лицъ на томъ основаніи, что отдѣленіе административной власти отъ судебной необходимо не только въ томъ смыслѣ, чтобы администрація не вмѣшивалась въ дѣла судебныя, но также и въ томъ, чтобы *судебныя власти не вмѣшивались въ дѣла административныя.* Мы не хорошо понимаемъ это оправданіе. Мы признаемъ необходимость самого строгаго раздѣленія властей судебной и административной, *но по этой-то самой причинѣ* и полагаемъ, что административныя начальства не должны имѣть никакого вліянія на дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ своихъ подчинен-

ныхъ, какъ на дѣла чисто судебныя. Напротивъ, судъ, разсматривающій дѣло о преступленіи или проступкѣ должностнаго лица, нисколько не вмѣшивается въ дѣла того вѣдомства, въ которомъ служитъ подсудимый. Опредѣляя виновность или невинность этого лица въ умышленномъ нарушеніи законовъ, онъ отправляетъ только свои судебныя функціи. Въ этомъ отношеніи, кажется, не можетъ быть никакихъ недоразумѣній.

Объяснимся примѣромъ. Положимъ, что судебный слѣдователь принимаетъ жалобу частнаго лица на противозаконныя дѣйствія кассира или кондуктора какой нибудь желѣзной дороги, и, на основаніи § 37 пункта 3 и § 53 «Основныхъ положеній», производитъ по этой жалобѣ предварительное слѣдствіе и представляетъ его прокурору окружнаго суда, который поступаетъ съ нимъ согласно съ общими постановленіями о преданіи подозрѣваемыхъ суду. Вѣроятно, никому не придетъ въ голову, что въ этомъ случаѣ судебный слѣдователь, прокуроръ и прочія судебныя власти вмѣшиваются въ дѣло администраціи желѣзной дороги. Ясно, что, преслѣдуя нарушеніе закона, они исполняютъ чисто судебныя обязанности, которыя, по существу своему, никогда не могутъ принадлежать административнымъ лицамъ, въ завѣдываніи которыхъ находится желѣзная дорога. Если же разсуждать иначе, то всякое, не только полицейское, но даже чисто хозяйственное учрежденіе будетъ областью совершенно безсудною и безъотвѣтственною. Самый принципъ строгаго раздѣленія властей требуетъ, чтобы въ судебныхъ дѣлахъ, какъ напр., въ дѣлахъ о преступленіяхъ и проступкахъ, каждое административное лицо подчинялось судебной власти, а не административной, точно такъ же, какъ въ административныхъ дѣлахъ каждое судебное должностное лицо подчиняется власти административной. Если же понимать иначе примѣненіе принципа раздѣленія властей, то надобно придти къ заключенію, что полицейскій чиновникъ, останавливающій убійство или грабежъ, совершаемые на улицѣ судьею или прокуроромъ, вмѣшивается въ судебныя дѣла, а городская дума, опредѣляющая количество общественныхъ повинностей, слѣдующихъ съ недвижимаго имущества, принадлежащаго брандтъ-майору и находящагося въ городѣ, вмѣшивается въ дѣла полицейскія.

Наконецъ, нужно сказать, что непосредственная отвѣтственность передъ судебною властію въ нарушеніи законовъ составляетъ для каждаго лица *самое важное и самое драгоцѣнное право*, отсутствіе котораго противорѣчитъ понятію о человѣческомъ достоинствѣ. Хотя мы и старались доказать, что административныя начальства бываютъ очень часто рас-

положены потворствовать проступкамъ ихъ подчиненныхъ, но не слѣдуетъ забывать, что ихъ посредство выгодно только для тѣхъ должностныхъ лицъ, которыя смотрятъ на свои мѣста, какъ на лавки, открытыя для торговли честью и правосудіемъ. Для честныхъ же дѣятелей и строгихъ исполнителей закона, а также и для общей массы чиновниковъ, такое преимущество, даже и теперь, чрезвычайно тяжко и весьма невыгодно, при новомъ же порядкѣ судопроизводства чиновники еще лучше поймутъ, что безъ непосредственной личной отвѣственности передъ общею судебною властью они не могутъ пользоваться и тѣнью той самостоятельности, которая нужна для безукоризненнаго исполненія ихъ обязанностей на поприщѣ общественной дѣятельности. Лица, обреченныя необходимостью на этотъ родъ занятій и не имѣющія другихъ средствъ къ жизни, почувствуютъ себя въ безвыходномъ положеніи безгласныхъ тружениковъ, которые одни изъ всей массы народонаселенія лишены права личной и гласной защиты своихъ дѣйствій. Мы уже объяснили довольно подробно причины, по которымъ судъ административнаго начальства не можетъ быть вполнѣ безпристрастнымъ и непремѣнно руководствуется соображеніями, несогласными съ мыслью и цѣлями правосудія. Мы говорили о томъ, что корпоративный духъ, необходимо существующій въ каждомъ отдѣльномъ вѣдомствѣ, въ большей части случаевъ располагаетъ административныя начальства покровительствовать подчиненнымъ, на которыхъ приносятся жалобы. Но иногда бываетъ *и наоборотъ.* Случается, что тотъ же корпоративный духъ лишаетъ подчиненнаго всякихъ средствъ къ оправданію его дѣйствій въ глазахъ общества, если только опроверженіе извѣстнаго обвиненія сопряжено съ открытіемъ дурныхъ сторонъ или обыкновенныхъ злоупотребленій того вѣдомства, въ которомъ онъ служитъ. Такимъ образомъ, при отсутствіи непосредственной, личной отвѣтственности служащихъ передъ общею судебною властію, каждый честный и безукоризненный исполнитель закона всегда рискуетъ сдѣлаться случайною жертвою клеветы и быть лишеннымъ всякой возможности гласно и публично оправдать свои дѣйствія. Въ этомъ случаѣ положеніе должностнаго лица становится чрезвычайно страннымъ. Занимаясь дѣятельностію, которая считается самою важною и почетною, служащій видитъ, что его личность *менѣе обезпечена, нежели честь простаго батрака.* Каждый сидѣлецъ или ремесленникъ, обвиняемый въ обманѣ или воровствѣ, имѣетъ право гласно и открыто опровергнуть обвиненіе, не спрашиваясь у своего хозяина, между тѣмъ какъ лицо, состоящее на государственной службѣ и занимающее

важную должность, какъ по роду его дѣятельности, такъ и по объему дѣлаемаго ему довѣрія не можетъ защищаться гласно противъ клеветы иначе, какъ съ разрѣшенія своего начальства. Естественно, что лица, находящіяся въ такомъ положеніи, чувствуютъ себя, въ сферѣ своей дѣятельности, какъ бы лишенными всѣхъ правъ состоянія. Это положеніе цѣлаго класса должностныхъ лицъ доводитъ ихъ незамѣтно до совершеннаго отсутствія самостоятельности и постоянно давитъ нравственный уровень всей массы.

Совсѣмъ другое чувствуется при непосредственной личной отвѣтственности. Здѣсь уже нѣтъ дѣятельности за чужой спиною. Каждый чиновникъ отвѣчаетъ самъ за всѣ свои служебныя дѣйствія. Въ этомъ случаѣ его дѣятельность не совершается уже въ одной тѣсной, душной атмосферѣ того вѣдомства, въ которомъ онъ служитъ. Онъ чувствуетъ себя уже не слугою своего ближняго начальства, но публичнымъ дѣятелемъ, который несетъ на себѣ извѣстную долю отвѣтственности предъ верховною властію и обществомъ. Какъ бы ни была дурна среда, въ которой онъ находится, у него достанетъ силы съ нею бороться и презирать заведенную рутину. При незаконныхъ требованіяхъ своихъ сослуживцевъ, онъ будетъ имѣть достаточно энергіи, чтобы отвѣчать имъ прямымъ отказомъ. Онъ знаетъ, что окружающая его среда не представляетъ для него единственный верховный судъ, потому что онъ имѣетъ возможность вынести всякое дѣло на вольный воздухъ и представить его открыто на судъ безпристрастныхъ постороннихъ лицъ, не зараженныхъ удушливыми міазмами его начальственной канцеляріи. Такимъ образомъ, непосредственная личная отвѣтственность должностныхъ лицъ предъ независимымъ и гласнымъ судомъ представляется не только лучшимъ обезпеченіемъ строгаго исполненія законовъ административными лицами, но и единственнымъ средствомъ возвысить нравственный уровень служащихъ. При такой отвѣтственности мы не имѣемъ въ виду какого-либо особенно строгаго и неумолимаго преслѣдованія должностныхъ лицъ за всѣ малѣйшія упущенія или неумышленныя ошибки. Напротивъ, надобно полагать, что независимыя судебныя учрежденія, составъ которыхъ назначается высочайшею властію изъ лицъ, получившихъ высшее образованіе и доказавшихъ на дѣлѣ свои способности, обезпечиваетъ для невинныхъ правосудіе въ большей степени, нежели административныя учрежденія, личный составъ которыхъ не подвергается такому тщательному выбору и не пользуется самостоятельнымъ положеніемъ. Эти соображенія совершенно убѣждаютъ въ томъ, что преданіе суду должностныхъ лицъ

общею обвинительною властію будетъ совершаемо не менѣе осмотрительно и съ гораздо бóльшимъ безпристрастіемъ, нежели ихъ административными начальствами.

IV.

Мировыя учрежденія

Обдумавъ эти правила, положенныя въ основаніе нашихъ будущихъ мировыхъ учрежденій, сличивъ ихъ съ объемомъ власти и кругомъ дѣйствій сокращеннаго мироваго разбирательства въ другихъ государствахъ и принявъ во вниманіе особенныя условія нашей страны, нельзя не придти къ заключенію, что власть нашихъ мировыхъ судей будетъ слишкомъ велика и неограниченна въ сравненіи съ тѣми обезпеченіями, которыя она представитъ въ дѣйствительной жизни. *) Мы вовсе не принадлежимъ къ числу отчаянныхъ любителей регламентаціи и не полагаемъ, чтобы можно было всѣ мельчайшія гражданскія и уголовныя дѣла разсматривать въ общихъ судахъ и производить тѣмъ сложнымъ порядкомъ, который прилагается къ важнѣйшимъ судебнымъ случаямъ.

Мы знаемъ, что употребленіе этого сложнаго порядка въ мелкихъ дѣлахъ невозможно и равнозначительно отказу въ правосудіи. Но при всемъ этомъ мы никакъ не можемъ согласиться, чтобы дѣла, подлежащія сокращенному разбирательству, могли быть отданы въ совершенно произвольное распоряженіе лицъ, облеченныхъ извѣстнымъ званіемъ. Всякій судъ, какъ бы мало ни было пространство его власти, долженъ быть обставленъ извѣстными гарантіями, необходимыми для обезпеченія правосудія. Иначе онъ превратится въ *домашнюю расправу* и будетъ служить личнымъ интересамъ судей или той власти, которая имѣетъ на нихъ вліяніе. Нѣтъ ни одного мельчайшаго дѣла, въ которомъ бы судебный произволъ не могъ нанести значительнаго оскорбленія личнымъ и имущественнымъ правамъ тяжущихся и подсудимыхъ. При произвольномъ и безотчетномъ распоряженіи съ подсудимыми, каждое пустое дѣло о какомъ нибудь маловажномъ полицейскомъ проступкѣ

*) По Основнымъ Положеніямъ для мировой юстиціи не были указаны никакія формы судопроизводства. Унковскій, какъ „крестьянскій адвокатъ“ зналъ хорошо, какія послѣдствія влечетъ такое отсутствіе формъ. При составленіи Уст. Гражд. Суд. принято было во вниманіе это неудобство и были довольно подробно указаны процессуальныя правила для мировыхъ судей.

представляетъ случай для тяжкаго и неизгладимаго оскорбленія лицъ, сдѣлавшихся невинными жертвами такого судилища. Несправедливое обвиненіе въ мелкомъ полицейскомъ проступкѣ можетъ иногда лишить человѣка общественной чести и довѣрія. Пристрастное или неосновательное рѣшеніе можетъ быть не менѣе чувствительнымъ и въ мелкихъ гражданскихъ дѣлахъ. У кого все состояніе заключается въ 30 рубляхъ, тотъ, лишаясь ихъ вслѣдствіе неправильнаго рѣшенія суда, теряетъ гораздо болѣе, нежели иной богачъ, у котораго отнимаются сотни тысячъ. Для большинства нашихъ крестьянъ или мѣщанъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, внезапное и неожиданное взысканіе 20 или 30 рублей можетъ равняться совершенному разоренію. Если денегъ нѣтъ и дѣло придется къ веснѣ, то у незажиточнаго крестьянина могутъ отнять послѣднюю лошадь, безъ которой нельзя и землю обработать. Изъ всего этого видно, что важность судебныхъ дѣлъ не можетъ опредѣляться одною цѣною иска или величиною назначеннаго законами наказанія и что всѣ судебные случаи одинаково нуждаются въ извѣстныхъ существенныхъ гарантіяхъ, безъ которыхъ отправленіе правосудія совершенно невозможно и немыслимо. Однако, мы вовсе не хотимъ этимъ сказать, что всѣ дѣла безъ разбора должны производиться однимъ и тѣмъ же образомъ. Мы просто желаемъ только объяснить, что между предположеннымъ общимъ порядкомъ судопроизводства, усложненнымъ множествомъ разныхъ формальностей, и предоставленіемъ всего ближайшему личному усмотрѣнію судей существуетъ цѣлая пропасть. Мы согласны въ томъ, что большая часть этихъ формальностей не можетъ и не должна имѣть мѣста при скоромъ и простомъ разбирательствѣ мелкихъ гражданскихъ процессовъ и дѣлъ о незначительныхъ полицейскихъ нарушеніяхъ; но нельзя же забывать, что между разными требованіями этого общаго порядка есть такія, которыя представляютъ самыя главныя и существенныя условія всякаго суда и безъ которыхъ не можетъ быть никакой надежды на то, чтобы дѣла рѣшались на основаніи разумнаго убѣжденія, а не по личному произволу судей. Къ подобнымъ существеннымъ требованіямъ, необходимымъ для всякаго рода дѣлъ, безспорно принадлежатъ правила объ извѣщеніи подсудимыхъ и тяжущихся о представленныхъ противъ нихъ искахъ и обвиненіяхъ, о вызовѣ ихъ къ опредѣленному сроку, о порядкѣ судоговоренія и защитѣ обѣихъ сторонъ, о публичности судебныхъ засѣданій и т. п. Очевидно, что всякое рѣшеніе, постановленное безъ соблюденія этихъ условій, должно считаться произвольнымъ и недѣйствительнымъ. Если же законы дадутъ какому либо

судебному учрежденію право дѣйствовать по ближайшему усмотрѣнію, не стѣсняясь вовсе формальностями общаго порядка судопроизводства, и постановлять такія безапелляціонныя рѣшенія, которыя не могутъ быть отмѣняемы и кассаціоннымъ порядкомъ, то этотъ судъ будетъ зависѣть единственно отъ личнаго произвола.

Такимъ образомъ, не только во Франціи, но и въ самой Англіи, въ которой мировыя учрежденія получили наибольшее развитіе и пользуются наибольшею властію, мы не находимъ, чтобъ мировые судьи, при разбирательствѣ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, избавлялись отъ соблюденія извѣстныхъ формальностей, необходимыхъ для обезпеченія правосудія. Обставляя эту единоличную, сокращенную юрисдикцію всѣми важнѣйшими гарантіями, англійское законодательство признаетъ всякое рѣшеніе по самому ничтожному дѣлу подлежащимъ обжалованію и отмѣнѣ въ томъ случаѣ, если при разбирательствѣ этого дѣла нарушены существенныя правила судопроизводства. Но и при всемъ этомъ распространеніе сокращеннаго судопроизводства безъ участія присяжныхъ возбуждаетъ въ Англіи серьезныя опасенія.

Еще Блэкстонъ подозрѣвалъ тайныя намѣренія уничтожить англійскую свободу посредствомъ введенія произвольной юрисдикціи мировыхъ судей. Вотъ его слова: „Какъ бы ни удобно казалось это судопроизводство съ перваго взгляда (несомнѣнно, что *всего удобнѣе произвольныя власти*, хорошо управляющія), но слѣдуетъ всегда помнить, что сложность и маленькія неудобства въ формахъ отправленія правосудія суть не что иное, *какъ налогъ, который должны платить всѣ свободныя націи за ихъ свободу въ важнѣйшихъ вещахъ;* что подобныя вторженія въ священный оплотъ народа (учрежденіе присяжныхъ) въ самомъ основаніи противорѣчатъ духу нашей конституціи, и что это направленіе, начинаясь съ незначительныхъ вещей, можетъ мало по малу распространится и дойти до совершеннаго уничтоженія суда присяжныхъ въ дѣлахъ величайшей важности. Бойеръ (Boyer. Commentaries on the consitutional law of England) говоритъ о единоличномъ судѣ безъ присяжныхъ, какъ о такомъ отступленіи отъ общаго порядка, которое можно извинить только необходимостью и предѣлы котораго должны быть тщательно охраняемы. Изъ всего этого ясно видно, что и въ Англіи, гдѣ предполагается, что существуютъ особенныя, исключительныя условія, благопріятствующія развитію сокращенной юрисдикціи, мировые судьи не имѣютъ такой области, которая была бы уступлена въ полное и безотчетное ихъ распоряженіе.

Но выписывая изъ - за границы какія нибудь учрежденія,

составляющія исключительную принадлежность одной народности, нужно прежде всего обратить вниманіе на условія, при которыхъ они живутъ на родной почвѣ, и въ особенности на тѣ, которыя необходимы для ихъ существованія. Достаточно бросить бѣглый взглядъ на нѣкоторыя особенности англійскаго общественнаго устройства, чтобы совершенно убѣдиться въ томъ, что англійскій институтъ мировыхъ судей составляетъ *исключительную принадлежность англо-саксонской народности* и можетъ приняться только на такой почвѣ, которая представляетъ извѣстныя условія, необходимыя для его существованія. Все значеніе англійскихъ мировыхъ судей основывается на томъ, что эти должности отправляются почетными лицами, *совершенно независимыми по своему общественному положенію* и исполняющими эти обязанности *безвозмездно*. Поэтому англійскій мировой судья является не чиновникомъ, работающимъ для другихъ за извѣстную плату, но, исполняя общественныя обязанности, онъ занимается своими собственными дѣлами и служитъ столько же обществу, сколько и самому себѣ.—Мы не намѣрены вовсе доказывать достоинства англійскихъ учрежденій, основанныхъ на аристократическомъ началѣ, и нисколько имъ не завидуемъ. Мы знаемъ, что всѣ подобныя учрежденія имѣютъ очень дурную подкладку. Удивляясь блестящимъ сторонамъ англійской конституціи, мы нисколько не забываемъ, что для существованія ея необходимо особенно неравномѣрное распредѣленіе недвижимой собственности, при которомъ огромное большинство народонаселенія является лишеннымъ всякаго матеріальнаго обезпеченія. Если смотрѣть на англійскія учрежденія съ этой стороны, то нельзя не придти къ заключенію, что всѣ выгоды ихъ *не стоятъ той цѣны*, за которую они покупаются. Принимая это въ соображеніе, мы не только не завидуемъ англійскимъ мировымъ учрежденіямъ, но даже готовы благословлять судьбу за то, что она лишила насъ главнаго основанія, на которомъ зиждется англійская система народнаго самоуправленія посредствомъ аристократическихъ мировыхъ судей. Но здѣсь не мѣсто разсуждать о недостаткахъ или достоинствахъ англійскаго государственнаго устройства. Мы заявляемъ только, что въ Англіи существуютъ особыя исключительныя условія, которыя въ высшей степени обезпечиваютъ правильность дѣйствій отдѣльныхъ лицъ, носящихъ званіе мировыхъ судей, и что этихъ условій у насъ вовсе не имѣется. Притомъ мы представляемъ, что несмотря на всѣ вышеупомянутыя гарантіи, и въ этой классической странѣ мировыхъ учрежденій, имѣвшей достаточно времени, чтобы испытать ихъ выгоды и неудобства, законы подчиняютъ су-

дебную дѣятельность мировыхъ судей извѣстнымъ, строго опредѣленнымъ правиламъ, и что за всѣмъ этимъ люди, спеціально знакомые съ учрежденіемъ, считаютъ эту юрисдикцію произвольною и опасаются дальнѣйшаго ея расширенія. Изъ всего этого необходимо слѣдуетъ, что юрисдикція нашихъ будущихъ мировыхъ судей, еще менѣе обезпеченная отъ постороннихъ вліяній и соображеній, должна быть обставлена еще большими гарантіями. Иначе наши мировые участки сдѣлаются настоящими пашалыками, отданными въ произвольное и безотчетное ихъ распоряженіе. Выборное начало въ этомъ случаѣ ничего не значитъ. Оно можетъ служить только нѣкоторымъ обезпеченіемъ противъ вліянія административныхъ властей и существующаго у насъ сословнаго антогонизма, но противъ личнаго произвола избранныхъ лицъ, и въ особенности въ судебной ихъ дѣятельности, оно оказывается совершенно несостоятельнымъ. Лучшее доказательство этому мы видимъ въ нашихъ избранныхъ волостныхъ судахъ, которые при рѣшеніи дѣлъ руководствуются однимъ личнымъ произволомъ. Въ судебной дѣятельности нѣтъ и не можетъ быть никакихъ гарантій, кромѣ тѣхъ, которыя принимаются въ области общаго судопроизводства. По крайней мѣрѣ, никто еще не видалъ сноснаго единоличнаго суда, отправляющаго правосудіе по ближайшему своему усмотрѣнію.

Все вышеизложенное приводитъ насъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

При существующихъ условіяхъ, единоличная юрисдикція нашихъ будущихъ мировыхъ судей не представитъ вовсе обезпеченій, необходимыхъ для отправленія правосудія. Поэтому для простаго и удобнаго разбирательства мелкихъ гражданскихъ дѣлъ и полицейскихъ проступковъ непремѣнно нужно ввести въ этотъ судъ элементъ, который могъ бы имѣть нравственное вліяніе на судью и сдерживать его личный произволъ. Мы полагаемъ, что въ этомъ отношеніи ничего не можетъ быть лучше *участія присяжныхъ*. Если правительство находитъ возможнымъ довѣрить нашимъ присяжнымъ разрѣшеніе важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ, то нѣтъ никакой причины предполагать, чтобы они не могли обсуждать проступки, которые предоставляются разрѣшенію мировыхъ судей и ихъ съѣздовъ. Что же касается до гражданскихъ исковъ по личнымъ обязательствамъ и дѣлъ о вознагражденіи за ущербъ и убытки, то они могутъ быть также разрѣшаемы съ участіемъ присяжныхъ. Новые англійскіе окружные суды для мелкихъ гражданскихъ дѣлъ представляютъ достаточныя доказательства способности присяжныхъ обсуждать подобныя дѣла на томъ же основаніи, какъ и уголовныя. Тамъ въ дѣлахъ, превы-

шающихъ извѣстную сумму, каждая сторона имѣетъ право требовать приглашенія присяжныхъ для разрѣшенія фактической стороны дѣла. Въ мелкихъ дѣлахъ участвуютъ только 5 присяжныхъ, которые берутся изъ общаго списка. Впрочемъ, окружные судьи, по всей вѣроятности, пользуются большимъ довѣріемъ, потому что изъ тысячи случаевъ не болѣе пяти разрѣшается съ участіемъ присяжныхъ. На этомъ основаніи можно было бы и у насъ предоставить каждой сторонѣ, имѣющей дѣло у мироваго судьи, требовать приглашенія присяжныхъ засѣдателей съ тѣмъ, чтобы рѣшеніе суда въ такомъ случаѣ оставалось уже не подлежащимъ апелляціи и могло бы отняться только кассаціоннымъ порядкомъ, и судя по условіямъ, которыя должны соединять въ себѣ лица, подлежащія внесенію въ спискъ присяжныхъ, на основаніи 34 ст. 1 части „основныхъ положеній", надобно полагать, что въ присяжныхъ не можетъ быть недостатка, если только законъ дозволитъ требовать ихъ къ засѣданіямъ мировыхъ судей по два или по три раза въ годъ. Принимая въ соображеніе, что отлучка присяжнаго къ мировому судьѣ, должна быть непродолжительною, не только по краткости этихъ засѣданій, но и по самой близости, можно съ увѣренностью сказать, что при такомъ условіи обязанности присяжныхъ не будутъ слишкомъ обременительны. Наконецъ, если это будетъ признано неудобнымъ, то можно увеличить общее количество присяжныхъ допущеніемъ въ это число нѣсколькихъ лицъ, избираемыхъ приходами.

V.

Необходимость предоставленія исключительно суду, но не администрація карательныхъ функцій.

Переходя къ подробному разсмотрѣнію основныхъ положеній уголовнаго судопроизводства, мы встрѣчаемъ съ перваго раза такое правило, которое находится въ прямомъ противорѣчіи съ объявленными началами предпринимаемой реформы и можетъ представить затрудненіе къ ихъ осуществленію. Въ 1-й статьѣ общихъ правилъ уголовнаго судопроизводства мы читаемъ слѣдующее:

„Никто не можетъ быть наказанъ за преступленія или проступки, *подлежащіе вѣдомству судебныхъ мѣстъ*, не бывъ присужденъ къ наказанію приговоромъ подлежащаго суда, вошедшимъ въ законную силу".

„*Примѣчаніе*. Административная власть принимаетъ въ

установленномъ законами порядкѣ, *мѣры* для предупрежденія и пресѣченія преступленій и проступковъ".

Прежде всего надобно замѣтить, что эта статья могла бы возбудить множество недоразумѣній по одной темнотѣ своей редакціи, даже и въ такомъ случаѣ, если бы она не сопровождалась примѣчаніемъ. Говоря о преступленіяхъ и проступкахъ, подлежащихъ вѣдомству судебныхъ мѣстъ, она заставляетъ предполагать существованіе такихъ преступленій и проступковъ, которые имъ не подлежатъ и на дѣла о которыхъ дѣйствіе судебной охраны не распространяется. Иначе нельзя понять этой статьи. Если бы составители ея были проникнуты мыслью, что вѣдомство судебной власти обнимаетъ всѣ преступныя дѣйствія безъ всякаго исключенія, то имъ не было бы никакой надобности въ этомъ придаточномъ предложеніи, потому что оно нисколько не объясняло бы ихъ мысли, но, напротивъ, затемняло бы ее. Слѣдовательно, редакція самой статьи прямо указываетъ на возможность существованія такихъ преступленій и проступковъ, за которые можно быть наказаннымъ безъ всякаго суда. Сверхъ того, въ этомъ придаточномъ предложеніи кроется и другое недоразумѣніе. Здѣсь говорится не о вѣдомствѣ судебной власти вообще, но о вѣдомствѣ *судебныхъ мѣстъ*. Между тѣмъ, изъ основныхъ положеній видно, что судебная власть вручается не однимъ только судебнымъ мѣстамъ, но и нѣкоторымъ лицамъ (какъ, наприм., мировымъ судьямъ), которыя не могутъ быть называемы *мѣстами*. Изъ этого слѣдуетъ, что важное право не быть наказаннымъ иначе, какъ по приговору подлежащаго суда, вошедшему въ законную силу, еще болѣе ограничивается. По буквальному смыслу этой статьи, административный произволъ не можетъ вторгаться лишь въ тѣсную область вѣдомства такъ называемыхъ судебныхъ мѣстъ (т. е. окружныхъ судовъ, судебныхъ палатъ и кассаціоннаго суда), по внѣ ея имѣетъ полное право распоряжаться, какъ ему угодно. Но примѣчаніе даетъ этому произволу еще болѣе простора. Оно говоритъ, что административная власть принимаетъ, въ установленномъ законами порядкѣ, мѣры для предупрежденія и пресѣченія преступленія и проступковъ. Такъ какъ въ этомъ примѣчаніи не сдѣлано никакого указанія на измѣненіе установлененнаго порядка для предупрежденія и пресѣченія преступленій и проступковъ, то изъ этого слѣдуетъ, что административная власть и на будущее время, при существованіи независимаго суда, уполномочивается принимать, въ видахъ предупрежденія преступленій, тѣ же самыя *мѣры*, какія находятся въ ея распоряженіи въ настоящее время. Между тѣмъ, эти *мѣры* большею частью состоятъ въ

произвольномъ судѣ, лишенномъ всякихъ гарантій, или представляютъ такія стѣсненія личной свободы, которыя очень часто далеко превосходятъ мѣру судебныхъ наказаній. Такъ какъ характеръ и дѣйствительное значеніе подобныхъ мѣропріятій извѣстны всѣмъ и каждому, то мы не находимъ никакой нужды описывать ихъ въ подробности. Очень понятно, что при оставленіи настоящаго порядка административнаго предупрежденія и пресѣченія преступленій, существованіе независимаго суда представляютъ такую несообразность, которая невозможна въ дѣйствительной жизни. Если административныя власти будутъ имѣть право употреблять прежнія мѣры предупрежденія, то вѣдомство суда будетъ ограничиваться лишь тѣми дѣлами, которыя администрація не заблагоразсудитъ рѣшать собственными средствами. Самый судъ сдѣлается игрушкою администраторовъ, потому что, при такомъ порядкѣ вещей, участь лицъ, занимающихъ судебныя должности, необходимо зависитъ отъ произвола административныхъ начальствъ. Если уже административная власть имѣетъ право распоряжаться судьбою человѣка безъ всякаго суда и слѣдствія, на основаніи особыхъ соображеній, то ея произволъ не можетъ ограничиться одними частными лицами. Опытъ всѣхъ странъ и народовъ показываетъ, что высшія административныя соображенія такъ эластичны, что могутъ оправдывать всякія беззаконія. Поэтому, въ странахъ, гдѣ допускается подобное вмѣшательство администраціи въ область суда, нѣтъ и никогда не было такого оффиціальнаго положенія, которое могло бы защитить личность человѣка отъ всемогущаго административнаго произвола. Если уже допускается распоряженіе личностью человѣка безъ суда въ видѣ предупредительной мѣры, то никакія гарантіи, присвоеваемыя должности, не могутъ обезпечить ея независимости. Въ этомъ случаѣ спеціальныя предписанія закона совершенно безсильны, потому что они прямо противорѣчатъ общему строю государственной жизни и являются невозможными въ исполненіи. Такъ какъ всякое лицо, вступающее въ извѣстную должность, не перестаетъ быть гражданиномъ, то административныя власти, пользуясь широкимъ правомъ распоряжаться судьбою людей на основаніи личныхъ соображеній и отсутствіемъ гласности, не допускающимъ никакой защиты, могутъ лишить всякое должностное лицо, какъ гражданина, не только особыхъ преимуществъ его оффиціальнаго положенія, но даже и возможности пользоваться общими человѣческими правами. Двѣ любимыя предупредительныя мѣры, употребляемыя безъ суда и слѣдствія и составляющія въ сущности самыя важныя уголовныя наказанія, даютъ администраціи вѣрныя средства для

устраненія всѣхъ неудобствъ легальной независимости должностныхъ лицъ. Заключеніе или ссылка разрѣшаютъ въ этомъ случаѣ всѣ затрудненія. Эти два мѣропріятія представляютъ администраціи цѣлый арсеналъ средствъ для совершеннаго порабощенія ея произволу всѣхъ и каждаго.

Можетъ быть, многіе намъ возразятъ, что наши уставы о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, не даютъ администраціи такихъ правъ Дѣйствительно, по заключающимся въ нихъ правиламъ о предупрежденіи отдѣльныхъ преступленій, административныя власти могутъ только останавливать совершающіяся преступныя дѣйствія и въ маловажныхъ случаяхъ подвергать виновныхъ опредѣленнымъ наказаніямъ, а въ болѣе важныхъ случаяхъ отсылать ихъ къ суду. Но не надобно забывать, что дѣйствія административныхъ властей въ отношеніи предупрежденія преступленій не ограничиваются предѣлами, указанными въ этихъ уставахъ, потому что правила ими установляемыя, какъ видно изъ 1-й статьи Свода уставовъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій (XIV Т. Св. Зак. изд. 1857 г.), служатъ не болѣе, какъ дополненіемъ къ особымъ наказамъ и инструкціямъ, даннымъ въ руководство разнымъ административнымъ начальствамъ. Пространство же административной власти въ этомъ отношеніи доказывается уже самыми фактами, ежедневно повторяющимися. Изъ всего этого слѣдуетъ, что оставленіе за администраціею права принимать мѣры предупрежденія и пресѣченія преступленій въ порядкѣ, установленномъ настоящими законами, уничтожаетъ всякую возможность осуществленія тѣхъ началъ судопроизводства, которыя приняты верховною властью. Очевидно, что при этомъ условіи отдѣленіе судебной власти отъ административной и независимость суда останутся мертвыми буквами, не имѣющими никакого дѣйствительнаго значенія.

Говоря въ первой нашей статьѣ о важныхъ сомнѣніяхъ, представляемыхъ нѣкоторыми изъ основныхъ положеній будущаго преобразованія, мы не упоминали объ этой статьѣ, потому что ея вредное значеніе находится въ совершенной зависимости отъ недопущенія личной отвѣтственности каждаго должностнаго лица предъ независимою судебною властью. Если бы административныя лица обязывались непосредственною отвѣтственностію за каждое свое дѣйствіе передъ лицомъ гласнаго и независимаго суда, и не имѣла бы права ссылаться на приказанія своего начальства, противорѣчащія закону, однимъ словомъ, если бы законъ уважался болѣе, нежели предписанія, ему противорѣчащія, то право административной власти принимать извѣстныя мѣры предупрежденія и пресѣченія преступленій не было бы вовсе опаснымъ.

Въ такомъ случаѣ дѣйствія администраціи не могли бы выходить изъ предѣловъ, установленныхъ законами. Поэтому вопросъ о пространствѣ административной власти въ отношеніи предупрежденія преступленій, совершенно подчиняется вопросу о личной отвѣтственности должностныхъ лицъ и, въ сравненіи съ нимъ, не имѣетъ большаго значенія. Главное дѣло состоитъ не въ ограниченіи круга дѣйствій административныхъ властей, но въ устраненіи произвола. Какъ бы ни было велико пространство этой власти, но если должностныя лица будутъ гласно отвѣчать за всѣ свои дѣйствія, то они никогда не рѣшатся на произвольныя мѣры, выходящія изъ предѣловъ строгой законности. При этомъ самыя мѣры предупрежденія не могутъ уже имѣть огромнаго вліянія на судьбу человѣка, потому что право обжалованія ихъ передъ судебною властью ограничитъ ихъ дѣйствія небольшимъ пространствомъ времени. Что же касается до самаго опредѣленія мѣръ предупрежденія и пресѣченія преступленій, то это составляетъ уже второстепенный вопросъ, не имѣющій большаго значенія.

VI.

Слѣдственная часть.

Далѣе, въ основныхъ положеніяхъ уголовнаго судопроизводства замѣчается другое довольно важное противорѣчіе, встрѣчающееся во всѣхъ странахъ, въ которыхъ правила судопроизводства составлялись по французскому образцу. Замѣняя слѣдственный порядокъ уголовнаго судопроизводства обвинительнымъ и объявляя, что власть *обвинительная* отдѣляется отъ *судебной*, „Основныя Положенія“ утверждаютъ прежній инквизиторіальный порядокъ въ производствѣ предварительныхъ слѣдствій. Здѣсь очевидная несообразность, потому что два порядка, обвинительный и слѣдственный, являются совершенно несовмѣстными. Если предварительное изслѣдованіе преступленія производится инквизиторіальнымъ порядкомъ, то само собою разумѣется, что обвинительный процессъ въ судебномъ мѣстѣ является лишь одною формою, а власть судебная въ дѣйствительности нисколько не отдѣляется отъ обвинительной. Акты предварительнаго слѣдствія во всякомъ случаѣ имѣютъ рѣшительное вліяніе на исходъ дѣла и участь подсудимаго. Поэтому, въ производствѣ предварительнаго слѣдствія заключаются важнѣйшія судебныя функціи, при которыхъ соединеніе въ одномъ лицѣ

судебной власти и обвинительной противорѣчитъ требованіямъ правосудія и отдаетъ участь подсудимыхъ въ руки личнаго произвола слѣдователей. Отдѣленіе обвинительной власти отъ судебной представляютъ огромное обезпеченіе правосудія, которое требуется необходимостью. Ни одинъ человѣкъ не можетъ выполнить въ одно время удовлетворительно двѣ несовмѣстныя обязанности — безпристрастнаго судьи и обвинителя, преслѣдующаго преступленіе. Быть въ одно и то же время обличителемъ преступленія и безпристрастнымъ судьею, точно также невозможно, какъ участвовать въ тяжбѣ и въ то же время оставаться равнодушнымъ зрителемъ судоговоренія. Очевидно, что человѣкъ, поставленный въ такое положеніе, долженъ дѣлать что нибудь одно изъ двухъ: или преслѣдовать подозрѣваемыхъ, выйдя совершенно изъ роли судьи, или оставаться безстрастнымъ слушателемъ и забыть, что на немъ лежитъ обязанность обвиненія. Такимъ образомъ, при соединеніи этихъ двухъ обязанностей въ одномъ лицѣ, непремѣнно недостаетъ или судьи, или обвинителя. Поэтому слѣдственный, инквизиторіальный процессъ не представляетъ никакихъ обезпеченій правосудія.

При немъ все зависитъ отъ личнаго произвола и темперамента судьи, который можетъ сдѣлаться преслѣдователемъ подсудимыхъ и играть роль стороны, или быть безстрастнымъ слушателемъ, не употребляющимъ никакихъ мѣръ къ раскрытію истины. Между тѣмъ, самыя обязанности его таковы, что одно добросовѣстное выполненіе ихъ непремѣнно увлекаетъ его въ одну изъ этихъ крайностей. Всякое лицо, обличающее подсудимаго, и старающееся привести его къ сознанію, незамѣтно для него самаго, увлекается преслѣдованіемъ и, вступая въ борьбу съ подсудимымъ, дѣлается его противникомъ. Точно такъ же всякое лицо, старающееся сохранить необходимое для судьи безпристрастіе, незамѣтно увлекается этою мыслію и забываетъ свои обязанности обвинителя, которыя не совмѣстны съ положеніемъ совершеннаго безпристрастія. Поэтому, при слѣдственномъ порядкѣ судопроизводства нѣтъ суда: все зависитъ отъ личности судьи или слѣдователя, которые являются или ожесточенными врагами подсудимыхъ, или равнодушными зрителями ихъ беззаконія. Народная пословица „не бойся суда, а бойся судьи" служитъ лучшимъ выраженіемъ того произвола, который представляется соединеніемъ судебныхъ функцій съ обязанностями обвинителя. При этомъ порядкѣ всякій судья можетъ поступать, какъ ему угодно, и всегда будетъ правъ передъ закономъ и собственною совѣстью. Такимъ образомъ, слѣдственный порядокъ судопроизводства, самъ по себѣ, независимо

отъ прочихъ условій государственной и общественной жизни, вноситъ въ судъ элементъ личнаго произвола. Но несмотря на очевидную несообразность соединенія въ одномъ лицѣ судьи и обвинителя, многіе полагаютъ, что для обезпеченія правосудія достаточно допустить обвинительный процессъ только предъ лицомъ суда, произносящаго окончательный приговоръ, и совершенно забываютъ, что раздѣленіе этихъ двухъ обязанностей столько же необходимо и въ предварительномъ слѣдствіи, или находятся въ полной увѣренности, что это раздѣленіе въ предварительномъ слѣдствіи невозможно или неудобно. Между тѣмъ, несмотря на это разногласіе, существующее въ наукѣ и въ практической жизни, мы увѣрены, что допущеніе обвинительнаго процесса въ предварительныхъ слѣдствіяхъ необходимо и не представляетъ никакихъ практическихъ затрудненій.

Представивъ краткій очеркъ предварительнаго слѣдствія въ Нью-Йоркѣ, авторъ продолжаетъ: изъ этого очерка, который въ сущности немного отличается отъ обычнаго англійскаго порядка, ясно видно, что обвинительный процессъ изслѣдованія уголовныхъ преступленій представляетъ гораздо болѣе гарантій правосудія, нежели слѣдственный порядокъ, при которомъ личный произволъ слѣдователя является единственнымъ и всемогущимъ двигателемъ всего дѣла. Въ Англіи и въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ судебное должностное лицо, производящее изслѣдованіе, находится въ положеніи совершеннаго безпристрастія и не имѣетъ никакого повода раздражаться и принимать роль одной стороны. Поэтому при всѣхъ фазисахъ уголовнаго дѣлопроизводства, тамъ присутствуетъ чистая судебная власть, способная каждую минуту обсудить дѣло хладнокровно и направить его согласно съ здравымъ смысломъ и справедливостью. Очевидно, что этотъ порядокъ производства слѣдствія болѣе согласенъ съ требованіями правосудія и человѣческаго достоинства. Въ немъ не можетъ быть ни пристрастныхъ допросовъ, ни обращенія къ тѣмъ недобросовѣстнымъ средствамъ запутыванія и сбиванія допрашиваемыхъ, въ которыхъ нуждается слѣдственный порядокъ и которыя не приносятъ никакой пользы, а только безчестятъ правосудіе и вносятъ нравственную порчу въ его органы. Уважая человѣческое достоинство, англійское и сѣверо-американское судопроизводство не обращается ни къ физическому, ни къ нравственному *насилію* обвиняемыхъ. Оно считаетъ человѣка невиннымъ до тѣхъ поръ, пока преступленіе его не доказано ясно и положительно. Высоко уважая человѣческую свободу, оно не обращается къ нравственной пыткѣ и не обязываетъ никого сознаваться и быть собственнымъ своимъ обвинителемъ.

Главное положенiе англiйскаго судопроизводства: nemo se ipsum accusare tenetur представляетъ правило въ высшей степени разумное съ требованiями справедливости и практическаго смысла. Положенiе человѣка, приводимаго къ сознанiю ловкими допросами, представляетъ нравственную пытку, унижающую человѣческое достоинство и не ведущую ни къ какимъ полезнымъ результатамъ. Ловкiй и безстыдный мошенникъ всегда перенесетъ ее очень легко и ни въ чемъ не сознается, если противъ него не будетъ представлено очевидныхъ уликъ, на основанiи которыхъ онъ можетъ быть признанъ виновнымъ и безъ собственнаго сознанiя. Если же иногда и удается слѣдователямъ приводить обвиняемыхъ къ сознанiю посредствомъ ловкихъ изворотовъ и разныхъ хитростей, то случаи эти бываютъ очень рѣдко и ограничиваются лишь небольшимъ числомъ такихъ наивныхъ преступниковъ, безнаказанность которыхъ имѣетъ гораздо менѣе вредныхъ послѣдствiй, нежели нравственная порча судебныхъ органовъ, происходящая отъ обращенiя правосудiя къ недобросовѣстнымъ средствамъ. Самое употребленiе этихъ средствъ имѣетъ прямое влiянiе на пониженiе нравственнаго уровня лицъ, облеченныхъ судебною властью. Они дѣлаются чѣмъ-то въ родѣ сыщиковъ, ни мало не отличающихся въ нравственномъ отношенiи отъ людей, которыхъ они преслѣдуютъ. Между неутомимыми обличителями преступниковъ, обращающимися для достиженiя своей цѣли къ нравственной пыткѣ, лжи, обману и другимъ подобнымъ средствамъ, найдется очень мало людей, которые не были бы способны употребить тѣ же средства *для цѣлей, совершенно противоположныхъ*. Такова уже человѣческая натура. Притомъ, употребленiе этихъ средствъ отнимаетъ у народа всякое довѣрiе къ судебной власти и уничтожаетъ въ частныхъ лицахъ всякое желанiе помогать ей въ преслѣдованiи преступниковъ. Поэтому смѣло можно сказать, что допущенiе физическаго или нравственнаго насилiя лжи и обмана и другихъ подобныхъ средствъ, для вынужденiя сознанiя, большею частiю мѣшаетъ открытiю истины. Всякiй, кто производилъ слѣдствiя или передопросы инквизиторiальнымъ порядкомъ, очень хорошо понимаетъ унизительное положенiе судебныхъ должностныхъ лицъ, поставленныхъ въ необходимость приводить преступника къ сознанiю ловкими изворотами, ложью и нравственною пыткою. Если человѣкъ, занимающiй подобную должность, не потерялъ совершенно нравственнаго чутья, то онъ не можетъ исполнить этой обязанности безъ крайняго отвращенiя. Извинять эти средства необходимостью обнаруженiя истины рѣшительно не можетъ никакая совѣсть. Судъ, обращающiйся къ этимъ

средствамъ теряетъ всякое значеніе органа правосудія и превращается въ орудіе личнаго произвола, дѣйствующаго ложью и насиліемъ.

VII.

Необходимость единогласія вердикта присяжныхъ.

Въ 89-й статьѣ основныхъ положеній уголовнаго судопроизводства говорится, что присяжные засѣдатели разрѣшаютъ предложенные имъ вопросы не единогласно, а по большинству голосовъ. По нашему мнѣнію, такое правило находится въ прямомъ противорѣчіи съ понятіемъ суда присяжныхъ и можетъ привести къ весьма вреднымъ послѣдствіямъ. Высказанное нами убѣжденіе основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ.

1) Присяжные, рѣшающіе дѣло по внутреннему убѣжденію, являются представителями народной совѣсти, которая непремѣнно должна быть единою и не допускаетъ разныхъ воззрѣній. Если въ средѣ присяжныхъ происходитъ разногласіе, то это значитъ, что приговоръ ихъ не можетъ считаться *совершенно сознательнымъ*. Самое разнорѣчіе ихъ даетъ поводъ сомнѣваться въ правильности выражаемыхъ ими мнѣній. Оно доказываетъ, что дѣло еще не доведено до той степени ясности, которая необходима для положительнаго обвиненія или оправданія подсудимаго. Поэтому приговоръ присяжныхъ, объявляемый по большинству голосовъ, не можетъ считаться чистымъ выраженіемъ народной совѣсти и служить основаніемъ для рѣшенія дѣла, отъ котораго зависитъ честь и свобода человѣка.

2) При судѣ присяжныхъ, самая важная гарантія правосудія состоитъ въ томъ, что предлагаемые вопросы разрѣшаются не иначе, какъ вслѣдствіе общаго совѣщанія многихъ безпристрастныхъ лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ классамъ общества и разнородныхъ по образу мыслей и степени образованія. Между тѣмъ, правило о разрѣшеніи вопросовъ по большинству голосовъ совершенно устраняетъ необходимость этого совѣщанія. Когда законъ не требуетъ единогласнаго приговора, а ограничивается лишь счетомъ голосовъ, тогда присяжнымъ *нѣтъ никакой надобности* совѣщаться между собою. Имъ достаточно объявить ихъ личныя мнѣнія и сосчитать, сколько каждое изъ нихъ имѣетъ голосовъ. Поэтому очевидно, что при допущеніи большинства голосовъ уничтожается самая важная гарантія правосудія.

3) При единогласномъ рѣшеніи вопросовъ, каждый присяжный чувствуетъ на себѣ гораздо *болѣе нравственной отвѣтственности*, нежели при рѣшеніи ихъ по большинству голосовъ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ не признаетъ за своимъ голосомъ большаго значенія. Въ коллегіальныхъ мѣстахъ и собраніяхъ, рѣшающихъ по большинству голосовъ, намъ приходилось очень часто слышать отговорку: „развѣ рѣшеніе дѣла отъ меня зависѣло: я объявилъ только мое мнѣніе“. Такимъ образомъ, при этомъ порядкѣ, всякій безхарактерный человѣкъ имѣетъ полную возможность, впослѣдствіи, протестовать противъ собственнаго своего рѣшенія. Неминуемыми слѣдствіями этого правила явится малодушное потворство преступленіямъ значительныхъ людей и отсутствіе между лицами, рѣшающими дѣло, той солидарности, которая необходима для нравственной силы судебныхъ рѣшенія. Всѣ будутъ видѣть, что дѣла рѣшаются не судомъ, а извѣстными лицами. Поэтому приговоры присяжныхъ, составленные по большинству голосовъ, вообще не могутъ внушать довѣрія, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда на сторонѣ меньшинства оказываются лица, отличающіяся особыми достоинствами и пользующіяся общимъ уваженіемъ. Поэтому правило о рѣшеніи вопросовъ присяжными по большинству голосовъ, ведетъ прямо къ нравственной ихъ порчѣ и къ потерѣ уваженія къ этому органу правосудія.

4) Говорятъ, что требованіе отъ присяжныхъ единогласныхъ отвѣтовъ на предлагаемые имъ вопросы не согласно съ началомъ постановленія рѣшенія по совѣсти, на томъ основаніи, что при такомъ законѣ были бы неизбѣжны случаи, въ которыхъ, для составленія единогласнаго рѣшенія, присяжнымъ пришлось бы отступать отъ своего убѣжденія и соглашаться съ мнѣніемъ, въ справедливости котораго они сомнѣваются. Мы полагаемъ, что это возраженіе не можетъ выдержать строгой критики. Очевидно, что оно основывается на ложномъ пониманіи значенія присяжныхъ и условій, представляемыхъ дѣйствительною жизнью. Присяжные не являются только представителями одихъ личныхъ индивидуальныхъ мнѣній. Если бы это было такъ, то надобно было бы признать, что рѣшенія ихъ не имѣютъ никакого твердаго основанія, а зависятъ исключительно отъ одного случая, представляющаго для обсужденія дѣла присяжныхъ извѣстнаго образа мыслей. Въ такомъ случаѣ приговоры ихъ представляли бы постоянное противорѣчіе между собою и не могли бы возбуждать ни малѣйшаго довѣрія. Но въ дѣйствительности мы видимъ совершенно другое. Судъ присяжныхъ считается въ настоящее время лучшимъ органомъ правосудія.

Между тѣмъ, самое понятіе о правосудіи исключаетъ допущеніе разныхъ мѣрилъ для опредѣленія виновности или невинности подсудимыхъ. Изъ этого одного уже слѣдуетъ, что совѣсть, служащая основаніемъ для рѣшенія присяжныхъ, *не можетъ считаться чьмъ-то зависящимъ отъ индивидуальнаго образа мыслей* тѣхъ лицъ, которыя попали случайно въ число присяжныхъ. Если бы было иначе, то судъ присяжныхъ представлялъ бы для правосудія гораздо менѣе обезпеченій, нежели учрежденія, рѣшающія дѣла по извѣстной, напередъ заданной, теоріи доказательствъ. Но въ дѣйствительности судъ присяжныхъ вовсе не имѣетъ такихъ недостатковъ. Напротивъ, все превосходство этого учрежденія передъ другими органами правосудія именно въ томъ и состоитъ, что его рѣшенія основываются на болѣе ясныхъ и болѣе сознательныхъ началахъ. Если приговоры присяжныхъ не основываются на логическихъ выводахъ изъ сличенія фактовъ съ извѣстною теоріею доказательствъ, то это не значитъ, чтобы судъ присяжныхъ могъ руководиться одними индивидуальными впечатлѣніями и отвергать помощь общихъ законовъ человѣческаго мышленія. Тогда бы онъ былъ судомъ по чувству, а не по убѣжденію. Напротивъ, главное достоинство суда присяжныхъ состоитъ въ томъ, что рѣшенія его нисколько *не зависятъ отъ личнаго образа мыслей* и характера лицъ, произносящихъ приговоры. Присяжные судятъ по очевидности и выводятъ изъ нея заключенія на основаніи общихъ законовъ человѣческаго мышленія. Понятно, что очевидность не можетъ быть спорнымъ вопросомъ для тѣхъ лицъ, которыя не страдаютъ особыми недостатками органовъ физическаго и нравственнаго зрѣнія. Точно такъ же и выводы изъ очевидныхъ доказательствъ, дѣлаемые на основаніи общей человѣческой логики, должны быть одни и тѣ же у всѣхъ людей, имѣющихъ здравый смыслъ. Если же въ средѣ присяжныхъ происходитъ непримиримое разногласіе, то это показываетъ, что дѣло не доведено до той степени ясности, которая называется очевидностью, и, слѣдовательно, не представляетъ достаточныхъ доказательствъ для разрѣшенія извѣстныхъ вопросовъ. Но въ большей части случаевъ такого разногласія не бываетъ. Если и возникаетъ между присяжными какое либо сомнѣніе, то оно обыкновенно разрѣшается при общемъ ихъ совѣщаніи путемъ разумнаго убѣжденія.

Люди, хорошо знакомые съ ходомъ судебныхъ дѣлъ въ Англіи, удостовѣряютъ, что въ большей части случаевъ присяжные приходятъ къ единогласному рѣшенію послѣ самаго краткаго совѣщанія, что же касается до разногласія, то оно бываетъ очень рѣдко, потому что внимательное совокупное

обсужденіе вопросовъ и разумныя убѣжденія судьи почти всегда приводятъ присяжныхъ къ соглашенію. Это иначе и быть не можетъ въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ необходимость общихъ совѣщаній присяжныхъ не устраняется правиломъ о рѣшеніи дѣлъ по счету голосовъ. Въ очевидности нѣтъ спора. Если и происходятъ относительно ея какія либо недоразумѣнія, то причина ихъ состоитъ въ томъ, что не всѣ люди одарены одинаковою способностью замѣчать явленія и понимать ихъ дѣйствительный смыслъ. При одинаковыхъ критеріумахъ зрѣнія и пониманія, у однихъ эти способности сильнѣе, у другихъ слабѣе. Но вся разница въ этомъ отношеніи заключается лишь въ томъ, что одинъ понимаетъ вещи быстрѣе и яснѣе, нежели другой. Очень можетъ быть, что человѣку, не одаренному особыми способностями, нѣкоторыя жизненныя явленія представляются сначала вовсе не въ томъ видѣ, какъ они существуютъ, но это нисколько не мѣшаетъ ему понять дѣйствительный ихъ смыслъ, когда онъ потрудится сообразить свое личное мнѣніе съ мнѣніями другихъ и внимательно обсудить ихъ возраженія. Случается иногда и то, что человѣкъ, обладающій огромною проницательностью, бываетъ неспособенъ замѣтить и понять явленія, для всѣхъ очевиднаго. Это очень часто происходитъ отъ временнаго расположенія духа или отъ исключительнаго устремленія всего вниманія на одну какую нибудь сторону дѣла, вслѣдствіе чего всѣ остальныя его стороны дѣлаются невидимыми. Но все это нисколько не мѣшаетъ людямъ сходиться въ рѣшеніи дѣла, когда оно должно быть основано на очевидности, равно всѣмъ доступной и понятной. Въ этомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о необходимости соглашаться съ мнѣніемъ, въ справедливости котораго имѣется какое либо сомнѣніе. Присяжный, твердо увѣренный въ справедливости своего мнѣнія, никогда отъ него не отступитъ, и это можетъ случиться только съ тѣмъ, кто самъ не ясно сознаетъ справедливость своего мнѣнія или не имѣетъ достаточной силы воли, чтобы твердо защищать его. Но всѣ эти неспособные, безсильные и безхарактерные люди дѣлаются гораздо опаснѣе при рѣшеніи дѣла по большинству голосовъ. Тогда они могутъ безпрепятственно упорствовать въ своихъ ошибкахъ или подавать свои голоса на основаніи соображеній, не соотвѣтствующихъ цѣлямъ правосудія. На возраженія они и отвѣчать не станутъ. Если не требуется единогласнаго рѣшенія, то зачѣмъ же и разсуждать; всякій можетъ подавать голосъ, какой онъ хочетъ. При рѣшеніи по счету голосовъ, усиливается самое значеніе людей нравственно-слабыхъ. При этомъ порядкѣ во многихъ случаяхъ пріобрѣтеніе одного

такого голоса имѣетъ рѣшительное вліяніе на окончательный исходъ дѣла. Такимъ образомъ, рѣшеніе по счету голосовъ отдаетъ судъ преимущественно въ руки людей неспособныхъ, безхарактерныхъ и безнравственныхъ.

5) Еще возражаютъ, что если одинъ голосъ останавливаетъ осужденіе, признаваемое справедливымъ совокупностью одиннадцати голосовъ, то уже не можетъ быть никакого равновѣсія между огражденіями отъ опасности неосновательныхъ осужденій и столь же необходимыми огражденіями отъ опасности потворства явнымъ преступникамъ. Признаемся, мы не понимаемъ этихъ опасеній. Мы увѣрены, что, при публичномъ производствѣ и въ особенности при единогласномъ рѣшеніи, ни одинъ присяжный не рѣшится потворствовать явному преступнику и отдать себя на позоръ общественнаго мнѣнія. Если и могутъ быть такіе случаи, то развѣ очень рѣдко и поэтому на нихъ нельзя разсчитывать. Напротивъ, упорство одного лица противъ одиннадцати, при публичномъ судопроизводствѣ, служитъ лучшимъ доказательствомъ особой твердости его убѣжденія. Люди такъ созданы, что рѣдкій согласится выйти изъ толпы одинъ и публично объявлять отдѣльное мнѣніе, если онъ не имѣетъ особенно яснаго сознанія его справедливости. Но въ этомъ случаѣ нельзя не признать, что для рѣшенія вопроса не имѣется той очевидности, которая не допускала бы никакого сомнѣнія, и что при этомъ недостаткѣ достовѣрности гораздо лучше оправдывать подсудимыхъ, нежели присуждать къ наказанію. Наконецъ, случайное упорство одного или двухъ присяжныхъ не можетъ имѣть особенно вредныхъ послѣдствій и вести къ совершенной безнаказанности явныхъ преступниковъ, потому что въ такомъ случаѣ обвинительная власть имѣетъ полную возможность преслѣдовать ихъ снова передъ судомъ при другомъ составѣ присяжныхъ, какъ это дѣлается въ Англіи и Сѣверо-Американскихъ штатахъ. Изъ всего этого видно, что вышеприведенное возраженіе не имѣетъ никакой силы и въ особенности не можетъ имѣть личнаго значенія въ томъ государствѣ, гдѣ уже сто лѣтъ существуетъ общее правило, что лучше освободить отъ наказанія десять виновныхъ, нежели наказать одного невиннаго (указъ Екатерины II 10 февраля 1763 года, вошедшій въ Св. Закон., Т. XV, ч. 2, ст. 311).

6) Неправильность рѣшенія по большинству голосовъ доказывается уже тѣмъ, что при допущеніи его не имѣется никакихъ разумныхъ основаній для опредѣленія числа голосовъ, необходимаго для составленія приговора. Разъ допустивъ это правило, законодательство вступаетъ въ темную область чисто произвольныхъ заключеній, изъ которыхъ нѣтъ

никакого разумнаго выхода. Поэтому въ средѣ защитниковъ системы рѣшенія по большинству голосовъ и въ государствахъ, гдѣ такая система принята, существуетъ совершенная разноголосица. Одни защищаютъ абсолютное большинство, другіе — три четверти, третьи — десять и даже одиннадцать двѣнадцатыхъ. Одна Франція въ теченіе пятидесяти лѣтъ перепробовала всѣ числа отъ 7 до 10, и все-таки ея суды, по общему мнѣнію, хуже англійскихъ. Въ Шотландіи, гдѣ судъ состоитъ изъ 15 присяжныхъ, признается простое большинство. Въ нѣкоторыхъ Сѣверо - Американскихъ штатахъ, въ которыхъ допускается большинство голосовъ, для осужденія требуется не менѣе трехъ четвертей. Въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ напримѣръ, на островѣ Мальтѣ, допускается большинство голосовъ, но для присужденія къ смертной казни требуется единогласное рѣшеніе. Однимъ словомъ, этому разнообразію нѣтъ конца *). Очевидно, что здѣсь не на чемъ остановиться, потому что всѣ числа являются одинаково произвольными и бездоказательными. Относительно всѣхъ этихъ числовыхъ соображеній можно сказать только то, что простое большинство представляетъ для правосудія гораздо менѣе обезпеченій, нежели относительное, и что степень огражденія отъ опасности неосновательныхъ осужденій находится въ прямомъ отношеніи къ количеству голосовъ, требующихся закономъ для составленія приговора. Спрашивается, какое же большинство слѣдуетъ придумать для того государства, въ которомъ признавалось общее правило, что лучше освободить десять виновныхъ, нежели наказать одного невиннаго? Неужели ограничиться случайнымъ перевѣсомъ одного или двухъ голосовъ? Если у насъ неупотребительна смертная казнь, то неужели лишеніе правъ состоянія и ссылка на долгій срокъ въ каторжную работу или на поселеніе не отнимаютъ у человѣка всей его жизни? Что же намъ дѣлать? Если мы примемъ простое большинство голосовъ, то мы, очевидно, отдадимъ правосудіе въ руки слѣпаго случая. При этомъ правилѣ достаточно подѣйствовать на одного слабаго присяжнаго убѣжденіями или угрозами, чтобы наказать невиннаго или оправдать явнаго преступника. Если же мы примемъ разныя относительныя большинства, соотвѣтствующія важности преступленій и мѣрѣ наказаній, то мы не только не устранимъ вышеупомянутыхъ неудобствъ единогласнаго рѣшенія, но даже вызовемъ новыя важнѣйшія затрудненія. При допущеніи всякаго относительнаго большинства, присяжные могутъ объявлять мнѣнія, противныя ихъ совѣсти, еще легче и удобнѣе, нежели при единогласныхъ рѣшеніяхъ. Въ этомъ

*) Biener. Das englische Geschwornengericht. II, § 56.

случаѣ все-таки не будетъ солидарности въ составѣ присяжныхъ и той полной отвѣтственности ихъ передъ общественнымъ мнѣніемъ, какая существуетъ при необходимости согласиться и объявить одно мнѣніе отъ лица всѣхъ присяжныхъ. Между тѣмъ, объявлять несправедливыя мнѣнія въ одиночку и безъ объясненія причинъ гораздо легче, нежели высказывать ихъ тогда, когда предстоитъ необходимость защищать ихъ передъ своими товарищами. Очень часто нравственное значеніе высказаннаго мнѣнія можетъ обнаружиться только вслѣдствіе спора. Притомъ, къ счастію, на свѣтѣ очень мало людей, которые обладаютъ особымъ діалектическимъ талантомъ и способностью защищать несправедливыя мнѣнія съ сохраненіемъ своего видимаго достоинства. Поэтому очевидно что всякій присяжный, съ кривою душою или безхарактерный, во всякомъ случаѣ скорѣе рѣшится поступить не по совѣсти, если онъ можетъ ограничиться односложнымъ отвѣтомъ или присоединиться къ чужому знамени. Что же касается до общественнаго мнѣнія, то оно ни мало его не безпокоитъ. При рѣшеніи по большинству голосовъ онъ можетъ удобно употребить общую отговорку коллегіальныхъ лицъ, что приговоръ не отъ него зависѣлъ; а если ужъ потворство слишкомъ очевидно, то онъ имѣетъ въ будущемъ много времени для того, чтобы придумать какія либо причины недоразумѣнія и выдать подачу своего голоса за неумышленную ошибку. Такимъ образомъ, и дѣло сдѣлано, и приличія соблюдены. Кажется, что очевидность этихъ соображеній не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ.

7) Наконецъ, долголѣтній опытъ тѣхъ странъ, въ которыхъ существуетъ судъ присяжныхъ съ непремѣннымъ условіемъ единогласнаго рѣшенія, совершенно убѣждаетъ насъ, что это требованіе не представляетъ никакихъ важныхъ практическихъ неудобствъ. Правда, что въ Англіи было время, когда единогласныя рѣшенія представляли множество затрудненій и когда судьи прибѣгали для соглашенія присяжныхъ къ разнымъ мѣрамъ, которыя нельзя вспомнить безъ крайняго отвращенія. Но все это было во время господства деспотизма и насилія. Судьи, не дававшіе присяжнымъ ѣсть и пить, пока они не согласятся, или сажавшіе въ тюрьму присяжныхъ, не согласившихся съ товарищами, большею частію употребляли эти средства для того, чтобы вынудить рѣшеніе, какое имъ хотѣлось. Въ настоящее время не осталось и слѣдовъ этихъ затрудненій. При нынѣшнихъ судьяхъ, отличающихся особымъ знаніемъ дѣла и пользующихся общимъ довѣріемъ, въ рѣдкомъ случаѣ между присяжными происходитъ такое разногласіе, которое не удается уничтожить немедленно путемъ

разумнаго убѣжденія. Если же и случается непримиримое разногласіе, то дѣло не представляетъ никакихъ затрудненій, потому что по правилу, узаконенному въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ и вошедшему въ обычай въ Англіи, при разногласіи, дѣла оканчиваются съ предоставленіемъ обвинителямъ *преслѣдовать ихъ вновь передъ судомъ при другомъ составѣ присяжныхъ.* Что этотъ порядокъ рѣшенія дѣлъ не представляетъ въ Англіи особыхъ практическихъ неудобствъ, доказывается уже тѣмъ, что, несмотря на неоднократныя попытки отмѣнить его, большинство юристовъ-практиковъ и государственныхъ людей всегда высказывалось въ его пользу. Когда въ 1845 году собиралась особая коммиссія свѣдущихъ людей для обсужденія этого вопроса, то весьма небольшое число юристовъ объявило себя противъ единогласія и приводило въ основаніе тѣ самыя возраженія, которыя мы уже разбирали, но, несмотря на то, огромное большинство высказалось въ пользу сохраненія стараго порядка, удостовѣряя, что всѣ факты, приводимые въ доказательство его негодности, или не такъ поняты, или случаются чрезвычайно рѣдко *). Кажется, что подобный приговоръ огромнаго большинства юристовъ, практически знакомыхъ со всѣми выгодами и недостатками учрежденія, можетъ служить лучшимъ ручательствомъ превосходства единогласныхъ рѣшеній передъ составленіемъ ихъ по счету голосовъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ, мы полагаемъ, что у насъ необходимо принять за правило, чтобы вопросы, предлагаемые нашимъ присяжнымъ, разрѣшались ими не иначе, какъ единогласно Кромѣ всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній, въ необходимости этого насъ убѣждаетъ и то обстоятельство, что приговоры по большинству голосовъ совершенно противорѣчатъ духу нашего народа, который не допускаетъ никакихъ рѣшеній, кромѣ единогласныхъ. Всякому, кто близко знакомъ съ нравами и обычаями нашихъ крестьянъ, хорошо извѣстно, что они, собираясь на сельскіе или волостные сходы, совсѣмъ не понимаютъ возможности рѣшать вопросы по числу голосовъ и считаютъ дѣло неоконченнымъ до тѣхъ поръ, пока всѣ не согласятся на чемъ либо одномъ. Если же эти люди не допускаютъ возможности рѣшать такимъ образомъ маловажныя хозяйственныя дѣла, то можно ли ожидать отъ нихъ уваженія къ разногласнымъ судебнымъ приговорамъ, которыми рѣшаются вопросы о чести и личной свободѣ человѣка? Намъ кажется, что уже одно это соображеніе должно заставить насъ принять сторону единогласія, которое и безъ того

*) Mittermaier. Das engl., schot. und nordamer. Strafverfahrn. 476.

представляется выгоднѣйшимъ и удобнѣйшимъ. Какой же будетъ у насъ судъ присяжныхъ, если онъ съ самаго начала возбудитъ къ себѣ общее недовѣріе огромнаго большинства?

Заключеніе.

Что касается до основныхъ положеній нашего будущаго судоустройства, то мы считаемъ нужныхъ ограничиться однимъ замѣчаніемъ. Существованіе особаго вѣдомства юстиціи, по представленіямъ котораго назначаются предсѣдатели и члены окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ (статьи 23 и 39), должно быть сильнымъ препятствіемъ къ осуществленію начала независимости судебной власти. Гдѣ уже есть вѣдомство, въ рукахъ котораго находится раздача мѣстъ, тамъ необходимо является и зависимость отъ него должностныхъ лицъ, имъ опредѣленныхъ. Если вѣдомство представляетъ къ назначенію въ должности, то въ его рукахъ находятся и *повышенія*. Такимъ образомъ, въ этомъ вѣдомствѣ сосредоточатся всѣ средства доставить такъ называемую судебную карьеру Притомъ, въ основныхъ положеніяхъ нигдѣ не говорится, чтобы лица, занимающія судебныя должности, не могли разсчитывать на особыя награды чинами, орденами, деньгами или недвижимыми имѣніями. Можетъ быть, вѣдомство юстиціи будетъ имѣть и эти особыя средства поощренія. Очевидно, что при такомъ порядкѣ всѣ суды и даже адвокаты очутятся въ совершенной зависимости отъ лицъ, располагающихъ судебной карьерой. Это такъ ясно, что не требуетъ дальнѣйшихъ разсужденій *).

Изложивъ наши соображенія объ основныхъ положеніяхъ судебной реформы, мы невольно приходимъ къ вопросамъ: чего же можно ожидать отъ нашихъ будущихъ судебныхъ учрежденій, какое мѣсто займутъ они въ средѣ другихъ государственныхъ и общественныхъ установленій и представятъ ли они достаточныя ручательства въ томъ, что правосудіе будетъ отправляться ими совершенно честно и нелицепріятно?

Отвѣчать на эти вопросы весьма затруднительно. Независимые и хорошіе органы правосудія не могутъ создаваться одними уставами судопроизводства и судоустройства. Такъ

*) Въ Англіи судебная независимость является совершенно обезпеченною. Во первыхъ, тамъ нѣтъ министра юстиціи. Во вторыхъ, тамъ нѣтъ никакого разсчета на карьеру. Въ третьихъ, тамошніе судьи даютъ присягу въ томъ, что они будутъ судить по правдѣ, не взирая ни на какое лицо, и ни кому ни откажутъ въ правосудіи даже и въ такомъ случаѣ, «если король будетъ требовать противнаго именнымъ повелѣніемъ». Притомъ, по господствующему старинному обычаю, судьи могутъ явиться ко двору *одинъ только разъ* для представленія. Gneist I. 495.

какъ судебныя учрежденія не являются чѣмъ-то внѣшнимъ, не отъ міра сего сущимъ, то существованіе ихъ, такъ же какъ и прочихъ учрежденій, необходимо обусловливается общимъ состояніемъ среды, въ которой они дѣйствуютъ. Поэтому особыя постановленія о судопроизводствѣ и судоустройствѣ могутъ получить жизнь и дѣйствительное значеніе лишь на столько, на сколько они соотвѣтствуютъ общему строю народной жизни. При извѣстныхъ условіяхъ, существованіе независимаго и нелицепріятнаго суда точно такъ же невозможно, какъ существованіе гласности безъ права свободной рѣчи или публичности безъ публики. Поэтому дѣйствительное осуществленіе какихъ либо началъ судопроизводства зависитъ не столько отъ правилъ судебнаго устава, сколько отъ тѣхъ условій, которыя представляются общимъ строемъ государственной жизни. Если же сообразить внимательно всѣ условія, необходимыя для существованія хорошаго суда, то ихъ окажется очень много. Знатокъ по этой части, Миттермайеръ, очень хорошо объясняетъ этотъ вопросъ въ своемъ историческомъ очеркѣ англійскаго судопроизводства, а потому мы находимъ не лишнимъ привести его слова.

„Исторія Англіи", говоритъ онъ, „поучаетъ насъ, что народъ можетъ наслаждаться справедливымъ судомъ, обезпечивающимъ общественный порядокъ, силу законовъ и личную свободу гражданъ, только въ томъ случаѣ, когда правительство уважаетъ права народа и относится къ нимъ честно, добросовѣстно и безъ всякихъ заднихъ мыслей или своекорыстныхъ видовъ; когда оно твердо держится законовъ и вполнѣ увѣрено, что всякая его попытка уклониться отъ нихъ встрѣтитъ сильное сопротивленіе не только со стороны всего общества, но даже и со стороны тѣхъ лицъ, въ содѣйствіи которыхъ оно нуждается для исполненія своихъ намѣреній; когда всѣ должностныя лица проникнуты сознаніемъ своего долга и строго держатся законовъ, будучи твердо увѣрены, что всякое уклоненіе отъ нихъ влечетъ за собою неминуемую тяжкую отвѣтственность; когда судьи столько же уважаютъ частное право, какъ и государственное, когда они ничего не боятся и ни на что не надѣются, и убѣжденія ихъ не зависятъ отъ воли другихъ; когда въ цѣломъ народѣ развиты чувства уваженія къ законамъ, сознанія своихъ правъ и гражданскаго мужества, необходимаго для ихъ защиты, и, наконецъ, когда всякое оскорбленіе частныхъ правъ одного гражданина чувствуется всѣми, какъ явленіе, угрожающее общей безопасности" *).

*) Mittermaier. Engl., schot. und. nordam. Strafv., 2.

Таковы условія, необходимыя для существованія справедливаго суда. Въ какой мѣрѣ они представляются нашей жизнью, мы не беремся судить въ настоящее время. Этотъ вопросъ такъ сложенъ, что выходитъ изъ предѣловъ нашей статьи. Но несмотря на то, какъ бы этотъ вопросъ ни разрѣшился, мы твердо убѣждены, что нашъ публичный судъ присяжныхъ будетъ лучшею политическою школою для народа и вѣрнѣйшимъ средствомъ для его развитія.

ПОДОХОДНЫЙ НАЛОГЪ, КАКЪ ОСНОВА РАЦІОНАЛЬНОЙ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ.

*(Извлеченіе изъ статьи А. М. Унковскаго „О преобразованіяхъ по части прямыхъ налоговъ", напечатанной въ № 5 Соврем. за 1863 г. *).*

Давно уже замѣчено многими, что требованія высшей правды, въ практическомъ ихъ приложеніи, совершенно сходятся съ требованіями истинныхъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ. То, *что, справедливо, всегда бываетъ выгодно, и на оккротъ,* все, что выгодно, всегда бываетъ справедливо. Конечно, здѣсь разумѣются истинные человѣческіе интересы, а не тѣ призрачныя выгоды, которыя большею частію являются обыкновенными двигателями дѣйствій отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ.

Какъ въ исторіи, такъ и въ современной жизни, мы видимъ, что отдѣльные люди и цѣлыя общества дѣйствуютъ очень часто наперекоръ своимъ истиннымъ выгодамъ и съ большимъ трудомъ приходятъ къ сознанію своихъ собственныхъ, дѣйствительныхъ интересовъ. Между тѣмъ, мы замѣчаемъ, что всякое уклоненіе отъ пути, ведущаго къ достиженію истинныхъ выгодъ, представляетъ такое же уклоненіе и отъ высшихъ нравственныхъ началъ. Достаточно вспомнить, что всѣ несправедливости общественнаго устройства разныхъ народовъ всегда оказывались противорѣчащими истиннымъ интересамъ какъ цѣлыхъ обществъ, такъ

---

*) Печатаемое извлеченіе имѣетъ помимо своего содержанія, и значительный біографическій интересъ, раскрывая политико-нравственное міросозерцаніе А. М. Унковскаго и отчасти служа комментаріемъ къ его плодотворной общественной дѣятельности. Унковскій не разъ говаривалъ что противники освобожденія крестьянъ возставали противъ него столько же и даже больше по невѣжеству и тупости, сколько и по своекорыстнымъ побужденіямъ.—Кромѣ того статья не лишена и современнаго интереса въ виду стоящаго на очереди вопроса о введеніи подоходнаго налога.

и тѣхъ лицъ, въ пользу которыхъ онѣ совершались. Такимъ образомъ окончательные *практическіе выводы изъ идей такъ называемаго высшаго порядка совершенно совпадаютъ съ требованіями обыденной жизни.* Мы не имѣемъ никакого намѣренія обсуждать причины этого постояннаго совпаденія высшихъ нравственныхъ началъ съ удовлетвореніемъ человѣческихъ интересовъ и дѣлать какіе либо выводы объ относительномъ ихъ значеніи. Но мы вспомнили объ этомъ совпаденіи только потому, что оно нигдѣ не проявляется такъ ярко, какъ въ экономическомъ устройствѣ человѣческихъ обществъ. Обсуждая разныя системы государственныхъ податей и налоговъ, нельзя не придти къ тому заключенію, что чѣмъ равномѣрнѣе и справедливѣе налоги, тѣмъ менѣе они приносятъ вреда источникамъ народнаго богатства и болѣе даютъ государственному казначейству, и, наоборотъ чѣмъ несправедливѣе налоги и ихъ распредѣленіе, тѣмъ болѣе они вредятъ народному благосостоянію и менѣе даютъ средства для государственнымъ потребностей.

Ни въ одной сферѣ общественной жизни справедливость не является съ перваго взгляда до такой степени выгодною, какъ въ области финансоваго права. Здѣсь что ни шагъ къ справедливости, то выгода; что ни шагъ отъ нея, то убытокъ, и убытокъ, какъ для общественной казны, такъ и для частныхъ лицъ. И всѣ эти выгоды и убытки до такой степени очевидны, что ихъ можно сосчитать съ математическою точностію.

Такъ какъ единственный источникъ государственнаго дохода заключается въ доходахъ частныхъ лицъ, то само собою разумѣется, что справедливость требуетъ, чтобы каждый гражданинъ жертвовалъ государству суммы, соразмѣрныя съ его *чистыми доходами.* Того же самаго требуютъ и выгоды отдѣльныхъ гражданъ и всего государства. Если государственный доходъ составляется изъ суммъ, удѣляемыхъ изъ доходовъ частныхъ лицъ, то очевидно, что источники этихъ общихъ доходовъ одни и тѣ же. Это трудъ и капиталъ, единственные производители народнаго богатства, отъ величины которыхъ зависитъ самое количество общаго народнаго дохода. Собственные интересы народа и фиска требуютъ, чтобы налоги въ пользу общихъ государственныхъ цѣлей падали на чистый доходъ, *а не на его. источники*, потому что пораженіе налогомъ самихъ производителей (капитала и труда) влечетъ за собою пониженіе уровня матеріальнаго благосостоянія народа и, слѣдовательно, общее обѣднѣніе. Простой разсчетъ показываетъ, что справедливое распредѣленіе налоговъ между частными лицами, соразмѣрно количеству получаемыхъ ими

чистыхъ доходовъ, есть самое выгодное, какъ для всего общества, такъ и для государственнаго казначейства. Если налогъ выходитъ изъ предѣловъ той доли чистаго дохода, которую плательщикъ можетъ пожертвовать въ пользу государства безъ всякаго стѣсненія, то онъ уменьшаетъ его производительный фондъ и поражаетъ на будущее время самые источники его дохода. Въ этомъ случаѣ плательщикъ лишается части своего производительнаго капитала и теряетъ энергію къ труду. Неминуемымъ слѣдствіемъ подобнаго налога на самые источники народнаго богатства бываетъ то, что капиталы прячутся, количество труда уменьшается и производство останавливается, а съ тѣмъ вмѣстѣ уменьшается и цифра народнаго дохода. Изъ этого одного уже видно, что государство не можетъ пользоваться большими доходами отъ налоговъ, несоотвѣтствующихъ средствамъ податныхъ лицъ. Правительства, не соразмѣряющія налоги съ доходами плательщиковъ и распредѣляющія ихъ какъ попало, напр., поголовно или подворно, обыкновенно должны довольствоваться такою малою цифрою, которая не выходитъ изъ предѣловъ средствъ большинства бѣднѣйшаго населенія. Прямыя послѣдствія этихъ налоговъ заключаются въ томъ, что въ государственномъ казначействѣ постоянно недостаетъ средствъ для удовлетворенія государственныхъ потребностей и что въ будущемъ предвидятся еще большіе недочеты, потому что вся тяжесть налоговъ лежитъ исключительно на бѣднѣйшемъ и наиболѣе трудящемся народонаселеніи и разрушаетъ въ самомъ корнѣ главные источники народнаго благосостоянія. Такимъ образомъ, несправедливое распредѣленіе налоговъ влечетъ за собою явныя невыгоды для государственнаго казначейства и для большинства народонаселенія. Между тѣмъ, оно не приноситъ никакихъ выгодъ и тѣмъ лицамъ, въ пользу которыхъ, повидимому, установляется этотъ неправомѣрный порядокъ. Богатые люди, платящіе налоги, несоразмѣрно малые съ получаемыми ими доходами, такъ же какъ и привилегированныя лица, избавленныя вовсе отъ платежа податей, нисколько отъ этого не выигрываютъ. Ущербъ, происходящій для нихъ отъ этого неправомѣрнаго порядка вещей и сопряженнаго съ нимъ разстройства государственныхъ финансовъ, далеко превышаетъ ту видимую выгоду, которою они пользуются въ платежѣ податей передъ другими бѣднѣйшими классами народа. Прежде всего надобно сказать, что они несутъ извѣстныя матеріальныя потери, какъ потребители народныхъ произведеній. Такъ какъ неравномѣрные налоги, падающіе большею частію на самые производительные классы народа, останавливаютъ производство, то

само собою разумѣется, что отъ этого всѣ предметы потребленія становятся дороже, и дѣло приходитъ къ тому, что при этомъ порядкѣ вещей матеріальное благосостояніе большинства не поднимается, тогда какъ богатые и привилегированные классы, на одномъ уже возвышеніи цѣнности предметовъ потребленія, теряютъ почти столько же, сколько бы они заплатили налоговъ при справедливомъ распредѣленіи по количеству получаемыхъ доходовъ. Для того, чтобы убѣдиться въ справедливости этого заключенія, достаточно вспомнить, что никто не имѣетъ возможности производить или торговать съ постояннымъ убыткомъ; а потому всѣ налоги, вносимые производительными классами народа, необходимо причисляются къ продажной цѣнѣ предметовъ потребленія. Такимъ образомъ, богатые и привелегированныя лица, не смотря на видимое освобожденіе ихъ отъ соразмѣрныхъ пожертвованій для удовлетворенія общественныхъ потребностей, все-таки несутъ значительную долю государственныхъ расходовъ и пользуются только тѣмъ преимуществомъ, что уплачиваютъ эти суммы тайно и не имѣютъ никакого права считать себя гражданами, исполняющими общественныя обязанности. Сверхъ того, разстройство государственныхъ финансовъ, неизбѣжное при неравномѣрномъ распредѣленіи налоговъ, производитъ постоянный и ощущительный ущербъ въ ихъ имущественныхъ интересахъ.

Кажется, что этой истины не нужно доказывать. Всякій знаетъ и видитъ, что неудовлетворительное положеніе государственныхъ финансовъ влечетъ за собою неизбѣжныя потери для капиталистовъ и владѣльцевъ недвижимыхъ имѣній. Отечественный опытъ ясно доказываетъ совершенную солидарность между положеніемъ фиска и дѣлами частныхъ лицъ. Если счесть всѣ вышеупомянутыя потери богатыхъ и привилегированныхъ людей при неравномѣрномъ распредѣленіи налоговъ, то нельзя не придти къ положительному заключенію, что несправедливость въ дѣлѣ распредѣленія государственныхъ налоговъ вредитъ даже матеріальнымъ интересамъ тѣхъ лицъ, въ пользу которыхъ она совершается. Что же касается до общихъ невыгодъ этой несправедливости, то онѣ еще болѣе очевидны. Неравномѣрное распредѣленіе налоговъ между гражданами производитъ безпорядокъ въ экономической жизни цѣлаго народа и ведетъ къ случайному и неправомѣрному перемѣщенію имуществъ изъ однихъ рукъ въ другія. Поражая бѣдныхъ производителей болѣе нежели богатыхъ, налогъ даетъ вторымъ средства пользоваться огромною выгодою, тогда какъ первыхъ ведетъ къ потери всего капитала. Если бѣдный производитель обязывается платить ту же сумму налога, какую вносятъ и капиталисты, имѣю-

щіе обороты въ нѣсколько тысячъ разъ болѣе, то всѣ произведенія стоятъ ему гораздо дороже, нежели его богатымъ соперникамъ. Между тѣмъ, на основаніи общаго закона, состоящаго въ томъ, что на одномъ рынкѣ не можетъ существовать разныхъ цѣнъ, всѣ однородные предметы продаются по одной цѣнѣ, несмотря на различную стоимость ихъ производства. Если предлагаемое количество извѣстныхъ произведеній не превышаетъ требованія, то богатые производители поставленные въ болѣе выгодныя условія, пользуются огромными незаслуженными барышами, тогда какъ бѣднѣйщіе, получая ту же плату, едва покрываютъ издержки производства; если же количество предлагаемыхъ предметовъ превышаетъ требованіе, то вторые находятся въ необходимости сбывать же свои произведенія съ убыткомъ, тогда какъ первые, получая ту плату, не только не терпятъ никакого ущерба, но даже имѣютъ и нѣкоторую выгоду. Такимъ образомъ, неравенство условій производства всегда влечетъ за собою неправомѣрное, случайное перемѣщеніе цѣнностей изъ однѣхъ рукъ въ другія. Очевидно, что неравномѣрный налогъ еще болѣе усиливаетъ случайности этого несправедливаго перемѣченія капиталовъ и дѣйствуетъ всегда въ пользу нѣсколькихъ капиталистовъ и во вредъ огромному большинству потребителей и трудящагося народонаселенія. Поэтому, неравномѣрные налоги, уменьшая вознагражденіе небогатаго и наиболѣе производительнаго народонаселенія, лишаютъ трудъ необходимой энергіи и служатъ прямымъ *препятствіемъ* къ расширенію производства и развитію матеріальнаго благосостоянія. Наконецъ, неравномѣрные налоги, представляя явную несправедливость, возведенную на степень закона, отнимаютъ у общественнаго порядка всякое нравственное обезпеченіе. Большинство трудящагося народонаселенія, обремененное налогами, смотритъ съ естественнымъ недоброжелательствомъ на привилегированныхъ и богатыхъ людей, не исполняющихъ никакихъ обязанностей въ пользу государства или несущихъ бремя налоговъ, несоразмѣрно малое съ количествомъ получаемыхъ ими доходовъ. Такое положеніе вещей ведетъ къ совершенному разъединенію отдѣльныхъ классовъ народа, крайне невыгодному въ видахъ общаго блага, и, поселяя недовѣріе, къ общественному порядку, незамѣтно подтачиваетъ всѣ его основы. Не видя справедливости въ отношеніяхъ, освященныхъ общими законами, граждане мало-по-малу приходятъ къ мысли, что весь существующій общественный порядокъ основывается на одной несправедливости.

Такъ какъ, при этихъ условіяхъ, общественный порядокъ

не можетъ пользоваться сочувствіемъ со стороны большинства народонаселенія, то онъ находится въ зависимости отъ всѣхъ случайностей и, будучи всегда въ опасности, нуждается въ постоянномъ поддержаніи его внѣшнею силою и чрезвычайными мѣрами. Поэтому въ странахъ, гдѣ нѣтъ справедливаго распредѣленія государственныхъ обязанностей, никогда не можетъ быть политической свободы. Въ администраціи ихъ царствуетъ произволъ, въ большинствѣ ихъ народонаселенія господствуетъ крайняя бѣдность, а въ казначействахъ ихъ нѣтъ ничего, кромѣ длиннаго списка внѣшнихъ и внутреннихъ долговъ и отсутствія всякой надежды заплатить ихъ.

Всѣ эти мысли не представляютъ ничего новаго. Онѣ уже давно считаются *аксіомами* не подлежащими никакому спору и сомнѣнію. Но несмотря на то, что онѣ признаются вѣрными въ смыслѣ общихъ основаній для распредѣленія податей и налоговъ, практическое ихъ осуществленіе замедляется разными соображеніями, доказывающими ложное пониманіе личныхъ и общественныхъ интересовъ. Это ложное пониманіе собственныхъ выгодъ и служитъ главнымъ краеугольнымъ камнемъ, на которомъ укрѣпляются всѣ силы, враждебныя развитію человѣческихъ обществъ. Мы еще прежде сказали, что не имѣемъ никакого намѣренія дѣлать какіе либо выводы о значеніи нравственныхъ началъ и о причинахъ постояннаго совпаденія ихъ съ требованіями человѣческихъ интересовъ. Положимъ, что эти начала существуютъ сами по себѣ, независимо отъ условій человѣческой жизни, и что совпаденіе ихъ съ требованіями выгоды происходитъ единственно потому, что отъ хорошаго начала нельзя ожидать никакихъ дурныхъ послѣдствій. Но мы считаемъ нужнымъ только замѣтить, что исповѣданіе нравственныхъ началъ, какъ общихъ основныхъ идей высшаго порядка, не имѣетъ никакого вліянія на установленіе общественныхъ отношеній до тѣхъ поръ, пока люди, ихъ исповѣдающіе, не убѣждаются, что практическое приложеніе ихъ выгодно и полезно.

Это постепенно приходящее сознаніе собственныхъ выгодъ и приближаетъ человѣческія общества къ тому порядку вещей, который наиболѣе соглашается съ общими основаніями, носящими названіе высокихъ нравственныхъ истинъ. Сами же по себѣ нравственныя начала никогда не служатъ непосредственными руководителями въ дѣлѣ установленія общественныхъ отношеній. Хотя ихъ часто провозглашаютъ, но они не пользуются *дѣятельною вѣрой* (курс. подл.). Непосредственная причина уничтоженія какой либо несправедливости общественнаго быта всегда заключается въ сознаніи ея невыгодъ.

Изъ исторіи, и въ особенности новѣйшей, мы видимъ, что всѣ несправедливости общественныхъ отношеній исчезаютъ только тогда, когда большинство людей, имѣющихъ вліяніе на ходъ общественныхъ дѣлъ, убѣждается, что эти неправедныя отношенія положительно вредны имъ самимъ. Такимъ образомъ вездѣ уничтожались разныя историческія отношенія, противорѣчившія началу справедливости, какъ-то: рабство, крѣпостное право и т. п. По крайней мѣрѣ, мы не видимъ, что этимъ реформамъ соотвѣтствовало одновременно измѣненіе нравственнаго кодекса. Въ настоящее время выгодность приложенія высшихъ началъ справедливости въ дѣлѣ распредѣленія государственныхъ налоговъ уже не составляетъ спорнаго вопроса. Всѣ нынѣшнія правительства понимаютъ, что соразмѣрность налоговъ съ доходами податныхъ лицъ требуется не одною только справедливостью, но и дѣйствительными выгодами плательщиковъ и государственнаго фиска. Въ настоящее время уже стало очевиднымъ для всѣхъ и каждаго, что подати и налоги, соразмѣрные съ доходами податныхъ лицъ, менѣе обременительны и могутъ быть собираемы въ большемъ количествѣ и гораздо вѣрнѣе, нежели суммы, несоотвѣтствующія ихъ доходамъ. Поэтому правительства употребляютъ всѣ возможныя средства, чтобы достигнуть желаемой соразмѣрности налоговъ съ доходами, и если мы не видимъ до сихъ поръ совершеннаго осуществленія этой идеи, вполнѣ согласной съ началами высшей справедливости и требованіями общаго интереса, то это происходитъ отъ того, что правительства руководствуются разными посторонними соображеніями, построенными на ложныхъ основаніяхъ, и избѣгаютъ прямаго пути къ достиженію своей цѣли, считая его почему-то опаснымъ или неудобнымъ. Дѣйствительно, опредѣленіе всѣхъ частныхъ доходовъ, подлежащихъ налогу, кажется съ перваго взгляда чрезвычайно труднымъ и почти невозможнымъ. Но обсудивъ этотъ вопросъ внимательно, нельзя не придти къ положительному заключенію, что эта невозможность представляется только тогда, когда за это дѣло берется центральное правительство, которое, конечно, не можетъ имѣть никакихъ средствъ къ исполненію этой задачи на всемъ пространствѣ нынѣшнихъ государствъ. Но для мѣстныхъ обществъ этой невозможности вовсе не существуетъ. Въ средѣ небольшой общины эта задача уже значительно облегчается вслѣдствіе того, что опредѣленіе доходовъ производится на ограниченномъ пространствѣ общими силами лицъ, заинтересованныхъ въ справедливомъ распредѣленіи налоговъ и болѣе или менѣе знающихъ положеніе дѣлъ каждаго изъ своихъ сосѣдей. Подобное дѣло становится

еще легче, если подоходный налогъ, распредѣляемый мѣстными обществами, назначается для удовлетворенія мѣстныхъ же общественныхъ потребностей. Въ такомъ случаѣ податныя лица, производящія раскладку, являются заинтересованными не только въ справедливомъ распредѣленіи налога, но даже и въ правильномъ его употребленіи. Возможность введенія *чистаго подоходнаго налога* и распредѣленія его въ средѣ мѣстныхъ обществъ доказывается примѣрами Англіи и Америки.

Но несмотря на эти живые примѣры, правительства до сего времени не рѣшаются приступить къ коренной реформѣ въ распредѣленіи податей и налоговъ на основаніи началъ справедливости, именно потому, что исполненіе этой задачи является возможнымъ только при условіи предоставленія всего дѣла самимъ плательщикамъ. Имъ кажется, что такое расширеніе народныхъ правъ ведетъ къ потери ихъ собственнаго политическаго значенія. При этомъ правительства удерживаются отчасти и вліяніемъ высшихъ классовъ народа, которые, находясь ближе къ центрамъ власти, останавливаютъ ихъ въ этомъ дѣлѣ, воображая, будто бы несправедливое распредѣленіе налоговъ соотвѣтствуетъ ихъ выгодамъ. Важность предмета заставляетъ насъ повторить, что это мнѣніе основывается на ложномъ пониманіи собственныхъ интересовъ и общихъ законовъ экономической жизни. Всякій налогъ, хотя бы онъ лежалъ исключительно на низшихъ классахъ народа и нисколько не соотвѣтствовалъ средствамъ платящихъ, всегда стремится къ тому, чтобы упасть на чистые доходы гражданъ и распредѣлиться соразмѣрно ихъ количеству. Всякое лицо, неимѣющее средствъ для уплаты налога, естественно старается переложить слѣдующую съ него сумму на другихъ, прибавляя ее къ цѣнности своихъ произведеній. Если бы это постоянное стремленіе производителей не встрѣчало никакихъ препятствій, то налогъ распредѣлился бы сообразно съ началами справедливости. Въ такомъ случаѣ бюджетное распредѣленіе его осталось бы безъ всякихъ послѣдствій, и это было бы самымъ выгоднымъ результатомъ для высшихъ классовъ, въ пользу которыхъ устанавливается неравномѣрное распредѣленіе налоговъ. Но въ дѣйствительности послѣдствія бываютъ гораздо хуже. Такъ какъ всѣ граждане являются вмѣстѣ и производителями и потребителями чужихъ произведеній, то неравномѣрные налоги, увеличивая стоимость производства для людей, владѣющихъ небольшими средствами, отнимаютъ у нихъ всякую энергію труда и заставляютъ ихъ довольствоваться изготовленіемъ предметовъ первой необходимости для поддержанія своей жизни. Отъ этого въ госу-

дарствѣ напрасно гибнетъ огромное количество труда, и матеріальное благосостояніе большинства народонаселенія нисколько не возвышается; податныя лица обременяются налогами, превышающими ихъ средства; между тѣмъ суммы, вносимыя ими, далеко не соотвѣтствуютъ государственнымъ потребностямъ Такимъ образомъ, налоги, несоразмѣрные съ доходами платящихъ, поддерживаютъ бѣдность народной массы и не даютъ необходимыхъ средствъ для удовлетворенія общественныхъ потребностей. Притомъ для высшихъ и болѣе обезпеченныхъ классовъ народа представляются слѣдующія явныя невыгоды. Во-первыхъ, всѣ предметы, выходящіе изъ круга первыхъ потребностей, достаются гораздо дороже, такъ какъ производство ихъ затрудняется. На одномъ этомъ высшіе классы теряютъ гораздо болѣе тѣхъ суммъ, которыя они обязывались бы вносить при справедливомъ распредѣленіи налоговъ между всѣми гражданами. Во-вторыхъ, при обремененіи народа неравномѣрными налогами, общественныя кассы не изобилуютъ средствами для достиженія многихъ цѣлей, которыя могутъ достигаться лишь совокупными усиліями всего общества. Наконецъ, въ третьихъ, высшіе классы народа, избавленные отъ справедливаго участія въ общественныхъ повинностяхъ, никогда не пользуются сочувствіемъ народа и не могутъ быть увѣрены въ прочности своихъ имущественныхъ правъ, ибо при такихъ условіяхъ, какъ уже сказано выше, нельзя разсчитывать даже и на прочность самаго общественнаго порядка. Что же касается до боязни правительства предоставить опредѣленіе и раскладку налоговъ самимъ плательщикамъ, то она также не имѣетъ никакихъ основаній. Политическое значеніе правительства зависитъ болѣе всего отъ степени прочности общественнаго порядка и тѣхъ матеріальныхъ средствъ, которыми оно обладаетъ. Само собою разумѣется, что при пустомъ казначействѣ и постоянномъ страхѣ за будущность общественнаго порядка, можетъ существовать только правительство, неимѣющее никакой внутренней силы и поддерживаемое лишь до времени невѣжествомъ народа и другими случайными обстоятельствами.

Затѣмъ авторъ переходитъ къ вопросу о промысловыхъ налогахъ вообще и въ частности къ нашему закону 1-го января 1863 г. о правѣ торговли и промысловъ и признаетъ послѣдній несправедливымъ, а потому вреднымъ (см. стр. 2—25).

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Приложеніе 1-ое

Приложеніе 2-ое

2007231485